

ЧЕЛОВЕК-ТЕКСТ-ЭПОХА



# ЧЕЛОВЕК- ТЕКСТ- ЭПОХА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

---

# **ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА**

**Выпуск 4**

**Аналитические практики и перспективы  
современного источниковедения**



**ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА  
2011**

УДК 93/99 (093)

ББК 63.2

Ч 39

Редакторы:

д-р ист. наук Е.Е. Дутчак  
д-р ист. наук В.П. Зиновьев

Рецензенты:

д-р ист. наук А.Н. Жеравина  
д-р ист. наук С.Ф. Фоминых

**Человек** – текст – эпоха: Сб. науч. ст. и материалов. –  
ЧЗ9 Вып. 4: Аналитические практики и перспективы современного  
источниковедения / под ред. Е.Е. Дутчак, В.П. Зиновьева. –  
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 320 с.

ISBN 978-5-7511-1984-3

Настоящий выпуск посвящён проблемам современного источниковедения. В сборник включены исследования, строящиеся на традиционных и новаторских способах интерпретации исторического материала.

Для исследователей-гуманитариев, интересующихся теорией и практикой современного источниковедения, историей России XV–XX вв.

УДК 93/99 (093)

ББК 63.2

ISBN 978-5-7511-1984-3

© Томский государственный университет, 2011

Светлой памяти  
Елизаветы Васильевны Карих  
посвящаем эту книгу.

*Авторы*



## СОДЕРЖАНИЕ

<b>От редакторов .....</b>	<b>7</b>
<b>I. Источниковедение XXI в.: аналитические практики и исследовательские перспективы.....</b>	<b>15</b>
<i>Бочаров А.В.</i> Автоматизация обработки неструктурированной текстовой информации и перспективы гуманитарных наук в XXI в. ...	15
<i>Мамсик Т.С.</i> Новое прочтение известных текстов: декабрист И.И. Пущин и другие.....	38
<i>Чуркин М.К.</i> Проблема миграционной мобильности крестьянства в контексте литературно-публицистической интерпретации второй половины XIX в. (на материале рассказа С. Каронина «Куда и как они переселялись») .....	64
<i>Кладова Н.В.</i> Следственные дела репрессированных: проблема включения источника в научный оборот.....	70
<b>II. Социальные коммуникации через призму документа .....</b>	<b>84</b>
<i>Черкасова М.С.</i> Актовые источники о пирах и братчинах на Руси XV–XVII вв. ....	84
<i>Семенов О.В.</i> Верхотурская загонная книга 1693/94 г. («лялинский отпуск») как источник по истории ямской гоньбы на территории Зауралья и Западной Сибири .....	103
<i>Рахимов Р.Н.</i> «Представления барона Игельстрема» как план реформирования Оренбургского корпуса .....	115
<i>Катионов О.Н.</i> «Историческая записка о иркутских геодезистах и навигацких учениках»: к вопросу о перспективах исследования.....	122

<i>Румянцев П.П.</i> «Свой мир, своя крепость»: Жизнь служащих на золотых промыслах в Сибири по материалам периодической печати конца XIX в. ....	139
<b>III. Казус: познавательные возможности микроистории</b> .....	151
<i>Азнабаев Б.А.</i> «Жалованная грамота» XVI в. башкиру Уранской волости .....	151
<u>Карих Е.В.</u> История одного кораблекрушения: эпизод из истории русско-американских отношений на Дальнем Востоке .....	158
<i>Шевцов В.В.</i> Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском .....	163
<i>Шиловский М.В.</i> Почему ушел в отставку томский городской голова А.И. Макушин?.....	182
<i>Баяндин В.И.</i> Незваные гости в сибирском доме (интервенты в Новониколаевске в годы Гражданской войны).....	191
<b>IV. Российское предпринимательство: особенности формирования, деятельности и менталитета</b> .....	204
<i>Устинов А.Л.</i> Заводовладелец и приказчик: анализ взаимоотношений (по материалам переписки Н.Н. Демидова с приказчиками Кыштымского и Каслинского заводов в последней четверти XVIII – начале XIX в.) .....	204
<i>Мельчакова О.А.</i> Источники по истории формирования коллекции минералов и руд Н.Н. Демидова в 1823–1827 гг. ....	220
<i>Бойко В.П.</i> Первый сибирский олигарх: предпринимательство и образ жизни чиновника и золотопромышленника Ф.А. Горохова .....	249
<b>V. Библейский текст и его интерпретаторы</b> .....	286
<i>Спесивцева В.А.</i> Интерпретация ветхозаветных бытийных сюжетов в изложении «Хроники всего света» Марчина Бельского .....	286
<i>Милевский О.А.</i> Текст Апокалипсиса в историософском наследии Л.А. Тихомирова .....	302
<b>Наши авторы</b> .....	317

## ОТ РЕДАКТОРОВ

Статус историка и истории в современном обществе складывается на пересечении как минимум двух тенденций разной природы и характера. Одна из них – наступление «эры массовой культуры» с присущим ей потребительским отношением к любого рода продукции, интеллектуальной в том числе. Видимо, с этим нужно связывать широкое распространение представлений о принципиальной неточности, политической ангажированности исторических исследований и, соответственно, *не*-трудности их проведения. Другая определяется общими закономерностями развития и функционирования науки, в частности естественным, природным сосуществованием в ее структуре двух типов знаний – современного и актуального, по терминологии М.Ф. Румянцевой.

Современное – это знание, бытующее в обществе, привычное для него главным образом потому, что получено оно в рамках хотя и устаревших/устаревающих, но еще вполне жизнеспособных парадигм. К актуальному же может быть отнесена лишь та его часть, которая «умеет» адекватно отвечать на вызовы времени: она обеспечивается активным исследовательским поиском и сопровождается выходом за пределы традиционных источников информации<sup>1</sup>.

К сожалению, есть все основания констатировать, что сегодня баланс сил между названными типами знаний разрушен – скорость формирования «актуальной» компоненты существенно отстает от текущих общественных процессов (модернизационных, глобализационных и пр.). Видимым показателем этого является общее «размывание» и фрагментация фундаментального исторического знания – проблема, осознанная на Западе еще в конце 1970-х гг. и все более отчетливо обнаруживающая себя в постсоветском пространстве<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См. подробнее: *Румянцева М.Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постмодерна // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2006. № 2(6). С. 5–17.

<sup>2</sup> См. об этом: *Ретина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: Ежегодник. 1997. М.,



Действительно, трудно не согласиться с тем, что «ширящееся число исторических исследований уже превратило прошлое во множество миров. Лишь влияние массового исторического сознания позволяет нам говорить о некоем общем прошлом. Прошлое, в действительности, стало путаницей, мульти-прошлым, зависимым от разных идеологических перспектив, интерпретируемым разным инструментарием, подгоняемым под разные шаблоны, выработанные несколькими десятками историографических школ»<sup>1</sup>.

Отказ признать, «заметить» проблему может иметь самые плачевные последствия для отечественной гуманитаристики в целом. Он лишь увеличивает уже имеющийся разрыв между пониманием научной корпорацией своего предназначения и потребностями социума. Если первая готова решать задачу реконструкции и объяснения *отдельных* сторон ушедшей или настоящей действительности и думать об объединении их в перспективе, то второму нужна *целостная* картина связи времен, этносов и государств «здесь и сейчас».

Преодоление разницы интересов не сводимо к вопросу о реформировании инфраструктуры гуманитаристики или возвращению института цензуры. Свобода научного поиска есть гарант социального развития, и наука, целью которой является получение достоверного и систематизированного знания о мире, не может быть подчинена только сиюминутным нуждам своих стран и правительств. Речь о другом – о познавательных моделях, снимающих зачастую искусственные барьеры между современным и актуальным знанием, и, следовательно, о социализации научной и образовательной «продукции» историка.

Наверное, нет смысла говорить о том, какими им следует быть. Набор «признаков», позволяющий истории окончательно не утратить одну из своих основных функций – функцию аккумуляции социальной памяти, не единожды описывался в литературе (здесь: междисциплинарность, антропоцентричность, системность, сочетание макро- и микроисторических подходов и т.д.). Представляется, что вопрос следует ставить иначе – кто или что сегодня может

---

1998. С. 29; Карнов С.П. Историческая наука на современном этапе: состояние и перспективы развития (в связи с 75-летним юбилеем истфака МГУ) // Новая и новейшая история. 2009. № 5. С. 21. См. также официальный сайт Международной ассоциации гуманитариев (МАГ): <http://www.mag-iah.com>.

<sup>1</sup> *Круглый стол* по книге О.М. Медушевой «Теория и методология когнитивной истории»: Выступление С.И. Маловичко // Российская история. 2010. № 1. С. 154.

быть генератором «актуального» знания. Иными словами, кто или что сохранит интеллектуальную преемственность поколений и одновременно создаст условия для генерирования новых форм познания прошлого?

Опыт развития российской исторической науки последних десятилетий показал, что жизнеспособная парадигма не строится «сверху» – теоретиками и историками науки. Их работы в силу абсолютной самодостаточности и изначальной ориентированности на определенную западную интеллектуальную традицию скорее становятся компендиумом имен и идей, чем полезным руководством при решении конкретных задач. Причины, по которым эти разделы, естественно, не всегда, но в подавляющем большинстве случаев, могут принимать такие формы, давно прояснены специалистами, известными не только теоретическими концепциями, но работами конкретно-исторического характера. Приведем лишь одно из представленных в обширной литературе суждений: «Историографы, как правило, интересуются движением идей или концепций исторических исследований, редко вникая в вопросы методики. Между тем, перефразируя известное изречение Маркса, можно сказать, что истинность той или иной интерпретации исторического события может быть подтверждена или поколеблена, если проверить правильность методики исследования. Это очень важно именно для исторической науки, где практика как критерий истины действует только опосредованно, если действует вообще. Мы слишком долго питались иллюзией, что правильные методологические позиции автора уже автоматически гарантируют истинность его исследования. Пришло время избавиться от этих иллюзий»<sup>1</sup>.

Вряд ли новая парадигма возникнет и «снизу» – ежедневно увеличивающийся массив монографий, диссертаций, статей не гарантирует, согласно известному закону диалектики, перехода из количества в качество. Дело здесь не в так называемой узости тем – стандартного «обвинения» историков-теоретиков в адрес коллег – «конкретчиков». Ракурс, который выбирает историк, по определению будет иметь четко очерченные границы, в противном случае нужно вести речь о других типах осмысления социальной реальности. Проблема заключена (видимо, здесь стоит согласиться с О.М. Медушевой) в самой специфике традиционного историописания

---

<sup>1</sup> Литвак Б.Г. Археография и историческое исследование // Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С. 3.

сания: «...неотделимое от массового повседневного исторического сознания, [оно] опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключаящего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка»<sup>1</sup>.

Есть ли выход из ситуации – почти по-ленински революционной – «верхи» не могут, «низы» не хотят, а политическая элита и общество, уставшие ждать от гуманитариев внятных шагов по конструированию национальной идентичности, уже не скрывают пренебрежительного отношения к ним?

Хочется верить, что есть. Во всяком случае, все более заметным становится вектор движения к источниковедческой парадигме методологии истории<sup>2</sup>. Представляется, что в этом движении скрыты чрезвычайно важные для будущего исторической науки тенденции.

Во-первых, источниковедческие дисциплины, создавшие целый арсенал методик работы с источниками информации разной природы, не единожды демонстрировали способность выступать своего рода «твердой скорлупой» гуманитарного знания и тем самым защищать его от произвольных, неподкрепленных конкретным материалом, экстраполяций<sup>3</sup>.

Однако для того, чтобы и в будущем эти свойства сохранялись, стоит иметь в виду немаловажное обстоятельство: любая кодифицированная методика, чтобы оставаться надежным средством по-

---

<sup>1</sup> Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 15.

<sup>2</sup> См., например: Юрганов А.Л. Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки // Россия XXI. 2003. № 3. С. 56–99; № 4. С. 64–85; *Круглый стол* по статье А.Л. Юрганова «Источниковедение культуры в контексте развития исторической науки» // Россия XXI. 2003. № 4. С. 86–133; *Кладова Н.В.* Проблемы исторического познания: источниковедческий аспект. Барнаул, 2006; Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010 и др.

<sup>3</sup> Примечательно, что в поддержку «охранительных» именно в таком смысле функций источниковедческих дисциплин на рубеже XIX–XX вв. высказывались В.О. Ключевский, А.А. Шахматов, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков. См. об этом: *Чирков С.В.* Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX в. М., 2005.

лучения новых данных и одновременно критерием качества научной продукции, периодически требует коррекции. Сейчас, когда серьезно усложнились представления о «ремесле историка» и от него требуется умение работать с архетипами, культурными символами и невербализованными настроениями, нельзя не принимать во внимание естественные пределы аналитических, позитивистских в своей основе, практик классического источниковедения.

Отсюда следует и вторая тенденция, а именно: уточнение, а возможно, унификация понятийного аппарата источниковедения. Не секрет, что зачастую как раз отсутствие конвенциональных терминов (в нашем случае – избыточное разнообразие трактовок понятия «исторический источник») не позволяет увидеть всю полноту стоящей за ним реальности.

И третья. История XX в. показала, что итоги развития науки не могут быть объективно оценены без учета того, как и почему изменяется сам исследователь. В этом смысле источниковедение как «научное пространство», где инвариантность исторического источника не препятствует поливариантности его интерпретаций, уже само по себе выступает основой прогнозирования интеллектуальной деятельности.

Смеем надеяться, что четвертый выпуск сборника статей и материалов «Человек – текст – эпоха» отражает в равной мере все указанные тенденции. Именно эту логику выстраивания потенциальных перспектив источниковедения как синтетической методологической основы отражает его структура.

Сборник открывает раздел «Источниковедение XXI в.: аналитические практики и исследовательские перспективы», в котором на диаметрально противоположном материале (литературный, автобиографический, эпистолярный текст и следственное дело) показано, в каком ключе возможна коррекция принятых и признанных источниковедческих методик. При очевидной разнице подходов к художественному произведению и эго-документу (Т.С. Мамсик, М.К. Чуркин) и репрессивному делопроизводству (Н.В. Кладова) особо отметим, что в обоих случаях речь идет о действиях исследователя, столкнувшегося при решении конкретно-исторической задачи с информационной ограниченностью традиционной документальной базы и вынужденного искать научно обоснованные процедуры получения так называемого внеисточникового знания.

Не менее редка сегодня и обратная ситуация – не дефицит сведений, а их избыточность. Она является закономерным продуктом функционирования «информационного пространства» как реальности особого свойства, к появлению которой гуманитаристика оказалась неготова. Мы рады предложить вниманию читателей модель тематического контент-анализа материалов СМИ, разработанную А.В. Бочаровым. Надеемся, что в очередных выпусках сборника нам удастся обсудить не только ее возможности, но более широкий круг проблем, связанный с путями раскрытия – пользуясь терминологией И.Д. Ковальченко – «явной» (выраженной) и «скрытой» (структурной) информации<sup>1</sup> исторических источников разного генезиса.

С вопросом качества и количества материалов, имеющихся в распоряжении историка, связан еще один аспект его реконструкций, а именно: «источниковая природа» двух старинных парадигм-конкурентов – «объясняющей» и «понимающей». С точки зрения источниковедения первая из них работает с чистыми эмпирическими данностями и потому имеет естественные пределы роста; вторая же, являющаяся продуктом сферы коммуникации, практически неисчерпаема.

В разделе, названном нами «Социальные коммуникации через призму документа», представлены исследования феномена коммуникаций не только в прямом (таком, как ямская гоньба), но и переносном значении слова. В последнем случае пиры и братчины северорусского крестьянина, интеграция родоплеменных институтов башкир в Российскую империю, подготовка «геодезистов и навигацких учеников» или корпоративные нормы служащих сибирских золотых приисков становятся прекрасной иллюстрацией афоризма-парадокса Э. Фромма – создание вторичных социальных связей относится к первичным потребностям человека.

В источниковедческом же смысле статьи этого раздела подтверждают закономерность развития письменной культуры, установленной историографией, – в Новое время государство утрачивает монополию на право фиксации необходимой для поддержания единства социума информации. В силу этого понятно, что и исторический научный дискурс, так или иначе связанный с изучением сферы коммуникаций разных хронологических периодов, будет

---

<sup>1</sup> См.: Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации // История СССР. 1982. № 3. С. 129–148.

строиться на принципиально разных основах – либо на базе источников, имеющих очевидное «государственное» происхождение (М.С. Черкасова, О.В. Семенов, О.Н. Катионов), либо с привлечением текстов, возникших по частной или общественной инициативе (Р.Н. Рахимов, П.П. Румянцев).

Авторы статей раздела «Казус: познавательные возможности микроистории» (Б.А. Азанбаев, Е.В. Карих, В.В. Шевцов, М.В. Шиловский, В.И. Баяндин), как нам представляется, отразили реалии сегодняшнего познания прошлого, а именно синтез старых и новых исследовательских стратегий. С одной стороны, «казусная история» сохраняет в себе характерную черту традиционных форм историописания, когда через прецедент-конфликт высвечивается необходимое для обобщающих выводов количество связей, обусловленностей и зависимостей. С другой – в условиях дискредитации линейно-формационного подхода «казусная история», всегда строящаяся на тексте и потому максимально полно воплощающая в себе источниковедческую природу исторического познания, очень успешно выполняет роль «полигона» для формирования и апробации антропоцентричных исследовательских подходов. Возможно, такая двойственность, сочетание привычного и незнакомого, и позволит именно ей стать той основой, на которой произойдет коррекция понятийного аппарата источниковедения.

Четвертый раздел сборника посвящен на первый взгляд вполне конкретной теме – жизненным стратегиям и мировосприятию предпринимателя XVIII–XIX вв. Вместе с тем, помимо сугубо прикладной задачи по изучению истории отечественного капитала, причин типичной русской экономической реалии – сращивания буржуазии и чиновничества, статьи В.П. Бойко, А.Л. Власова и О.А. Мельчаковой открывают «исследовательскую кухню» современного историка, уже не довольствующегося описанием некоторого ряда событий. Материалы раздела скорее показывают, каким образом сегодня происходит профессиональное конструирование исторической реальности, в какой степени на этот процесс влияют состояние гуманитаристики в целом и источниковой базы по заданной тематике в частности. В результате исторические персонажи – известная семья Демидовых, менее известная Гороховых и их окружение – не остаются «автономными личностями», а превращаются в носителей типических качеств, сформированных под

воздействием определенных социальных отношений и культурных установок.

Завершает сборник раздел «Библейский текст и его интерпретаторы». Известно, что конфессиональный текст, как никакой другой, обладает способностью быть семантически подвижным и порождать разные смыслы в зависимости от интересов, потребностей, социального статуса его читателей. Однако исследования В.А. Спесивцевой и О.А. Милевского интересны не только и не столько реконструкцией индивидуальной логики толкователей Библии – польского историка XVI в. Марчина Бельского и русского историко-софа конца XIX – начала XX в. Льва Тихомирова. На наш взгляд, более важным является подход к историко-эсхатологическим построениям своих героев как к специфическим источникам по изучению эпохи. Безусловно, в таком контексте религиозная конструкция лишается абстрактных, универсальных черт и становится естественным для определенной эпохи способом познания мира. И еще – в известной мере случайное «попадание» этих работ в один сборник позволяет увидеть закономерность в возникновении самого желания истолковать сакральный текст – это происходит в момент кризиса социальной системы, когда общество испытывает не только материальные трудности, но нуждается в определении собственного места в мировой истории.

В связи с этим уместно вспомнить, что сегодня социальная функция истории обозначается как конструирование и сохранение коллективной памяти – естественной преграды унификации мультикультурного мира, а профессиональное *сredo* историка обязательно включает в себя отказ от любых форм идеологического антагонизма и суждения «другого». Несомненно, только на такой основе корпорации историков удастся убедить своих современников, во-первых, в возможности получения объективного знания о прошлом, а во-вторых, в способности гуманитаристики предложить реальные пути культурной адаптации к высокоскоростным технологическим и общественно-политическим переменам.

В заключение мы хотели бы выразить признательность авторам-коллегам за интерес к смысловой связи «человека – создаваемого им текста – некоторой эпохи» и надежду на возможность в будущем обсудить более широкий спектр проблем современного источниковедения.

# **I. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ XXI в.: АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

**А.В. Бочаров  
АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ  
НЕСТРУКТУРИРОВАННОЙ ТЕКСТОВОЙ ИНФОРМАЦИИ  
И ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В XXI в.<sup>1</sup>**

Одной из глобальных проблем XXI в. является так называемый «информационный взрыв», или, иными словами, рост диспропорции между объёмом информации, произведённой человечеством, и объёмом информации, которую люди способны потребить и усвоить.

Осмысление и решение данной проблемы чрезвычайно актуально для исторической науки, равно как и для всей гуманитаристики. Достаточно указать на то, что в наши дни почти каждая вузовская кафедра имеет возможность регулярно издавать один или несколько объёмных сборников статей или коллективных монографий каждый год. В итоге в узких предметно-тематических областях лавинообразно накапливаются никем не освоенные «завалы» информации. С одной стороны, эта лавина информации вызвана не столько расцветом науки, сколько конъюнктурными потребностями: количество и статус публикаций важнее их качества, оригинальности и практической актуальности. С другой стороны, необходимы специальные стимулы и поводы к прочтению или хотя бы к ознакомлению с огромным количеством отдельных текстов для оценки содержательных свойств. Такие поводы и стимулы может создать только автоматизированная организация баз знаний, в которых всё содержание текстов будет структурироваться и ранжироваться по множеству всех возможных тематических рубрик.

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2002–2013 гг.



Информационный взрыв порождает избыток неиспользуемой информации и хаос неструктурированной информации. Поэтому один из главных путей выхода из сложившейся ситуации – превращение неструктурированной информации в структурированную. На этом пути будут изменяться способы организации и цели исследовательской деятельности во всех гуманитарных науках.

Исторических дисциплин это должно коснуться в наибольшей степени. Во-первых, потому что весь массив накапливаемой и сохраняемой в электронном виде текстовой информации – это потенциальный архив исторических источников; во-вторых, потому что историческая наука способна аккумулировать в себе концепции и методы всех остальных гуманитарных дисциплин.

Превращение неструктурированной информации в структурированную – главная цель контент-анализа текстов, являющегося особым способом сокращения пути читателя от языковых средств выражения к идеям. Субъектами структурирования информации могут быть как люди (ручной контент-анализ), так и компьютерные программы (автоматизированный контент-анализ). Ручной контент-анализ в современных условиях в любом случае связан с использованием компьютера и возможностей частичной автоматизации поиска единиц текста. Автоматизация контент-анализа – это нечто большее. По сути, это замена человеческого интеллекта искусственным. В случае полной автоматизации анализа экспертной компьютерной программой без участия человека производится толкование текстов, сведение его содержания к названиям и обозначениям тематик, фактов или смыслов для отображения их в виде: 1) свойств и атрибутов файлов, 2) иерархического дерева папок, 3) полей базы данных. Исследователю остаётся только указать, какие тексты нужно изучить, и нажать на одну, максимум на несколько кнопок.

В табл. 1. приведена авторская система определений понятия «Неструктурированная текстовая информация». При автоматическом анализе содержания текстовых документов посредством контент-анализа происходит перевод всех свойств текста из левого столбца таблицы в правый столбец.

Система определений понятия  
«Неструктурированная текстовая информация»

Отличительные признаки	Текстовая информация	
	Неструктурированная	Структурированная
Форма текста	Нестандартизированный и неформализованный текст, состоящий из предложений на естественном языке	Стандартизированный или формализованный список из символов, слов или словосочетаний
Содержание текста	Полнотекстовое изложение идей, смыслов и сюжетов (свободный текст)	Только краткие обозначения и название тематик, смыслов и сюжетов (строго лимитированный текст)
Образ предметной области (сферы реальности)	Описания реальности не разделяется явно и обязательно на части, которые напрямую сводятся к триаде « <i>сущность – признак – связь</i> »	Описание реальности явно и обязательно разделяется на части, которые напрямую сводятся к триаде « <i>сущность – признак – связь</i> »
Виды практических реализаций текстов	Разножанровые авторские тексты, не имеющие статуса документов, или тексты документов (отчёты, стенограммы, проекты, характеристики, заявления)	Таблицы и списки со значениями текстологических признаков
Уровень единообразия	Единообразие содержания в разных текстах из одного массива сводится к минимуму	Единообразие содержания таблиц и списков сведено к максимуму



Рис 1. Принципы автоматического контент-анализа текстов

Теоретические и методические основы автоматического анализа содержания текстовых документов были разработаны ещё на начальном периоде истории компьютеров в 1960-х гг., и с тех пор концептуальных изменений в данной области не наблюдалось. Одним из ведущих разработчиков этого направления был американский учёный Г. Сэлтон (Gerard Salton). В своей книге «Автоматическая обработка, хранение и поиск информации» (1968 г.) он перечисляет несколько принципов<sup>1</sup>, которые в упрощённом виде представлены на рис. 1.

Современным компьютерным системам доступно использование разного рода многомерных методов глубинного извлечения

<sup>1</sup> См.: Сэлтон Г. Автоматическая обработка, хранение и поиск информации. М., 1973. С. 23–24.

информации (data mining), таких, как, например, кластерный анализ или нейронные сети. Тем не менее в основе всех современных поисково-аналитических систем всё равно лежат те же принципы, что были обозначены Г. Сэлтоном.

Все поисковые системы используют контент-анализ для индексирования файлов с текстовой информацией. Индекс представляет собой таблицу, в которой каждому слову сопоставляется место хранения файла, в котором это слово встречается, и место в этом файле, где стоит это слово. Индексные файлы необходимы для того, чтобы при поисковом запросе пользователя не перебирать каждый раз заново слово за словом всё содержание текстов. Ведь этих текстов могут быть многие миллиарды (например, в Глобальной сети). При поисковом запросе или при построении классификаций документов обрабатываются уже не файлы с текстами, а только эта таблица-указатель, что многократно ускоряет поиски. Разные поисковые и экспертные системы отличаются оптимальностью алгоритмов построения таких таблиц-индексов и эффективностью управления ими.

В то же время поиск информации, основанный на словесной индексации, связан с множеством недостатков (рис. 2).

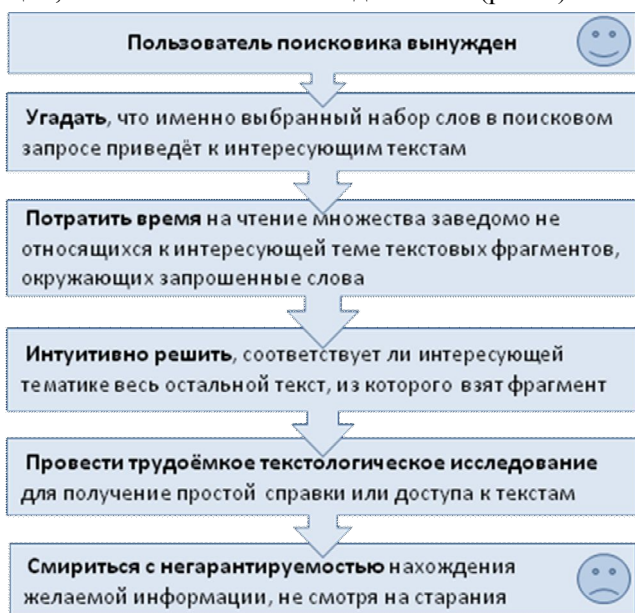


Рис. 2. Недостатки поиска информации, основанного на словесной индексации

От этих недостатков можно было бы избавиться, если бы индексация представляла собой некую тематико-смысловую предопределённую пользователем фильтрацию. Такая фильтрация давала бы возможность упорядоченного выбора из массива текстов, равно как и из набора фрагментов крупных текстов, структурированных по содержательно-смысловым критериям.

Попытка реализовать такую задачу на практике неизбежно ставит вопрос: как сделать, чтобы результаты поискового запроса не только соответствовали (были релевантными) наличию в текстах заданного набора слов, но и соответствовали тематикам, интересующим человека? С этим вопросом связано понятие «*пертинентность*» (от англ. *pertinent* – относящийся к делу, подходящий по сути), используемое в теориях поисково-информационных методов. Количественно пертинентность измеряется как отношение объема полезной информации к общему объему полученной информации.

В отечественной науке соотношение пертинентности и релевантности одним из первых начал изучать выдающийся библиотеквед и социолог А.В. Соколов<sup>1</sup>. Из современных русскоязычных авторов, наиболее активно касающихся этой проблематики, стоит назвать также специалиста в области семантического обеспечения интернет-сервисов Д.В. Ландэ<sup>2</sup>.

Если приблизить модель контент-аналитических подсчётов к модели тематического толкования текстов человеком, то организация и результаты информационного поиска станут более пертинентными конкретным информационным потребностям пользователей, а не просто релевантными запросу на встречаемость слов и словосочетаний. В настоящей статье предлагается способ повышения пертинентности информационных запросов эффективного поиска путём использования автоматизированного построения индекса тематического рубрицирования. До сих пор корректное тематическое рубрицирование текста было под силу проводить только человеку-эксперту.

В тематическом индексе с каждым целостным фрагментом текста соотносится перечень тематических рубрик (контекстов), для каждой из которых указаны её уровень или степень (вес, доля, процент) доминирования по отношению к другим контекстам в данном

---

<sup>1</sup> См.: Соколов А.В. Метатеория социальной коммуникации. СПб., 2001; *Он же*. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.

<sup>2</sup> См.: Ландэ Д.В. Поиск знаний в Internet. М., 2005; *Он же*. Основы интеграции информационных потоков. Киев, 2006.

фрагменте текста. Уровень доминирования может принимать значения в диапазоне от 0 до 100 или от 0 до 1. В качестве фрагмента текста может выступать как весь относительно небольшой текст (например, сообщение СМИ), так и явно выделяемая часть крупного текста (абзац, глава или раздел книги или статьи). Например, сообщение в прессе о ремонте в больнице может быть на 40% посвящено теме «ЖКХ», на 40% теме «Медицина и здравоохранение» и на 20% теме «Муниципальные власти».

В традиционных поисковых системах одно и то же слово ищется в разнотематических текстах. В отличие от них система с тематической индексацией позволила бы искать правильно понятые по смыслу синонимические и гипонимические ряды в документах по одной тематике и, что особенно важно, без выдачи информационного мусора.

Следует отметить, что в последние годы уже начали появляться интернет-сервисы, которые по ключевым словам вычисляют степень присутствия на web-странице некоторых наиболее общераспространённых тематик и жанров. Например, они могут отличать научный текст от остальных жанров. Из русскоязычных интернет-сервисов, способных на такое, можно указать сервис «Семантическое Зеркало» <http://www.ashmanov.com/tech/semantic/demo>. Тем не менее вычислить степень доминирования узких тематик, интересующих пользователя, такие сервисы не способны.

Попытка практической разработки тематической авторубрикации текстов неизбежно будет начинаться с концептуальной проблемы понимания отличий человеческого и компьютерного способов интерпретации смыслов текста. В чём суть этих различий?

Существующие компьютерные программы анализа текстов учитывают ключевые слова, исходя из предположения, что они тождественны по *вероятности* обозначения одного и того же смысла и для всех них эта вероятность равна 100%. Однако в реальности эта вероятность разная, так как в разных контекстах одно и то же слово может иметь разные смыслы. Именно поэтому ни одна поисково-экспертная программа не может самостоятельно и корректно определить, о какой узкой предметной области идёт речь.

Человек, в отличие от компьютера, заранее (*a priori*) знает, какие слова или выражения однозначно указывают на тематический контекст, какие не всегда, но часто – очень редко, какие – никогда, а какие могут указывать сразу на несколько рубрик. Затем (*a posteriori*) он соотносит это априорное знание с интерпретируемым текстом.

Отличия человеческого и формального компьютерного способов анализа текстов можно осмыслить посредством теории систем. В рамках теории систем тематическая рубрика текста (контекстный смысл) – это продукт конкретной текстовой системы, а взаимосвязь лексем-индикаторов тематической рубрики – это продуцент (взаимодействие частей системы). Отдельная лексема-индикатор (смысловой маркер) без связи с другими ещё не означает систему, т.е. не порождает смысла. Концепция формального перебора словарей индексов как раз и не учитывает продуцент – взаимодействие частей текстовой системы. Соответственно, эта концепция не в состоянии обеспечить правильное распознавание смыслов текста, вложенных в него человеком.

Различия подходов к автоматизации обработки неструктурированного текста стоит также попытаться представить в контексте парадигм научного познания. Работа авторубрикаторов и поисковиков с сочетаниями знаков в словесных индексах – это, по сути, учёт только инвариантных формализмов текстовых конструкций. Такая работа строится на методологии неопозитивизма и структуриализма. Однако с помощью обработки текстов по такой методологии компьютер не в состоянии, к примеру, различить, идёт ли в тексте речь о судах арбитражных или о судах морских. Для программы обработки данных в этом случае словоформа «судах» будет одним и тем же инвариантным формализмом. Математический анализ формализмов текста при таких вычислениях не выходит за рамки того, что в явной форме содержится в тексте. Поэтому обработка текстовых формализмов нуждается в дополнении деконструкцией вероятностных смыслов текста. В основе методологии такой деконструкции лежат постструктуралистский и постмодернистский проекты научного познания. Авторский взгляд на теоретические аспекты такой взаимодополняемости представлен в табл. 2.

Самым распространённым стандартом библиотечной тематической рубрикации по принципу онтологии является универсальный десятичный классификатор (УДК), представляющий собой примерно 143 тыс. концепций, организованных в таксономию. По каждой рубрике выбираются ключевые слова, определенные библиографом при библиографическом описании книги. Проблемы с автоматическим поиском нужного текста на базе УДК возникнут в тех случаях, когда одни и те же ключевые слова относятся к множеству разных рубрик, а такие случаи встречаются в библиографических указателях достаточно часто.

Подходы к обработке текстовой информации  
в разных парадигмах научного познания

Аспекты	Неопозитивистский и структуралистский подход	Постструктуралистский и постмодернистский подход
Таксономический	Иерархическая <b>древовидная</b> жёсткая классификация понятий	Неиерархическая <b>ризом</b> <sup>13</sup> вероятностных значений
Предметный	Отражает <b>внеязыковую</b> реальность предметной области	Отражает <b>языковую</b> реальность предметной области
Когнитивный	Структурированная <b>онтология</b> <sup>14</sup>	Неструктурированный <b>дискурс</b>
Языковой	Фиксирование <b>инвариантных формализмов</b> фразовых текстовых конструкций	Деконструкция <b>вероятностных</b> вариаций культурных <b>смыслов</b> текста

Практически неразрешимым в рамках УДК становится выявление тематической рубрики не целого текста, а его отдельных фраг-

<sup>13</sup> Ризома – утвердившееся в современных гуманитарных науках понятие постструктурализма и постмодернизма. Оно разработано в книге французских исследователей Ж. Делеза (Deleuze) и Ф. Гваттари (Guattari) «Ризома» (1974). Непосредственно французский термин rhizome заимствован из ботаники и означает специфическую форму корневища, не обладающего четко выраженным центральным подземным стеблем. Понятие введено в гуманитарные дисциплины в противовес понятию «структура» как четко систематизированному и иерархически упорядочиваемому принципу организации. Именно характер ризомы в наибольшей степени соответствует свойствам автоматизированной тематической индексации.

<sup>14</sup> Термин «онтология» в данном контексте используется в том смысле, в котором он распространился и употребляется специалистами в области семантических подходов к разработке баз данных. См., например: *Овдей О.М., Проскудина Г.Ю.* Обзор инструментов инженерии онтологий // Тр. 6-й Всерос. науч. конф. «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции. М., 2004; *Соловьев В.Д., Добров Б.В., Иванов В.В., Лукашевич Н.В.* Онтологии и тезаурусы: Учеб. пособие. Казань; Москва, 2006.



ментов. Для ускорения и автоматизации используемой всеми консективной компиляции на заданную тему решение таких затруднений было бы чрезвычайно важным. Решением может стать указание для каждого текста или его фрагментов не ключевых слов, а сопоставительных уровней доминирования разных тематических рубрик. Тогда при поиске станет ясно, в какой степени относится то или иное ключевое слово к интересующей нас рубрике. Однако проблема заключается в том, как адекватно вычислить уровень доминирования тематики.

Некоторые специалисты предлагают подсчитывать сумму отношений слов из тезауруса или из эталонных текстов по тематике к количеству слов в каждом предложении и отношение полученной величины к размеру текста<sup>15</sup>. Не исключено, что эта процедура может оказаться чрезмерно избыточной, сложной и ещё более объёмной, чем полная словесная индексация. Концепция эталонных текстов, в сущности, предлагает подогнать все новые и нестандартные тексты под один фиксированный по своей структуре и семантике текст (или фиксированную группу текстов, что по сути то же самое). Нет гарантии, что эталонный текст исчерпает всю семантику интересующей нас предметной области. Следовательно, тематическая индексация должна стать менее объёмной, более быстрой, более эвристичной, чем словесная индексация. Только тогда она будет коммерчески выгодной, а значит, и имеющей перспективы широкого распространения.

Для достижения этих целей, на наш взгляд, нужно учитывать расхождения человеческих и компьютерных принципов интерпретации тематики текста и попытаться приблизить компьютерные принципы к человеческим. Как было показано выше, при понимании текста человек восполняет информационную неполноту языковых формализмов априорной информацией о культуре и о языке в целом. Каким образом выразить эту информацию в числовой форме и включить её в формулу?

Ответ на этот вопрос предполагает обращение к математической концепции, учитывающей априорные вероятности. Концепту-

---

<sup>15</sup> См.: *Литинский Ю.В.* Средства информационного поиска и навигации в больших массивах неструктурированной информации // Науч.-практ. конф. «Проблемы обработки больших массивов неструктурированных текстовых документов». Фонд эффективной политики, 21–22 мая 2001 г. Режим доступа: <http://www.fep.ru/text/dataarrays04.html>

ально ответы на поставленные вопросы были даны ещё в конце XVIII в. в так называемой формуле Байеса.

Томас Байес (Thomas Bayes) (1702–1761) – английский священник и выдающийся математик, автор фундаментального исследования в области теории вероятностей «Эссе о решении проблем в теории случайных событий». Эта работа была обнаружена только после его смерти и в 1764 г. опубликована в «Трудах Лондонского королевского общества». Сам Байес, разработав концепцию априорной вероятности, ещё не смог найти нужного математического аппарата для неё. Через 10 лет после его смерти эту задачу решил П. Лаплас. Он представил теорему и формулу Байеса в её современном виде. В самом общем виде, суть формулы Байеса<sup>16</sup> – вычисление отношения условной вероятности, введённой априорно человеком, к полной вероятности всех возможных событий в изучаемой ситуации<sup>17</sup>.

Введение в математическую формулу неких «предпосылочных убеждений» может создать впечатление, что любой человек может прийти к любому выводу на основе одних и тех же данных. Это привело к тому, что теорему Байеса многие учёные XX в. посчитали субъективной и ненаучной. Вместо неё всю вторую половину XX в. приоритетными оставались статистические методы, требовавшие предоставить так называемую величину  $P$ , показывавшую вероятность ошибочности выводов для эмпирического апостериорного распределения статистических параметров, описывающих выборку данных. Ведущие научные журналы отказывались публиковать статьи, где статистические данные не сопровождалась величиной  $p$ -уровня. В исторической науке использование статистических методов для массовых исторических источников также неизменно опиралось и опирается на вычисление  $p$ -уровня.

Однако некоторые учёные всё же предупреждали, что величина  $p$  показывает достоверность выводов всего лишь при априорном условии, что имело место счастливое стечение обстоятельств, т.е.

---

<sup>16</sup> Формула Байеса:  $P(A|B) = P(B|A) / P(A)P(B)$ , где  $P(A)$  – априорная вероятность гипотезы  $A$  (смысл такой терминологии см. ниже);  $P(A|B)$  – вероятность гипотезы  $A$  при наступлении события  $B$  (апостериорная вероятность);  $P(B|A)$  – вероятность наступления события  $B$  при истинности гипотезы  $A$ ;  $P(B)$  – вероятность наступления события  $B$ .

<sup>17</sup> См.: Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Теория вероятностей и прикладная статистика. М., 2001. С. 68–69.

случайность, вводящая в заблуждение, а вовсе не искомая закономерность. В связи с этим во все области науки, в том числе гуманитарные, проникло и продолжает проникать множество абсурдных или сфальсифицированных результатов, получившихся случайно, без учёта всех математических тонкостей, при которых корректными будут оценки на основе  $p$ -критерия<sup>18</sup>.

Эти тенденции привели к тому, что сегодня популярность байесовской парадигмы постоянно растёт. Она задействуется, например, при так называемой «персонализации», когда системы информационных услуг автоматически учитывают в качестве априорной вероятности текущих интересов пользователя содержание его предыдущих запросов. Исходя именно из байесовского подхода, результаты поиска Google иерархически формируются из списков сайтов, которые выбирали другие люди, подавшие аналогичный запрос.

Самая знаменитая технология управления неструктурированной информацией, основанная на байесовском подходе, – это английская корпорация Autonomy [www.autonomy.com](http://www.autonomy.com). Её создатель Майкл Линч (Michael Lynch) утверждал, что с помощью формулы Байеса можно интерпретировать текст независимо от того, на каком языке он написан, т.е., по сути, без учёта дискурсивно-смысловых особенностей. Для простых производственных задач автоматизации документооборота и ускорения консалтинга клиентов этот подход оправдан. Однако такой подход не привёл и не сможет привести к созданию ожидаемого всем интернет-сообществом интеллектуального поисковика.

Решить задачу по созданию интеллектуального поисковика нового типа могут модели, более глубоко учитывающие вероятностную природу человеческого языка. О вероятностном восприятии языка одним из первых стал писать выдающийся отечественный учёный В.В. Налимов в ставшей уже культовой книге «Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков» (1-е изд. 1974 г.). В.В. Налимов рассуждал о том, что смысл воспринимаемых слов расплывчатый, размытый, нечёткий, поэтому любое слово может в определённом контексте и ситуации обозначать любой смысл и любой предмет, а разные смыслы и

---

<sup>18</sup> См.: Мэтьюз Р. 25 великих идей. Научные открытия, изменившие мир / Пер. с англ. СПб., 2007. С. 138–141.

предметы могут с разной вероятностью обозначаться одним и тем же словом. В.В. Налимов предполагал, что, опираясь на теорию Байеса, в итоге можно получить некое «взвешенное произведение» смыслов текста<sup>19</sup>. Современный уровень развития вычислительной техники позволяет на практике реализовать теоретические прозрения В.В. Налимова.

Далее будет представлена авторская реализация байесовского подхода и теоретических прозрений В.В. Налимова. Теоретическим основанием предлагаемого подхода послужило предположение, что понимание смыслов текста зависит от отношения априорного знания к апостериорному, т.е. отношения предыдущего опыта к текущему. Вероятностное описание текущего опыта (в нашем случае текущего текста) может носить эмпирический статистический характер. Однако априорная вероятность получается совсем другим путём. Она скорее носит характер не эмпирический, а мировоззренческий. Она отражает уже имеющиеся знания о какой-либо предметной области. Она неизменна в ходе обработки данных. Априорная вероятность наличия в тексте какой-либо тематики воплощает некие когнитивные константы, отражающие константы культурные и языковые.

Аналитик, использующий байесовский подход, обладает численным выражением анализируемого неизвестного параметра ещё до начала сбора исходных статистических данных<sup>20</sup>. В нашем случае при вычислении уровня доминирования определённой тематики в тексте вышеупомянутым неизвестным параметром в формуле Байеса может считаться вероятность восприятия читателем данной тематики как доминирующей в конкретном тексте. Получая исходные статистические данные (в нашем случае путём контент-анализа текстов), мы присоединяем эти данные к ранее имевшейся информации о параметре (в нашем случае – к информации, полученной путём дискурсивного анализа предметной области, которой посвящены тексты). Дискурсивный анализ позволяет установить тезаурус лексических индикаторов для каждой интересующей нас тематики, которые могут указывать на её

---

<sup>19</sup> См.: *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979. С. 74–95.

<sup>20</sup> См.: *Айвазян С.А., Мхитарян В.С.* Теория вероятностей и прикладная статистика. С. 269–272.

наличие в тексте. В системах авторубрики текстов тезаурусы выполняют роль тематических фильтров. Они отфильтровывают «сорные» слова и оставляют только тематически нагруженные.

Проверка наличия в тексте определённой тематики является для компьютерной программы статистической гипотезой. Как известно, её проверка в общем случае вычисляется как отношение произошедших событий, делающих истинность гипотезы более вероятной, ко всем возможным событиям в изучаемой выборке. В предлагаемой модели тематической индексации выборкой будет лексический состав анализируемого текста. «Всеми возможными событиями» при этом будут употребления в индексируемом тексте лексических индикаторов всех тематик из ограниченного списка тематик, которые нас интересуют. Это будет исходное предположение человека (аналитика-эксперта), что количество именно такое. В любом тексте может быть представлена какая-то доля от этой лексической полноты.

Какие тематики и в каком количестве должны быть в индексе? Чем руководствоваться при ограничении потенциально бесконечного смыслового поля? Будем исходить из того, что тема не должна быть слишком общей и определяться для подавляющего большинства текстов из большого массива (порядка нескольких тысяч) или их фрагментов (более 2/3 полного объёма отдельного текста). В то же время она не должна быть слишком узкой и редкой, встречаясь в слишком малом (менее 1%) количестве текстов или их фрагментов.

Каждое слово или выражение может потенциально выражать множество смыслов относительно разных контекстов и концептов конкретного текста. Не обязательно да и невозможно учитывать все эти смыслы и контексты для решения конкретных поисково-прикладных задач. Поэтому величину представленности или доминирования тематики в тексте правильнее будет подсчитывать только относительно других тематик, заранее заданных пользователем в виде ограниченного списка интересующих его тематик. Это позволит учитывать смысловое взаимовлияние разных тематик в рамках одного текста для корректной тематической индексации. Следует подчеркнуть, что в современных поисковых системах такое взаимовлияние не учитывается.

Практическая реализация авторского подхода к тематической индексации выполнена на базе разработанной автором экспертной

компьютерной системы, предварительно названной «Матрица\_СМИ». Задача разработанной экспертной системы – тематическая авторубрикация сообщений СМИ или абзацев публицистической книги. Система генерирует матрицу данных, где одна строка данных соответствует описанию одного сообщения СМИ (либо одного абзаца книги). В столбцах (шкалах) матрицы показывается в процентах уровень доминирования определённой тематики по отношению к другим учитываемым тематикам (рис. 3).

Система реализована на базе языка VBA Excel. VBA Excel в данном случае играет для разработчика роль простого и доступного полигона для проверки алгоритмов. При необходимости коммерческой реализации система может быть преобразована в самостоятельный программный продукт на более мощных платформах. Главное ноу-хау в данном случае – это комплекс логико-математических и лингвистических методик, а не интерфейсные (в широком смысле) возможности.

Сообщения СМИ и публицистика выбраны в качестве источниковой базы не только из-за их актуальности, но и по методологическим соображениям. Дело в том, что язык СМИ отражает универсальную предметную область. В СМИ может быть написано о чём угодно с употреблением лексики от специально-научной до жаргонно-разговорной. Одновременно язык СМИ – это очень динамичное информационное поле, связанное с отслеживанием всех тенденций в жизни общества и в выразительных средствах языка. Поэтому наиболее продуктивной и показательной разработкой и отладкой системы автоматической тематической индексации текстов была бы именно для текстов СМИ.

В основу предлагаемой компьютерной системы была положена разработанная автором модель поисковой системы, ориентированной на пертинентность результатов запроса. На рис. 4 эта модель оформлена в виде когнитивной семантической карты и визуально обобщает взаимосвязь лингвистических, математических и поисково-сетевых аспектов, на которых может быть основана тематическая индексация. Далее эти аспекты будут раскрыты подробнее.

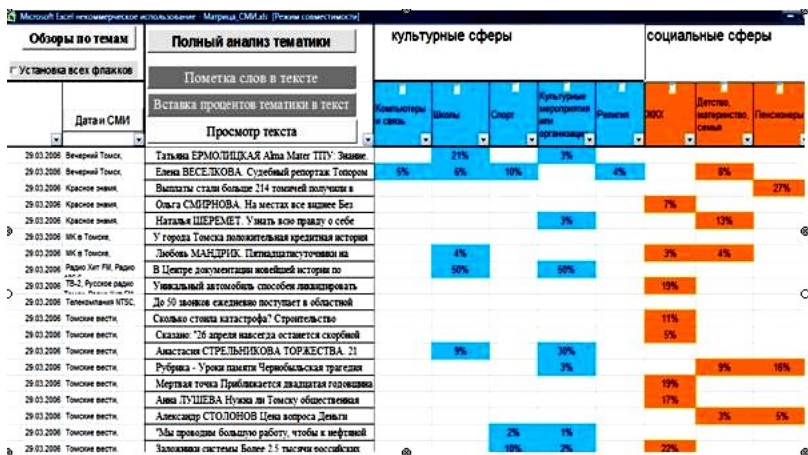


Рис. 3. Фрагмент тематической индексации сообщения в системе Матрица\_СМИ

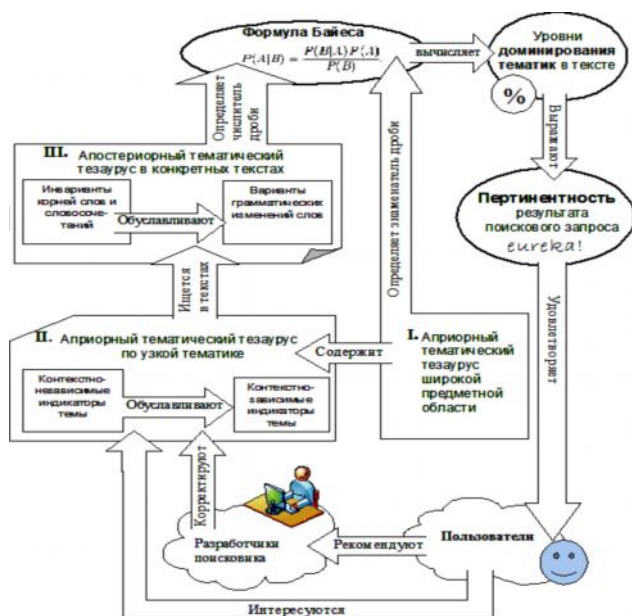


Рис. 4. Прикладная модель поисковой системы, основанной на pertinентности результатов запроса

Итак, в предлагаемой системе тематической индексации Матрица\_СМИ дискурс публицистики и региональных неспециализированных СМИ лёг в основу словарей-тезаурусов, составленных для вычисления доминирования разных тематик в сообщениях. Степень доминирования тематики представляет собой числовое выражение, которое складывается из трёх компонентов (рис. 4):

I. Априорный тематический тезаурус широкой предметной области. Именно он позволяет учесть соотношения в тексте нескольких тематик, поскольку суммирует представленность в анализируемом тексте тезаурусов для всех учитываемых тематических рубрик.

II. Априорный тематический тезаурус по узкой тематике. Он устанавливает количество *контекстнонезависимых* и *контекстнозависимых* индикаторов по отдельным тематическим рубрикам.

III. Апостериорный тематический тезаурус в конкретных текстах. Он определяет количество всех встречающихся в тексте лексических индикаторов.

Первые два компонента «делают вклад» в априорную вероятность доминирования темы, 3-й компонент – в апостериорную вероятность. Для первых двух компонентов состав и количество лексем-индикаторов заранее задан и предсказуем. В 3-м компоненте мы имеем дело со всем потенциально возможным лексическим составом, т.е. с языковым богатством, которое произвольно могло формировать смыслы в тексте. Согласно модели, 1-й компонент определяет знаменатель дроби в формуле Байеса, остальные компоненты – числитель дроби.

Рассмотрим вышеназванные три компонента подробнее.

И 1-й и 2-й компоненты содержат контекстнонезависимые индикаторы тематических рубрик. Эти индикаторы представляют собой лексемы или идиомы, которые всегда однозначно (чрезвычайно высокой вероятностью и ассоциативной устойчивостью) служат индикатором определённой тематики (контекста) в определённой дискурсивной практике.

Эксперименты автора на базе системы Матрица\_СМИ показали, что контекстнонезависимые индикаторы следует по-разному учитывать для тематик с объёмным («богатым») тезаурусом (например, тематики «Спорт» или «Торговля») и для тематик с небольшим («бедным») тезаурусом (например, тематика «Городская дума» или «Областная администрация»). Для тематики с богатым



тезаурусом в тематический фильтр полностью входят части словообразовательных гнезд, ассоциируемых с интересующей тематикой. При этом учитываются инвариантные словоформы без учёта изменяемости при склонении и спряжении. Для тематики с бедным тезаурусом учитываются все инвариантные словоформы с учётом изменяемости при склонении и спряжении. В обоих случаях учитываются все идиомы, устойчиво ассоциируемые с тематикой.

Следующий элемент расчётов – это контекстнозависимые лексемы. Они могут служить индикатором тематической рубрики только при наличии в одном текстовом фрагменте с этими лексемами хотя бы одного контекстн~~о~~независимого индикатора данной рубрики. Например, слова «судья» или «суд» (в любых склонениях) могут служить индикатором тематики «Суды и расследования» или «Преступность» только при наличии рядом с ними других контекстн~~о~~независимых индикаторов, например «прокурор», «преступн», «судебн» и т.п. Дело в том, что в переносном значении суды и судьи могут упоминаться в самых разных сферах жизни, а словоформа «суда» и вовсе может означать «морские суда».

Итак, для каждой тематической рубрики (предметной области) заранее создаются, а в процессе индексации текстов корректируются словари тезаурусы, содержащие контекстн~~о~~независимые и контекстн~~о~~зависимые лексические индикаторы. Тематическая индексация в системе Матрица\_СМИ производится по следующим предметным областям, соответствующим разным сферам жизни:

**Властные сферы:** 1) Федеральные власти, правительство, Госдума РФ; 2) Областная администрация; 3) Областная дума; 4) Муниципалитет и мэрия; 5) Гордума; 6) Коррупция.

**Экономические сферы:** 7) Торговля, сфера обслуживания; 8) Производство, промышленность; 9) Банковский бизнес, акционирование, страхование; 10) Бюджетные финансы, налоги; 11) Нефть, газ, уголь, топливо, полезные ископаемые; 12) Атом; 13) Сельское хозяйство и село; 14) Трудоустройство и доходы населения; 15) Экология и природа; 16) Томские компании и предприятия (упоминаемые названия).

**Культурные сферы:** 17) Вузы; 18) Наука; 19) Компьютеры и связь; 20) Школы; 21) Спорт; 22) Культурные мероприятия или организации; 23) Религия.

**Социальные сферы:** 24) ЖКХ; 25) Детство, материнство, семья; 26) Пенсионеры; 27) Транспорт; 28) Здоровье и медицина.

**Силовые сферы:** 29) Преступность, судопроизводство, МВД, ФСБ, МЧС; 30) Армия.

Именно такая, а не иная специализация разных сфер жизни в виде отдельных тематик обусловлена одним из возможных представлений о тематической типологизации сообщений СМИ. В зависимости от потребностей пользователя экспертной системой возможна любая иная разбивка тематических категорий на специализированные подтемы. Например, тематику «Коррупция» также можно отнести в категорию «Силовые сферы и преступность» или в категорию «Экономические сферы».

Если какая-то из индексируемых тематик доминирует в конкретном тексте на уровне 100%, это значит, что в данном тексте никаких других тематик из тех, что учитываются, не присутствует. В остальных случаях несколько тематик присутствуют в текстах с разными уровнями доминирования, сумма которых равна 100%. Согласно предлагаемой модели процент доминирования тематик выражает для пользователя пертинентность результата его запроса при поиске текстов с интересующими тематиками (рис. 4).

При разработке математического аппарата тематической индексации встал важный вопрос: учитывать ли все случаи встречаемости в тексте однокоренных слов и выражений, относящихся к какой-либо тематике, или же учитывать только сам факт наличия в индексируемом тексте лексического инварианта? Иными словами, достаточно ли учитывать лексический индикатор однократно без вариантов его грамматических изменений в тексте?

Сплошной частотный анализ не соответствует *человеческому* восприятию текста и не всегда позволяет отделить по смыслу главную тему от косвенной второстепенной. Тематика тем глубже и шире раскрыта, чем больше по ней инвариантных слов и выражений из тезауруса по данной тематике. Причём некоторые слова и выражения будут относиться к определённой тематике только при наличии в окружающем тексте других, контекстно-независимых лексических индикаторов темы. Именно инвариантные слова и выражения из кратковременной памяти человека по ходу восприятия сообщения затем переходят в долговременные ассоциации и знания, которые порождаются прочитанным или услышанным сообщением.

Согласно предлагаемому здесь подходу достаточно учитывать частотность только единичного вхождения лексического инварианта, а не частоту всех случаев упоминаний леммы в тексте. В подтверждение рассмотрим пример из сообщения о ремонте концертного зала: 10 раз упоминается словосочетание «концертный зал» (тема культуры) и по одному разу упоминаются 10 разных терминов, напрямую связанных с техническими аспектами ремонта (тема ЖКХ). Никаких других терминов по теме «культура» в сообщении нет. Очевидно, что тема ЖКХ в этом сообщении представлена более многогранно и полно. Она доминирует над темой культуры, которая представлена лишь косвенно. Таким образом, абсолютная частота встречаемости одного и того же слова вовсе не связана напрямую со степенью доминирования темы. Человеческий интеллект не нуждается в учёте и подсчёте всех случаев употребления в тексте какого-либо термина, чтобы понять текст. Почему в таких подсчётах обязательно должен нуждаться искусственный интеллект, если они не только замедляют его работу, но и делают интерпретацию текста менее корректной? Искусственный интеллект<sup>21</sup> может выполнять разного рода стандартизированные задачи многократно быстрее и дольше человека. Практический смысл в использовании искусственного интеллекта появляется только тогда, когда он справляется с решением поставленных перед ним содержательных задач не хуже человека. Поэтому очень важно найти пути приближения компьютерных способов интерпретации текста к человеческим.

Эмпирическим экспериментальным путём на базе системы Матрица\_СМИ автор установил, что для пертинентного вычисления степени доминирования определённой тематики достаточно учесть, что та или иная лемма или идиома встречается в тексте в разных склонениях или спряжениях, не перебирая все случаи этих склонений и спряжений в рассматриваемом тексте. Учёт морфологических инвариантов на уровне пустого морфологического шаб-

---

<sup>21</sup> Наука пока понимает только некоторые механизмы человеческого интеллекта, в связи с этим под искусственным интеллектом понимается только логико-вычислительная часть разумной деятельности, реализованная в компьютерных системах. При этом не стоит путать интеллект и сознание. Насколько бы близкой не была имитация человеческого мышления в компьютере, это ещё не будет означать, что он обладает душой и сознанием. Однако эта проблематика лежит за пределами данной статьи.

лона позволяет, с одной стороны, ничего не пропустить, с другой – не делать избыточных подсчётов.

Помимо ускорения индексации, вероятностный учёт инвариантных вхождений приводит к тому, что так называемый спамдексинг (злоупотребление частотой ключевых слов с целью манипулирования поисковыми машинами) потеряет смысл. Нынешние «контент-аналитические войны» между разработчиками поисковых сервисов и разработчиками коммерческих сайтов также потеряют смысл.

В качестве демонстрационного примера вычисления априорной константы индексации для тематик с очень крупным тезаурусом в общих чертах рассмотрим априорный список для тематики «Культурные организации и мероприятия» в региональных СМИ. Всего по данной тематике определено 22 гиперонима (типа культурной деятельности): «Библиотеки», «Просвещение», «Театр», «Архивы», «Понятие сферы культуры», «Путешествия», «Зрители», «Художественность», «Деятели культуры», «Выставки и музеи», «Издательская деятельность», «Скульптура», «Поэзия», «Музыка», «Место проведения культурных мероприятий», «Концерты», «Медиа и кино», «Песня», «Танец», «Праздники местные», «Конкурсы», «Праздники официальные».

К каждому гиперониму привязан априорный список лексических инвариантов гипонимических рядов для определения апостериорного количества индикаторов темы в тексте. Далее, согласно принятому стандарту формализации в поисковом морфологическом шаблоне слов знак «?» означает наличие одного любого символа, а знак подчеркивания «\_» означает один пробел. Например, если в конце искомой словоформы стоит «??», это означает включение в поисковый тезаурус случая склонения или спряжения слова, выраженных окончанием из двух букв. Поскольку весь список гипонимов очень обширен (более 150), здесь приведён шаблон только для гиперонима «Место проведения культурных мероприятий»: культурн??\_центр, ультурн??\_центр, филармон, планетари, Хобби-центр, кинотеатр, кинозал, ТЮЗ, органн?? зал, органн?? зал.

В табл. 3 приведён список контекстнозависимых (второстепенных) индикаторов тематики «Культурные организации и мероприятия» с пояснениями того, почему конкретная лексема или идиома не может считаться первичным контекстнонезависимым индикатором.

Таблица 3

Характеристика некоторых контекстнезависимых индикаторов тематики «Культурные организации и мероприятия»

Характер переносных значений (причина невхождения в первичный список индикаторов темы)	Морфологические шаблоны (инварианты) индикатора	Пример употребления в переносном значении и не по теме «Культура»
не только в сфере культуры	творществ	«законотворчество»
	творческ??_человек	«менеджер фирмы показал себя как творческий человек»
	творческ??_человек	«генеральному директору компании как творческому человеку...»
не только на культурных мероприятиях	_зал_рукоплексал	«зал рукоплексал депутату»
	_оваци	«выступление политика завершилось овациями»
	экскурсия	«экскурсия по квартире»
	экскурсовод	«экскурсовод на фабрике»
	сценарист	«сценарист политического переворота»
метафорическое значение	_сцен?_	«сцена действия» и т.д.
	памятник	«памятник бесхозяйственности» и т.д.
	актер	«он плохой актёр» и т.д.
использование во фразеологизмах	_песн?_	«из песни слова не выкинешь» и т.д.
	театр_	«театр абсурда» и т.д.
	театр?_	«театра абсурд» и т.д.
	театр??_	«театром абсурд» и т.д.

Подводя итог и возвращаясь к теме статьи, обозначенной в её названии, рассмотрим вопрос о том, какие перспективы перед гуманитарными исследованиями открывает использование автоматизированных систем тематической индексации. Можно предположить, что в перспективе реализация идеи тематической индексации приведёт к специализации интернет-поисковиков. Она также позволит поисковым программам операционных систем автоматически создавать рубрицированный каталог всех электронных текстов на персональных компьютерах. Тематический поисковик сможет индексировать файлы и сайты по огра-

ниченному набору тематик из какой-либо узкой предметной области, скажем из истории России, но зато предельно корректно.

В интеллектуальных поисковиках будущего можно будет исключать из результатов поиска не просто нежелательные слова (их всех не предусмотреть), но и нежелательные тематики; регулировать ранжирование результатов поиска по степени доминирования тематики в текстах или в их фрагментах. Тривиальный поиск по словам, конечно, тоже останется, но он будет уже иметь вторичный характер.

Априорные величины для тематической индексации текстов по формуле Байеса могут сформировать только гуманитарии – специалисты в дискурсивных особенностях тех областей знаний, для которых происходит обработка текстов и документов. Речь идёт, в частности, о составлении дисциплинарных, субдисциплинарных и междисциплинарных идеографических словарей нового типа. В таких словарях по каждой предметно-тематической рубрике будет содержаться список и объяснение всех контекстно-инвариантных употреблений определённых словоформ, понятий или идиом. Для обозначения подобных «сборников контекстов» (с перечислением, но без анализа) в корпусной лингвистике используется термин «конкорданс». Однако существующие конкордансы носят исключительно языковедческо-справочный характер. Здесь же имеется в виду создание неких предметных баз знаний.

Эвристические возможности фильтрации, сортировки и компоновки информации в такой базе знаний как раз и откроют новые горизонты гуманитаристики. Они станут действенным поводом для новых форм рефлексии гуманитариев над методами и целями своих исследований, над своими языками и текстами и предоставят широкой аудитории новые поводы заинтересоваться этими текстами, будь то классические философские трактаты, электронные архивы сообщений СМИ за прошлые годы, базы данных с отчётной отраслевой документацией, протоколы заседаний или любые иные корпуса текстов. У гуманитариев, помимо задачи «выписывать из разных книжек в одну тетрадку», появятся новые, более творческие задачи, связанные с поиском способов автоматизации конспектирования, реферирования и аннотирования текстов. Автоматизация настраиваемых субдисциплинарных рубрикации, ранжирования и комбинаторики текстов создаёт новые стимулы их прочтения, новые направления интересов, новые способы интерпретации описанных в текстах событий и явлений. Соответственно, всё это может открыть и новые перспективы для гуманитарных наук XXI в.

Т.С. Мамсик  
НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИЗВЕСТНЫХ ТЕКСТОВ:  
ДЕКАБРИСТ И.И. ПУЩИН И ДРУГИЕ

Будет время когда-нибудь,  
что несколько прояснится это дело  
для многих, которые его видят теперь,  
может быть, с другой точки.

*И.И. Пущин. Из письма сестрам  
13.12. 1827 г.*

Стандартный путь историка для реконструкции места, действия и мыслей человека той или иной эпохи – выявление и истолкование новых, ранее «не введенных в научный оборот» текстов. Этот метод необходим и высокоэффективен на стадии неполной освоенности источниковой базы. Однако приходит время, когда порожденные той или иной эпохой документы оказываются выявлены и прочтены (в идеале – опубликованы). Само собою разумеется, что чем большее число специалистов «изучает» ту или иную проблему, тем быстрее наступает указанный момент. Ныне такая ситуация складывается в отношении так называемого «декабризма». Проблематика этой темы решается как минимум в двух направлениях: по линии реконструкции истории политической мысли в России XIX в.; восстановления биографий людей, вовлеченных в этот процесс.

Обычная биография политического деятеля, как правило, исчерпывается почти полностью временем его активной деятельности. В отношении биографий большинства декабристов этого сказать нельзя. Они начинаются после их «политической смерти». Жизнь, мысли и чувства ссыльных (каторжных и поселенцев) в Сибири с 1826 по 1856 г. едва ли не более значимы для историографии, чем все, что было с ними до декабря 1825 г.

Что касается источников, то порог их исчерпанности очевиден. Но при этом сама тема оказывается далекой от завершенности. Трезвый и непредвзятый взгляд заставляет сказать, что в судьбах «людей декабря» после 1825 г., как они представляются сейчас,

слишком много неясностей и неувязок. Между тем при первых же попытках «прояснить дело» обнаруживается, что история «декабризма» и «декабристов» есть ключ к политической и идеологической истории России XIX в., смысл и направление которой еще не вполне очевидны. В данном очерке, как и в нескольких предыдущих, автор излагает свой взгляд на историю декабря, обращая внимание на «не замеченные историками» факты биографий прямых и косвенных ее участников: И.И. Пушина, В.К. Кюхельбекера, А.С. Пушкина и др.

Документальную основу очерка составили письма И.И. Пушина<sup>22</sup>, литературное наследие его лицейских друзей-поэтов, графика Пушкина, следственное дело Кюхельбекера и др. Методика исследования ориентирована на приемы интуитивно-логических реконструкций и постановки их в контекст уже известных заключений. В данном случае имеется в виду вывод о том, что «происшествие» 1825 г. замышлялось решающим актом международного проекта, цель которого заключалась в том, чтобы, обессилив Россию, сделать ее послушным орудием британских интересов. Решение этой задачи оказалось заблокировано представителями тайной организации (условно – Ордена русских рыцарей) в лице Е. Оболенского, С. Трубецкого, А. Одоевского, В. Кюхельбекера. Имена других пока не известны. Они спасли империю от гражданской войны и вторжения европейских держав, которые обязаны были это сделать как члены Священного союза, созданного Александром I<sup>23</sup>.

---

<sup>22</sup> Пушин И.И. Сочинения и письма.: В 2 т. Т. 1: Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. М., 1999; Т. 2: Письма 1850–1859 гг. М., 2001. Далее ссылки (том и страница) даны в тексте в скобках.

<sup>23</sup> См.: Мамсик Т.С. Поэмы «Гавриилиада» и «Граф Нулин» А.С. Пушкина: Тексты-ключи к «происшествию» 1825 г. // Человек – текст – эпоха. Вып. 2. Томск, 2006. С. 172–196; *Она же*. Российская империя и ее окраины в осмыслении А.С. Пушкина // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века. Новосибирск, 2007. С. 191–201; *Она же*. Проблема азиатско-европейского культурного синтеза в драматической сказке В.К. Кюхельбекера «Иван, купецкий сын» // Человек – текст – эпоха. Вып. 3. Томск, 2008. С. 35–48; *Она же*. От информационных мистификаций к реалиям эпохи декабристов: Н.И. Лорер и его литературное наследие // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII–XIX вв. Новосибирск, 2008. С. 64–86; *Она же*. К биографии А.С. Пушкина и В.К. Кюхельбекера: Поэтическая история политической



Одновременно с «рыцарями» на площади восстания действовали люди, служившие посредниками между тайными режиссерами переворота и жертвами провокации, массой офицеров и солдат, воодушевляемых ложными лозунгами. К числу таких посредников принадлежал Иван Иванович Пущин. Будучи одним из организаторов восстания, он, в отличие от своего соратника К.Ф. Рылеева, избежал казни. Судебное дело Пущина чрезвычайно лаконично и производит впечатление, будто судьба этого человека была определена заранее и потому мало интересовала следственную комиссию<sup>24</sup>. Уже по одной этой причине И.И. Пущина можно отнести к числу загадочных героев декабря.

Среди отбывавших наказание в Сибири декабристов личность Пущина также привлекает внимание своей исключительной идеальностью. В общем хоре похвальных голосов по поводу Пущина давно потерялось замечание Н. Гастфрейнда о том, что его *«личность не по заслугам раздута»* и не по праву несет на себе *«нимб декабристской святости»* (здесь и далее выделено нами. – Т.М.). Действительно, романтический имидж у Пущина отмененный. «Иван Великий», «Большой Жанно», «друг бесценный» национального поэта. И даже скептик Гастфрейнд признает за ним *«единственное»*, но *«важное дело»*: *«он не увлек за собою Пушкина и написал о нем свои воспоминания»* (1, 7). Историк Лицея не знал, что попытка Пущина увлечь друга в водоворот декабрьских событий была, но просто оказалась неудачной.

Согласно прочно утвердившейся историографической версии Пущин также друг всех без исключения ссыльнокаторжных декабристов, глава их товарищеских коопераций – Большой и Малой артелей, созданных по его инициативе на благотворительные взносы материально обеспеченных изгнанников. Используя артельную кассу, он подавал руку помощи каждому из декабристов, кто нуждался в ней на протяжении всего периода пребывания в Сибири. Всеобщая признательность к Ивану Ивановичу выражалась в поговорке – «Маремьяна-старица обо всех печалится». Этот образ Пущин поддерживал перепиской с собратьями по судьбе в период их жизни на поселении. «Маремьянствовал» он и после амнистии.

---

борьбы в России // Государство и общество Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2008. С. 52–63.

<sup>24</sup> *Восстание декабристов* (далее – ВД): Документы. М.; Л., 1926. Т. 2. Дело № 346. С. 201–238.

Каким-то непостижимым образом ему удавалось – при отсутствии для ссыльных права отлучек далее 30 верст – навещать товарищей, живших в других городах, и даже осуществлять поездки из одного конца Сибири в другой. Все это сходило ему с рук так же, как в свое время поездка в деревню – к опальному Пушкину. Последнее удивительно тем более, что другой друг поэта – А.А. Дельвиг – за посещение в апреле 1825 г. с. Михайловского поплатился отставкой от должности<sup>25</sup>.

Знакомство с биографиями последекабрьского братства ссыльных неизменно выводит на личность И. Пущина. К месту его обитания, в Ялуторовск, маленький городок Западной Сибири, сошлись нити невидимых связей, объединявших участников декабрьской трагедии. Ялуторовск стоял на тракте – миновать его не мог ни один путешественник, едущий в Сибирь и обратно. Не странно ли, что именно он и был избран для поселения наиболее опасного бывшего «заговорщика»?

Пущин никогда не претендовал на роль идеолога движения. Но в преддверии декабря он был самым активным вербовщиком в члены тайного общества; из его рук многие получали и программные документы. Он приложил максимум усилий для привлечения москвичей к «происшествию»; вместе с другими членами петербургского штаба разрабатывал план восстания. Тем не менее выяснить в деталях собственную политическую платформу Пущина весьма затруднительно. Случайно ли?

Еще больше недоуменных вопросов возникает при знакомстве с фактами, характеризующими личность Пущина с нравственной стороны. Бытующий в литературе рыцарский образ декабриста меркнет при первых же попытках выяснить, в частности, отношение Пущина к лицейскому однокашнику – поэту В.К. Кюхельбекеру. В отличие от большинства сибирских изгнанников, этот штатский, не отличавшийся здоровьем человек десять лет провел в северных крепостях. В момент восстания он посягал на жизнь великого князя Михаила и, по собственному признанию, генерала Воинова, а после пытался скрыться от следствия.

Между тем из числа лиц, привлеченных к следствию, на царевубийство вызывались в разное время И. Якушкин, А. Якубович, П. Муханов и другие офицеры, присягавшие на верность престолу. Постигшая же их кара выглядит менее суровой. «Тираноборец» и

---

<sup>25</sup> См.: Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Избранное. М., 1987. С. 40–41.

атеист Якушкин, выйдя на поселение, даже создал совместно с Пушиным в Ялуторовске легальную школу. Кюхельбекер же после освобождения из крепости был отправлен на поселение буквально на край света (в Баргузин, затем в Акшу) с очевидной целью: не допустить его контактов с прочими ссыльными.

Он встретился с некоторыми из них только в 1844 г., получив разрешение на жительство в Смолино, в двух верстах от Кургана. Однако вскоре он потерял зрение и слух, выехал для лечения в Тобольск, где и умер 11 августа 1846. Из писем Пушина (1, 314, 325) известно о двух его встречах с Кюхельбекером в Ялуторовске; третья состоялась в Кургане, где Пущин появился в феврале 1846 г. Вероятно, он и привез разрешение «другу» на выезд в Тобольск, которое тот получил утром от городничего<sup>26</sup>.

Уже в предчувствии смерти, прося В.А. Жуковского о помощи семье через издание своих сочинений, Вильгельм с горечью сетовал, что его литературное наследие сгинет «как звук пустой, как ничтожный отголосок»<sup>27</sup>. Его опасение оказалось пророческим. Само это письмо, написанное Пушиным под диктовку слепого товарища, так и не нашло своего адресата. Не получил его послания и князь В.Ф. Одоевский. Почти целое столетие в истории отечественной литературы творчество Кюхельбекера воспринималось «с комической стороны», а к личности его был прочно приклеен ярлык «безумного чудака». И только совсем недавно стало приоткрываться «огромное идейное и художественное значение его поэзии»<sup>28</sup>.

Поиск причин столь явно несправедливой оценки Кюхельбекера – и как поэта, и как человека – совершенно неожиданно привел к выводу, что к созданию его карикатурного образа приложил старание лицейский собрат. Вот что писал Пущин в мае 1845 г. бывшему директору Лицея, Е.А. Энгельгардту, о Вильгельме, с которым встретился через 20 лет после декабрьских событий: «...у него... все пахнет каким-то неестественным, расстроенным воображением; все неловко, как он сам, а охота туще неволи, и говорит, что наше общество должно гордиться таким поэтом, как он... Сравнивает

---

<sup>26</sup> Карсонов Б.Н. Кюхельбекер в Кургане // Узник Гатчинского сфинкса. Челябинск, 1999. С. 242–244. Цит. по: Пундани В.В. Декабристы в Кургане // История Курганской области. Курган, 1997. Т. 3. С. 392–396.

<sup>27</sup> Пундани В.В. Декабристы в Кургане... С. 286.

<sup>28</sup> Базанов В.Г. Поэты-декабристы. М.; Л., 1950. С. 101.

даже себя с Байроном и Гёте» (1, 319). Опубликованная А.С. Пушкиным поэма Кюхельбекера «Ижорский», в оценке Пущина, – «нестерпимая глупость» (1, 319); подаренная автором комедия «Нашла коса на камень», – в письме к А.П. Барятинскому от 10 мая 1842 г., – «пустая книжонка бедного нашего метромана Вильгельма» (1, 255). В письме от 25 января 1852 г. лицеисту, будущему адмиралу Ф.Ф. Матюшкину – тот же злобный сарказм: «Мне кажется одно наказание ожидало его на том свете – освобождение от демона метромании и убеждение в ничтожности его произведений. Других грехов за этим странным существом не было. Без конца мог бы тебе рассказывать милльон сибирских анекдотов об нем...» (2, 41). Даже смерть не смягчила приговора, вынесенного Пущиным личности Кюхельбекера.

Адресатов и слушателей своих Пущин развлекал не только анекдотами о Вильгельме, связанными с сибирским периодом его жизни. В комических красках рисовал он, в частности, Е.А. Энгельгардту (21 марта 1845 г.) его поведение «в день происшествия и в день объявления сентенции» (1, 315). Приводимые факты трудно не заметить, но невозможно и объяснить в рамках сложившихся исторических и биографических версий.

Зададим себе еще ряд вопросов: для чего декабристы на период каторги были поселены «артелью», почему карательные органы позволили им создать систему самофинансирования и сквозь пальцы смотрели на их «каторжную академию»? Не для удобства ли агентов внутренней разведки, нацеленных на разгадку оставшихся невыясненными в ходе следствия «тайн», и не был ли одним из таких агентов Иван Пущин?

Если сделать такой допуск, то довольно легко реконструируется цепь причин, вследствие которых Кюхельбекер был отделен от «сибирской артели» Пущина, а тот, в свою очередь, представлял лицейского собрата юродивым. Не исключено, что Кюхельбекер владел информацией, опасной для репутации Пущина, почему стремление укрепить о нем мнение среди соратников как о безумце выглядит вполне понятным. Ситуация, которую осмеивал Пущин в анекдотах, отразилась в следственном деле Кюхельбекера, а также графически воспроизведена А.С. Пушкиным. Попробуем увидеть ее, избавившись от предвзятых мнений.

Пушкин напряженно следил за событиями в Петербурге и за судьбой друга, попавшего, как он полагал, «в чужой пир». Сведе-

ния в Михайловское приходили от А. Дельвига<sup>29</sup>. *«Наши сумасшедший Кюхля, – сообщал барон в начале февраля 1826 г., – нашелся, как ты знаешь по газетам, в Варшаве... Говорят, он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета»*<sup>30</sup>. Пушкин отвечал Дельвигу 20 февраля 1826 г.: *«Очень благодарен за твои известия, радуюсь, что тевтон Кюхля не был Славянин – а охмелел в чужом пиру. Поведение великого князя Михаила в отношении к нему очень благородно...»*<sup>31</sup>. Друзья обсуждали в своей переписке ситуацию, которая всплыла в ходе следствия над повстанцами, но не очень привлекала внимание специалистов, т.к. снижала яркость романтических образов героев декабря. К тому же и свидетельства о ней давались весьма неоднозначные. Из допросных показаний Вильгельма следовало, что именно И. Пущин инициировал его «садить» с лошади великого князя Михаила, пытавшегося доказать морякам законность присяги Николаю.

Кюхельбекер же, мало того, что указал следствию на этот факт, но еще и пояснил, что сам он целился в великого князя для одного лишь вида (заведомо зная, что пистолет его «измочен снегом»), с тем, чтобы *«не допустить к сему (т.е. к убийству. – Т.М.) других»*<sup>32</sup>. Этот момент имели в виду Дельвиг и Пушкин, радуясь, что Вильгельм не принадлежал к числу рылеевцев, а вступил в их общество со своей целью! Заведомо зная, что их письма попадут в руки перлюстраторов, друзья Кюхельбекера выступали в роли виртуальных свидетелей, как бы разъясняя следствию его поведение. При этом первый «спасал» Вильгельма, обосновывая его поступок известной якобы всем его психической неуравновешенностью, а второй непосредственно подтверждал правоту показаний Вильгельма: акцентировал внимание на рыцарской чести семьи тевтонов-Кюхельбекеров, немецких дворян, состоявших на службе у российской короны. Нарушение норм вассального долга равнозначно было бы само-

---

<sup>29</sup> Дельвига мог информировать А.Д. Боровков – правитель дел Следственной комиссии по делу о 14 декабря, друг семьи Дельвигов, воспитатель Антона младшего. См.: *Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. С. 17.

<sup>30</sup> *Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К.* Указ. соч. С. 266.

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> ВД. Т. 2. С. 151–152; *Всеподданнейший доклад* Верховного уголовного суда от 30 мая 1826 г. // ВД. М., 1980. Т. 17. С. 58.

убийству<sup>33</sup>, тем более что Михаил Павлович являлся личным «знакомцем» их семьи.

Михаил простил Кюхельбекера; Пущин категорически отверг его «обвинение». Он пользовался тем, что Вильгельм не открывал всех обстоятельств, вследствие которых он оказался на площади с оружием. Согласно показаниям П.Г. Каховского, Рылеев «даже после происшествия 14-го декабря, в вечеру при Бестужеве... *упрекал зачем не убили Его Высочества*»<sup>34</sup>. Логично предположить, что Рылеев, запиской вызвавший к себе к 8 часам утра в день восстания В. Кюхельбекера (там были только И. Пущин и В. Штейнгейль), нацелил его на убийство Михаила, а двумя часами позже, вероятно, по его же указанию А. Одоевский вручил Вильгельму пистолет (полагаем, заведомо неисправный).

Все изложенное позволяет думать, что Пущин действительно мог словесно не подстрекать Вильгельма к выстрелу на площади, а напомнить ему о договоренности жестом или взглядом. Сути дела это не меняло. Рылеев и Пущин для Кюхельбекера выступали в едином лице. Рылеев был принят в тайное общество в 1823 г. Пущиным, а Кюхельбекер накануне восстания – Рылеевым. Пущин сетовал на то, что это было сделано вопреки его возражениям. Трудно в это поверить... Кюхельбекер был вовлечен в общество с заведомой целью, для которой его и пытались использовать, полагая существом не от мира сего.

Если исходить из известного плана, который был составлен в канун восстания, то подстрекательство Вильгельма к убийству Михаила со стороны Пущина как будто не имело под собой никакого смысла. Каховский, в отличие от Кюхельбекера, мог выстрелить в великого князя, но не сделал этого потому, что «*было уже поздно и восставшие все равно были окружены*»<sup>35</sup>. Очевидно, что изложенная ситуация может служить основанием для гипотезы о том, что цели, поставленные перед восставшими прапорщиками, и действительные намерения непосредственных «лидеров» восстания не были идентичными. Вопрос, кто конкретно стоял за спинами последних, оставим для будущего обсуждения.

---

<sup>33</sup> В свое время мать Вильгельма (Юстина Яковлевна, урожд. фон Ломен), услышав об убийстве императора Павла I, заявила супругу: «Ты обязан был умереть там». Цит. по: *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 733.

<sup>34</sup> ВД. М., 1925. Т. I. С. 376–377.

<sup>35</sup> Там же.

По замыслу, озвученному Рылеевым, повстанцы должны были не допустить сенаторов до присяги Николаю и принудить их принять манифест о Временном правительстве и созыве Учредительного собрания. Однако еще в канун выступления выяснилось, что Я. Ростовцев побывал у Николая якобы с уговорами отказаться от короны, и тот, конечно, поспешил принять присягу со стороны Сената и Госсовета до появления на площади повстанцев. И. Пущин, отправляясь на площадь, уже знал о состоявшейся присяге: его отец принес ее вместе с прочими сенаторами. Не случайно утром младший *брат И. Пущина, Михаил Пущин*, а также и А. Якубович отказались выполнить взятые на себя обязательства по выводу войск; избранный накануне в диктаторы князь С. Трубецкой не явился к началу выступления; Рылеев, полагавший, что выступить следует вне зависимости от обстоятельств, побывав на площади, исчез и более не возвратился. Запасных вариантов действий у заговорщиков не было.

Е.П. Оболенский принял на себя командование войском и тем предотвратил замешательство в среде повстанцев и хаос на площади<sup>36</sup>. И. Пущин также оставался там до конца развязки. Ему в заслугу ставятся «спокойствие и бодрость». Арестован он был только 16 декабря. Е. Якушкин изложил версию, согласно которой А.М. Горчаков, лицейский товарищ Пущина, предлагал ему якобы заграничный паспорт и обещал доставить *«на иностранный корабль, готовый к отплытию»*, но тот отказался (1, 27). Авторы легенды не учли, что побег *на корабле* из Петербурга *в декабре* был невозможен.

Кюхельбекер разрушил замысел заговорщиков, изображая «революционный энтузиазм» и пользуясь тем, что режиссеры видели в нем «юродивого». Его пулю они предназначали главному претенденту на корону после Николая, великому князю Михаилу. Кроме того, убийство Михаила должно было вызвать ситуацию общего замешательства на площади, что дало бы возможность «убрать» и Николая Павловича. Эту миссию брал на себя Якубович. Очевидно, что в случае убийства члена царской фамилии Кюхельбекер взшел бы на эшафот вместе с Каховским и Рылеевым. Если бы задуманная акция состоялась, это удовлетворило бы и лично Пущина<sup>37</sup>. Не

---

<sup>36</sup> Подробнее см.: *Мамсик Т.С.* От информационных мистификаций к реалиям эпохи декабристов...

<sup>37</sup> Столкновение с великим князем послужило Пущину поводом к увольнению из гвардии в 1823 г. (1, 12).

потому ли имя Вильгельма и вызывало у него злобу, которая выливалась в «милльон анекдотов об нем»?

Еще одним повешенным мог быть и А. Пушкин, как известно, оставивший под изображенной им виселицей с пятью казненными декабристами неоконченную фразу: «*И я бы мог, как шутят ви[сеть]...*»<sup>38</sup>. Исследователи теряются в догадках, что имел он в виду? Между тем есть свидетельство Льва Пушкина, переданное им декабристу Н.И. Лореру, о том, что И. Пущин накануне восстания вызывал-таки его старшего брата Александра в Петербург<sup>39</sup>. Но, как известно, Пушкин на «чужой пир» не попал.

Помимо прочих, свою роль в отказе поэта от «петербургского свидания» могли сыграть следующие обстоятельства. Пушкин уже имел опыт общения с провокаторами. В период пребывания на Юге он был свидетелем расправы в 1821–1823 гг. с командиром 16-й дивизии генералом М.Ф. Орловым и его подчиненным майором В.Ф. Раевским. Поэт знал Орлова – «Рейна» по обществу «Арзамас» и был в курсе его инициатив по созданию «Ордена русских рыцарей». Будучи человеком наблюдательным, он не мог не осознавать, что Орлов и Раевский были выведены из политической игры, к чему приложили старания его ближайшие в тот период «друзья» – генерал *Павел Сергеевич Пущин*<sup>40</sup> и, возможно, подполковник И.П. Липранди<sup>41</sup>. Оба служили в дивизии у Орлова<sup>42</sup>.

Павел Липранди, младший брат Ивана Петровича, адъютант корпусного начальника И.В. Сабанеева, провоцировал Пушкина навестить В.Ф. Раевского в Тираспольской крепости. Сабанеев искал повод арестовать Пушкина. Последний, по выражению генерала, «не без намерения» «прославлял» его, Сабанеева, «карбонарием» (!) и «выставлял виною всех неустройств» в дивизии Орлова.

---

<sup>38</sup> Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. 2-е изд. М., 1980. С. 179.

<sup>39</sup> См.: Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 204.

<sup>40</sup> Степень родства П.С. и И.И. Пущиных остается невыясненной.

<sup>41</sup> Формальной причиной ареста В.Ф. Раевского и отставки М.Ф. Орлова послужил донос М.К. Грибовского (см.: Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 326, 362). Так, вероятно, была прикрыта агентурная работа П. Пущина.

<sup>42</sup> И.П. Липранди – дипломат, агент внешней военной разведки, в политической жизни своей эпохи играл неоднозначную роль, в том числе и в отношениях с Пушкиным (см.: Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 11–41). Попытки реабилитировать П. Пущина как сысского агента выглядят убедительными.



Приняв вызов провокаторов, сторонники Орлова – «кишиневская шайка», по выражению Сабанеева, «органом» которой выделялся ему и «щенок» Пушкин, – вели настолько умную игру, что завели следствие по делу Раевского в тупик<sup>43</sup>.

П.С. Пущин пытался уловить Пушкина в масонскую «крысловку», за что удостоился эпиграммы, в которой поэт именовал его «почтенным каменщиком» и сравнивал с Квиригой. Эпиграмма пронизана такой тонкой саркастической патетикой («О, Кишинев! О темный град! Ликуй им просвещенный!»), что до сих пор принимается за дружеский шарж на генерала-либерала. Политическая борьба диктовала поэту необходимость уподобляться шуту, балансирующему на тонком канате.

Будучи «заперт» в Михайловском, Пушкин вновь ощутил над собой «опеку» мнимого «Квириги»-«каменщика». Отставной генерал поселился с поэтом по соседству, в имении Жадрицы, в трех верстах от Михайловского. Тут он «явился главным фабрикатом слухов о ссыльном Пушкине, вызвавших командировку секретного агента А.К. Бошняка», которому было предписано в случае их подтверждения арестовать Пушкина<sup>44</sup>.

Код к подлинному мнению о декабрьском «происшествии», как мы убедились, Пушкин скрыл в образах и сюжетах своих сочинений<sup>45</sup>. Гипотезы, построенные на полученной из них информации, подтверждаются цитированной выше перепиской Дельвига и Пушкина, а также пушкинским «посланием» в виде уже упоминавшегося рисунка. Владельцем его считается приятель поэта Ф.Ф. Юрьев. Как появился этот подарок в его архиве, неизвестно, хотя под рисунком стоит подпись: «Кюхельбекер, Рылеев. 14 декабря 1825 г. Рисовал Александр Сергеевич Пушкин». Датируется он условно – летом 1827 г., когда Пушкин вернулся в Петербург после ссылки и почти полного года, проведенного в Москве. Пушкинист П.А. Ефремов полагал, что при встрече с Юрьевым во время беседы «Пушкин и сделал этот набросок, представляя, какими, по его мнению, были Кюхельбекер и Рылеев

---

<sup>43</sup> См.: Иова И.Ф. Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1975. С. 164; Эйдельман Н. Первый декабрист. М., 1990. С. 261–267.

<sup>44</sup> См.: Вересаев В. Спутники Пушкина. М., 1993. Т. 1. С. 298, 305, 310, 312.

<sup>45</sup> См.: Мамсик Т.С. Поэмы «Гавриилиада» и «Граф Нулин» А.С. Пушкина... С. 172–196; Она же. Российская империя и ее окраины в осмыслении А.С. Пушкина...

на Адмиралтейской площади»<sup>1</sup>. Оставленный рисунок, по его мнению, был подписан самим Юрьевым. Последнее вызывает сомнение, как и соответствие содержания подписи смыслу пушкинского «послания».

Высказаны догадки, что источником сюжетной версии рисунка для Пушкина могла стать информация либо его брата Льва, либо слуги Кюхельбекера – С.Т. Балашева. Оба 14 декабря присутствовали на площади<sup>2</sup>. Но как раз это обстоятельство не позволяет безоговорочно идентифицировать второго героя с Рылеевым. Если исходить из мысли о точности отображения ситуации, то фигурантом рисунка Рылеев быть не мог: в момент, когда Кюхельбекер поднял свой пистолет для показательного выстрела, на площади его не было.

За спиной Вильгельма, образ которого узнается без труда, Пушкин изобразил человека в плаще с опущенными длинными рукавами. Лицом он напоминает Рылеева, но ростом и дородством, скорее, Ивана Великого – Пущина<sup>3</sup>. Взгляд этого человека направлен на дуло пистолета и в то же время как бы косит в сторону<sup>4</sup>. А далее заглянем в «дело» Кюхельбекера...

*«При вызове (к выстрелу – Т.М.), сделанном мне на счет Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича, – писал Кюхельбекер в своих показаниях, – я помню одного только Пущина въ лице (были и другие, но кто не знаю): помню взгляд его при том (смущенный и несколько косающийся, потупленный), помню точныя слова его (voulez faire descendre Michel), помню звук его*

---

<sup>1</sup> Невелев Г.А. «Истина сильнее царя...». М., 1985. С. 64.

<sup>2</sup> См.: Нечкина М.В. «О нас в истории страницы напишут»: Из истории декабристов. Иркутск, 1982. С. 97.

<sup>3</sup> Профильные портреты Пущина (акварель Д. Соболевского из группового портрета «Семиугольная звезда», 1825 г.) и Рылеева (См.: Гордин Я. События и люди 14 декабря: Хроника. М., 1985. С. 160–161) имеют сходство.

<sup>4</sup> На рисунке в книге Т.Г. Цявловской второй герой смотрит как бы исподлобья на тот же объект, в который целится Кюхельбекер (см.: Цявловская Т.Г. Указ. соч. С. 294). В копии же рисунка, опубликованного Г.А. Невелевым, взгляд второго фигуранта устремлен в землю (см.: Невелев Г.А. Указ. соч. С. 96–97). Не только рукописи, но и копии рисунков Пушкина требуют к себе весьма критического отношения.

*голоса (неверный и запинаящийся), помню место, где этот несчастный вызовъ был мне сделан...»*<sup>1</sup>.

Описание столь тонких психологических нюансов Пушкин не мог услышать ни от брата, ни тем более от слуги Вильгельма. Создается впечатление, что он либо читал (!) показания Кюхельбекера, либо слышал о ситуации лично от него. Разгадка этой тайны – дело будущего, сказанное же дает основания заключить: для Пушкина, как и для Кюхельбекера, агентурно-провокационная деятельность их общего «друга» не являлась секретом.

Продолжая рассматривать в свете наших допусков зарисовку Пушкина, можно высказать догадку, что за спиной Кюхельбекера художник поместил двуединую фигуру – «Рылеева – Пущина». В то же время рисунок поэта – отнюдь не фотографический снимок с конкретных событий. Это политический шарж, заключающий в себе целый ряд символических смыслов. В нем отражена ситуация трагического краха российского революционаризма: двуликий «театральный» герой, задрапировавший свои мысли и руки, направляя к кровавым действиям «охмелевших в чужом пиру» романтиков.

В последний раз судьба свела А.С. Пушкина и Тевтона, как известно, на почтовой станции Залазы 14 октября 1827 г., в момент, когда группу узников везли из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость. Запись об этой встрече Пушкин включил в свой «Дневник»<sup>2</sup>. Не исключено, что он был предупрежден о дате и маршруте этого перемещения Дельвигом. Жандарм, сопровождавший арестантов, рапортовал о том, что он не допустил контакта Пушкина с Кюхельбекером. Так ли это было на самом деле, оставим на его совести. Известно также, что в период заключения в Динабурге Кюхельбекер и Пушкин имели тайную переписку<sup>3</sup>. У друзей была возможность обменяться важной для каждого из них информацией о сути декабрьских событий. К месту также напомнить, что Михаила Павловича и Пушкина связывали доверительные отношения. Благодаря содействию великого князя Кюхельбекер занимался в крепости литературной работой, а Пушкин издал некоторые его

---

<sup>1</sup> ВД. Т. 2. С. 190 («Собственноручное» показание В. Кюхельбекера 16 мая 1826 г.).

<sup>2</sup> См.: Пушкин А.С. Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 34.

<sup>3</sup> См.: Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Указ. соч. С. 240; Невелев Г.А. Указ. соч. С. 52, 67.

сочинения (анонимно). Заключение Вильгельма закончилось 14 декабря 1835 г., на пять лет ранее назначенного срока. А. Пушкин приветствовал это событие поэтическим посланием к другу, в котором метафорически выразил свою благодарность его «меценатам»<sup>1</sup>.

Кюхельбекер еще в 1832 г. официально отказался от своих показаний в отношении Пущина, и в Сибири оба они как будто не вспоминали об этом эпизоде. Однако у Пущина имелись основания опасаться публичного разоблачения, при этом провоцирующую роль могли сыграть «анекдоты», которыми он развлекал свою артель. Вильгельм, по-видимому, вскоре узнал об этом факте (возможно, от Н. Басаргина, жившего до 1846 г. в Кургане). Именно этим обстоятельством можно объяснить появление двух стихотворений, в которых он в острой, но достаточно обобщенной художественной форме высказал свое отношение к институту тайного сыска.

Одно из них условно названо «Вот, слава богу, я опять спокоен» и адресовано Н. Басаргину. Поэт благодарил товарища за «искреннее участие» к «больному слепцу», «обманутому людьми» и «растерзанному страданьем», но в то же время предлагал ему различать «любовь животворную» и «любовь притворную», напоминая завет Искупителя – познавать людей не по словам, а «по делам» их. Полагаем, что определенной долей скепсиса в отношении Пущина Басаргин обязан был Кюхельбекеру.

Другое сочинение Вильгельма, предсмертное, имеет весьма символическое название: «Клеветнику». Текст его частично утрачен. Предполагаемый адресат – А.Ф. Орлов. Между тем совершенно очевидно, что поэт дал в нем собирательный образ агентуры тайной разведки во главе с «тауком» – «атаманом опасных, черных жаб», для которого цель оправдывает любые средства. «Нет у тебя друзей, – констатирует автор, обращаясь к Клеветнику, – лжецы и пустомели твои орудия: ты выгоняешь их, как бешеных собак, на всех врагов твоих!». В заключение поэт пророчествует: «Наказан будешь ты сообщников рукою... они когда-нибудь вольют смертельный яд в твою больную грудь»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Мамсик Т.С. К биографии А.С. Пушкина и В.К. Кюхельбекера... С. 52–63.

<sup>2</sup> Кюхельбекер В.К. Сочинения. Л., 1989. С. 130–131.

После смерти Кюхельбекера архив поэта оказался у Пущина. Об этом свидетельствует его письмо от 31 августа 1846 г. П.Н. Сви-стунову в Тобольск (1, 333). В этом же письме он напоминал вдове Вильгельма о том, чтобы она привезла ему в Ялutorовск оставшиеся от мужа бумаги – для присоединения к прочим. Не ради ли этого архива и дозволено было Кюхельбекеру перебраться в Курган, ближе к резиденции тайного агента? Пущин, естественно, ревизовал архив, что видно из письма к Матюшкину: *«Бедный Вильгельм написал целый ящик стихов, который я отправил в Екатеринбург к его сестре. Он говорил всегда, что в этом ящике 50 т. рублей, но, кажется, этот обет не сбывается»* (2, 41).

Основным документом, интересовавшим Пущина, был, конечно, дневник Кюхельбекера. Но, как можно судить, он не содержал прямого компромата: его автор следовал принципу: *«Сносить терпеливо все неудовольствия и неприятности от человека, ссорившегося со мной»*. Это правило покоилось у него на известной религиозно-философской истине, что «перед всесовершенным... все грехи равномерностны: а он их отпускает нам. И мне ли, грешнику... вы-бирать, что прошу и чего не прошу моему ближнему?»<sup>1</sup>.

Что касается процитированных стихов, то они не могли вы-звать у Пущина добрых чувств к автору. Не трудно вообразить также реакцию Пущина, представителя купеческого рода по линии матери, и на драму-сказку Вильгельма «Иван, купецкий сын»<sup>2</sup>. Да-же при самом беглом знакомстве видно, что в этом сочинении ме-тафорически отражены политические события, участниками кото-рых оказались бывшие лицейские «друзья». Более того, именно они и выступают в роли прототипов сказочных персонажей. Один из них – витязь, спасший семью красавца-купчика Ивана Иванова от верной гибели, обращен за это в каменного истукана с «живой ду-шою» (намек на заключение в крепости); другой – бездушный торговец, продавший «за сходную цену» своего окаменевшего спаси-теля как диковинку английскому лорду-путешественнику. Подобно Пушкину Кюхельбекер образно намекает на события 1825 г., его британских дирижеров и петербургских исполнителей<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Кюхельбекер В.К. Путешествие.... С. 202, 204.

<sup>2</sup> См.: Мамсик Т.С. Проблема азиатско-европейского культурного син-теза ...

<sup>3</sup> См.: Мамсик Т.С. Российская империя и ее окраины в осмыслении А.С. Пушкина... С. 195–197.

После отправки рукописей в Екатеринбург Пушкину оставалось утешаться «своевременной» смертью (своей ли?) автора и надеждой на то, что сочинения его не скоро дойдут до читателя, способного уловить их истинный смысл. Но помимо письменных свидетельств, могли остаться и устные. Добыть их было возможно, войдя в доверие к вдове Кюхельбекера. Пушкин не скрывал к ней своего пренебрежительного отношения. *«Выбор супружницы доказывает вкус и ловкость нашего чудака, и в Баргузине можно было найти что-нибудь хоть для глаз лучше. Нрав ее необыкновенно тяжел», «баба беснуется на просторе», «мужиковатая баба»* (1, 314–315). В таких выражениях передавал он свое впечатление об этой женщине в письме к Энгельгардту в марте 1845 г. Несмотря, однако на столь брезгливое отношение, после смерти «друга» Большой Жанно сблизился с ней до интимной связи.

Схоронив супруга, Д. Кюхельбекер осталась одна: ее детей увезла с собой с высочайшего соизволения сестра Вильгельма Устина, вдова статского советника Глинки. При этом было поставлено условие, чтобы «дети назывались... Васильевыми»<sup>1</sup>. Осиротевшую женщину Пушкин поселил у себя, и она родила от него сына, которого отец в шутку именовал «купчик Иван» (!). Когда же встал вопрос о браке, Пушкин театрально положил лучшим *«пустить себе пулю в лоб»*<sup>2</sup>. Большой Жанно, подобно Казанове, удачно сочетал служение долгу и Эросу и находил выход из самых щекотливых ситуаций. Собрвав товарищей, он «покаялся» и, спасая репутацию, просил их молчать о «ялуторовской истории»; женщину же, ожидавшую ребенка, передал на попечение Оболенского и четы Басаргиных<sup>3</sup>. Устроив дела, он отбыл в Тобольск, а затем «для лечения» – на Туркинские воды, на самом же деле – в Иркутск (см. далее). Из Тобольска он вел переписку с Оболенским и недоумевал (письмо от 7 июля 1849 г.) относительно поведения Помаре<sup>4</sup>, именуя так в целях конспирации коптюльскую узницу: «Говорит, что сидит с закрытыми ставнями. Я этого не понимаю...» (1, 384, 367, 373).

---

<sup>1</sup> Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Указ. соч. С. 287–289.

<sup>2</sup> Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске: мировоззрение и деятельность. Новосибирск, 1989. С. 113.

<sup>3</sup> Басаргины жили в 1849 г. в Коптюле, недалеко от Ялуторовска, где располагался их стекольный завод.

<sup>4</sup> Имя королевы о-ва Таити, состоявшего под протекторатом Франции (1, 496).

Обесчещенная женщина к родителям ехать не решилась; в 1850 г. по возвращении из вояжа Пущин отправил ее в Иркутск, на попечение М. Волконской. *«Известная Вам Дросида Ивановна – писал он Н.Д. Фонвизиной в апреле 1855 г., как всегда, прибегая к двусмысленностям и подавая себя в выгодном свете, – вручила мне, кроме Вани... свой капитал за десять процентов в год»*. Далее из письма следовало, что спустя пять лет, вдова потребовала вернуть ей все деньги разом. Денег у Пущина якобы не было, и он не стеснялся просить у своей новой пассии (год назад овдовевшей) *«ломбардных билетов... всего на тысячу рублей серебром»* (2, 125–126).

Ваня-купчик был вторым известным внебрачным ребенком Пущина. Еще в 1842 г. он стал отцом Аннушки, матерью которой была некая «якутка», проживавшая, как ни странно, в Туринске. Забота о матери и новорожденной тогда также была возложена на Оболенского, сам же Пущин пребывал в Тобольске (1, 264, 479). Позже девочка «приучена» была называть М. Муравьева-Апостола и его супругу «папашей» и «мамашей», а отца – «дядей». Впоследствии она оказалась еще дальше от Пущина: в Иркутском, а затем Нижегородском девичьем институте. В этих учреждениях последовательно директорствовала М.А. Дорохова, считавшая Анну (Нину) своей приемной дочерью (2, 43, 131, 137, 165, 506).

Сын Пущина воспитывался некоторое время в семье крестного отца, Н. Басаргина, и носил его отчество. Записан же был на ту же фамилию (Васильев), что и дети Кюхельбекера. Подросший мальчик учился в школе И.Д. Якушкина, а после амнистии был отдан в частный московский пансион. В 1858 г. отец определил его в купеческое сословие Новоторжского общества. Е. Оболенский, человек высокой нравственности, хорошо знал историю появления детей Пущина, а потому счел возможным напомнить ему *«о полном усыновлении»* их. В ответном письме тот успокоил его: *«...с помощью божиею это все уладится»* (2, 406). Но Большой Иван так и не усыновил Малого, предоставив сделать это брату Николаю<sup>1</sup>.

*«Когда узнаю, что Басаргин в Нижнем, напишу к нему, что его крестник теперь Пущин, а не Васильев, хоть, может быть, ему это все равно, но я помню, как они много для меня сделали, когда этот*

---

<sup>1</sup> По-видимому, Николай не усыновил мальчика, а только нашел способ сменить ему фамилию (1, 504).

купчик являлся на свет...» (2, 382) – демонстрировал Пущин свою порядочность Наталье Дмитриевне (уже состоявшей с ним в браке) в одном из писем в марте 1858 г. Но будучи в Новгороде, он уклонился от встречи с Басаргиным, сославшись на то, что спешит встретиться со своей супругой: «Басаргин мне пишет, что будет в Нижний 20-го числа... они едут в Омск... Разумеется, я его не жду... необыкновенно тянет меня к тебе... *Письмо холодно – ты сама прочтешь*» (13 июня 1858 г.). Басаргин по прибытии в Новгород отметил в дневнике: «В Нижнем думал я застать Пущина, но он выехал за два дня до моего приезда, и мы с ним разъехались дорогой»<sup>1</sup>.

Отношение Пущина к своим внебрачным детям характеризует его личность с достаточно неприглядной стороны. Свое длительное безбрачие он прикрывал лицемерными рассуждениями о тяжком пути революционера, «*чтоб без упрека идти по нем до конца*»<sup>2</sup>; в этой же связи он осуждал «сибирские сочетания» своих товарищей, называя их «испанскими», т.е. неравными. Но между тем он не полагал предосудительным для себя заводить внебрачных детей и вручать их судьбы своим ближним. Логика поступков Большого Жанно показывает, что свободу свою он берег для будущего – «полезного» брака. Ситуации, связанные с историей брачного союза Пущина с вдовой М.И. Фонвизина, нуждаются в особой реконструкции, которую мы отложим до времени.

\*\*\*

Пушкин и Кюхельбекер, владевшие информацией, представлявшей опасность не только для карьеры, но и для жизни Пущина, хотя и избежали виселицы, но тем не менее безвременно сошли в могилу. Антон Дельвиг их опередил: умер 14 января 1831 г. в возрасте 32 лет (не с чужой ли помощью?)<sup>3</sup>. Близкое общение с вдовой Кюхельбекера убедило Пущина в своей относительной безопасно-

---

<sup>1</sup> Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 281.

<sup>2</sup> Цит. по: Болоцких В.Н. Указ. соч. С. 112–116.

<sup>3</sup> Символичны строки Кюхельбекера, посвященные памяти друзей: «Нет горю доступа к остывшим их сердцам, / Не заползет измена в мрак могильный» (Кюхельбекер В.К. Путешествие... С. 431).



сти. Е. Оболенский всегда был под рукой и не без усилий Жанно также выглядел «чужаком» – «мистиком», сочетавшим в себе элементы «святости», странной симпатии к императору Николаю и чувства вины перед убитым Милорадовичем<sup>1</sup>. Имиджу Маремьяны-старицы ничего не угрожало; помыслы его, как видно по письмам, постоянно обращались вокруг мысли о скором вознаграждении за «долготерпение».

Примерно за год до смерти Кюхельбекера, в день именин, после 20-летнего пребывания в Сибири Пущин в письме Энгельгардту (8 мая 1845 г.) бросает как бы упрек: *«Сегодня просто хотелось напомнить вам вашего молодого питомца, который в Зауральском краю уже двадцатый раз именинник. Следовало бы за это долготерпение дать ему пряжку, хоть с правом носить в кармане»* (1, 317). Та же попытка – напомнить о себе по начальству в связи с очередной годовщиной – в конспиративном (!) письме от 10 июля 1848 г. жандармскому (!) генералу Я.Д. Казимирскому за подписью экономки Матрены Мешалкиной<sup>2</sup>: *«Довольно жить в Сибири, сегодня ровно 22 года, что подписан контракт, по которому я согласилась шурфовать доставшийся мне на часть золотой прииск терпения. Благодаря бога, работа идет успешно, хотя больших прибылей нет, но покамест капитал еще не истощается...»* (1, 344).

Пущин сообщает Казимирскому о том, что, пользуясь «мнимой болезнью», он собирается прокатиться по Сибири для того, чтобы посетить все места поселения бывших своих союзников. Из письма от 30 октября 1848 г. тому же адресату: *«В Петербург еще не писал насчет моего предполагаемого путешествия... Может быть прямо пошлю в III отделение... надо найти случай предварить родных, чтобы они не испугались мнимо-болезненным моим положением...»*

---

<sup>1</sup> См.: Мамсик Т.С. От информационных мистификаций к реалиям эпохи декабристов... С. 74, 78–79.

<sup>2</sup> Я.Д. Казимирский в 1834 г. был назначен жандармским штаб-офицером в Томскую губернию, затем стал плац-майором тюрьмы Петровского завода, где отбывали срок каторжных работ декабристы; закончил службу в Сибири генералом – начальником Сибирского жандармского округа (см.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 120).

(1, 349). По мере продвижения дела 15 января 1849 г. он информирует жандармского генерала о своей «дипломатии»: *«Если Шеф не пустит на воды по просьбе родных, то пишу формальную просьбу с лекарскими свидетельствами»*, т.к. не хотел бы, чтоб *«родные вообразили себе, что я в самом деле нуждаюсь в серном купании»* (1, 352).

Кто же был тот лекарь, который выдавал Пущину мнимые свидетельства о его болезнях? И есть ли основания после подобного рода откровений верить и другим письмам Пущина, в которых периодически речь идет о его «больной ноге»? И не странна ли фамильярность в отношении А.Ф. Орлова, шефа корпуса жандармов, сменившего Бенкендорфа: упоминание без фамилии, чина, звания...

Путешествие под предлогом лечения на Туркинских водах состоялось. Оно началось в мае 1849 г. в Ялуторовске – с остановками во всех городах, где жили декабристы, т.е. в Тобольске, Таре, Красноярске, Иркутске, Селенгинске, – и закончилось в Кяхте. Судя по письмам, из Иркутска Пушин посетил также и окрестные «декабристские» поселения: Олонки (В.Ф. Раевский), Хомутово (А.А. Быстрицкий), Оёк (Трубецкие), Тугутуй (А.Л. Кучевский). К январю 1850 г. он был вновь в Ялуторовске, *«благодарный богу и людям за отрадную поездку»*. Связи Пущина с Казимирским не ограничивались только его корреспонденциями из Тобольска, Красноярска и Ялуторовска. *«Скоро буду с вами беседовать»* – писал он ему по прибытии на место жительства 2 января 1850 г. (2, 20).

Но, видимо, даже за эту итоговую инспекцию<sup>1</sup> своей рассыпанной по Сибири «артели» Пущина все еще не представили к ожидаемому чину. В письме к Матюшкину (25 января 1852 г.) он в форме самоотчета излагает этапы своего послелицейского жизненного пути, сопровождая итоговыми оценками и знакомой двусмысленной «жалобой»: *«Судьба меня баловала и балует... Здесь, кажется, любят меня больше, нежели я их люблю... Благодаря богу, я вышел не разочарованным из этого испытания <...> Не знаю, пой-*

---

<sup>1</sup> «Инспектирование» проводилось, очевидно, в связи с ожидаемой амнистией декабристов, приуроченной к 25-летию вступления на престол Николая Павловича.

*мешь ли ты меня настоящим образом <...> Не выходит что-то мне пряхска за 25-летнюю сибирскую жизнь. Видно еще не все справки наведены*» (2, 40–41).

\*\*\*

Эпистолярное наследие И.И. Пущина позволяет заглянуть нам в тот отрезок его биографии, когда он готовился «подписывать» «сибирский контракт». Хронологически это период между закончившимся уже следствием и отправкой его в Сибирь<sup>1</sup>. Письма по пути на каторгу («дорожный дневник») освещают также некоторые эпизоды жизни узника в Шлиссельбургской крепости, неожиданным образом связанные с событиями будущего. Судьба самих писем дает новые факты для обоснования нашей гипотезы. Полагаем, что в период заключения в Шлиссельбурге Пущин из какого-то отдела тайной разведки, существовавшей еще при Александре I<sup>2</sup>, был переведен в состав III Отделения жандармского корпуса, являвшегося одновременно, по свидетельству Бенкендорфа, «средоточием» «высшей секретной полиции, которая в лице тайных агентов должна была помогать и способствовать действиям жандармов»<sup>3</sup>.

Имея небольшой штат, III Отделение насчитывало сотни внештатных – платных и добровольных агентов. «Изучение вопроса об агентурной сети III Отделения осложняется отсутствием в делопроизводстве необходимых сведений об агентах “надзора” – так официально именовался политический сыск». “Голубое ведомство” умело хранить свои секреты. *Фамилии агентов были известны только тем чиновникам III Отделения и жандармским офицерам, которые непосредственно с ними имели дело. О наиболее “ценных”*

---

<sup>1</sup> 10 июля 1826 г. И. Пущин и его товарищи выслушали приговор; 29 июля Пущин был переведен в Шлиссельбургскую крепость; 8 октября 1827 г. отправлен в Сибирь.

<sup>2</sup> Под ее надзором находился, конечно, и Царскосельский лицей. Известно, что доносы лицеистов друг на друга поощрялись. См.: *Гроссман Л. Пушкин. М., 2003. С. 72.*

<sup>3</sup> Указ о создании жандармской полиции во главе с шефом – генерал-адъютантом А.Х. Бенкендорфом издан 25 июня 1826 г., а 3 июля Особая канцелярия министра внутренних дел преобразована в Третье отделение Собственной Е.И. В. канцелярии под началом А.Х. Бенкендорфа. 28 апреля 1827 г. издано «Положение» о корпусе жандармов. См.: *Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: (По подлинным делам III Отделения).* СПб., 1909. С. 14–16.

*сотрудниках знали только шеф жандармов и управляющий III Отделением»<sup>1</sup>.*

Очевидно, в связи с формированием сибирской агентуры тайного надзора отправка части осужденных декабристов к месту каторги и была отложена более чем на год. Вчитавшись в письма с дороги, можно также сделать еще одно предположение: родственники Ивана Пущина не только знали о его сыскной деятельности, но и были в нее включены. Управляющий III Отделением М.Я. Фон-Фок поощрял *«семейственную службу»* в рядах как штатных чиновников, так и внештатных агентов своего ведомства<sup>2</sup>.

Выше уже упоминались двое из них: генерал Павел Сергеевич Пущин (1785–1865) и родной брат Ивана – Михаил (1800–1869). Эти Пущины выполняли в политическом сценарии, завершившемся ударным актом 14 декабря, роль не только осведомителей, но и провокаторов. Павел – на Юге, а затем на Псковщине, вблизи Михайловского, а Иван и Михаил – в Петербурге. После восстания Михаил декоративно был наказан за *«знание и недоношение о подготовке к мятежу»* ссылкой в солдатскую службу на Кавказ<sup>3</sup>. Но уже в первом письме к родственникам, присланном с дороги, И. Пущин радуется вместе с ними по поводу того, что *«Михайло произведен в офицеры»*. Эту новость он узнал от сопровождавшего его жандарма (1, 80). Совершенно очевидно, что Михаил получил офицерское звание не в армейской службе, а по линии тайной разведки и в дальнейшем успешно оправдал этот «аванс», продолжая свое наблюдение за «товарищами по несчастью». Труды М. Пущина были вознаграждены при Александре II чином генерал-майора и назначением на должность коменданта Бобруйской крепости.

След П.С. Пущина как агента после неудачи с компрометацией Пушкина теряется. Но примечательно, что в письме от 19 ноября 1858 г. С.П. Трубецкому в Одессу уже после амнистии И. Пущин передавал привет Павлу Сергеевичу на случай, если тот играет с несостоявшимся «диктатором» в шахматы (2, 485). В связи с возвращением из ссылки декабристов агентурный опыт отставного генерала Пущина вновь оказался востребован.

---

<sup>1</sup> Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 36, 63.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> См.: *Декабристы*: Биограф. справ. М., 1988. С. 149–150.

«Дорожный дневник» и дальнейшая переписка И. Пущина показывают, что помимо названных, еще трое его ближайших родственников имеют отношение к тайной агентуре. Это брат Николай (1803–1874), юрист, служивший по ведомству МВД, чиновник 2-го отделения III департамента Сената, и сёстры – Анна и Екатерина<sup>1</sup>. Младший брат Ивана, Петр (1813–1856), был в момент следствия еще мал, но в дальнейшем, видимо, также стал агентом тайной полиции: служил *«все из чести, без жалованья»*, в надежде, что *«пошлют в Тобольскую губернию»*, чтобы увидеться с братом. Свои разъезды по различным губерниям (Костромской, Вологодской, Минской) – *«для осмотра тамошнего порядка вещей»* – Петр совершал, будучи командирован от Почтового департамента. Эти сведения И. Пущин доверительно сообщает (15 июня 1846 г.) все тому же Я.Д. Казимирскому (1, 327). В письме же «с дороги» к Николаю, как будто забыв о своем статусе государственного преступника, он пишет: *«Николя! Как часто я вспоминаю нашу переписку в Алексеевском равелине – с нетерпением жду продолжения. Не знаю, как тебя вообразить теперь: в мундире или во фраке и где? Уверен только, что где бы ты ни был, а будешь то, что от тебя ожидаю...»* (1, 85).

Упоминание о «мундире», вполне вероятно, указывает также на службу Николая в тайной полиции. А даваемые ему далее поручения исходят не столько от брата, сколько от лица, старшего по службе. Пользуясь случаем, Иван наставлял брата «со свойственной» тому «осторожностью» передать служащему Иностранной коллегии К.К. Рачинскому записку от своего товарища по несчастью А.В. Поджио и благодаря этому познакомиться с человеком, который *«очень знаком с Лавинским»*.

Речь шла о генерал-губернаторе Восточной Сибири А.С. Лавинском (1822–1833 г.). Надо полагать, что соответствующее отделение тайной полиции не только информировалось таким путем об одном из каналов связей декабристов с оставшимися на родине товарищами; здесь же говорилось и о будущей тайнописи, которой изгнанники предполагали пользоваться в письмах на родину: *«...по возможности будем между строками писать лимонным соком»*.

---

<sup>1</sup> Известно, что светские дамы оказывали услуги, *«полезные правительству и ... III Отделению»* (Лемке М. Указ. соч. С. 28). В числе первых «важных» агентов М.Я. Фон-Фок называл сестер Е.Н. и Н.Н. Пучковых (см.: Оржиховский И.В. Указ. соч. С. 63, 64).

На листе, содержащем ответ на полученное нелегальным путем сообщение, адресату предлагалось ставить «крестик». Чуть позже – ремарка о том, что ссыльные поняли: их тайнопись уже не секрет для сыска (1, 81).

Таким образом, связи с Николаем и Анной их брат Иван установил уже с дороги в Тобольск. Ему удалось «уговорить» недоступного для прочих ссыльных фельдъегеря доставить на обратном пути родственникам (в Царское Село) «тетрадку» писем, т.е. свой дорожный дневник (1, 80–87). Из него, помимо изложенного, следует, что в период заточения в Шлиссельбурге Пущин пользовался особым покровительством коменданта крепости генерал-майора Г.В. Плуталова – *«имел бездну перед другими выгод»* (1, 81). После смерти Плуталова сменивший его И.П. Фридберг обещал, помимо порционных денег, выданных на дорогу, выслать к иркутскому губернатору для выдачи Пущину еще *«с лишком тысячу»* (1, 82).

Поразительно все: и факт оперативно установленной связи с родными, и самый объем письма в виде дневника-отчета, и уверенность везомого жандармом в неведомую Сибирь «государственного преступника» в том, что отнюдь не безобидное содержание его «писем» не станет достоянием полиции. Их автора не смущало, что в случае доноса могли пострадать и сибирские администраторы, «ласково» обходившиеся с изгнанниками, и жандарм, совершавший служебное преступление, и родственники, которых автор вовлекал в противозаконные действия. Очевидно, что пишущий знал: его «отчет» будет доставлен по назначению. Но случилось непредвиденное: *«фельдъегерь потерял мешок с вещами и письмами на тракте и оплатился годичным арестом»* (1, 433). Как и следовало ожидать, случай этот не отразился на судьбе Пущиных.

В течение всего периода ссылки Анна и Николай выполняли самые разные «поручения» Ивана. Анна «назначала» ему места для поселения. Николай под предлогом командировки от МВД для инспекции режима ссыльнопоселенцев побывал в гостях у старшего брата в Ялуторовске. По возвращении из Сибири он же «собирал» документы, оставленные «на хранение» в связи с арестом; готовил (вместе с сыном Якушкина Евгением) необходимые материалы для задуманных записок о Пушкине. Он же считал своей обязанностью заменить фамилию Васильев, которую носил внебрачный сын Д.И. Кюхельбекер и

его брата, на фамилию Пуцин<sup>1</sup>. Еще одна сестра И. Пуцина, Екатерина (Набокова), «добилась» у III Отделения разрешения на пребывание его в столице для «лечения» при запрете для прочих амнистированных оставаться в пределах даже Московской губернии.

Из жалоб автора «дорожного дневника» на пребывание в крепости следует, что оно Пуцина (несмотря на «*бездну перед другими выгод*») достаточно утомило и он полагал себя более свободным, вырвавшись оттуда на Сибирский тракт. Между тем из его описаний видно, что заключенным в крепость многое позволялось, они виделись с родными, разумеется, переписывались. Прогулки совершали группами... Такой режим предоставил Пуцину возможность знакомства с Романом Медоксом (1793–1859), офицером, осужденным за казнокрадство и просидевшим в тюрьме к моменту их встречи уже 14 лет. Привезенные в июле 1826 г. в Шлиссельбург декабристы Юшневский, Пестов, Дивов, Пуцин, Н. и М. Бестужевы были поселены в одном отделении с ним. Этот «*некто Медокс*» был затем перемещен в другую крепость, что Пуцина «*мучило*». Успокоился он только после проезда через Вятку, где узнал, что его «*знакомый*», живет здесь «*на свободе*» (1, 83).

Уже весной 1827 (?) г. Медокс оказался в Омске в роли сосланного в солдатскую службу дворянина, а позже – в Иркутске, откуда в 1833 г. направил ложный донос о готовящемся якобы заговоре в среде ссыльных декабристов. С.Я. Штрайх и М.В. Нечкина не без оснований полагали Медокса авантюристом, «*обманывавшим Николая и III Отделение*»<sup>2</sup>. Напомним, что в 1834 г. предполагалась амнистия декабристов. Проект «Медокс» оказался как нельзя кстати для того, чтобы она не состоялась. Это дало новые основания обществу видеть в лице Николая жестокого деспота.

В связи с делом Медокса вновь возникает ряд вопросов: кому же служил этот англичанин<sup>3</sup>, хороший знакомый И. Пуцина? И не

---

<sup>1</sup> Большой Жанно обязан был беречь свою репутацию. По проекту агентуры: ему предстояло обессмертить свое имя созданием записок о Пушкине; в них, как известно, поэт подан в образе ловеласа и аполитичного человека, чье поведение вызывало осуждение и препятствовало принятию его в тайное общество.

<sup>2</sup> Нечкина М.В. «О нас в истории страницы напишут...». С. 52–53.

<sup>3</sup> О Медоксе приводятся самые противоречивые сведения (см.: *Туманик Е.Н.* Роман Медокс: загадка личности и загадка дневника // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Культура, наука, образование. Новосибирск. 2005. № 3. С. 85–107).

в общей ли связке «работали» в Сибири эти агенты, несмотря на пребывание Пущина в то время в заключении? Действия Медокса были направлены на компрометацию А.Н. Муравьева, служившего в Иркутске (1828–1831) и принадлежавшего к числу лиц, которые для императора были опорой. В свое время Пущин был вхож в круг членов преддекабристского общества – Священной артели, организованной Муравьевым. Не исключено, что, отойдя от так называемых «декабристских» полуполициальных обществ, Муравьев остался членом Ордена русских рыцарей, деятельность которого настойчиво пыталась пресечь проанглийская агентура.

Кроме затронутых в данном очерке, еще целый ряд вопросов остается без ответа. Ясно, однако, что интеллектуальное наследие «декабристской» эпохи, не только эпистолярное, литературное, графическое, но равным образом в виде художественных полотен, музыкальных произведений и т.д., несет на себе печать яростной политической борьбы внутрироссийского и международного характера. В результате потребительского, идеологически одностороннего «прочтения» смысла этих «посланий» создано упрощенное представление об отечественной истории. Очевидно, что задача историков – найти подходы для изучения ее на новом, более глубоком, уровне, критически подходя к созданной предшественниками источниковой базе.



М.К. Чуркин  
ПРОБЛЕМА МИГРАЦИОННОЙ МОБИЛЬНОСТИ  
КРЕСТЬЯНСТВА В КОНТЕКСТЕ  
ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ  
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.  
(на материале рассказа С. Каронина «Куда и как они переселялись»)

Использование художественного произведения в качестве исторического источника, как известно, требует от исследователя определённой доли внимания и осторожности, поскольку подобные тексты априори допускают вероятность включения в их канву как достоверных, документально подтверждённых, так и интерпретированных, прошедших сквозь сито авторской фантазии фактов и событий. Тем не менее нужно признать, что реальную источниковую ценность при осмыслении исторического ряда явлений имеют эклектические с жанровой точки зрения работы. Прежде всего, к ним относятся произведения отечественных мастеров художественного слова, созданные во второй половине XIX – начале XX в. на стыке очерковой публицистики и художественной литературы, посвящённые различным аспектам крестьянской жизни: нравам, обычаям, социальным отношениям, специфике сознания и поведения. К данной категории относятся литературно-публицистические опыты Н.Н. Лескова, Г.И. Успенского, Н.В. Успенского, В.В. Селиванова, Н.Н. Златовратского, А.И. Эртеля, Н.Е. Петропавловского (С. Каронин)<sup>1</sup>.

Рассказ С. Каронина «Куда и как они переселялись», опубликованный впервые в 1880 г. на страницах журнала «Отечественные

---

<sup>1</sup> См., например: *Успенский Г.И.* Власть земли. М., 1988; *Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века.* М., 1986; *Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века.* М., 1987; *Фет А.А.* Деревенские очерки // Фет А.А. Проза поэта. М., 2001.

записки», отражает одну из злободневных тем общественно-политического дискурса пореформенного периода – судьбы и бытовых аспектов жизни российских землепашцев, настроений в крестьянской среде в условиях активизации переселенческого движения на восточные окраины страны. Характерно, что именно в указанный период на страницах журналов наиболее «ожесточённо» муссировался вопрос о причинах роста миграционной активности земледельческого населения, соотношении уровня санкционированных и нелегитимных переселений, эскалации «бродяжнических» инстинктов и настроений в народной массе.

Главными действующими лицами рассказа являются жители деревни Парашкино, пребывающей в полном запустении. Хозяйственная разруха и обветшание дворов ввергает их в состояние индифферентности и апатии, о чём красноречиво свидетельствовали «...шальное выражение лиц, бесцельность и беспричинность в разговоре, полнейшее отсутствие сознательности...»<sup>1</sup>. В этой ситуации односельчанин парашкинцев солдат Ершов выступает с инициативой коллективного переселения на новые места. После недолгих размышлений крестьяне решают во что бы то ни стало покинуть родную деревню и отправиться в Сибирь на поиски лучших мест.

Случай, произошедший с литературными героями С. Каронина, достаточно типичный для жителей русской деревни второй половины XIX в. Однако чрезвычайно важной в рассказе представляется авторская позиция, сообразно с которой участники событий наделены возможностью высказывать своё отношение к происходящим событиям, что отнюдь не типично для документального источника, исключая эмоциональную составляющую. Таким образом, писателю удалось вырваться за рамки одномерного восприятия переселенческой проблемы, в контексте которой народный порыв чаще всего рассматривался только как прямой результат экономических девиаций. Справедливости ради отметим, что именно «крестьянская» (народническая) литература второй половины XIX столетия предпринимала довольно активные попытки поиска психологических оснований в обнаружении причин народного «переселенческого зуда», тогда как в специальных исследованиях по данной проблематике первоочередное внимание уделялось

---

<sup>1</sup> Каронин С. Куда и как они переселялись // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. С. 362.

экономической стороне данного процесса. Лишним подтверждением этого тезиса может служить, например, рассказ П.В. Засодимского «Пропал человек», в основе фабулы которого сюжет «бегства» состоятельного и вполне успешного мужика из деревни в лесную глушь<sup>1</sup>.

Трактовка событий, разворачивающихся на страницах рассказа С. Каронина, с опорой на положения, теории и инструментарий, освоенные в лоне современного исторического и социально-психологического знания, может быть следующей. В настоящий момент к разряду установленных и осмысленных историками факторов миграционной мобильности (с привлечением материалов и подходов сопредельных научных областей) относятся: наличие экстремальной ситуации, предполагавшей выбор между различными уровнями риска (остаться и умереть; уйти и выжить), существование консолидированной группы, объединённой общим интересом, равенством в статусе и влиятельности членов, выделение из группы харизматических лидеров, пропорциональное распределение ответственности за предпринятые действия между всеми работоспособными членами коллектива. Наличие этих условий даже при сомнениях отдельных индивидов в правильности выбора, в процессе групповой дискуссии способствовало выработке окончательного коллективного решения о переселении.

В рассказе С. Каронина указанные факторы безусловно присутствуют. Так, под экстремальными условиями жизнедеятельности человека понимаются изменённые условия существования, характеризующиеся социально-психологическими ограничениями, наличием факторов риска, что формирует кризисную ситуацию, требующую от индивида таких действий, которые находятся на границе его адаптивных возможностей или даже превосходят имеющиеся у него резервы. Обращаясь непосредственно к отдельным фрагментам текста, можно обнаружить отчётливые следы экстремальной ситуации, неприемлемой в крестьянской среде даже с учётом эластичности жизненного стандарта российского землепашца: *«...труд их сделался случайным, непроизводительным, а потому ни для кого не пригодным...»*, *«...положение их давно сделалось невозможным, а они уже и не думали из него выходить и употребляли*

---

<sup>1</sup> См.: Засодимский П.В. Пропал человек // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. С. 429–454.

*все силы лишь на то, чтобы приспособиться к нему...»*<sup>1</sup>. Население деревни, не добившись успеха в деле улучшения своего экономического положения, первоначально обнаружило выход из создавшейся трудной ситуации в обращении к состоятельным лицам и земской организации: *«Ходили они и к Колупаеву; однако им овладела тревога... Ему захотелось погубить их сразу... но на этот раз... парашкинцы получили по пуду муки и съели»*<sup>2</sup>. *«Приходила им четыре раза земская ссуда, причём земство различило хлеб, назначенный на семена, от хлеба, назначенного на пропитание. Но парашкинцы не различали, – они получили ссуду и съели её»*<sup>3</sup>.

В итоге безрезультативность попыток по практическому преобразованию травмирующей ситуации постепенно приводила к динамичному росту недовольства среди крестьян своим социально-бытовым положением, определявшегося идеей, в соответствии с которой отношение к жизни зависело не столько от реальных условий существования, сколько от представлений, какими эти условия должны быть. В данной ситуации, происходило выделение и консолидация лиц крестьянского сословия, осознававших своё положение как следствие нарушения «высшей крестьянской правды», изменить которое можно было только путём переноса всего хозяйственного комплекса в иные, в большей степени отвечающие принципу справедливости условия существования.

Однородность социального статуса жителей Парашкино также очевидна, что отмечено и самим автором: *«...всё это были люди сросшиеся с землёй... Если земля худала, худали и жители, сидящие на ней...»*<sup>4</sup>.

Непосредственным толчком к началу обсуждения потенциальными мигрантами идеи о переселении становится появление неформального лидера – солдата Ершова – человека опытного и бывалого. В характеристике С. Каронина Ершов представлен как человек беспочвенный, неукоренённый. Побродив в молодости по свету и осев в деревне Парашкино, не имея угла и семьи. Ершов перебивался сезонными заработками, жил «то у попа заместо кухарки», «то вдруг делался нянькой у богатого мужика», «то уходил в Сысойск и там в подвалах ловил крыс, продавая шкурки на лай-

---

<sup>1</sup> Каронин С. Указ. соч. С. 359.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 356.

ку»<sup>1</sup>. Изобретательность и жизненная мобильность Ершова постепенно превратили его в народного лидера, а рассказы солдата о местах, где он бывал или гипотетически мог оказаться, носили приукрашенный характер и легко усваивались мифологическим сознанием деревенских жителей. Ершов разбередил самые уязвимые участки крестьянской души: «...хлеба там вволю, ешь, сколько душа просит; в лесах можно заблудиться; в лугах можно пропасть совсем; в реках рыбу прямо руками бери; чернозём – во!»<sup>2</sup>.

Энтузиазм Ершова в конечном итоге становится катализатором групповой дискуссии, в которой живое участие принимает всё население деревни. В этой связи необходимо отметить, что социальными психологами выявлена закономерность: в ходе групповой дискуссии члены коллектива изменяют свои суждения в том направлении, к которому было первоначально склонно большинство индивидов, т.е. дискуссия экстремизирует первоначальные индивидуальные предпочтения. Таким образом, именно в группе и через группу субъекты теряют свои индивидуальные качества, превращаясь в массового человека.

Возвращаясь к тексту рассказа, стоит обратить внимание, что обсуждение возможности переселения сопровождалось критикой данного акта. Так, крестьянин Фрол убеждал односельчан остепениться и хорошенько обсудить дело; уходу на новые места с различной степенью упорства сопротивлялись староста и дедушка Тит, но первоначальное возбуждение, переросшее в коллективную галлюцинацию, отменить было уже невозможно: «...глаза у всех лихорадочно блестели, лица были взволнованные и безумные;...началось смятение»<sup>3</sup>. Здесь весьма показательно наблюдение публициста С. Пономарёва, столкнувшегося с переселенцами в 1886 г. Он писал, что переселение обычно носит «мирской» характер, оно давно перестало являться простым гражданским актом и переросло в священное общественное дело. Пономарёв констатировал: «Были случаи, когда начальство и я отсоветовали партиям ехать в Сибирь. Мы указывали на факты. Отдельные крестьяне иногда соглашались; но чуть доходило до дела, все как один поднимались: *«Мы обществом снялись, обществом молились. Ста-*

---

<sup>1</sup> Каронин С. Указ. соч. С. 363.

<sup>2</sup> Там же. С. 366.

<sup>3</sup> Там же.

*точное ли дело товарищей бросать? Отдельно человека никогда не удастся склонить на переселение. Примеривается масса»<sup>1</sup>.*

В целом перипетии рассказа С. Каронина «Куда и как они переселялись» позволяют по-новому оценить некоторые аспекты и стороны крестьянской жизни второй половины XIX – начала XX в. События, происходившие в деревне Парашкино, достаточно реалистично отражают настроения в русской деревне пореформенного времени и в сочетании с другими источниками (делопроизводственной документацией, статистическими материалами и т.д.) могут служить надёжной иллюстрацией процесса формирования у крестьянства изменённого «кризисного» сознания, ставшего важным условием эскалации миграционных побуждений и роста переселенческой активности земледельческого населения России.

---

<sup>1</sup> Пономарёв С. Лето среди переселенцев // Вестник Европы. 1884. Т. 5. С. 160.

Н.В. Кладова  
СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА РЕПРЕССИРОВАННЫХ:  
ПРОБЛЕМА ВКЛЮЧЕНИЯ ИСТОЧНИКА  
В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ

Российское общество на протяжении многих лет было лишено достоверной информации о массовых политических репрессиях в СССР. Большая часть уцелевших источников была засекречена, а официальная историография сужала проблему до уровня «критики культа личности Сталина». «Разоблачив» на XX съезде КПСС «культ личности», советское партийное руководство постаралось утвердить в общественном сознании наименее опасную для себя версию событий тех лет. Критика политики террора сосредоточилась лишь на отдельных эпизодах, затрагивавших судьбы советской партийной номенклатуры. В то же время остальные потери советского общества, понесенные им в процессе «наступления социализма по всему фронту», следовало признать вполне оправданными.

Проблема насильственной гибели огромных людских масс, наступившей в результате прямых репрессий государства, была актуализирована в нашей стране во второй половине 1980-х гг. под влиянием изменившейся политической обстановки, что привело к прорыву информационной блокады.

24 августа 1991 г. вышел Указ Президента РСФСР «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР», согласно которому архивные источники по истории массовых политических репрессий подлежали передаче в государственные архивы на открытое государственное хранение<sup>1</sup>. В результате историческая наука получила очень специфический исторический источник. Согласно этому указу

---

<sup>1</sup> См. подробно: *Сборник законодательных и нормативных актов об архивном деле*. М., 2002.

в региональных архивных службах стали создаваться центры хранения спецдокументации. Например, на основании постановления администрации Алтайского края от 24 апреля 1992 г. № 138 при комитете по делам архивов для приема на государственное хранение архивных дел регионального управления ФСБ в Алтайском крае был создан Центр хранения спецдокументации. От управления ФСБ РФ по Алтайскому краю отделом было принято около 32 тыс. дел в отношении граждан, осужденных в 1919–1975 гг. на территории края по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР<sup>1</sup>. В соответствии с Законом Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий»<sup>2</sup> началось массовое «рассекречивание» архивно-следственных дел, шла их активная публикация, что открыло доступ к ним исследователям. Как в центральных издательствах, так и на местах публикуются материалы, характеризующие различные проявления политического террора.

С середины 1990-х гг. четко обозначился переход от первоначального публицистически-иллюстративного использования материалов следственных дел к их более серьезному источниковедческому анализу<sup>3</sup>. В принципе именно с этого времени и начинается процесс трансформации следственных дел репрессированных из архивных документов в исторический источник. В связи с этим появляются специальные публикации, посвященные разъяснению правил доступа, пользования, особенностям работы с таким специфическим историческим источником<sup>4</sup>. Будучи продуктом деятельности карательных органов, следственные дела оказались важным

---

<sup>1</sup> См.: *Жданова Г.Д.* Из опыта работы отдела спецдокументации управления архивного дела администрации Алтайского края с архивно-следственными делами фонда «Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю» // *Отечественные архивы.* 2004. № 3. С. 37.

<sup>2</sup> См.: *Отечественные архивы.* 1991. № 5. С. 3–8.

<sup>3</sup> См., например: *Попов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг.: Источники и их интерпретация // *Отечественные архивы.* 1992. № 2; *Бойко И.Ю.* Протоколы органов дознания и проблема извлечения точного знания // *Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты.* М., 1999. С. 53–55; *Романова С.Н.* Особенности судебно-следственных дел о духовенстве (1918–1940 гг.) // *Исторический вестник.* Москва; Воронеж. 2000. № 1. С. 69–77 и др.

<sup>4</sup> См., например: *Издание судебно-следственных документов советского периода: Метод. пособие.* М., 1998; *Ковальчук Л.В.* Методические рекомендации по описанию архивно-следственных дел. Одесса, 2002; и др.



историческим источником для исследования самых различных аспектов политической истории страны в советский период, и поэтому они интенсивно вводятся в научный оборот<sup>1</sup>.

К концу 1990-х гг. интерес к материалам о жертвах политических репрессий достигает своего апогея. Особенно ярко это проявляется в том, что практически во всех регионах к этому времени были опубликованы так называемые «Книги памяти», где фигурировали материалы следственных дел в качестве приложения к опубликованным спискам жертв политических репрессий<sup>2</sup>.

Центральными издательствами были осуществлены такие фундаментальные издания, как «Лубянка. Документы» (М., 1997), «Лубянка. Справочник» (М., 1999), «Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки» (М., 1998). На страницах журнала «Источник» регулярно публикуются тематические подборки материалов следственных дел репрессированных.

Активная публикация следственных дел, а также их использование в исследовании сразу же обострили проблему полноты и достоверности этого типа исторического источника. Исследователи-археографы отмечают, что при передаче на государственное хранение дела подвергались «чистке», многие документы из них изымались и уничтожались под предлогом неразглашения секретов оперативной работы и сохранения тайны следствия. В период массовых репрессий было принято постановление не протоколировать допросы, на которых подследственные не давали «признательных» показаний, а те протоколы допросов, что имеются в делах, зачастую трафаретны и явно сфальсифицированы.

Л.В. Ковальчук в работе «Методические рекомендации по описанию архивно-следственных дел» отмечает: «Полагать, что сохранившиеся дела – это объективный и относительно полный источник информации, не приходится. Однако даже в таком виде он чрезвычайно важен и для восстановления имен миллионов жертв репрессий, и для осмысления закономерностей функционирования советской репрессивной системы»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> В наиболее обобщенном виде см., например: *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий: В 2 т. М., 1997.

<sup>2</sup> См., например: *Жертвы политических репрессий в Алтайском крае: В 7 т.* Барнаул, 1998–2005.

<sup>3</sup> *Ковальчук Л.В.* Методические рекомендации... С. 4.

Проблемы использования и публикации документов следственных дел стали темой обсуждения ученых и архивистов на Всероссийской научно-практической конференции, проходившей в Москве в 1999 г. А.А. Литвин в выступлении на конференции отметил, что «следственные дела периода массовых репрессий – фальсифицированный источник, но все же такие документы надо публиковать, так как эти материалы не только важное свидетельство беззакония и произвола тех лет, но и исторический памятник той эпохи». Размышляя о сложностях использования следственных дел как исторического источника, он указал на то, что до сих пор не выработана методика работы с ними. При этом заметил, что «единой методики и быть не может, потому что разные были процессы, в разное время и разные дела»<sup>1</sup>.

Выступавшая на той же конференции Н.М. Перемышленникова настаивала на том, что «нет необходимости в какой-то особой, изошренной методике источниковедческого анализа документов из архивных следственных дел, а есть другая необходимость – уважительного сотрудничества историка и архивиста. В ряде случаев только их совместными усилиями возможно разгадать археографические загадки»<sup>2</sup>.

Сегодня уже никто из серьезных исследователей не отрицает того факта, что следственные дела – это массовый, весьма специфический, фальсифицированный, но все же исторический источник, требующий критического отношения. Изучать и публиковать эти материалы необходимо как исторический памятник эпохи. Однако методика источниковедческого анализа как этих документов, так и исторических фальшивок в целом является одной из самых острых и сложных проблем в документалистике XX в. До недавнего времени в учебной литературе по источниковедению не было ни слова о методике работы с таким видом источников, как следственные дела. В последнее время ситуация начинает меняться. Так, в фундаментальном учебном пособии «Источниковедение новейшей

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Перемышленникова Н.М.* Архивно-следственное дело как исторический источник // *Вестн. архивиста.* 2000. № 4–5. С. 230.

<sup>2</sup> *Проблемы публикации документов по истории России XX века: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. научных и архивных работников.* М., 2001. С. 336.

истории России: теория, методология, практика» (М., 2004) отдельная глава, написанная С.В. Журавлевым, посвящена анализу судебно-следственной и тюремно-лагерной документации. Однако это не снимает проблемы специфики введения в научный оборот этого исторического источника.

Если мы абстрагируемся от содержательной стороны следственного дела и посмотрим на него формально, т.е. попытаемся представить его структуру, то без труда обнаружим, что архивно-следственное дело – это комплексный источник, содержащий многочисленные типы документов, состав и форма которых менялись с развитием репрессивных органов, от ВЧК до КГБ. Правила формирования дел предусмотрены в Уголовно-процессуальном кодексе, однако реальная судебно-следственная практика была различной. Это касается и состава обязательных документов дела, и порядка их оформления.

Архивно-следственное дело в том виде, в котором с ним в настоящее время работает исследователь, представляет собой целый блок архивных документов, включающий в себя материалы органов предварительного следствия, процессуальные документы органов дознания, материалы судебных органов. Не умаляя значимости документов всех видов, все же акцентируем внимание на том, что главная составляющая всего блока документов – разного рода протоколы.

К числу общих требований, которым должен отвечать протокол, в юридической практике относится требование *законности, полноты, истинности, своевременности, а также языковые и эстетические требования*<sup>1</sup>.

Протоколы в соответствии с законодательством имеют определенную форму, которая варьируется в зависимости от обстоятельств, но содержит в себе общие элементы. В формуляре протокола можно выделить следующие составляющие:

- наименование места и времени составления протокола;
- указание действия, на которое составлен протокол;
- основной текст с указанием звания и должности лица, составившего данный протокол, статьи УПК РФ, на основании которой составлен протокол; лиц, присутствовавших при действии, закреп-

---

<sup>1</sup> См.: Бойко И.Ю. Протоколы органов дознания... С. 54.

ленном протоколом (понятые, эксперты и пр.); информации о производстве определенных процессуальных действий;

- информация о замечаниях или заявлениях, которые поступили при производстве процессуальных действий от лиц, присутствовавших при данном действии;

- информация об ознакомлении с текстом протокола всех участников процессуального действия;

- подписи лиц, принимавших участие в составлении протокола.

Парадокс заключается в том, что, несмотря на все требования, предъявляемые в юридической практике к этого рода делопроизводственной документации, она «ущербна» как исторический источник. И дело не только в недобросовестности, профессиональной и общей безграмотности, идеологической «зашоренности» самих делопроизводителей. Протоколы, как и другие материалы следственного дела, изначально не фиксируют очень многих обстоятельств исторической реальности и поэтому не могут отражать ее адекватно. А если брать в расчет еще и откровенную фальсификацию материалов следственного дела?

Проблема включения в научный оборот следственных дел как исторического источника прежде всего в том и заключается, что в источнике обнаруживается много чудовищного, нелепого, не укладывающегося в рамки здравого смысла. Это требует какой-то иной методики, иной методологии работы с ним. Мы пришли к выводу о том, что достоверность данной разновидности источников должна выясняться не только при целостном анализе больших совокупностей таких документов, т.е. не только через количественную составляющую.

Разумеется, активное введение этих материалов в научный оборот на протяжении последних 15 лет способствовало исчезновению многих «белых пятен» в политической истории России. Но в настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что увеличение информации не обеспечило автоматически роста возможности ее осмысления и понимания. Напротив, увеличение потока информации, содержащейся в следственных материалах, усиливает ощущение абсурдности всего происшедшего.

Тут возникает существенная источниковедческая проблема. С одной стороны, таким источникам невозможно верить. Но с другой стороны, сами эти источники ярко характеризуют советскую эпоху. И если мы не понимаем эти источники, то это не значит, что они

лишены смысла. Это значит, что мы, вероятно, не понимаем смысла эпохи.

Но по каким критериям мы можем судить о наличии или отсутствии смысла в чем бы то ни было? Возможно, практика – это критерий истины, но никак не критерий смысла. Анализ смысла требует выхода за пределы практики и отдельных форм деятельности.

Можно мыслить о феномене, не будучи уверенным в его реальном существовании, но понять такой феномен нельзя. Несогласованность образов в воображаемом мире с тем, что происходит в повседневной жизни, подчеркивает наличие смысла в повседневности и его отсутствие в мире образов.

Следственные дела наполнены такими мифическими образами, символический смысл которых был понятен современникам, но требует расшифровки для иных поколений.

Источник способен исказить смысл исторического явления, если информация, содержащаяся в нем, абсолютизируется под влиянием идеологических, политических и прочих установок. Источник фиксирует внимание на событиях неординарных, эти события становятся как бы более значимыми и воспринимаются искаженно, нарушается масштаб. Так, хлынувший поток информации о политических репрессиях создал совершенно жуткую картину событий советского периода, с которой не согласуется мироощущение тех, кто жил в эту эпоху, даже тех, кого мы считаем жертвами эпохи. Расширяя источниковую базу, мы получаем не более чем коллаж, зависящий от субъективного восприятия исследователя. В лучшем случае это будет нечто, созданное по принципу «с одной стороны..., с другой стороны...». Метод эмпатического понимания (представить себя на месте людей, участвовавших в событии) не гарантирует корректности исторического объяснения. Принято считать, что в интерпретирующих науках, к которым относится история, объяснение заключается в подведении его под общие эмпирические законы<sup>1</sup>.

В рамках системной парадигмы любой исторический источник можно рассматривать как сущностно-содержательную модель реально происходивших событий. При таком подходе следственные дела можно представить в виде своеобразной модели политического поведения различных страт советского общества, хранящей в

---

<sup>1</sup> См.: Гемпель К.Г. Функции общих законов в истории // Время мира: Альманах. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 13–26.

себе информацию о способах самоорганизации советского общества, способах формирования антиэнтропийного механизма и поддержания состояния неустойчивого равновесия в условиях модернизации властного типа.

В своем понимании сущности политического поведения мы исходим из того, что никакую форму политического поведения нельзя объяснить только как результат действия политических стимулов; политике способствуют как сознательные, так и бессознательные психологические феномены. При этом «бессознательное в социально-политических процессах – это действия, поступки, деятельность, в которых отсутствует адекватность их понимания, нет соответствия оценки их объективному смыслу и значимости»<sup>1</sup>.

Разумеется, невозможно понять природу и сущность явления, рассматривая его изолированно, без учета всего общественно-исторического контекста, только исходя из текста источника. Главный принцип герменевтики заключается в том, что слово встраивается в контекст, а уровень нашего понимания текста зависит от того, насколько глубоко и широко мы смогли понять контекст<sup>2</sup>. Усилиями многих исследователей, на основании источников самого разного происхождения, постепенно создается некий конструкт политической истории Советской России, в котором наличие политических репрессий – факт практически никем не отрицаемый: дискуссии идут лишь о масштабах этого явления, его характере, общей направленности. И материалы следственных дел репрессированных – важный аргумент в ходе этих дискуссий. Однако проблема в том, что, как и всякая официальная информация, следственные дела несут в себе два слоя образов. Один слой – образы, реально функционирующие в обществе; второй – образы, проецируемые бессознательно. Первый слой образов можно адекватно воспринимать, рассматривая следственные дела в контексте своего времени. Но этой традиционной герменевтической операции недостаточно для обнаружения второго слоя образов. А без этого следственные дела мало что проясняют в картине взаимоотношений власти и личности, личности и общества в конкретном историческом времени. Поэтому такие многослойные тексты, как следственные дела репрессированных, необходимо подвергнуть специфици-

---

<sup>1</sup> Журавлев В.В. Сознательное и бессознательное в социально-политических процессах. М., 1997. С. 8.

<sup>2</sup> См.: Кара-Мурза С. Манипуляции сознанием. М., 2000. С. 29.

ческим операциям, которые помогут обнаружить скрытую информацию, находящуюся в области бессознательной части психики как самих создателей текста, так и тех, для кого он был предназначен.

Сделать это можно, в частности, прибегнув к философской версии психоанализа как способу интерпретации текста. Выстраивая психоаналитический дискурс следственных дел репрессированных, можно попытаться обнаружить смыслы, хранящиеся за пределами текста<sup>1</sup>.

Массовые репрессии, направленные даже против тех, кто считал себя сторонником режима, воспринимаются как абсурд. Защиту от абсурда дает только способность вырваться за его пределы в область смысла. Эта способность основана на вере в существование смысла. Исследователь, пытающийся найти отсутствующий смысл в историческом источнике, должен приложить максимум усилий для того, чтобы отыскать скрытый текст, в котором сам факт образования бессмыслицы может быть понят и погружен в осмысленный контекст. Опираясь на концептуальные построения З. Фрейда, К.Г. Юнга, А. Адлера, Д. Лассуэлла и др., разработанные в русле психоанализа, предлагаем следующую, дополнительную к уже имеющимся в исторической литературе (в данном случае – психоаналитическую) интерпретацию причин репрессивной деятельности органов политической юстиции в СССР.

Если политическое лидерство – это управленческий статус, социальная позиция, связанная с принятием решений, то человек, имеющий возможность претворять в жизнь свои собственные решения, должен обладать определенной политической культурой, которая включает в себя, прежде всего, четкие моральные установки. Несомненно, на принятие решения лидера влияет множество различных факторов. Тем не менее выбор человека определяется его внутренней сущностью. И если лидер осознает, что ответственность за сделанный им выбор возрастает, потому что речь идет о судьбах миллионов людей, он стремится снять это внутреннее напряжение путем принятия коллективного решения, в котором его личная ответственность как бы растворяется, что существенно снижает внутрилличностное напряжение. Если же ответственность за «построение социализма» берет на себя некая обобщенная структура (партия, государство), идеологический постулат которой

---

<sup>1</sup> См. подробно: *Кладова Н.В.* Проблемы исторического познания: историко-научный аспект. Барнаул, 2006. С. 117–219.

заключается в том, что для реализации этой задачи все методы нравственны и моральны (жесткий код поведения, навязываемый системой!), то структуры, реализующие на практике эту идею, бес- сознательно стремятся к тому, чтобы постоянно расширять грани- цы насилия.

Инстинкт самосохранения толкает органы политической юсти- ции на поступки, нерациональные в границах здравого смысла. Так называемое «революционное насилие», которое пропагандирова- лось и использовалось как средство, выходящее за рамки общече- ловеческой морали, и оправдывалось предполагаемыми «заговора- ми контрреволюции», с психологической точки зрения было не чем иным, как истерической реакцией власти на подавленное, находя- щееся глубоко в подсознании чувство бессилия, беспомощности, невозможности реализовать замысленное. Дополнительным двига- телем этих процессов было чувство солидарности, которое имеет огромную силу при определенных обстоятельствах. Известно, что «солидарность – инстинктивное поведение людей, которые способ- ны не только соперничать, но и сотрудничать друг с другом. В ос- нове солидарности в политике лежит самоотожествление человека с определенной группой, партией, нацией, позволяющей объеди- нить усилия членов этих сообществ для достижения единых целей и интересов»<sup>1</sup>. В политике личная ответственность индивидуаль- ности, растворяясь в коллективных действиях, автоматически ведет к повышенной жестокости и порождает чувство безнаказанности. Французский историк П. Гениффе, исследуя феномен террора пе- риода Великой французской революции, отмечает, что «возникно- вение террора... обусловлено многими обстоятельствами: сущест- вованием принципов, применение которых могло стать опасным, общими обостренными страстями, культурным и интеллектуаль- ным наследием, повышенным уровнем терпимости к насилию, ос- лаблением моральных уз, которые сдерживают применение наси- лия, и т.д.»<sup>2</sup>.

Но говорить о морали в политике нужно вообще очень остро- рожно. В современной политологии принято противопоставлять мораль и политику, выделять принципиальные отличия политики от морали. Объясняется это тем, что «политика представляет собой

---

<sup>1</sup> *Политология* / Под ред. А. Мельвиля. М., 2004. С. 390.

<sup>2</sup> *Гениффе П.* Марат – идеолог террора // *Вопросы истории.* 2003. № 4. С. 65.



деятельность по разрешению социальных конфликтов, затрагивающих все общество и требующих применения власти. Мораль же характеризует ординарные, повседневные отношения между людьми, частным случаем которых являются конфликты, обычно не достигающие политической остроты... Политика ситуативна, моральные же требования в своей основе универсальны и, как правило, независимы от конкретной обстановки»<sup>1</sup>. Именно поэтому рядовые «строители социализма», вовлеченные в водоворот политики, отодвигая моральные принципы, «творили политику». Основой же моральных ценностей общества является религия. Именно религиозное мировоззрение «задает предельные критерии, абсолюты, через призму которых осуществляется видение мира, общества, человека... Религиозные идеи, ценности, установки, стереотипы, культовая деятельность и религиозные организации выступают в качестве регулятора поведения людей»<sup>2</sup>.

Большевики пошли на ниспровержение христианской религии, поскольку она не вписывалась в идеологию разрушения старого мира «до основания». Человек, переполненный христианской моралью смирения, неспособный пролить кровь, не подходил Советской республике. Однако и без веры человек существовать не может. В такой ситуации роль «Верховного божества» играет «Революция», во имя которой жертвы и моральны, и оправданны.

Психоаналитическая интерпретация деятельности органов политической юстиции дает возможность перевести решение проблемы источниковедческого анализа нормативных актов в непривычное для историка русло. Мы считаем, что нормативные акты, регулировавшие деятельность органов политической юстиции в СССР, несут на себе следы бессознательных проекций тех, кто осуществлял власть. Более того, вся делопроизводственная документация органов политической юстиции, в том числе и следственные дела репрессированных, должна сохранить в себе различные проявления психического бессознательного. Остается только это обнаружить.

На основании анализа выборки следственных дел периода «большого террора»<sup>3</sup> можно предложить психологическую интер-

---

<sup>1</sup> *Политология* / Под ред. А. Пугачева. М., 2003. С. 89.

<sup>2</sup> *Торгашев Г.А.* Основы религиоведения. СПб., 2003. С. 17.

<sup>3</sup> Проанализирована выборка в 50 архивно-следственных дел Отдела спецдокументации управления архивного дела администрации Алтайского края, ФР-2 «Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю».

претацию этой политической кампании, рассмотрев ее как частный пример проявления массового фанатического поведения.

Фанатическое поведение игнорирует многообразие реального мира, который для фанатика делится на «своих» и «чужих», при этом образ врага для него более конкретен и осязаем, чем образ друга, из-за мощного воздействия архетипа «тьень». Одним из ярких проявлений фанатического поведения и стал «большой террор».

Но почему общество не только смирилось с репрессиями, но и поддержало репрессивную политику государства?

Любая стабильная власть потому и стабильна, что психологически она устраивает многих. Внутреннюю устойчивость политической системе обеспечивает соответствие массового сознания базовым особенностям организации общества. Чтобы понять власть, надо понять, какие человеческие потребности эта власть удовлетворяет. Если люди протестуют против власти, необходимо определить, удовлетворению каких человеческих потребностей власть препятствует<sup>1</sup>.

В современных исследованиях по политической психологии среди различных типов политического сознания особо выделяется так называемое «тоталитарное сознание», которое рассматривается как своеобразный прообраз всех остальных типов сознания<sup>2</sup>. Тоталитарное сознание позволяет человеку не видеть очевидное и верить в невероятное, напоминая внешне инфантильное сознание ребенка. Вместе с тем, в отличие от инфантильного сознания, которое постепенно все же эволюционирует до «взрослого» состояния, тоталитарное сознание – это вполне сформировавшийся комплекс не только не имеющих внутри себя возможностей к изменению, но и всячески сопротивляющийся возникновению таких возможностей.

Подобная устойчивость тоталитарного сознания объясняется, прежде всего, тем, что оно мифологично по своей природе и имеет в своем основании архетипические образы. Именно юнгианские архетипы дают ключ к пониманию социального: человек организует свое социальное пространство по законам миропорядка, который сгруппирован и выражен в архетипических символах и смыслах. Картина мира тоталитарным сознанием создаётся посредством оживления базовых архетипов: Герой, Тень, Абсолютная Мать (Анима), Вождь, Отец

---

<sup>1</sup> См. подробнее: *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б.* Политическая психология. Ростов н/Д., 1994. С. 80.

<sup>2</sup> Там же. С. 89.

(Анимус), Персона, Зеркало Вод (трансформация), Мандала (оберегающий круг), Сакральное Слово (слово, творящее мир) и др.<sup>1</sup>

Анализ материалов дел репрессированных периода «большого террора» позволяет сделать вывод о том, что в процессе формирования конфронтационных стереотипов главную роль играет именно оживление архетипов. Активизация архетипических структур в тоталитарном сознании является защитной реакцией на тотальное насилие, страх и боль. Архетипические структуры, оживая в подсознании, усиливают состояние равновесия, стабильности, так как несут информацию об архитектонике социального порядка<sup>2</sup>.

Обратим внимание на стереотипность инкриминируемых обвиняемому деяний: практически во всех следственных делах один и тот же «набор» криминала, одни и те же вопросы, заданные свидетелям; свидетели дают именно те показания, которых ждет следователь. Эта прямо-таки маниакальная дотошность, с которой выискивается криминал даже в обычных обывательских разговорах, житейски бесхитростных поступках обвиняемых, позволяет дать следующую психоаналитическую интерпретацию поведения спецслужб. Власть создает напыщенный, идеализированный образ собственного «Я»: «мудрое советское руководство ведет счастливый советский народ к зажиточной жизни; помешать этому могут только происки внутренних и внешних врагов». Так формируются главные конфронтационные стереотипы периода «большого террора»: «враг народа – любой человек, когда-либо и в чем-либо провинившийся перед властью», «заграница – зло», «враг никогда себя не обнаруживает явно, его нужно изобличить». Однако несоответствие завышенной самооценки власти и окружающей действительности столь очевидно, что не может не осознаваться и «проводниками диктата». Это именно то запретное, что вытесняется в подсознание, а психика, травмированная вытесненным, формирует механизм психологической защиты. В арсенале психологических средств защиты проводников идеи «построения социализма в одной стране» наиболее очевидным является механизм проекции: «Другой» становится как бы своеобразной свалкой для собственных сомнений, мыслей, оценок, вытесненных в подсознание и подавленных в себе, но бессознательно проецируемых на «врагов».

---

<sup>1</sup> См. подробно: Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1997.

<sup>2</sup> См.: Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. СПб., 1999. С. 357–450.

Таким образом, опыт психоаналитической интерпретации такого специфического исторического источника, как следственные дела репрессированных, позволяет сделать следующие историко-ведческие наблюдения.

1. Следственные дела репрессированных – это своеобразные произведения, созданные людьми с вполне определённым, а именно тоталитарным типом мышления; архетипические образы, всплывая в историческом источнике, обнаруживают мифологичность сознания его создателя.

2. Сам исторический источник, каковым являются следственные дела репрессированных, есть не что иное, как отражение архетипа «слово, творящее мир». Понимание документа тоталитарным сознанием заключается в том, что слово документа творит мир как действительность. В таком сознании документ – это не просто отображение факта, но документ сам по себе есть отображаемый факт.

3. Ситуация, в которой возник такой исторический источник, как следственные дела репрессированных, провоцировала оживление «психического бессознательного» как в обвиняемом, так и в обвинителе. Задача исследователя, работающего с этими документами, – выявить, обнаружить любые проявления психического бессознательного в тексте, что поможет снять проблему недостоверности этого исторического источника и активно использовать его для осуществления исторических реконструкций.

## II. СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОКУМЕНТА

М.С. Черкасова  
АКТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПИРАХ И БРАТЧИНАХ  
НА РУСИ XV–XVII вв.

В современной научной литературе сложился принцип рассмотрения средневековой культуры через анализ отдельных её категорий и форм, раскрытие их смысла как элементов единой социально-культурной системы<sup>1</sup>. Существенной чертой Средневековья, как и других доиндустриальных обществ, была нерасчлененность принципов морали, права, экономики. Формы культурной жизни людей в них были тесно связаны с функциями их социальной жизнедеятельности. К числу таких форм принадлежали пиры и братчины. Зародившись ещё на догосударственной стадии развития, они и в средневековую эпоху оставались значимыми узлами социальных связей. Бытовали пиры и братчины на разных «этажах» социума – в отношениях княжеской власти с дружиной, внутри купеческих и ремесленных корпораций, монашеских сообществ, крестьянских и городских миров, семей и дворов. В них находили выражение как коллективные, так и частные формы социальной жизни<sup>2</sup>.

Исконно славянские слова *мёд* и *пиво* были синонимами «*пир*», «*празднику*» актов Северо-Восточной Руси, а на Северо-Западе это называлось «обед», «каша», «перевара» (особо крепкое пиво, полученное в результате вторичной перегонки)<sup>3</sup>. Пиво как синоним

---

<sup>1</sup> См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

<sup>2</sup> Подробнее см.: *Словарь средневековой культуры* / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд. М., 2007. С. 120–124, 132, 172–173.

<sup>3</sup> См.: Хорошкевич А.Л. «Незванный гость» на праздниках средневековой Руси // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвящённых памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 189.

пира отмечено в ранней формуле актов Северо-Восточной Руси, 1450–1460-х гг.: «...боярские люди и иные ни кто к ним незваны в пиво не ездят» (Бежецкий Верх, Дмитровский и Юрьевский уезды)<sup>1</sup>. Пиво имело не только праздничное, но и поминальное значение, отражённое, например, в духовной княгини А. Пронской 1565 г.: «...да что у меня хлеба стоячего и в житницах в обеих селех, и в том хлебе на поминки пива варити и вина курити, и нищих кормити»<sup>2</sup>. Не случайно одна из статей А.Л. Хорошкевич о пиве так и называется<sup>3</sup>.

В грамоте суздальских князей В.Ю. и Ф.Ю. Шуйских Спасо-Евфимьеву монастырю на с. Омутское 1445/46 г., наряду с пивом, фигурируют *брашинина/брашинины*<sup>4</sup>, от слова «борошно», «брашно» – кушанье. Оно известно уже по «Покону Вирному» Краткой редакции Русской Правды<sup>5</sup>. В духовной первой игуменьи московского Ново-Девичьего монастыря Елены Девочкиной 1547 г. упомянута «брашная трапеза во время обеда»<sup>6</sup>.

Судебно-правовые аспекты пиров и братчин отразили Русская Правда, Псковская судная, Двинская и Белозерская уставные грамоты. Они зафиксировали правонарушения – похищение вещей, торговые сделки обманом, «свады», «свары» (ссоры), драки, убийства, совершенные в гневе или под действием застольного возбуждения и опьянения. Так, в ст. 6 Пространной редакции Правды устанавливалась ответственность «головника» за совершенное им в ссоре или на пиру «явлено» убийство<sup>7</sup>. Согласно Двинской грамоте 1397/98 г. наместники и их судебные агенты – дворяне – брали пошлину «по кунице с шерстью» за «бой на пиру», расследование

---

<sup>1</sup> *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.* (далее – АФЗХ). М.; Л., 1951. Ч. 1. № 145; *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XVI – начала XVII в.* (далее – АСЭИ). М., 1952. Т. 1. № 264; 1958. Т. 2. № 386.

<sup>2</sup> *Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов* (далее – АРГ. АММС). XV – начало XVII в. М., 1998. № 82.

<sup>3</sup> *Хорошкевич А.Л.* В радости и печали (пиво в отечественном средневековом обиходе) // *Времена и судьбы: Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Паняха.* СПб., 2008. С. 172–177.

<sup>4</sup> См.: АСЭИ. Т. 2. № 448.

<sup>5</sup> *Русская Правда.* М.; Л., 1940. Т. 2. С. 223, 301; *Хорошкевич А.Л.* В радости и печали. С. 173.

<sup>6</sup> АРГ. АММС. № 126. С. 300.

<sup>7</sup> См.: *Зимин А.А.* Правда Русская. М., 1999. Приложение. С. 366.

которого уже по окончании пира было доведено до суда (ст. 3). Однако допускалось разрешение подобного конфликта в самой общине, если стороны примирились («взяли прощение не выйдя из пиру»)¹. Архаичные реплики, восходящие к данной норме, находим в жалованной уставной кн. Юрия Ивановича Кашинского дмитровским бобровникам 1509 г.: «...а в пиру или в братчине посварятся или побьются, а не вышед с пиру помирятся, и ловчему и его тиуну в том нет ничего». Если примирение произошло «вышед с пиру за приставом», то дворцовым агентам полагалось «хоженое»: в городе 4 деньги, в деревне – 1 деньга². В дополнение к Псковской судной грамоте это указывает на пиры и братчины как на явление общественной жизни и города и деревни.

В Псковской судной грамоте пиры фигурируют как постоянная форма социальной коммуникации на северо-западе Руси. Грамота считала достаточным свидетельство 4–5 человек о «бою» (драке) на пиру в городе, пригороде, селе или волости³. В памятнике отмечены «пировые старосты» – распорядители пиров, «пивцы» – их участники, «пировые господари» – хозяева поместий, в которых пиры происходили. Именно пировому старосте утративший вещь на пиру мог делать соответствующее заявление, а самой братчине вменялись судебные функции по рассмотрению имущественных споров, возникших во время пиршественного собрания (покупка вещи «спьяну, обмен, воровство): «Братчина судит как судьи» (ст. 113). Её Ю.Г. Алексеев считает отголоском древнего общинного суда, но в эпоху Псковской судной грамоты ему были подведомственны малозначительные дела⁴. Приведённую норму можно, думается, сопоставить с практикой примирения «не вышед с пиру», когда конфликт братчиков не доводился до публичного суда.

Похищение вещи на пиру в актах Северо-Восточной Руси, как пишет А.Л. Хорошкевич, называлось по-разному – татьба, гибель, убыток, беда или «иное лихо»⁵. Исследовательница тщательно про-

---

¹ АСЭИ. Т. 3. № 7.

² См.: АСЭИ. Т. 3. № 27.

³ См.: *Памятники русского права* (далее – ПРП). М., 1953. Вып. 2. С. 296, 349.

⁴ См. об этом: *Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота и её время. Л., 1981. С. 60–82; *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 242–244.

⁵ *Хорошкевич А.Л.* «Незванный гость»... С. 185.

следила терминологию актов и считает, что термин «убыток» употреблялся в канцелярии московских князей, а на смену ему приходит термин «гибель», восходящий к владимирско-суздальской традиции<sup>1</sup>. «Гибелью» в таком значении называется подобное похищение и в ст. 20 статье Белозерской уставной грамоты. А.Л. Хорошкевич выявила употребление в актах терминов ходить/ездить на пиры представителей княжеской администрации, всяких ездоков и «незванных гостей»: хождение предполагает сравнительно небольшое расстояние, а приезды – более отдалённое, что отражало степень дальности властных агентов от управляемых ими территорий. По её мнению, само выражение «незванный гость», как и известная поговорка, происходят в XV в. с территории окраинного Суздальско-Нижегородского княжества, сильно страдавшего в 1440–1450-е гг. от набегов казанских татар. В самом деле, не случайно в общие жалованные грамоты Спасо-Евфимьева монастыря 1450 и 1551 гг. были включены в развернутом виде запретительные статьи по поводу незванных гостей и порядке суда, если «учинится какова гибель» на пирах и братчинах<sup>2</sup>.

В Белозерской уставной грамоте 1488 г. находим три принципиальных момента: во-первых, запрет тиунам и наместничьим людям ходить незванными на пиры и братчины; во-вторых, право городских и сельских общин высылать незванных «гостей» вон безпенно; в-третьих, взыскание на виновных причинённого материального ущерба («гибели») без суда с последующим наказанием от великого князя. По мнению Ю.Г. Алексева, данная статья превращала в общее правило норму охраны братчин и пиров от незванных гостей. Тем самым великокняжеская власть охраняла общинные институты, вводя суровое наказание для агентов местной администрации, самовольно вторгнувшихся на это мероприятие<sup>3</sup>.

В многочисленных актах конца XV–XVI в. по ряду уездов Северо-Восточной Руси положения Белозерской уставной грамоты о пирах и братчинах повсеместно используются, включая и ряд терминологических разночтений: «боярские люди, ни иные никото-

---

<sup>1</sup> См.: Хорошкевич А.Л. «Незванный гость»... С. 286.

<sup>2</sup> См.: АСЭИ. Т. 2. № 497.

<sup>3</sup> См.: Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III: Традиция и реформа. СПб., 2001. С. 121.



рые», «никто», «не входят», «гибель платити вдвое без суда и без исправы», «...без суда и без истца», «быть в казне и в продаже» и т.д.<sup>1</sup> Особенно разнообразны варианты написания в части, касающейся состава лиц, которым запрещалось незваными ходить на пиры. Например, в актах суздальского Спасо-Евфимьева монастыря отмечены конюхи, истопники, подледчики, рыболовы, закосчики, паромщики и «всякие попрошай»; «наши крестьяне и митрополичьи и княжие и боярские»<sup>2</sup>. В актах Троице-Сергиева монастыря уже с конца XV в. в состав запретительной статьи включены «мои селчане и боярские люди»<sup>3</sup>. В жалованной грамоте Василия III Симонову монастырю на его владения в «Череповеси» 1507 г. – люди белозерских наместников, волостелей, тиунов и детей боярских и опять-таки «мои селчане»<sup>4</sup>.

В недалекой по хронологии к Белозерской уставной грамоте жалованной грамоте Ивана III Троице-Сергиеву монастырю по Угличскому уезду 1492 г. видим усиление штрафной санкции – за «гибель платити вдвое без суда и без исправы»<sup>5</sup>. Близка к приведённым запретительная статья про «наместничьих и боярских людей и иного никого» в двух жалованных грамотах Василия III псковским монастырям (Гдовскому Никольскому и Верхнеостровскому Петропавловскому) 1510 г.<sup>6</sup> Сходство с нормами Белозерской уставной грамоты можно усмотреть и в заповедном разделе жалованной грамоты удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки Кириллову монастырю на с. Кабаново в Угличском уезде 1522 г.<sup>7</sup> В Рыльской уставной наместничьей грамоте 1549 г. в аналогичном

---

<sup>1</sup> См., например: *Акты Русского государства* (далее – АРГ). 1505–1526. М., 1975. № 18, 23, 29, 34, 34, 249.

<sup>2</sup> *Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря* (далее – АСЕМ). 1506–1608 гг. М., 1998. № 64, 194, 263, 264.

<sup>3</sup> *Каишанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 405.

<sup>4</sup> *Акты московского Симонова монастыря* (далее – АМСМ). (1506–1613 гг.). Л., 1983. № 7.

<sup>5</sup> *Каишанов С.М.* Очерки русской дипломатики. С. 405.

<sup>6</sup> *Каишанов С.М., Робинсон А.Н.* Две жалованных грамоты 1510 г. псковским монастырям // *Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина* (далее – ЗОР ГБЛ). М., 1961. Вып. 24. С. 252, 256.

<sup>7</sup> См.: *Козлов С.А., Дмитриева З.В.* Налоги в России до XIX в. СПб., 1999. С. 216.

разделе отмечены люди воевод, детей боярских, пушкарки и пичальники со своими детьми и племянниками<sup>1</sup>.

Для соседней с Белоозером Вологды наиболее раннее упоминание пиров и братчин встречается в документах, относящихся к Заозерской половине, лишь с 1540-х гг. – в актах Сямженского Евфимьева (1541 г.) и Дионисьева Глушицкого (1548 г.) монастырей, в грамоте Арсеньево-Комельского 1543 г. и Павлова-Обнорского монастырей 1546 г.<sup>2</sup> В запретительную формулу глушицкой жалованной грамоты едва ли не впервые включена любопытная деталь: запрещение ходить в монастырские сёла к священникам и их людям на пиры.

Белозерская уставная грамота стала последним законодательным памятником о пирах и братчинах в средневековой Руси. После неё ни в великокняжеском 1497 г., ни в царском 1550 г., ни даже в северорусском 1589 г. судебниках, ни в Соборном уложении 1649 г. уже не будет специальных статей, посвящённых данному институту. Его функционирование в дальнейшем регулировалось нормами иммунитетных и монастырских уставных грамот. Вотчинные хозяйственные книги по-своему отразили этот институт (в контурах монастырской повседневности и сеньориальной юстиции), но для сравнительно позднего времени XVII – начала XVIII в.

Иногда в грамотах фигурирует не братчина и не брашина, а **браки** как синонимы свадеб. В церковных же поучениях уже в XIII в. попам запрещалось ходить незванными «на пир и брак». Намеченная здесь связь пиршественных собраний с процессом

---

<sup>1</sup> Антонов А.В. Рьльская уставная наместничья грамота 1549 г. // Русский дипломатический архив (далее – РДА). М., 1998. Вып. 3. С. 69 [Грамота восходила к уставному документу времени Василия III. – М.Ч.].

<sup>2</sup> См.: Суворов Н. Описание Арсеньево-Комельского монастыря. Вологда, 1879. С. 31–32; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 281. № 2582; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Основное собрание актов и грамот. № 1–131; Кауштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: Акты XV–XVI вв. М., 1996. С. 156; упом.: Кауштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 1. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. № 426, 583; Кауштанов С.М., Назаров Б.Н., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 3. Дополнение // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. № 1–225.

формирования церковно-приходской структуры в городах и селах дополняется позднейшими сведениями о *трапезниках*, ответственных (наряду с церковными старостами) за организацию пиров и братчин церковных сообществ<sup>1</sup>. В грамоте царевича Дмитрия Угличскому Покровскому монастырю 1585 г. читаем: «...на пир и на **брак** не ходити, а хто придет на пир или бѣрачну незван, того незваного сослать с двора безпенно». Публикация приведённого документа была сделана со старого издания «древнего списка»<sup>2</sup>. **Брак** и «бѣрачна» в данном тексте, казалось бы, следует считать испорченным воспроизведением терминологии более ранней грамоты тому же монастырю князя Андрея Васильевича Большого 1475/76 г., где фигурировала обычная братчина<sup>3</sup>. И всё-таки её сближение именно с браком/свадьбой имеет под собой основание. Например, в жалованной грамоте Михаила Фёдоровича сямженскому Спасо-Евфимьеву монастырю марта 1624 г. говорится: «...к их монастырским людям на пиры и братчины и *на свадьбы* никто никакие люди незваны також не ходят»<sup>4</sup>. Одновременно была подтверждена более ранняя грамота тому же монастырю 1541 г., в которой свадьбы не упоминались, а содержалась обычная терминологическая пара: пиры и братчины<sup>5</sup>. А в грамоте Спасо-Рабангскому

---

<sup>1</sup> См.: *Черкасова М.С.* Брачность городского и сельского населения Вологды и Вологодского уезда в первой трети XVII в. (По приходо-расходным книгам архиерейской кафедры) // *Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв.* Вологда, 2003. С. 104–105; *Она же.* К изучению церковно-административных и территориальных структур на русском севере в XVI – начале XVIII в. // *Государство и общество в России XV – начала XX в.: Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова.* СПб., 2007. С. 220–222.

<sup>2</sup> АСЭИ. Т. 3. № 84.

<sup>3</sup> См.: АСЭИ. Т. 3. № 77.

<sup>4</sup> *Черкасова М.С.* Россия в Средние века и Новое время: Теоретические проблемы. Приложение. Вологда, 2008. С. 95. Грамота мне известна в списках XVIII и XIX вв.

<sup>5</sup> Публикацию грамоты 1541 г. см.: *Черкасова М.С.* Кубено-Заозерский край в XIV–XVI вв. // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда, 2004. С. 98–101.

монастырю 1624 г. – «на пиры и на свадьбы»<sup>1</sup>. В грамотах Спасо-Печенгского монастыря 1614 и 1621 гг. и Антоньевой Введенской пустыни 1625 г. – обычная пара «пиры и братчины»<sup>2</sup>. Триада пиры – братчины – свадьбы встречается также в грамотах царя В.И. Шуйского суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю 1606 г. на городские дворы и сельские вотчины по широкому кругу уездов – Владимирскому, Суздальскому, Юрьевскому, Нижегородскому, Гороховецкому, Угличскому, Московскому<sup>3</sup>.

Обращение к монастырским уставным грамотам показывает функционирование данных институтов в системе сеньориального права, регулирование его нормами социальных отношений на уровне семьи – общины – вотчинных министерялов. И здесь свадьбам, свадебным пирам нашлось заметное место – они циркулируют в системе вертикальных социальных связей. Как своего рода откуп от появления на свадебном пиру приказчика служил обычай вручения ему хлеба и калача, наряду с денежной пошлиной (уставная Соловецкого монастыря 1561 г. на бежецкое с. Пузырево<sup>4</sup>). Предусматривались продуктовые компоненты за крестьянские свадьбы и в уставной грамоте Иосифо-Волоколамского монастыря 1591 г.: посельскому «*блюдо пирогов*», а приказчикам коммутированное взимание по 4 деньги с жениха или невесты «за пироги»<sup>5</sup>. Блюда с пирогами подносились на вышитых полотенцах-убрусах, и отсюда ещё одно наименование свадебной пошлины – «убрусное», известное по многим актам XV–XVI вв. Оно отмечено, например, в уставной грамоте патриарха Иова домовому Новинскому монастырю 1590 г. – доводчику «убрусного» 1 алтын<sup>6</sup>. Та же линия развития материальной принудительности в этом явлении – от непосредственного угощения к регулярному побору в рамках вотчины-сеньории – наблюдается и по документам Воскресенского Иверско-

---

<sup>1</sup> Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Кн. 1483. Л. 15 об.

<sup>2</sup> ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 1483. Л. 30, 33 об.; Ф. 512. Оп. 1. Кн. 25. Л. 9 об.

<sup>3</sup> АСЕМ. № 262, 263.

<sup>4</sup> *Акты* Археографической экспедиции (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 1. № 258.

<sup>5</sup> АФЗХ. Ч. 2. № 391.

<sup>6</sup> АФЗХ. Ч. 3. № 23.

го монастыря XVII в. В них фигурирует пошлина «за стол прикащичий» на крестьянских свадьбах. В его состав входили хлеб, каша, мясной окорок и ведро пива (с соответствующими денежными эквивалентами)<sup>1</sup>. Так традиционный когда-то обычай свадебного гостеприимства трансформировался в обязанность зависимых крестьян выкупать своё право на свадьбу у духовного сеньора, устраивая его агентам подобные «микрোকормления». На уровне крестьянской семьи, двора словно воспроизводилась модель господства и подчинения, сеньориально-крестьянских отношений, личностный оттенок которым придавали конкретные прерогативы министерялов. В духе «Очерка о даре» Марселя Мосса за всем этим можно видеть сложную смесь симметричных и противоположных прав и обязанностей давать и принимать, дарения и возмещения<sup>2</sup>.

Иверский монастырь разрешал крестьянам держать свадебное пиво не более трёх дней. Тем самым сказывалось и дисциплинирующее влияние церкви на народную жизнь. Если семейный пир/братчина пришлись на среду, то вместо окорока предусматривалось взимание «рыбного звена» (или 4 деньги). Винную брагу и вино крестьянам запрещалось варить и продавать, и за этим следили выборные старосты<sup>3</sup>.

В 1690 г. в духовном приказе Вологодского архиерея рассматривалось дело о злоупотреблениях келаря Дионисьева Глушицкого монастыря Мелхиседека Пересветова. Крестьяне в своей коллективной челобитной жаловались на то, что он незванным являлся в их дома на каждую свадьбу и досматривал с подклети женихов и невест. В их правосознании это было вопиющим нарушением традиционных норм внутривотчинных отношений, закреплённых в том числе и жалованными грамотами данной корпорации 1548 и 1621 гг.<sup>4</sup>

---

<sup>1</sup> См.: *Акты* юридические, или собрание старинных форм делопроизводства (далее – АЮ). СПб., 1838. № 334.1-П.

<sup>2</sup> См.: *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность / Пер. с фр. М., 1995. С. 85–111.

<sup>3</sup> См.: *Тимошенкова З.А.* Община в вотчине Иверского монастыря во второй половине XVII – начале XVIII в. // *Российское государство в XIV–XVII вв.* СПб., 2002. С. 534.

<sup>4</sup> См.: *Черкасова М.С.* Брак и семья на севере России (по документации Вологодской епархии) // *Северо-запад в аграрной истории России.* Калининград, 2007. С. 63–64.

Интересная роспись крестьянских издержек на свадьбу 1698 г. сохранилась по Авнежской волости Вологодского уезда. В неё включены сеньориальная пошлина, церковная пошлина и чисто домашние, хозяйственные траты. Отцу пришлось отдать за дочь «выводу» 1 руб., венечных 3 алт. 2 ден., за полтуши говядины и баранью тушу по 3 алт. 4 ден., полторы свиные полти «домашние недорогие» 3 алт. 2 ден., два студня 5 ден.<sup>1</sup> В структуре расходов показательное доминирование выводного рубля на фоне остальных сравнительно незначительных расходов. За двести лет после Бело-зерской уставной грамоты, определившей размер выводной куницы в 1–2 алт., размер данной пошрины многократно вырос.

В конце той же росписи хозяин деловито добавил: «А что осталось от свадьбы харчу, вместе съели». Кроме того, её составителю хотелось бы сравнить «масштаб» своих расходов с тем, как было в старину, и поэтому он записал, что «подлинно сказать не знает, какие свадебные держи давали отцы наши в давные годы, мы были в малых летех», но от людей слышал, что «одна была давана неволею, боярин силою выдал». Речь шла о так называемых «девочьих свадьбах», наиболее дорогих для крестьян, поскольку девок-дочерей выдавали замуж за пределы данной волости, под эгиду другому земельному собственнику, почему и приходилось платить повышенную «выводную куницу». Подобные свадьбы случались не так уж часто, поэтому память о них прочнее всего закрепились у местных жителей.

Приведенные сведения показывают существенное отличие свадебного пира от братчины, его более индивидуализированный характер, тогда как братчине отвечало определение *ссытная*, т.е. подготавливаемая вскладчину. С этим связан наиболее общий теоретический вопрос средневековой культуры – о разграничении в ней коллективного и индивидуального начала, тенденций к интеграции, универсализму, «сбрасыванию в одно» (выражение М.М. Бахтина) и к разъединению, партикуляризму; о степени обособления индивида в недрах определённой социальной группы<sup>2</sup>.

Обращение к актовым источникам и писцовым книгам Северо-Западной и Северо-Восточной Руси XIV–XVII вв. показывает одну из существенных линий трансформации института пира – в фео-

---

<sup>1</sup> См.: Черкасова М.С. Брак и семья... С. 71.

<sup>2</sup> См.: Гуревич А.Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб., 2006. С. 362.

дальние повинности зависимого крестьянства. Выражалось это по-разному: и в виде сеньориального постоя-угощения, и в структуре феодальных взиманий. Так, в уставной грамоте митрополита Киприана крестьянам Константино-Еленинского монастыря (1391 г.) указывалось на обязанность монастырских крестьян принимать игумена с его людьми, приехавших на сельские церковные праздники, «и сыпцы дают по зобне овса конем игуменовым». В термине «сыпцы» угадывается и определение самой братчины – ссыпная, совместная.

Архетип господского угощения восходил к древнему обычаю гостеприимства как способу нейтрализации чужого, пришлого, не своего человека, умиловления свехъестественной силы. Классическим примером сеньориального постоя стал «подъезд» архимандрита с братией новгородского Юрьева монастыря, подробно описанный в рядной с крестьянами Робичинской волости около 1460 г. Две ночи настоятель мог находиться на стану, а крестьяне обязаны были «положити ему пива доволно», так же как и хлеба, вологи, рыбного и мясного, овса и сена коням<sup>1</sup>.

В древних обществах (германском, скандинавском, славянском) существовал обычай, когда население принимало и угощало вождя, князя, предводителя (позднее – церковного иерарха) при его приездах со свитой на данную территорию. Выдающийся медиэвист А.Я. Гуревич в ряде своих многоплановых работ убедительно раскрыл системообразующее значение древненорвежской вейцлы, которая проделала эволюцию от праздничного угощения конунга в своеобразную форму ленного пожалования государем своему дружиннику<sup>2</sup>.

В России действие института сеньориального постоя в XVI в. стало распространяться на тех властных агентов (дворцовых, монастырских), которых община или отдельные крестьяне позвали на пир/братчины. В уставной грамоте на дворцовое с. Андреевское 1544 г. (Звенигородский уезд) допускается присутствие на них посельского («кто его позовет»), которое лишь ограничивается сроками: «пив, туто не ночевать»<sup>3</sup>. Это напоминало принцип Белозерской и ряда последующих уставных наместничьих грамот: где доводчик обедает, там он не должен ночевать. Налицо некоторый патриархальный оттенок в

---

<sup>1</sup> См.: *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 115.

<sup>2</sup> См.: *Гуревич А.Я.* Избранные труды... С. 148.

<sup>3</sup> ААЭ. Т. 1. № 201.

отношениях властных агентов и управляемого ими народа и в то же время – попытка ввести их в некое взаимно-договорное русло.

С явлением сеньориального постоя можно связать упоминание архаичного платежа – «дара» – в уставной грамоте Иосифо-Волоколамского монастыря на тверское с. Болашково 1591 г. «Дар» выплачивался приказчику крестьянами за их право варить пиво – тот получал в соответствии со старым обычаем «по чему ево подарят и как у них что было». Ключнику же полагалась 1 деньга «дара», но если он располагался на постоя в крестьянском дворе, то домохозяин от «дара» освобождался. Здесь мы обнаруживаем дополнительную информацию о ранговости самих сеньориальных слуг (приказчиков и ключников, имевших право на получение крова в крестьянском дворе), принципе взаимности, на котором основывались практика обмена дарами и её циркулирование в волоколамской вотчине-сеньории в «вертикальном» направлении<sup>1</sup>.

В хозяйственной документации Иосифо-Волоколамского монастыря встречается такой побор, как «попрос», «попросное», восходящий ко всяким сторонним попрошаям/попрошатаям актов XV–XVI вв., которым также запрещалось являться на крестьянские пиры и братчины. Допустимо татарское происхождение этого побора наряду с другими возможными линиями его появления. «Жита просити» (т.е. *ячменя*, используемого для приготовления солода) – это, по сути, вымогать лицами княжеской администрации (возможно, что и наехавшими татарами) у крестьян какие-то дополнительные взимания. Вытная ставка «попроса, попросного» с разных вотчинных комплексов по оброчной книге 1547 г. была различной – 2–3 деньги, 2 гривны, 28 алт.<sup>2</sup> В жалованной грамоте 1534 г. Угличскому Покровскому монастырю включено положение о даче на поруки скоморохов и попрошатаев – «и ставить их перед великим князем»<sup>3</sup>.

В грамотах 1560-х гг. соседство статей о пирах и братчинах, с одной стороны, с запретительными статьями против скоморохов и

---

<sup>1</sup> См.: *Словарь средневековой культуры...* С. 132–133 (автор текста – А.Я. Гуревич).

<sup>2</sup> См.: *Щенетов К.Н.* Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // *Исторические записки.* М., 1946. Т. 18. С. 144–145. Табл. 15.

<sup>3</sup> *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей // РД. М., 1998. Вып. 3. С. 69.



попрошатаев перестает быть последовательным и обязательным. Например, в жалованной грамоте Ивана IV Чудову монастырю 1564 г. пиры и братчины не упоминаются, а о запрете въезда попрошатаев и игры скоморохов – говорится. В хронологически близкой грамоте тому же монастырю удельного князя Владимира Андреевича Старицкого 1566 г. рядом соседствуют и развернутая статья о пирах и братчинах, и запретительная – о попрошатаях и скоморохах<sup>1</sup>.

Как обычное вымогательство можно рассматривать требование келаря Дионисьева Глушицкого монастыря Мелхиседека Пересветова с крестьян «*гостинцев больших*» за пользование бревенным лесом (1690 г.)<sup>2</sup>. Здесь показательно отсутствие связи между «гостинным», восходящем к пирам, к практике гостеприимства, и монастырскими сервитутами. Архаическая пошлина «*за гостинцы*» слугам в размере 4 денег с выти в дополнение к их же гривне «за ведро пива или за пир» фигурирует в поздней описной книге Спасо-Каменного монастыря 1701–1702 гг.<sup>3</sup> В ней же находим еще одно проявление «гостевания» – во время приезда приказчика в село именно поселские монахи (а не крестьяне) устраивали ему питье и корм монастырским хлебом. Налицо связь обязанности угощения, материальной принудительности поселских перед приказчиками с определённой иерархией должностных лиц монастыря. В данном случае универсальный принцип взаимного обмена (применительно к приказчикам – это осуществление ими в ходе своих приездов в сёла широкого объёма административно-судебных и финансовых полномочий) функционирует более в горизонтальном, нежели вертикальном, регистре, среди близких по статусу сеньориальных агентов среднего по масштабу монастыря.

Соловецкий монастырь в 1561 г. установил для своих крестьян из бежецкого с. Пузырева повинность молоть *солод на квас* приказчикам, слугам и доводчикам. Солод входил в состав «повоза», который доставлялся в Вологду, Белоозеро или в Москву по вытной раскладке – 4 четверти на одну лошадь<sup>4</sup>. Крестьяне Чухломского

---

<sup>1</sup> См.: *Кобрин В.Б.* Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.) // ЗОР ГБЛ. Вып. 25. М., 1965. С. 319, 322.

<sup>2</sup> См.: *Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище.* Вологда, 1904. Вып. 7. С. 86–92. № 89.

<sup>3</sup> РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 37. Л. 119 об.

<sup>4</sup> ААЭ. Т. 1. № 258.

Авраамьева монастыря, согласно жалованной грамоте 1584 г., ретроспективно отражавшей старинные порядки времен ещё великого князя Ивана Красного, обязаны были варить на настоятеля «четыре пива в игумнове солоду и в хмелю, а своими дровы». В 1584 г. им было разрешено вместо пива варить на монашескую общину «квас без хмелю»<sup>1</sup>. На храмовый праздник Покрова Пресвятой Богородицы крестьяне давали игумену 10-пудовую кадь меда (или по 8 белок за пуд), а «с братчины по десятеру хлебов, по меху овса, по носатке<sup>2</sup> пива и по сту яиц». Такого объёма праздничные дарения в пору посчитать настоящим рентным взиманием, компоненты которого строго нормированы.

Во владимирском с. Харитонове, принадлежавшем Троице-Сергиеву монастырю, приказчик, согласно уставной грамоте соборного старца Варсонофия Якимова 1590 г., не взимал с семейных праздников, где случалось «пивцо особое», никаких пошлин, а с братчин ему полагалось 2 деньги<sup>3</sup>. Это указывает на обычную правовую норму выстраивания взаимоотношений сеньориальных агентов со всем общинным коллективом, а не отдельными крестьянскими семьями/дворами/хозяйствами, об определённой автономности повседневной жизни семьи от феодального вторжения.

В приходо-расходных книгах устюжского Троице-Гledenского монастыря второй половины XVII в. отмечены расходы: 1) на покупки меда и хмеля для приема начальных людей и подьячих и гостей в игуменской келье на пиво на сыту на Троицын день; 2) взносы «на всеуездный земский расход выборным людем сотскому и кабацкому целовалнику и зборному целовалнику и съезжей избы приставу и земской избы приставу и земскому дьячку и гонщику и довоичику»; 3) праздничные великоденские перепечи (каравай) для

---

<sup>1</sup> Сборник документов по истории СССР: Для семинарских и практических занятий. М., 1972. Вып. 3. С. 74 (публикация В.Д. Назарова).

<sup>2</sup> Известно несколько значений слова: *носатка* – это деревянный сосуд для пива с носиком сверху; бочка с пивом вместимостью в три ведра; берестяной сосуд цилиндрической формы с ручкой и плотно входящей внутрь крышкой; ёмкость для сбивания масла, или просто разновидность деревянной посуды. См.: *Словарь вологодских говоров*: Учеб. пособие по диалектологии. Вып. 5. Вологда, 1990. С. 112; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1986. Вып. 11. С. 424; *Словарь русских народных говоров*. Л., 1986. Вып. 21. С. 287; *Даль Вл.* Словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2. С. 556.

<sup>3</sup> ААЭ. Т. 1. № 348-1.

поднесения владыке; 4) различные праздничные подношения приказным людям в почесть; 5) для оплаты работных людей, нанятых «к пивному варению»<sup>1</sup>.

В приходо-расходных книгах Николо-Коряжемского монастыря в соседнем Сольвычегодском уезде середины XVII в. были учтены поступления в ведомство келаря «провара от больших и малых пивных котлов». Провар здесь близок по смыслу к упомянутой выше древнерусской «переваре»<sup>2</sup>. Согласно приходному разделу в книге старца Козьмы 1665/66 г., размер «провары» за предоставление келарем в коряжемские деревни пивных котлов составлял: с большого котла 3 алтына, с малого – 8 денег<sup>3</sup>. Иногда подобные пошлины назывались «котельными деньгами». В статье Е.Н. Швейковской отмечена передача пивных котлов старостой устюжской церкви Петра и Павла земским старостам для варки пива к «Прокопьевской мольбе». «Провар» при этом был уплачен в размере 6 алт. 4 ден.<sup>4</sup>

Николо-Коряжемский монастырь предоставлял крестьянам в деревни готовые «пивные дробины». Под ними следует понимать пивные дрожжи либо гущу, выжимку, осадок после приготовления пива или браги<sup>5</sup>. Дробинами на юге назывались виноградные выжимки<sup>6</sup>. В сентябре 1666 г. келарь Козьма сдал денежному казначею «зборных дробинных денег» 6 руб. 24 алт. В 1672 г. была составлена специальная книга келаря Власия записи денежного сбора с монастырских крестьян «за пивные дробины»<sup>7</sup>.

---

<sup>1</sup> ГАВО. Ф. 693. Оп. 1. Кн. 167. Л. 33 об., 44 об., 159; Кн. 168. Л. 10, 12 об. 13; ВГИАХМЗ. Ф. 5 (Троице-Гледенский монастырь). ВОКМ-9548/3. Л. 5.

<sup>2</sup> *Даль Вл.* Словарь... Т. 4. С. 471; *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2, Ч. 1. Стб. 897.

<sup>3</sup> Вологодский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (далее – ВГИАХМЗ). Сектор письменных источников. Ф. 4. ВОКМ-26646/50. Л. 9.

<sup>4</sup> См.: *Швейковская Е.Н.* Прокопьевская трапеза: Праздник и повседневность на русском севере в XVII веке // *Глагол времени: Исследования и материалы.* Вологда, 2005. С. 208.

<sup>5</sup> См.: *Даль Вл.* Словарь... Т. 1. С. 492; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М., 1986. Т. 1. С. 538; *Словарь вологодских говоров.* Вологда, 1985. Вып. 2. С. 56.

<sup>6</sup> См.: *Словарь русских народных говоров.* Вып. 8. Л., 1972. С. 187.

<sup>7</sup> ВГИАХМЗ. ВОКМ-26646/51.

О том, что в деревнях Николо-Коряжемского монастыря во время праздничных братчин случались конфликты, свидетельствуют записи в тех же хозяйственных книгах о сборе «езда с братчинного дела». В севернорусском Судебнике 1589 г. (ст. 32) говорится, что приставу «езду имати на версту по денге, колко верст ни буди: хочет пеш поди, хочет лошадь найми»<sup>1</sup>. Размер «хоженого» устанавливался «на версту по деньге, а в трапезе (как специальном помещении при церкви) от поруки 2 деньги. Возможно, именно с трапезой (как процессом коллективного пиршества) связан запрет недельщикам и доводчикам при взятии человека на поруки претендовать ещё на «поклонное» и «поминки»<sup>2</sup>.

Сохранился фрагмент расспросных речей крестьян Николо-Коряжемского монастыря времени царствования Михаила Фёдоровича. В них описывается драка («подерюшка») между отцом и сыном – Одроном и Степаном Нечаевыми во время крещенской сыпной братчины в Емской волости. Данный текст насыщен диалогами и дает основание для дискурсивного анализа речевых актов. За определёнными «фигурами речи» стояло соответствующее речевое поведение. Пострадавший от побоев Степан Нечаев уважительно обращается к монастырскому слуге «господине», а своего отца (хоть тот едва и не убил его) не раз с пиететом называет «батюшко».

Из приведённого в Приложении фрагмента видно, что на севере и в XVII в. бытовало выражение «пить братчину», организатор пиршества назывался брацким старостой (здесь это Демка Клементьев с. Мальцова, подавший в монастырь исковое заявление, в его доме и произошла драка), а участники – сыпцами. Перед нами словно оживают статьи Псковской судной грамоты... Расследование проводил монастырский доводчик с выборными сотским и двумя десятскими<sup>3</sup>. Показательно, что он *осматривал* пострадавшего и спрашивал его, не *сторонний* ли человек дерзнул нанести ему увечье. Данное дело закончилось, видимо, взиманием пени в монастырскую казну с подравшихся, ведь примирения «не вышел с пира» у них, хотя это и были отец с сыном, не произошло, дело по-

---

<sup>1</sup> Архангельский север в документах истории. Архангельск, 2004. С. 72.

<sup>2</sup> Там же. С. 76.

<sup>3</sup> См.: АСЭИ. Т. 3. № 22. С. 40; Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III... С. 119.

лучило огласку и было доведено до монастырского суда. Датировать этот конфликт помогает соответствующая запись в приходной книге старца Антония от 26 февраля 1632 г.: «Взял по наказной памяти с Емския волости братчинново дела 3 алт. 4 ден.»<sup>1</sup>. Запись включена в 5-ю главу приходной книги «приход денгам с судных дел и езде». В приведённом отрывке упоминалась как раз Емская волость.

\* \* \*

Таким образом, пиры и братчины в средневековой Руси нашли многообразное отражение в разных видах источников – фольклорных, актовых, законодательных, дело- и судопроизводственных. Плодотворным представляется их сопоставление, раскрывающее экономические, социокультурные и правовые аспекты данных явлений, в которых переплетались формы как коллективной, так и частной жизни, включающей разнообразные эмоциональные и религиозные аспекты. Пиры и братчины Средневековья несли на себе немало архетипических черт прежних эпох, являлись и зрелищем (учитывая нередкое участие в них скоморохов), и ритуалом, и плотно насыщенной культурными смыслами знаковой системой, пронизанной универсальным принципом обмена дарами. Обращение к данной теме показывает средневековое общество и человека «изнутри», поскольку чисто «внешний», объективный взгляд на них при современном интересе к исторической антропологии явно недостаточен.

---

<sup>1</sup> ВГИАХМЗ. ВОКМ-26646/29. Л. 10.

## Приложение

[Не позднее 26 февраля 1632 г.] Расспросные речи крестьян дер[евни] Костянки Сольвычегодского уезда вотчины Николо-Коряжемского монастыря А.М. Нечаева и его сына Степана о драке между ними во время крещенской ссыпной братчины (фрагмент)<sup>1</sup>.

сст<sup>2</sup>. 1 ...его месяца генваря в 16 день по Демкину да по... челобитью Климентьевых детей Малцова... Коряжемскаго монастыря слуга Тренка Иванов сын приехав в Емскую волость и взяв с собою выборново соцково Василья Гаврилова Гарманова да десяцково Спиридона Емельянова сына Морозова да другово десяцково Микиту Еремеева сына и с теми людми шли в деревню на Костянку в ызбу к Ондруну Маркову сыну Нечяеву да осмотривал и опрашивал сына Ондрунова Степана.

«Скажи ты, Степан, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси кресному целованью, чем ты немощен и о чем лежышь?» И Степан лежачий тако рек. «Пили, де, есмя, господине, крещенскую ссыпную братчину у того Дементья да у Ивана. И пьючи, де, у нас учинилась подерюшка с батюшком же моим Ондруном и на той, де, подерюшке батко мой Ондрон меня, Степанка, испопадал и голову у меня тупицею просекл».

И доспрошал доводчик Тренка того же Степана: «Да сторонской, де, человек хто ни буди на тебя дерзнул ли?» И Степан ни на ково никоторых речей не сказал, нет, де, ми дела ни до которого человека в той подерюшке, опричено батюшка. Бог, де, волен да батюшко».

И после Степановых речий спросал доводчик Третьяк самово Ондруна. «А ты, Ондрон, дерзнул ли на сына своего на Степана рукою?» И Ондрон так сказал. «Господине доводчик Третьяк, по грехом, де, моим хмелным делом дерзнул, де, на сына своего на Степана рукою и голову у него тупицею просекл». И после Ондруновых речий доспрошал доводчик того же Степана: «И толко, буде, Степан с того удара случится тебе смерть?» И Степан тако рек: «Бог, де, волен да батюшко. А дела де мне да батюшку моему Ондруну нет ни до ково, ни до брацково старосты Дементья з братом и до всех сыпцов его».

---

<sup>1</sup> Документ приведен полностью, знаки препинания, включая диалоги и прямую речь, расставлены по смыслу, орфография сохранена.

<sup>2</sup> Ссстав, сставы – типы листов в столбцах.

А на опросе были з доводчиком в понятых десяцкой же Афонасей Васильев сын Митрафанов да Фома Иванов Гурьева, да Федор Аверкиев Мусонова, да Пырские Едомы... [*далее текст обрывается*].

*От сст. 2 сохранилось лишь «...Гри...». На обороте никаких пометок, утрачены верхний левый угол сстава и окончание.*

Подл.: ВОКМ-26646/45

О.В. Семенов  
ВЕРХОТУРСКАЯ ЗАГОННАЯ КНИГА 1693/94 г.  
(«ЛЯЛИНСКИЙ ОТПУСК») КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ  
ЯМСКОЙ ГОНЬБЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАУРАЛЬЯ  
И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ<sup>1</sup>

В исторической литературе процессам становления и функционирования системы ямской гоньбы в Московской Руси уделялось довольно скромное внимание. Тем не менее обращение к этой теме, помимо ее практической значимости, представляет и чисто научный интерес, поскольку позволяет приблизиться к ответу на вопрос о времени окончательного складывания русского централизованного государства, существование которого было бы невозможным без налаженного и эффективного механизма связи между центром и его окраинами.

Среди источников по истории ямской гоньбы отдельное место занимают загонные («разгонные», или «гонимые») книги<sup>2</sup>. Они дают представление о составе и полномочиях ямских должностных лиц, доносят до нас сведения о размерах жалованья «охотников», их персональном составе, «службах» и тратах на найм дополнительных подвод, маршрутах, направлениях, объемах и сроках гоньбы, средствах и способах передвижения и т.д. К тому же содержащиеся в них данные при сопоставлении с показаниями других источников можно использовать для уточнения времени, которое требовалось на преодоление расстояния от одного населенного

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 02.740.11.0578.

<sup>2</sup> К сожалению, по Зауралью и Сибири применительно к XVII – началу XVIII в. загонных книг сохранилось немного. Их наиболее полный перечень см.: *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895. Ч. 1. С. 362.



пункта до другого. К примеру, ссыльные Тихон и Авраамий Елчаниновы были отпущены из Тобольска в Москву 5 марта 1676 г.<sup>1</sup> Однако при обращении к тексту верхотурской загонной книги 1675/76 г. «усольского отпуска» видно, что уже 13 марта они находились в Верхотурье<sup>2</sup>. Следовательно, на преодоление более чем 600 километрового пути от разрядного до уездного центра потребовалось чуть более недели. Это находит подтверждение и в других источниках, являясь ярким свидетельством того, что при всех своих недостатках степень эффективности функционирования системы ямской гоньбы оставалась довольно высокой, а состояние урало-сибирских коммуникаций не столь катастрофически плачевным, как иногда представляется в литературе<sup>3</sup>.

К сожалению, исследователи обращали недостаточное внимание на этот подвид делопроизводственных материалов, ограничиваясь случайными ссылками и редкими публикациями<sup>4</sup>. До сих пор отсутствует детальный источниковедческий анализ загонных книг, остается немало вопросов, касающихся времени и обстоятельств их появления. Так, если одни ученые считали, будто они возникли при Борисе Годунове<sup>5</sup>, то другие относили их существование к началу XVI в., когда оформилась практика уплаты населению прогонов<sup>6</sup>. В Сибири в XVII – начале XVIII в. загонные книги велись ямскими старостами под контролем ямских приказчиков (там, где данные

---

<sup>1</sup> *Сибирский летописный свод* // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 1987. Т. 36, ч. 1. С. 168.

<sup>2</sup> Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 487. Л. 90 об. – 91.

<sup>3</sup> См.: *Редин Д.А.* Транспортные коммуникации Сибири XVIII в. как элемент системы управления (постановка вопроса и проблема источников) // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейнича. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. С. 156–158; *Шамин С.* Письма, грамотки, куранты // Родина. 2001. № 12. С. 10.

<sup>4</sup> См., например: *Акты, относящиеся до юридического быта древней России* (далее – АЮБ). СПб., 1864. Т. 2. Стб. 331–336; *Книги тюменскому ямскому отпуску 1633–1634 гг.* // *Головачев П.М.* Тюмень в XVII столетии. Тюмень, 2004. С. 111–113.

<sup>5</sup> См., например: *Домбровский.* О ямах до конца XVII века // *Журнал Министерства народного просвещения* (далее – ЖМНП). СПб., 1841. Т. 31. С. 124.

<sup>6</sup> См., например: *Гурлянд И.Я.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 64–65.

должностные лица были) и воеводских властей<sup>1</sup>. По окончании года они отправлялись в Москву<sup>2</sup>. К примеру, 25 января 1701 г. ямской староста А. Бутыгин с десятниками передал в Верхотурскую приказную палату «ямские загонные книги прошлого 1700 году». Уже на следующий день они были посланы в Сибирский приказ<sup>3</sup>. Любопытно, что в ряде случаев загонные книги доставляли в Москву ямские челобитчики, отправляемые своими «мирами» с просьбами о выплате годового жалованья<sup>4</sup>. По всей видимости, это было следствием неоднократных правительственных предписаний, адресованных воеводской администрации сибирских городов и острогов, отпускать подводы экономно.

Следует отметить, что сами ямщики были непосредственным образом заинтересованы в существовании загонных книг. Опираясь на содержащиеся в них данные, они нередко добивались от государства облегчения собственной участи. Так, в 1660 г., решая вопрос о целесообразности увеличения жалованья верхотурских ямщиков, власти обратились к загонным книгам 1658/59 г. На основе проведенных подсчетов был сделан вывод о том, что они отпускают подвод «вдвое» больше туринских и тюменских ямских охотников<sup>5</sup>. После этого разрядная администрация приняла решение об увеличении размеров денежного обеспечения верхотурских ямщиков до 28 рублей на каждый пай<sup>6</sup>. Что касается Москвы, то из загонных книг она

---

<sup>1</sup> На это указывает наличие скрепы приказчика или подьячего с приписью на листах загонных книг.

<sup>2</sup> Впрочем, в силу различных обстоятельств сроки отправки соблюдались не всегда. Не случайно в конце 1650-х гг. в Сибирском приказе отмечали, что «ныне» из Верхотурья, Туринского острога и Тюмени «ямских гонящих книг к великому государю к Москве с ямов не присылаютца» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 65–66).

<sup>3</sup> РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 74. Л. 131–132 об.

<sup>4</sup> Так, 17 декабря 1694 г. на Верхотурском яме были даны подводы под ехавших в Москву с отписками и загонными книгами самаровских и дьямянских ямщиков И. Корепанова и Е. Мотошина. Спустя три месяца они проследовали через Верхотурье обратно с деньгами и сукнами на общую сумму 1000 рублей каждый. Скорее всего, данные средства предназначались для выплаты жалованья «охотникам» Самаровского и Дьямянского ямов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 70 об. – 71, 110 об. – 111).

<sup>5</sup> «Охотники» (они же – ямские охотники или ямщики) – лица, набранные своею охотою (т.е. добровольно) для отправления ямской гоньбы.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 24–26.

получала информацию о действительном положении системы связи на местах и могла более оперативно реагировать на возможные злоупотребления в этой области. К примеру, в 1678 г. тюменские ямщики подали челобитную, указывая на тяжесть гоньбы. Для проверки обоснованности их жалоб, руководство Сибирского приказа обратилось к загонным книгам 1676/77 г., «каковы прислал с Тюмени к Москве в нынешнем во 1677/78 г.» тюменский воевода стольник М.М. Квашнин. Из документов стала очевидна вся обоснованность претензий со стороны «охотников». Результатом этого явилось царское распоряжение, в соответствии с которым отныне во всех подорожных следовало прописывать только строго установленное число подвод, а лицам духовным ямщики вообще не обязаны были (кроме «государевых дел») предоставлять средства передвижения. Для контроля над исполнением правительственного предписания приказной администрации в очередной раз настоятельно указывалось на необходимость «присылать из всех сибирских городов розгонные ямские книги за воеводскими и за дьячьими руками по вся годы»<sup>1</sup>.

Кроме собственно истории ямской гоньбы загонные книги дают немало сведений биографического характера. Они, в частности, позволяют уточнить состав приказной администрации городов и острогов. К примеру, из них становится известно, что сын боярский М.А. Бибиков отправился из Верхотурья «на Пелым по указу великих государей и по грамоте на перемену пелымского воеводы столника Нестера Ивашкина» 8 февраля 1690 г.<sup>2</sup> Между тем, по ошибочному утверждению В.Е. Вершинина, Бибиков управлял Пелымом с 1691 г.<sup>3</sup> Совершенно упущена из виду отмеченным выше исследователем фигура подьячего с приписью Л. Волкова, который входил в состав верхотурской администрации в конце 80-х – начале 90-х гг. XVII в.<sup>4</sup> Загонные книги дают прекрасный материал относительно персонального состава не только местных, но также и центральных учреждений. Так, 10 декабря 1690 г. от Верхотурья до Соликамска по московским подорожным были даны подводы по-

---

<sup>1</sup> РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 264. Л. 230, 234–235; *Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею* (далее – АИ). СПб., 1842. Т. 5. С. 37–38.

<sup>2</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 953. Л. 26.

<sup>3</sup> *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 166.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 953. Л. 1–6, 71–76 и др.

дьячим Посольского (И. Логинов), Малороссийского (С. Васильев) и Поместного (И. Молчанов) приказов<sup>1</sup>. По ним также представляется возможным восстановить списки служилых людей в «далекой государевой отчине»<sup>2</sup>. Из загонных книг можно почерпнуть крайне интересные материалы и по истории сибирской ссылки. Любопытно, например, известие о выдающемся ученом-энциклопедисте Юрии Крижаниче, под которого 17 марта 1676 г. от Верхотурья по направлению к Москве были выделены подводы<sup>3</sup>. Не обходят стороной загонные книги и вопросы внешнеполитического характера. Они не просто фиксируют следовавшие через тот или иной населенный пункт посольства, но порою оставляют подробные комментарии о целях и итогах дипломатической миссии<sup>4</sup>. Определенную информацию несут загонные книги по истории русской церкви<sup>5</sup>, касаются вопросов алкогольной и ясачной политики<sup>6</sup>, дают представление об административно-территориальном делении того или иного уезда и т.д.

Помещенная ниже загонная книга 1693/94 г. из фондов РГАДА публикуется впервые. В ней в хронологическом порядке фиксируется количество предоставленных подвод, а также содержатся све-

---

<sup>1</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 953. Л. 87.

<sup>2</sup> К примеру, 2 марта 1694 г. от Верхотурья до Соликамска были предоставлены подводы тобольскому «литовской роты поручику» К. Аникиеву, а 9 марта 1695 г. до Туринского острога – «праперщику» А. Заколюкину. Между тем в новейшей монографии А.В. Дмитриева, составившего перечень офицеров войск «нового строя» в Сибири, оба этих лица отсутствуют (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 106 об. – 107, 184 об.; *Дмитриев А.В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 224–235).

<sup>3</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 487. Л. 92.

<sup>4</sup> Так, по данным верхотурской загонной книги 1694/95 г., 27 декабря 1694 г. на Верхотурском яме до Соликамска «под казну великих государей, которая послана была в поминки х китайскому хану» с Исбрантом Идесом, было предоставлено 6 подвод, поскольку «по скаске ево, Елизарьеве, росходу той казне в Китайском государстве не было». Действительно, известно, что указанное посольство в Поднебесную постигла неудача (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 74).

<sup>5</sup> См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 971. Л. 252–252 об.; Кн. 1076. Л. 154–154 об.

<sup>6</sup> См., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 29–29 об.; Кн. 1076. Л. 187 об.

дения о том, когда, с какой целью (впрочем, не всегда), куда и на основании какого документа едет то или иное лицо. При этом, несмотря на заглавие, в источнике говорится об отпуске подвод не только до Ляли (л. 166, 166 об., 167, 167 об., 168), но также до Меркушинского погоста (л. 166, 166 об., 168 об., 169), деревни крестьянина Митрошки Сидорова (л. 167), Салды (л. 167 об., 169) и деревни Костылева (л. 168).

Конечно, публикуемый источник не демонстрирует всей тяжести ямской службы. Полное представление о количестве отпущенных подвод и потраченных на их найм средств можно получить лишь при анализе верхотурских загонных книг за 1693/94 г. по всем направлениям. Что же касается указанного памятника, то, в соответствии с содержащимися в нем данными верхотурские ямские охотники отпустили 32 подводы<sup>1</sup>. Сам термин «подвода» употребляется здесь в значениях «лошадь», «лошадь с санями (с седлом или с телегой) и с проводником».

Загонная книга издается в соответствии с общепринятыми правилами. Выносные буквы вносятся в строку и набираются курсивом, а отсутствующие в тексте и восстанавливаемые при раскрытии титлов буквы заключаются в круглые скобки. Примечания и комментарии даются в сносках, обозначаемых арабскими цифрами. Знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами пунктуации.

1693/94 г. – Верхотурская загонная книга («лялинский отпуск»)

(Л. 165) Книги розгонные Верхотурского города лялинских подвод 202 году. // (Л. 166) Сентября в 6 де(нь) указано дать по приказной памяти до Лялинского караулу<sup>2</sup> под выделщиками при-

---

<sup>1</sup> В тексте источника ошибочно указано 52 подводы.

<sup>2</sup> Лялинский караул (застава) – таможенный пропускной пункт, расположенный на р. Ляля (правый приток р. Сосьвы) на Бабиновской дороге. Возник в конце XVI в. В последующем был известен как село Лялинское или Караульское (Караульное). См. о нем: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006. С. 277, 280; *Кривошеков И.Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 432–433; *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Свердловск, 1987. С. 91; *Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края.* Екатеринбург, 1998. С. 269.

казные полаты под подъячим под Степаном Савиным<sup>1</sup> и под целовалником и под стрелцом три подводы.

Октябр в 27 де(нь) указано дать по приказной памяти до Меркушинского погосту<sup>2</sup> и назад до Верхотур(ь)я под верхотурским стрелцом под Микишкою Зыковым<sup>3</sup> подводу с седлом и с проводником.

Ноябр в 28 де(нь) указано дать по приказной памяти до Лялинского караулу // (Л. 166 об.) под верхотурским посадцким

---

<sup>1</sup> Степан Савин сын Лисицын – подъячий Верхотурской приказной палаты. В 1678/79 г. размеры его обеспечения составляли 5 рублей, 2 чети ржи и столько же овса. Согласно переписи Л.М. Поскочина (1680 г.) владел санным покосом «вниз по Туре-реке на правой стороне». В 1685/86 г. у него в казенные житницы был взят купленный хмель. В том же году получил 7 рублей жалованья, причем часть этих средств ему была выплачена сукном. В начале 1690-х гг. оклад натурального обеспечения подъячего составлял 3 чети без 1,5 четверика ржи и столько же овса. 2 января 1694 г. был послан «с Верхотурья в слободы для дел великих государей». 21 июля того же года в сопровождении стрельцов и палача выехал «для дел великих государей» в Пышминскую слободу. В 1697/98 г. размеры его натурального жалованья достигали 6 четей с осьминой без 1,5 четверика ржи и столько же овса (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 656. Л. 124 об., 264 об. – 265; Кн. 697. Л. 14; Кн. 845. Л. 292, 567; Кн. 1026. Л. 232; Кн. 1076. Л. 154, 163; Кн. 1111. Л. 274; см. также: Кн. 1152. Л. 271).

<sup>2</sup> Меркушинский погост – населенный пункт, расположенный на левом берегу р. Тура, в устье р. Меркушинки. Был основан в начале XVII в. верхотурским посадским человеком Меркушей Федотовым. Получил известность благодаря тому, что именно здесь проживал святой Симеон Верхотурский. Переписью 1680 г. в погосте были зафиксированы церковь архистратига Михаила, а также несколько принадлежавших попу, дьячку, пономарю и крестьянам дворов. В источниках последующего времени фигурирует как село (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 64–67 об., 93–95 об.; *Кривошеков И.Я.* Словарь Верхотурского уезда... С. 538–542; *Матвеев А.К.* Географические названия Свердловской области: топонимический словарь. Екатеринбург, 2000. С. 126; *Очерки истории и культуры города Верхотурья...* С. 273).

<sup>3</sup> Никифор Зыков – верхотурский стрелец. В начале 1690-х гг. располагал окладом жалованья в размере 4 рубля с четью, а также 3 чети с полуполуполучетвериком ржи, 2 чети с полусосьминой овса и 2 пуда с четью соли. К 1697/98 г. объем его хлебного и соляного обеспечения оставался на том же уровне (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1026. Л. 235; Кн. 1111. Л. 278; Кн. 1152. Л. 275; *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Период пятый (1682–1694 гг.). Пермь, 1885. Ч. 1. С. 258).

ч(е)л(о)в(е)ком, а Лялинскои заставы под целовалником под Трошкою Бутаковым<sup>1</sup> подводу с санми и с проводником.

Генваря в 12 де(нь) указано дать по приказнои памяти вниз Туры реки до Меркушинского погосту под верхотурскими стрелцами подошти ч(е)л(о)в(е)ки три подводы с санми и с проводники. Посланы они в подгородные д(е)р(е)вни сыскивать беглово вора.

Генваря в 28 де(нь) указано дат(ь) по приказнои памяти до Лялинских д(е)р(е)в(е)нь до // (Л. 167) деревни кр(е)стьянина Митрошки Сидорова<sup>2</sup> приказные полаты под подьячим под Тихоном Накоряковым<sup>3</sup> подводу. Послан он в кр(е)стьянские д(е)р(е)вни для збору денег.

Февраля в 26 де(нь) указано дать по приказнои памяти до Лялинского караулу и назад до Верхотур(ь)я под таможенными и заставным головою под Григор(ь)ем Скорняковым<sup>4</sup> с товарищи три подводы с санми и с проводники.

---

<sup>1</sup> Трофим Бутаков – верхотурский посадский человек. Выполняя обязанности целовальника, 27 января 1675 г. был отпущен из Верхотурья в Туринский острог вместе с четырьмя бочками «горячего вина» «верхотурского куренья». По данным переписной книги верхотурских посадских людей 1679 г., с него взимался оброк в размере 10 алтын и «детеи и брати и племянников у него нет» (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 487. Л. 103 об., 288; *Переписная* книга верхотурским посадским людям 1679 года // Уральский родовет. Екатеринбург, 1997. Вып. 2. С. 82).

<sup>2</sup> Митрофан Сидоров – крестьянин. Перепись Л.М. Поскочина (1680 г.) упоминает о крестьянине Митрошке Сидорове, который проживал в селе Ростесском, владел санными покосами на 300 копен и платил в казну два рубля денежного оброка. Впрочем, неясно, одно ли это лицо (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 111–111 об.).

<sup>3</sup> Тихон Накоряков – верхотурский подьячий. 20 марта 1694 г. он был отпущен из Верхотурья «в слободы для правезу оброчных денег». В 1697/98 г. располагал окладом натурального жалованья в размере 3 чети с осьминой без четверика ржи и четь с четвериком овса. Причем за хлебное обеспечение он служил «с пашни» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 156 об. – 157; Кн. 1111. Л. 276; см. также: Кн. 1152. Л. 273).

<sup>4</sup> Григорий Скорняков – устюжский посадский человек. Выполнял обязанности верхотурского таможенного, кабацкого и заставного головы еще в 1685/86 г. На этой должности числился также в первой половине 1690-х гг. Известна его жалоба на сокращение сбора таможенных пошлин в Верхотурье от 1693/94 г. 27 февраля 1695 г. вместе с отчетной документацией Скорняков в статусе уже бывшего головы выехал из Верхотурья в Москву (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 845. Л. 349–349 об.; Кн. 1076. Л. 84–

Марта в 10 де(нь) указано дать по приказной памяти до Лялинского караулу и назад до Верхотур(ь)я под верхотурскими // (Л. 167 об.) таможенным головою под Григор(ь)ем Скорняковым и под целовалники и под под(ь)ячими четыре подводы. Посланы они для г(о)с(у)д(а)р(е)ва дела.

Марта в 13 де(нь) дано до Салдинского погосту<sup>1</sup> и назад до Верхотур(ь)я две подводы – ездили ворочат(ь) назад столника Богдана Челищева<sup>2</sup>.

Марта в 14 де(нь) указано дать по приказной памяти до Лялинского караулу и назад до Верхотур(ь)я под таможенными под под(ь)ячим Михаилом Лосевым // (Л. 168) и под целовалником подводой. Посланы они для дел великих г(о)с(у)д(а)реи.

---

84 об.; АИ. Т. 5. С. 422–423; *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1901. Ч. 4. С. 43, 149).

<sup>1</sup> Салдинский погост – населенный пункт на р. Салда (правый приток р. Туры), через который проходила сухопутная дорога, связывавшая Верхотурье с Тюменью и Тобольском. Возник в 1619 г. Согласно переписи Л.М. Поскочина (1680 г.) здесь располагались церковь Св. Прокопия Устюжского, дворы попа, дьячка и пономаря, тогда как дворов крестьянских «не показано». В последующем известен как село Салдинское или Прокопьевская Салда (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 87–87 об.; *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Пермь, 1897. Вып. 7. С. 199; *Кривошецов И.Я.* Словарь Верхотурского уезда... С. 694–695; *Матвеев А.К.* Географические названия Свердловской области... С. 153; *Очерки истории и культуры города Верхотурья...* С. 278).

<sup>2</sup> Богдан Афиногенович Челищев – представитель старинного дворянского рода Челищевых. С 1691 г. выполнял обязанности воеводы Туринского острога. После получения «отказа» со стороны местных жителей в январе 1693 г. был смещен с этой должности Сибирским приказом. Любопытно, что 12 марта 1694 г. Челищев по московской подорожной вместе со своими людьми и запасом получил в Верхотурье 17 подвод «с санми и с проводники» и был отпущен далее в Сибирь. Не вполне ясно, почему его на следующий день пришлось возвращать. С сентября 1694 г. являлся воеводой Илимска. Летом 1696 г. был смещен населением города (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 133; *Сибирский летописный свод...* С. 285, 294; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 157, 179; *История Сибири с древнейших времен до наших дней.* Л., 1968. Т. 2. С. 150–151; *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.* Новосибирск, 1982. С. 150; *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1. С. 365, 367).



Марта в 16 де(нь) указано дать по приказной памяти до Лялинского караулу и назад до Верхотур(ь)я под верхотурскими таможенным и заставным головою под Григорьем Скорняковым и под под(ь)ячими и под целовалники четыре подводы. Посланы они для г(о)с(у)д(а)р(е)ва дела.

Апреля в<sup>1</sup> 2 де(нь) указано дать по приказной памяти вниз Туры реки до деревни Костылевы<sup>2</sup> и назад до Верхотур(ь)я // (Л. 168 об.) под верхотурским стрелецким десятником под Иваном Костаревым<sup>3</sup> подводу. Послан он для г(о)с(у)д(а)р(е)ва дела.

Апреля в 16 де(нь) указано дать по приказной памяти до Меркушинского погосту под верхотурскими стрелцы под Иевком Прянишниковым<sup>4</sup> с товарищем две подводы. Посланы они в тот Меркушинской погост на заставу.

---

<sup>1</sup> Так в ркп.; должно быть: во.

<sup>2</sup> Костылева деревня – старинный русский населенный пункт на правом берегу р. Туры ниже Верхотурья. Был основан в первой половине XVII в. пашенными крестьянами Костылевыми. По данным дозорной книги Л.М. Поскочина (1680 г.), входил в состав Подгородной волости и насчитывал 2 двора (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 47–47 об.; *Дмитриев А.А.* Пермская старина... Вып. 7. С. 198; *Кривошецов И.Я.* Словарь Верхотурского уезда... С. 465; *Очерки истории и культуры города Верхотурья...* С. 271).

<sup>3</sup> Иван Костарев – верхотурский стрелецкий десятник. На службе числился еще в 1674/75 г. с окладом денежного обеспечения в размере 4 рубля с четвертью. В 1685/86 г. получал 4 рубля с полтиною. К 1693/94 г. размер его денежного жалованья оставался на прежнем уровне. 4 декабря 1689 г., а также 18 марта 1691 г. отправлялся из Верхотурья в Пелым. 24 ноября 1690 г. ездил «Пельмского уезду до ясачных вагулич до десятника до Чики Калинкина». В начале 1690-х гг. располагал окладом натурального жалованья в размере 3 чети с полуполуполучетвериком ржи, 2 чети с полусосьминой овса и 2 пуда с четью соли. К 1697/98 г. объем его хлебного и соляного обеспечения оставался на том же уровне. 22 марта 1694 г. был отпущен из Верхотурья по направлению к Туринскому острогу. 30 апреля того же года выехал в Низ-Туринскую волость «по ясачных людей», а 28 июня – через Тагил – «в слободы для дел великих государей». Грамотой не владел (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 585. Л. 116 об.; Кн. 845. Л. 295; Кн. 953. Л. 15, 103 об., 117 об.; Кн. 1026. Л. 234; Кн. 1076. Л. 138 об., 158 об., 162 – 162 об.; Кн. 1111. Л. 277; см. также: Кн. 1152. Л. 274; *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. ... С. 258).

<sup>4</sup> Иов Прянишников – верхотурский стрелец. В декабре 1685 г. обозначен как «стрелецкий сын», с которого за текущий год в городские жит-

Маия в 5 де(нь) указано дать по приказной памяти до Меркушинского погосту и назад до Верхотур(ь)я приказные // (Л. 169) полаты под приставом под Васкою Архиповым<sup>1</sup> подводу. Послан он за беглым ч(е)л(о)в(е)ком в погоню.

Маия в 26 де(нь) указано дать по приказной памяти до Салды и назад до Верхотур(ь)я приказные полаты под под(ь)ячим Овдокимом Михайловым<sup>2</sup>, да под стрелцы двумя ч(е)л(о)в(е)ки три подводы. Посланы они для дел великих г(о)с(у)д(а)реи.

Июня в 26 де(нь) указано дать по приказной памяти до Меркушинского погосту под верхотурскими // (Л. 169 об.) приказные полаты под под(ь)ячим Федором Ивановым<sup>3</sup> и под стрелцом две под-

---

ницы было взято 3 чети ржи выдельного хлеба. В начале 1690-х гг. Прянишникову полагался оклад натурального обеспечения в размере 3 чети с полуполуполучетвериком ржи, четь с четвериком овса и 2 пуда с четью соли. Впрочем, «за хлебное жалованье» он служил «с пашни». 27 октября 1693 г. «для дел великих государей» был отправлен из Верхотурья в Тахтанскую волость. 15 июля 1694 г. «для дел великих государей, наскоро» выехал из Верхотурья в Пелым. К 1697/98 г. объем его хлебного и соляного жалованья оставался на прежнем уровне (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 845. Л. 456; Кн. 1026. Л. 237 об.; Кн. 1076. Л. 123 об. – 124, 190; Кн. 1111. Л. 280 об.; см. также: Кн. 1152. Л. 277 об.).

<sup>1</sup> Василий Архипов – пристав. 13 июня 1694 г. вместе со стрельцом и подьячим, посланными «в слободы для дел великих государей», выехал из Верхотурья на Тагил (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 161).

<sup>2</sup> Евдоким Михайлов – подьячий Верхотурской приказной палаты. На этой должности числился еще в 1674/75 г. В 1676/77 г. задолжал казне «два безмена хмелю». В 1678/79 г. получал 4,5 рубля, а в 1685/86 г. 5 рублей жалованья. Если в 1678/79 г. оклад его натурального обеспечения составлял 3 чети ржи и 3 чети овса, то в начале 1690-х гг. он был снижен до 2 четей без полуполучетверика ржи и столько же овса. Размеры жалованья подьячего оставались неизменными и в 1697/98 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 585. Л. 114 об.; Кн. 656. Л. 124 об., 264 об.; Кн. 845. Л. 292 об., 431 об.; Кн. 1026. Л. 232 об.; Кн. 1111. Л. 275; см. также: Кн. 1152. Л. 272–272 об.).

<sup>3</sup> Федор Иванов – подьячий Верхотурской приказной палаты. В 1684/85 г. задолжал казне «две чети солоду ржаного». 14 сентября 1685 г. «за ево приказную многую работу» получил 3 рубля жалованья. В начале 1690-х гг. оклад натурального обеспечения Иванова составлял 2 чети без полуполучетверика ржи и четь с четвериком овса. Размеры его жалованья оставались на том же уровне и в 1697/98 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 845. Л. 340, 493 об.; Кн. 1026. Л. 232 об.; Кн. 1111. Л. 275 об.; см. также: Кн. 1152. Л. 272 об.).

воды. Посланы они в подгородные д(е)р(е)вни для дел великих г(о)с(у)д(а)рей.

И всего в 202 году вышло лялинских подвод пятьдесят две подводы.

*РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 165–169 об. На полях документа имеется скрепа: «При (Л. 166) пи (Л. 167) сал (Л. 168) Козма (Л. 169) Бобоедов<sup>1</sup> (Л. 169 об.)».*

---

<sup>1</sup> Кузьма Бобоедов – верхотурский подьячий с приписью. На этом посту находился уже в 1691/92 г. В статусе верхотурского подьячего с приписью пробыл до начала 1695 г., пока 7 марта вместе с женой и его людьми не был отпущен в Москву. Данную должность занимал также в конце XVII в. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1026. Л. 505 – 512; Кн. 1076. Л. 86; Кн. 1152. Л. 270–278; Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 44. Л. 183; АИ. Т. 5. С. 421–423, 518–519; *Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею.* СПб., 1867. Т. 10. С. 320; *Сибирский летописный свод.* С. 294; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век)... С. 154; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 53–54; *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)... Ч. 3. С. 28; *Шишонко В.Н.* Пермская летопись с 1263 по 1881 г. ... Л С. 252–253).

Р.Н. Рахимов  
«ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БАРОНА ИГЕЛЬСТРОМА»  
КАК ПЛАН РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КОРПУСА

В 1798 г. на юго-востоке России была введена кантонная система управления<sup>1</sup>. Она касалась представителей военно-служилых сословий, составлявших иррегулярные войска: оренбургских и уральских казаков, ставропольских калмыков, башкир и мишарей. У казаков и калмыков кантонная система просуществовала до начала 40-х гг. XIX в., а у башкир и мишарей – до 1865 г. Введение кантонной системы имело необычайно важное значение для края, и в особенности для башкир и мишарей. В сущности, она завершала процесс интеграции башкир в институты Российской империи, вектор этого процесса, связанный с несением военной службы башкирами и мишарями, был направлен на усиление военной составляющей иррегулярных войск на юго-восточной границе, активное приращение их в походах российской армии.

В литературе сложилось мнение, что инициатором и активным проводником идеи кантонного управления был барон О.А. Игельстром. Осип (Иосиф) Андреевич Игельстром в 1784–1792 гг. исполнял должность симбирского и уфимского генерал-губернатора, в 1796–1798 гг. – оренбургского военного губернатора. Введение им кантонной системы, которая изменила хозяйство и социальную жизнь в крае, усилила казаками и национальными войсками Оренбургскую пограничную линию, что позволило в начале XIX в. снять с нее регулярные кавалерийскую и пехотные части и направ-

---

<sup>1</sup> См.: *Асфандияров А.З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005.

вить их в армию, либо не имеет никаких объяснений причин ее появления, либо сопровождается общими рассуждениями, не дающими исчерпывающего ответа. Дореволюционная историография: «1798 – Игельстром создает правильный порядок службы казаков и инородцев на Оренбургской линии, а отчасти и управления ими»<sup>1</sup>. Историография 1950-х гг.: «Вводя новую систему управления, царское правительство преследовало известные военно-политические цели. Прежде всего, оно стремилось переложить на плечи местного населения всю тяжесть военно-сторожевой службы по охране восточных границ Российской империи и в случае необходимости широко привлекать его к военным действиям на западе»<sup>2</sup>. Современная историография: «Царские власти опасались новых восстаний башкир, поэтому они искали пути их предотвращения. Предпочтение было отдано проекту, учитывавшему пограничное положение Башкортостана и превращению края в плацдарм для проведения активной политики в Казахстане и Средней Азии. Он предусматривал перевод башкир в военное сословие, установление жесткого режима и использование боевой энергии башкир для охраны юго-восточной границы империи и участия во внешних войнах России»<sup>3</sup>. «Кантонная система, как таковая, не была изобретением царя. Она была известна в государствах, где царил военно-феодалный режим: Австро-Венгрии, Пруссии и др. В конце XVIII в. там вводились в отдельных местах кантонное управление и военные поселения. В конце XVIII в. в России же такая система была впервые (если не считать военных поселений трех сербских полков на Украине полвека ранее) установлена в Оренбургском крае в 1798 г. по проекту О.А. Игельстрема, курляндского барона по происхождению, знакомого, очевидно, с такой прусской формой административного управления в других странах»<sup>4</sup>.

В процессе изучения истории Русско-шведской войны 1788–1790 гг. и исследования участия в ней представителей иррегуляр-

---

<sup>1</sup> *Никольский А.И.* и др. Главное управление казачьих войск: Исторический очерк // Столетие военного министерства. 1802–1902. СПб, 1902. Т. 11, ч. 1. С. 77.

<sup>2</sup> *Очерки по истории Башкирской АССР.* Уфа, 1959. Т. 1, ч. 2. С. 33.

<sup>3</sup> *История Башкортостана с древнейших времен до наших дней.* Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа, 2004. С. 312.

<sup>4</sup> *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 23.

ных войск юго-востока России мы обратили внимание на ряд интересных обстоятельств, имевших непосредственную связь с этим событием. Основная проблема этой войны – поиск войск, поскольку в конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII в. Россия должна была одновременно вести две войны. На юге шла русско-турецкая война. Несмотря на крупные победы, одержанные войсками под предводительством Г.А. Потемкина и А.В. Суворова, противник был опасен. Австрия, союзник России, после смерти императора Иосифа II, под давлением Пруссии начала сепаратные переговоры с турками. Боевые действия российских войск начались лишь в октябре и закончились 11 декабря 1790 г. штурмом Измаила.

Одновременно Швеция, используя занятость российской армии боевыми действиями с Турцией, начала войну с Россией, осадив в 1788 г. крепость Нейшлот. 38-тысячной шведской армии противостояла 14-тысячная российская, состоявшая под командой графа В.П. Мусина-Пушкина. Она ускоренно пополнялась гарнизонными командами, рекрутами, спешно формируемыми иррегулярными частями. Но уже в августе шведы вынуждены были снять осаду, а в следующем 1789 г., доведя свои войска до 20 тыс., В.П. Мусин-Пушкин начал вести наступательные действия в шведской Финляндии. Параллельно шли бои на море. В 1790 г. армию возглавил новый главнокомандующий – граф И.П. Салтыков. 3 августа 1790 г. в Верелэ был подписан мирный договор.

В 1789–1790 гг. правительство откомандировало значительные воинские силы из Оренбургской губернии для усиления российской армии в Финляндии. Для XVIII в. это была первая командировка за пределы края, в которой совместно участвовали башкиры, мишари, оренбургские казаки и калмыки. 4 башкирских и мишарский пятисотенные полки прибыли в Финляндскую армию весной 1789 г. и приняли активное участие в боевых действиях. Что касается оренбургских казаков и калмыков, то они были направлены в Финляндию на следующий год. 12 февраля 1790 г. находившийся в войсках симбирский и уфимский генерал-губернатор О.А. Игельстром потребовал для нахождения при нем в финляндской армии откомандировать 150 калмыков, при одном ротмистре, хорунжем, двух есаулах, писаре, шести капралах. Всего калмыков было 161 человек под командой Оренбургского драгунского полка поручика Осипа Улина<sup>1</sup>. Вместе с ними в этот же день было приказано

---

<sup>1</sup> РГВИА. Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 117. Л. 248.

отправить на войну команду из 165 оренбургских казаков, выбрав среди них имевших две лошади, порядочную одежду и исправное оружие<sup>1</sup>. Возглавил эту команду капитан Оренбургского драгунского полка Степан Мертваго<sup>2</sup>. Известно, что Игельстром запрашивал разрешение у императрицы на командировку казаков в армию.

Просматривая в РГАДА фонд «Госархив. Военные дела» на предмет выявления материалов, связанных с Русско-шведской войной, мы обнаружили подлинник «Представления барона Игельстрома о военных действиях против шведов», написанный им, вероятнее всего в Выборге в мае 1790 г. и направленный императрице Екатерине II<sup>3</sup>. «Представления» включают в себя Рапорт императрице и Примечания. обстоятельное изучение данного источника показывает, что основное содержание рапорта связано с текущими проблемами военного времени – вопросом усиления армии, ведения боевых действий и т.д. Особый интерес представляют Примечания, которые касаются непосредственно Оренбургского корпуса<sup>4</sup>. В них он предлагает усилить армию за счет частей регулярных, незаметно выведенных с Оренбургской пограничной линии, и откомандирования башкирской конницы. Вместе с тем барон впервые формулирует план преобразования Оренбургского корпуса, чьи силы могли бы нести службу на Оренбургской пограничной линии и участвовать в походах российской армии. Хотя в Примечаниях нет конкретных предложений о введении кантонной системы, отсутствуют предложения по реформе управления, тем не менее основная их идея – повышение боеспособности корпуса и в первую очередь его иррегулярной конницы, создание ее частей, «которые имели бы некоторое подобие регулярным войскам как по виду, так и в значениях».

Все это позволят сделать ряд выводов. План преобразования Оренбургского корпуса, завершившегося введением кантонной системы в 1798 г., впервые возник у О.А. Игельстрома в 1790 г. и был вызван потребностями Русско-шведской войны, на которую также впервые были откомандированы представители всех национальных войск юго-востока России и оренбургские казаки. Практи-

---

<sup>1</sup> См.: *Губернаторы Оренбургского края*. Оренбург, 1999. С. 122.

<sup>2</sup> РГВИА.Ф. 41. Оп. 1/199. Д. 117. Л. 47.

<sup>3</sup> РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 319. Представления барона Игельстрома о военных действиях против шведов.

<sup>4</sup> Там же. Л. 8–10.

чески все предложения Игельстрома, за исключением создания пятнадцати постоянных сотен башкир и мишарей, были в течение последующего времени реализованы. К плану устройства Оренбургского корпуса барона привели факты успешного ведения боевых действий представителями войск Оренбургского края в войне против шведов. Отсюда командование посчитало, что их можно также использовать в походах армии, как до этого донских и уральских казаков.

Таким образом, кантонная система не случайная идея, не некий оторванный от реалий «проект», а вполне продуманная идея реформирования управления иррегулярными войсками Оренбургского корпуса, создания возможности универсального войска, чтоб везде, где по обстоятельствам надобность востребует, действовать мог». С другой стороны, сам характер Примечаний показывает твердую уверенность генерал-губернатора, что при отсутствии частей регулярной армии на Оренбургской линии национальные войска и казаки смогут обезопасить в военном отношении юго-восточную границу.

В данной публикации приведен только текст Примечаний, без Рапорта императрице, который предшествует им в деле на листах 1А – 7. Примечания публикуются полностью, с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

РГАДА. Ф. 20. Госархив. Военные дела. Оп. 1. Д. 319. Представления барона Игельстрома о военных действиях против шведов.

[Л. 8.] Примечания. От Оренбургского корпуса отделить можно один полк и баталион пехотные и дабы отделить их не приметнее публике тамошнего края образом, то надлежит из Казани взять расположенный там Ревельский пехотный полк, а на место онаго прежде взятыя его перевезть туда из Уфы Пермской, из города же Сергиевска расположенный в нем и в округе его по зимовным квартирам Оренбургский пятый мускетерский полевой баталион отрядить для содержания караула в Симбирск, оттуда можно оный взять на то место, где бытие его нужно, предназначив ему следовать чрез Володимир или Ярославль. К сим трем пехотным батальонам можно присоединить также еще два пяти-сотенные полка из башкирцев и мещеряков, учредя оные на таком



основании, на каком находятся уже при Финляндской армии три башкирские полка. А чтоб и их прямое назначение осталось скрытно, собрать их под предлогом составленья резерва в Уфимской губернии. Дабы же отделение сей части регулярных и иррегулярных войск из Оренбургского края не причинило в войсках для защищения [Л. 8 об.] тамошней линии нужных недостатка, то признаю необходимо нужным, чтоб из Сибирского корпуса пять полных эскадронов драгун отряжены и присоединены были к Оренбургскому корпусу. Отделение их Сибирской корпус весьма свободно сделать может, ибо за отдачею оных остаются в нем еще пятнадцать драгунских эскадронов.

Я должен здесь присовокупить также и то примечание, что неприменно нужно устроить Оренбургский корпус на следующих положениях:

«1-е». Чтоб везде, где по обстоятельствам надобность требует, действовать мог; «2-е» чтоб временно отлучаться мог от линии им охраняемой, но так, чтоб отлучка его не подвергла линейные укрепления какой-либо опасности, и не нанесла им вреда; «3-е» чтоб и в зимнее время полевые укрепления и передовые посты сильнее нежели ныне заняты были. Для перваго потребно, чтоб при всем корпусе был подвижный магазин вмещающий в себя сверх десятидневного при регулярных войсках содержания положенного провианта на один целый месяц провиант. Для онаго при каждой роте потребны десять телег с двумя лошадьми и надлежащею упряжью. Я назначаю лошадей по тому, что оныя в Оренбургском крае дешевле, нежели волы. Равномерно чтоб под артиллерией по Оренбургской линии состоящей, которая [Л. 9.] по повелению Его Светлости Князя Григорья Александровича Потемкина Таврического возится ныне драгунскими лошадьми, даны были особенные лошади, дабы Оренбургской драгунской полк весь мог быть на лошадях в строю и не терял, так как ныне почти два целые эскадрона. Лошадей под артиллерию потребно двести пятьдесят две, а чтоб покупка и содержание их не стало дорого, назначить им цену, и на них фураж и ремонт по примеру подъемных лошадей в полевых полках и баталионах состоящих, в которыя по Оренбургскому корпусу и причислить их, дабы не нужно было особенных людей к ним определять. Для второго, чтоб гарнизонные баталионы Оренбургского департамента наполнены были положенным по статусу числом людей. К сему приступить можно не

касясь набираемых по государству рекрут, но кажется весьма удобно бы было наполнить их пяти поселенных солдат детьми, которых по высочайшему Ея Императорского Величества указу назначены ко укомплектованию гвардейских полков. Определить же их в гарнизоны с тем чтоб в них приготовить их к службе в гвардии, и для того выбрать из них людей в семнадцатилетнем и вышнем возрасте состоящих, мерою ниже указанной четверть да полвершка, и выбранным имянные списки составлять всегда в Государственную военную коллегия для сообщения оных гвардейским полкам. Для третьего: Как Оренбургской корпус в краю его расположения не может иметь дела с другим неприятелем, как только с таким, главнейшия силы коего состоят единственно в поспешных его движениях, так надлежит всегда [Л. 9 об.] иметь в предмете, чтоб противу сего неприятеля предуготовить подобно поспешно действующие силы, почему не минуемо нужно усилить Оренбургский корпус такими иррегулярными войсками, которые имели бы некоторое подобие регулярным войскам как по виду, так и в значениях. Умножение оных в Оренбургском корпусе также надобно и потому, что ныне наряжаемые для летней службы иррегулярные войски приводят с собою для содержания себя хлебнаго запаса только до шестаго на десять ноября, а по миновании сего срока должны отпущены быть в дома и для занятия в зимнее время передовых по линии постов оставшиися только весьма мало число, чрез что почти вся линия совсем обнажена легкими войсками. И так крайне надобно, чтоб для умножения в Оренбургском корпусе иррегулярных войск набрать из башкирцов десять и из мешеряков пять сотен, чиня им набор не по наряду, но вызвав охотников, и снабдевая их из казны по примеру казачьих полков жалованием, провиантом и прочим содержанием. Сии же пятнадцать сотен никогда не должны быть разпущены, но всегда состоять в сборе.

Наконец почитаю также нужным, чтоб в провиантских магазинах Оренбургской линии для войск тамошних сверх положеннаго по статуту в провианте годоваго запаса, по меньшей мере еще на полгода запаснаго провианта содержано было, дабы при требующих того обстоятельствах повсюду войски не претерпевая в провианте недостатка действовать могли [Л. 10.].

О.Н. Катионов  
«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА  
О ИРКУТСКИХ ГЕОДЕЗИСТАХ И НАВИГАЦКИХ УЧЕНИКАХ»:  
К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ<sup>1</sup>

Автором этого документа, охватывающего период более 60 лет (1753–1817 гг.) и хранящегося сегодня в Государственном архиве Иркутской области<sup>2</sup>, вероятно, был Антон Иванович Лосев – иркутский губернский землемер и архитектор, известный также как летописец и ученый.

С текстом уже работали исследователи, но в полном объеме в печати оно нам не встречалось. Между тем «Историческая записка о иркутских геодезистах и навигацких учениках» представляет огромный интерес, потому что в ней отражается история становления специального образования в Сибири, политика центральных и местных властей по привлечению сотрудников и учащихся образовательных учреждений специального назначения к решению производственных и научных задач, повседневность учебного процесса, возможности карьерного роста выпускников.

Один из самых интересных аспектов этого документа связан с прагматичным отношением властей к подобным учебным заведениям: материально обеспечивая курсантов, оно вело и их отбор. В частности, учет нерадивых и неспособных и «верстание» их в казаки и драгуны есть не что иное, как результат рачительного отношения «регулярного» государства к потраченным средствам.

---

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ «Изучение и каталогизация рукописных карт Сибири XVIII–XIX вв.» (2007–2009 гг., грант № 07-01-00429а).

<sup>2</sup> ГАИО. Ф. 39. Оп. 4. Д. 21. Л. 1–16 об.

В тексте «Исторической записки» присутствуют как минимум два момента, свидетельствующих о необходимости ее дальнейшего исследования. Во-первых, упоминание в нем Тобольской геодезической школы позволяет сравнить устройство этих учебных заведений и расширить наши представления о системе профессионального образования в дореволюционной Сибири. Во-вторых, находящийся на л. 1 штампель: «Крымцентрархив. Арх. фонд 380. оп. 3» ставит вопрос, как документ попал туда и как он вернулся в ГАИО? Сходна ли его судьба с отчетом иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина, переданным в свое время в Минусинский музей, оттуда в Новосибирск, в ГАНУ, и только в 2004 г. вернувшимся в Иркутск. Возможно, что «Историческая записка» не сгорела в Иркутском пожаре 1879 г. потому, что находилась в Санкт-Петербурге в какой-то частной коллекции?

Ниже публикуется полный текст «Исторической записки» с сохранением орфографии и пунктуации.

### Историческая записка о иркутских геодезистах и навигацких учениках

О учреждении Иркутской и Нерчинской навигацких школ  
для обучения: геодезии и навигации 120-ти учеников

По представлению бывшего г. сибирского губернатора Мятлева в 1753 году, о присылке в Сибирь геодезистов для верного описания рек: Ингоды, Аргуня, Амура и снятия с потребных мест планов, особливо для поселения пашенных крестьян удобных земель, ситуации при пограничной линии и вообще для предметов землеописания и мореплавания – указом Правительственного Сената от 22-го июля 1753 года № 204 Иркутской провинциальной канцелярии повелено: для введения в Иркутске и больше в Нерчинске навигацкой науки, по его г. Мятлеву представлению, школы ныне завести, в которых обучать геодезии и навигации детей чиновников, дворянских, сынбоярских, морских, адмиралтейских, солдатских и казачьих, сколько по рассмотрению его определено будет [Л. 1], и для того обучения Адмиралтейств-коллегии определить из морской академии учителей, коих и отправить этой коллегии туда немедленно, и для проезда из СПб до Иркутска надлежащее жалование и прогоны выдать им из штатс-конторы, и в бытность их в

Иркутске, то жалованье производить, також и будущим ученикам, на пропитание и содержание их давать против того, как до учреждения морского шляхетского, кадетского корпуса, бывшим в морской академии таковым ученикам давано было, из тамошних иркутской провинции доходов, чего ради оной коллегии с теми учителями о том известие послать, а той в Иркутске школе, в ведомстве быть, и оным учителям о науках тех учеников, и о годных к употреблению для исправления дел, рапортовать его г. генерал поручика в Сибирь, кроме настоящих губернских дел, кои до Сибирского приказа надлежат; о изыскании вновь к пользе государственной изобретениях представлять ему генерал поручику по часту прямо в Правит. Сенат [*Л. 1 об.*]. – По сему указу назначены комплекты: в Иркутскую школу – 50, а в Нерчинскую школу – 70 учеников. – А как в то время главное сибирское начальство было в Тобольске, то все капитальные дела о сих школах находятся там, а здесь из разных переписок можно было собрать токмо следующие сведения.

Об отправлении навигацких и геодезических учителей и определении из уставных чиновников смотрителей 7-го класса [*Л. 2*]

Указом из Правит. Сената Иркутской провинциальной канцелярии от 25 янв. 1754 г. № 4 дано знать: что по представлению г. генерал-поручика и Сибирского губернатора Мятлева определены от Адмиралтейств-коллегии для обучения в Иркутске и в Нерчинске тамошних служилых людей, навигацких наук учителями прапорщики: Афанасий Семынин и Иван Бритов, а чтоб они в отдаленности содержать могли, велено производить им жалованье против того, как в ведомстве Адмиралтейском производится, а имянно: Семынину по 150, а Бритову по 120 руб. в год, из иркутских не положенных в штат доходов [*Л. 2 об.*]. – Вслед за оными прибыл геодезии учитель поручик Юсупов с подмастерьем, с вышеозначенным же жалованьем; а смотрителем определен был из отставных флотских чиновников, 7 класса Есипов, с жалованьем в год по 300 руб.

О представлении г. экипажмейстера Соймонова, для определения учащимся жалованья с дачею провианта и его обмундированием

В представлении 1754 года августа 31 дня генерал-майор Иркутской провинции вице-губернатор Вульф г. сибирскому губернатору генерал-лейтенанту и кавалеру Мятлеву объяснил, что по доношению следующего в Нерчинск г. экипажмейстера Соймонова, с изъяснением данной от него Мятлева ему Соймонову инструкции, коею велено в Иркутске набрать школу из тамошних дворянских и детей боярских, также служивших солдатских и козачьих детей, коим определено во время той науки производить – Солдатским и козачьим детям – по копейке на день, да провиант, каковых учеников в Иркутской школе тогда уже находилось 32 человека, и как подобным школьникам в Москве и Санктпетербурге положенной monthly жалованья оклад не один, а по классам наук разной, просил [Л. 3] снабдить его повелением, производить в дачу тех школьников того августа с 1-го числа, которые обучаются арифметике, каждому на день по копейке, а муки ржаной по четверику (36  $\frac{1}{4}$  фунтов) на месяц; а которые грамоте читать и писать учатся каждому по полукопейке на день и муки по четверику ж на месяц. На сие представление г. генерал-лейтенант Мятлев от 4 ноября 1754 г. предписал: первое, обучающимся в новозаведенной Иркутской школе впредь до указу и до усмотрения от них к науке прилежного рачения, жалование и провиант производить по тому учиненному определению (Соймонова – *О.К.*). Второе, оных школьников стараться набрать из дворянских детей, сколько возможно допустить. – После того, 1755 года января 19 дня, г. сибирский губернатор Мятлев вице-губернатору Вульфу предписал, что по представлению морского флота штурмана Татаринова, из находящихся в Тобольске при сибирской геодезической школе, составленной из одной роты учеников обученных арифметике и геометрии, к определению впредь в морскую службу выбраны 5 человек, которых по окончании наук по геодезии и навигации в Иркутскую навигацкую школу принял штурман Татаринов, отправленный в Иркутск учителем. На пропитание же им производить каждому на день по 2 копейки да месячный провиант мукою 2 четверика, круп по гарнцу и мундиры против солдатских дач в 4 года, кафтан, камзол, 2 шляпы с галуном, штаны лосиные одне, да в год рубашек и чулок по паре, а потребные для геодезии и навигации книги и инструмен-

ты куплены в СПб из казны. – По смерти 7-го класса Есипова, в 1756 году, поручено смотрение иметь за школою, вышеозначенному командированному в Иркутск, для построения ластовых судов, управлявшему адмиралтейской частью, штурману (майору) Татаринову [Л. 3 об.].

О положении сделанном г. сибирским губернатором Соймоновым, чтоб производить жалованье ученикам по наукам против окладов морской академии учеников и содержать полной комплект

Г. тайный советник и сибирский губернатор Соймонов, в предложении Иркутской провинциальной канцелярии, от 22 марта 1758 г. прописывал, что находящийся в Иркутске при школе навигацких наук учитель Бритов и школьные ученики, окончившие курс учения, присланными к нему доношениями просили о прибавках жалованья себе и прочим обучавшимся, а Бритов требовал еще вместо окончивших курс учения и выбывших в геодезисты 11 учеников набрать в комплектное число из детей служилых людей, да двух подмастерьев в помощь себе. А как указом государственной Адмиралтейств-коллегии 3 декабря 1753 г. сибирскому губернатору Мятлеву предписано, что в Иркутске и в Нерчинске в навигацких школах будущим ученикам на пропитание давать жалованье по окладам морской академии учащимся арифметике по 1 рублю; геометрии и тригонометрии по 1 руб. 50 коп.; плоской и меркаторской навигации, сферике, астрономии и географии по 2 руб. 25 коп.; в круглой навигации и в геодезии по 3 руб. человеку на месяц; а из онаго жалованья вычитать на медикаменты по копейке с рубля, а за инструменты в арифметике по 3, в геометрии и тригонометрии по 5, а в навигациях по 12 коп. у человека от месяца до коле по ценам деньги за выданные инструменты вычетом исполнятся [Л. 4]. – И для того предлагал: находящимся в Иркутске навигацким ученикам тем, кои находятся в вышних науках, и буде оные выучили, то они от малого жалованья и провианта терпят крайнюю нужду и получают наровне почти против учащих словесности и писанию, а дабы могли себя к тому охотнее употреблять, выдавать по вышеописанным окладам за учение наук положенное жалованье; подмастерьев же, признается не нужно; а учителя поручика Юсупова, яко нерадивого, подчинить капитану Бегунову, которому и поручить и выдачу жалованья производить ученикам персонально, уча-

щимся грамоте и письму давать по дороговизне по копейке человеку в сутки, и провиант по прежнему положению; и учеников содержать полное число в обеих школах: в иркутской – 50, а в Нерчинской – 70, а всего – 120 человек.

Заведенной порядок майором Татариновым  
в Иркутской навигацкой школе

За порядком и успехами в учении Иркутской навигацкой школы, с 1758 г. лучшее имел наблюдение управлявший адмиралтейской частью Татаринов. Он [Л. 4 об.] распределил время для классов, умножил учителей, ввел грамматику и языки; ободрял учеников флотскими и геодезии унтер-офицерскими чинами, а за отличные познания ходатайствовал по начальству о производстве таких обер-офицерскими чинами. – По указу Правит. Сената 17 июля 1758 г. учения его геодезисты произведены обер-офицерскими чинами. – А жалованья по 6 руб. в месяц, на основании высочайшего указа 1720, декабря в 19 день состоявшегося.

О занятиях геодезистов вообще и отправке из оных  
к штурманским должностям

Предметы геодезистов были различны: они отправлялись в Нерчинскую секретную комиссию для описания Амура и пограничных для поселения крестьян и отставных от службы людей годных земель, то о существовании оной секретной комиссии здесь никакого сведения по делам нет, кроме того, что известно по указу Правит. Сената, иркутской провинциальной канцелярии 28 дек. 1753 года [Л. 5]. – Сверх того, из навигацких учеников отправляемы были в охотский порт штурманами на казенные и партикулярные судна, из коих последние принадлежали разным купцам, составлявшим частные кампании и производившим разные промыслы на островах, открываемых в Восточном океане; а геодезисты и ученики описывали разные земли в Якутске, по рекам: Алдану, Мае и Уде – и все сии трудящиеся геодезисты произведены были прапорщиками.



О присоединении Нерчинской к Иркутской навигацкой школе по распоряжению г. иркутского губернатора фон Фрауендорфа

Г. генерал-майор иркутский губернатор фон Фрауендорф, 1765 года, июля 11 дня, предложением губернской канцелярию уведомил, что по сообщению его сибирской губернатор г. генерал-майор Чичерин позволил нерчинских навигацких учеников присоединить в Иркутскую навигацкую школу, в одно место; но с тем, если потребны будут из таковых учеников в Охотск на морскую службу, то без ведома секретной комиссии, не командировать. После сентября 6 дня, по предложению г. иркутского губернатора [Л 5 об.].

Определен в прибавок адмиралтейских служителей дети в дополнение комплекта. – С 1754 по 1765 год обученных в Иркутской навигацкой школе вышло:

- В японские переводчики – 1
- Штурманом в Охотск – 16
- В горные чины – 15
- В подмастерья ластовых судов – 5
- В секретную экспедицию флота капитана Креницыну – 6
- В медицинские чины – 1
- В канцелярию нерчинского горного начальства к разным должностям – 36
- В Охотск и Анадырь геодезистами – 6
- Не понятные в Карабинерный полк – 23
- Нерадивые в козаки – 28
- Умерли – 5
- Итого – 142

#### Об отправке в СПб на службу во флот штурманами

В 1771 и 1772 годах по предложениям г. генерал-поручика Бриля и прописанному в оных государственной Адмиралтейств-коллегии требованиям из числа находящихся в сдешней навигацкой школе учеников из вышних наук для употребления в штурманы в морской флот [Л. 6] отправлено по 20 чел.; на казенные суда в Охотск, в звание штурманов – 3, подштурманов – 3 и учеников – 3, да на компанейские суда 2, и по воспоследовавшей от Правительственного Сената апробации, определены 7 геодезистов; итого вышло в 2 года 58 человек. – Хотя на место сих принимаемы были в

школу вновь ученики, но число их время от времени уменьшилось так что к 1784 году, когда открыто было здесь наместничество, осталось токмо геодезистов 54 и навигацких учеников 12, а всего 66 человек.

О вступлении геодезистов и учеников в распоряжение губернского землемера, графа Сойк и прочих, и о выбытии из оных к разным должностям

С открытия в Иркутске наместничества, оная школа по силе учреждения о губерниях, поступила в ведение приказа общественного призрения, а управления оною, по указу Иркутского наместнического управления 30 июля того же 1784 г. поручено губернскому землемеру графу Сойк. – С сего времени распределение геодезистов сделалось гораздо значительнее прежнего. Из вышеозначенных 66 человек в разное время по 1805 год выбыли из школы [Л. 6 об.]:

- в канцелярские служители – 8
- уездные землемеры – 9
- землемеры лесной экспедиции – 3
- практическим землемером в СПб департамент водяных коммуникаций – 1
- в штурмана на Байкал – 2
- - // - - // - в Охотск – 5
- в морскую секретную экспедицию для исправления штурманских должностей – 10
- в фортмейстеры и разные Адмиралтейские классные должности – 9

Итого – 48

Т. о. в 1805 году в ведение нынешнего губернского землемера явилось:

- при уездных землемерах – 4
  - в экспедиции Ледовитого моря – 1
  - в чертежной – 2
  - учащихся – 10
- Итого – 17

Об отпуске сумм на содержание навигацкой школы из государственных доходов, из собираемых в Кяхте товаров пошлин и о переименованной и по временам не ассигнованной, и по нетребованию к доходам остаточного казначейства причиненной [Л. 7]

Содержание навигацкой школы как выше сего видно – назначено сначала из доходов Иркутской провинции, пред открытием в Иркутске наместничества, по именному высочайшему указу 6 марта 1783 года велено содержать из собираемых в Кяхте с ввозных и вывозных товаров пошлин, которые начали тогда поступать в приказ общественного призрения. Таковое содержание сей школы продолжалось до известного замешательства торговли с китайцами в Кяхте, с которым пересекся доход приказа от пошлин товаров. – В следствие представления г. генерал-губернатора Ивана Алферьевича Пиля, на доклад Правит. Сената 1790 года октября 1 числа, последовало высочайшее повеление, чтобы на содержание Иркутской и Охотской школ отпускать из общих государственных доходов по 5869 руб. 41  $\frac{1}{2}$  коп., доколе возобновятся доходы с кяхтинских товаров, на основании сего Высочайше повеления она сумма ежегодно ассигновалась экспедициею о государственных доходах и по требованию приказа отпускаема была из казенной палаты. Между тем, приказ рассчитывая по количеству ассигнованной суммы, сколько можно содержать учеников и геодезистов определил [Л. 7 об.]: в Иркутской школе иметь геодезистов и учеников 40 человек, на которых по примеру прежних расходов отчислено из вышеозначенной суммы по 2223 р. 36  $\frac{1}{4}$  коп. в год, а в Охотск для 20 навигацких учеников назначена остальная сумма 3646 р. 5 коп. в год. Сумма сия отпускалась по 1796 год, а с сего времени, когда возобновился кяхтинский торг, а вместе с ним доход с оного, то на содержание сдешней школы отпуск денег производился по прежнему из собираемых с кяхтинских товаров пошлин, по распоряжению приказа. Но как по высочайшему указу, 15 марта 1800 года, доходы сии отданы в распоряжение казенной палаты, то на содержание оной школы сумма употребляется из государственных доходов. – С 1790 по 1801 и с 1804 по 1811 год ассигнуема была полная сумма, а на 1801, 1802, 1803 и 1811 годы неизвестно почему, несколько оной не ассигновано. Всего по 1811 год отпущено было на сдешнюю школу 29 713 руб. 94  $\frac{3}{4}$  коп. [Л. 8]. Да на Охотскую школу употреблено по 1800 год 11403 р. 50  $\frac{1}{2}$  коп.; затем остатки из

ассигнованной суммы 64531 рубль 97  $\frac{3}{4}$  коп. по нетребованию причислены к доходам остаточного казначейства.

О бывшем представлении в Правительственный Сенат  
об определении особых в оную школу учителей  
по части геодезического состояния

В 1799 и 1800 годах, бывшие здесь г.г. военный губернатор, главный по гражданской части Борис Борисович Лещано и гражданский губернатор Толстой входили с представлениями в Правит. Сенат об определении в оную школу особых учителей, донося при том, последний из них, что за неимением оных ученики причислены к главной иркутской школе. Геодезисты же кончившие курс учения, употребляются в должности землемеров [*Л. 8 об.*].

О управлении вице-адмирала Иркутскою навигацкою школою,  
сделанном им новым положением и  
о мнении г. гражданского губернатора

Вследствие представления гг. главных губернии начальников, Правит. Сенат 5 окт. 1799 года предписал о снабдении сдешней школы учителями государственной адмиралтейств-коллегии, которая в 1802 г. поручила бывшему здесь г. вице-адмиралу Фомину смотреть за оною и сделать ей новое положение [*Л. 8 об.*]. Г. сибирский генерал-губернатор Иван Осипович Селифонтов из Тоболска 1803 года декабря 12 дня № 450 по отношению вице-адмирала Чичагова от 16 ноября того же года за № 2031, требовал от г. Иркутского гражданского губернатора Картвелина, о Иркутской и Охотской навигацких школах заключение нужно ли умножить или уменьшить, и какое дать прочное образование геодезистам. На сие г. гражданский губернатор 1804 г. февраля 29 № 448 полагал мнение: заведение морского училища нужно из 20, а геодезическое из 40 человек учащихся, по расписанию сделанному приказом общественного призрения, дозволяя жить ученикам в домах сродников, и предпочтительнее быть на казенном экономическом положении с ношением мундиров. – А г. вице-адмирал сделал учреждение следующее:

- 1) учредить в Иркутске навигацкую школу как штурманское училище в Кронштадте, единственно для образования мореходов, взамен посылаемых из СПб штурманов [Л. 9];
- 2) назначить 60 учеников из детей морских служителей;
- 3) для управления школою, полагал в ранге майора штурмана, на ежегодное содержание назначил 10 319 р. 79  $\frac{1}{4}$  коп.;
- 4) для практики полагал посылать в Охотский порт;
- 5) на построение школы деревянной исчислил 53 324 р., а для каменной 67351 р 94  $\frac{1}{2}$  коп. Сие положение было представлено на рассмотрение министерства морских сил, в том же 1804 г., между тем, навигацкие ученики остались без особенных учителей, и обучались в главном народном училище. Геодезисты же состояли, как и прежде, в ведомстве губернского начальства, в распоряжении губернского землемера Турчанинова.

#### О упадке геодезического состояния во время управления г. гимназии директора Кранца

Главная перемена с Иркутскою школою, от которой она совсем почти уничтожилась, произошла в 1805 году. Выше сего видно, что по неимению особых геодезических и навигацких учителей, оная школа причислена была к главному народному училищу, то при открытии здесь гимназии попечитель училищ Казанского округа г. действит. стат. советн. Румовский от 21 авг. 1805 года относился к сибирскому генерал-губернатору, чтоб ассигнуемые на навигацкую школу деньги отпускать на основании 163 § устава учебных заведений, в помянутую гимназию. – Г. генерал-губернатор, не входя в соображения, что навигацкая школа учреждена совсем на другой предмет, нежели народные училища, и имеет особое начальство. – Согласясь на означенное требование г. Румовского, дал знать о том приказу и казенной экспедиции. По сему директор Кранц истребовал от Приказа (общ. приizr. – *О.К.*) геодезистов и учеников, для распределения в классы. – Каковые отосланы, в том числе были старики: 80 и 90 лет от роду имевшие. – С сего времени бывший директор Кранц, неизвестно по какому праву определял геодезистов в учителя и смотрители, а прочие геодезисты вышли уже из возраста [Л. 10]: старики и молодые, не ходили в классы гимназии, о чем сам директор входил с представлением к г. гражданскому губернатору; что служило удостоверением той слабости, в которой

содержались ученики без надежности в успехе учения, а большая часть учились грамоте, имея уже от роду по 17 и более лет. Не занимались по службе и по наукам, не быв ни к чему более способны, как служить в солдатах, получали напрасно жалованье, то губернское начальство представляло вышнему начальству об отобрании оных навсегда вместе с суммою в ведение губернского начальства. – Неспособных к наукам и бесполезных в сем звании распределить в другой род службы, а остальных отдать губернскому землемеру и архитектору, по способностям для службы.

О самовольном распределении геодезистов и учеников  
в классные должности по учебной части и увольнении их  
в отставку директором Миллером

После оногo директор г. надворный советник Миллер считал всех учеников и геодезистов в совершенной зависимости своей [Л. 10 об.], распределял их по разным классным местам, как то: в учителя, смотрители, и тому подобное без сведения губернского начальства, и увольнял геодезистов в отставку. Наконец, из чертежной двух старших геодезистов требовал прислать в письмоводители, из которых по постановлению губернского правительства один назначен был в Якутскую область, а другой еще в 1808 г. прошел весь курс преподаваемых в гимназии наук, и получивший в том свидетельство, командирован был для дел в чертежную, коего г. Миллер призвал паки в гимназию для усовершенствования в некоторых науках; но в противность собственного свидетельства гимназии, определил его в класс совсем ему уже не совместной, а как оный геодезист о бесполезном его в том классе пребывании прилично докладывал, более тем раздражил. – И г. Миллер определил его еще в более низший прежнего класс. Не доволен еще будучи сим, вздумал его поместить в учителя приходского училища, в котором только обучают грамоте. – И решительно требовал сих от губернского землемера, который донес о сем губернскому правительству [Л. 11], объяснил начальное учреждение означенной школы, и перемены с нею бывшие, и самое название их, по смыслу доказал к будущему назначению службы в землемерии, и по высочайшей воле принадлежность их в ведомстве сибирского генерал-губернатора представил в виде: что директор гимназии не имеет права распоряжаться геодезистами и учениками по причинам:

а) на основании 159 § учебных заведений ведомства гимназии изъемятся все те училища, которые вверены иному начальству;

в) сдешняя, прежде называемая навигацкая, а после именуемая геодезическая, с самого начала отделена в полное ведомство губернского начальства;

с) ежели б школа она, почему-нибудь принадлежа к гимназии, таким образом, как г. Миллер полагал, то г. попечитель Казанского округа, не оставил бы требовать сего от здешнего начальства, но кроме вышеозначенного отношения об отпуске токмо денег на школу директору никакого требования не было [*Л. 11 об.*];

д) школа сия учреждена не на таком положении как народные училища или гимназии, а на предмет описания здешних земель. Все сие губернское правительство представило рассмотрению г. губернатору, который довел до сведения генерал-губернатора, а оный сносился с г. попечителем Казанского учебного округа и с г. министром просвещения, от которых строго возбранено директору гимназии распоряжаться геодезистами и учениками и распределять к должностям.

Об отобрании из гимназии геодезистов и учеников обратно  
в ведомство губернского начальства

По сим отзывам гг. министров 26 июля 1812 № 1412 г. сибирский генерал-губернатор разрешил: на основании Правит. Сената, данного иркутской провинциальной канцелярии 22 июня 1753, геодезистов и учеников из гимназии отобрать в непосредственное ведение губернского начальства, с суммою на их отпускаемую для потребления по распоряжению губернского правительства; способных к наукам определять в другой род службы, а достальное за иным число подчинить губернскому землемеру [*Л. 12*] и архитектору, где они удобнее могут довершить познание свое в практике, о чем министерство морских сил и просвещения уведомяны. – И сделано положение о Иркутском геодезическом юношестве, - которое утверждено г. сибирским генерал-губернатором 22 апреля 1813 года и состоит в следующем:

## О подведомственности геодезистов и учеников

По вышеозначенному положению геодезисты и ученики состоят в непосредственном ведении губернского начальства и в подчинении у губернского землемера. Первые занимаются в чертежной копировкой карт и планов – по распоряжению губернского землемера – утверждения губернского правительства посылаются в уезды, в помощь уездным землемерам.

## О разделении геодезистов и учеников

Геодезисты и ученики, по познаниям и способностям разделены на четыре класса: в первый класс полагаются те геодезисты, которые по познанию своему в теории и практике способны к замещению должности землемера, им дается название землемерных помощников, из них по выбору губернского правительства замещаются вакансии уездных землемеров [*Л. 12 об.*]. Во втором классе состоят те геодезисты, которые не столько еще совершенны в теории и практике, чтоб могли быть способны к исполнению должности землемера, они называются старшими геодезистами, из них замещаются по предварительному испытанию вакансии землемерных помощников. В третий класс полагаются те, кои обучены только геометрии и арифметике, малосведущие в практическом измерении и межевании, а способны к одной копировке карт и планов. Они именуется младшими геодезистами. В четвертом классе, наконец, состоят те, которые еще обучаются арифметике, геометрии и копировке карт и планов. Они называются геодезическими учениками и, смотря по успехам их в науках, по надлежащем испытании поступают в оклад и в звание младших геодезистов.

## О нынешнем жалованьи и приеме в геодезическое содержание

Жалованье геодезистам производится из ассигнуемой ежегодно от гос. казначейства суммы 2223 руб. 36 коп. [*Л. 13*] – Губернский землемер Лосев, усмотрев недостаток и несоответствие трудам геодезистов и учеников жалованье, а именно от 48 до 130 руб. в год, вошел с представлением в губернное правительство, что они не быв в состоянии содержать себя получаемым жалованьем и при нынешней необыкновенной дороговизне, пришли в беднейшее по-



ложение, признавая достойным неперменного уважения потому, что люди сии по недостатку настоящих землемеров, здесь необходимы, то и исходатайствовал напоследок разрешение производить им жалованье: помощникам по 360 р., старшим геодезистам по 300 р., младшим геодезистам по 200 р., а ученикам в гимназии учащимся старшим по 144, а в младшем уездном училище находящимся по 120 р. в год. – В геодезическое состояние принимаются губернским правительством штаб и обер-офицерские дети, а преимущественно вступают в оное из детей землемерных [*Л. 13 об.*].

О сумме экономии геодезистов; землемерной практике;  
подаче ведомостей и экзаменах

Экономическая сумма составляется из остатков ассигнуемой на жалованье суммы. Состоит в полном распоряжении губернского правительства. Она употребляется на покупку нужных геодезистам карандашей, красок, бумаги, учебных книг и прочего, из определенной на тот расход суммы по 50 р. в треть года. Для обучения старших геодезистов практике землемерной губернский землемер посылает по временам с опытными землемерами по уездам, поручая сим последним употребить все способы к скорому их наставлению. Для младших геодезистов избирается из землемерных помощников учитель практики, а ученики для учебных предметов, как выше значит, ходят в классы губернской гимназии и наблюдаются за успехами в их учении. – Губернский землемер подает каждые полгода ведомость о успехах их губернскому правительству и чрез каждые полгода по уставу гимназии публичные делаются им экзамены [*Л. 14*]. По окончании курса учения должны быть награждены из гимназии поименным свидетельством.

О правах к производству обер-офицерскими чинами геодезистов  
в положении означенных

Как геодезисты и ученики, по представлению губернского землемера, на основании указа 1797 г. состоявшегося, переименованные из воинских в штатские чины, то посему производятся на равнее с прочими губернскими чинами, по определению или представлению губернского правительства, в Правит. Сенат по межевому департаменту, по истечении и постановленных законом сроков вы-

слуги. – Но относится право сие только до землемеровых помощников и старших геодезистов. – Младшие же геодезисты и ученики не прежде могут быть представлены к получению обер-офицерского чина. Как поступив в старшие геодезисты.

О занятиях и успехах чертежных юношей учения  
межевому законоведению, в землемеровой практике бывших  
и о случившейся перемене

В сообразность положения губернский землемер, в 1813 г. из землемеровых помощников [Л. 14 об.], по отличным талантам избрал двух учителей: первого математических наук, второго российской словесности изящных наук, а третьего приискал, находящегося не у дел по землемеровой службе сведующего чиновника, для учения снятию ситуации и межеванию с истолкованием межевых законов. От плодов учения сего, по испытаниям в присутствии гг. членов губернского правительства, архитектора и землемеров и по решениям программ, достойные вступили в отправление землемеровой должности, кои и уездными землемерами утверждены указами из межевого Правительственного Сената департамента. – Но таковой порядок через три года получил перемену по нижеследующему обстоятельству.

О нынешнем учении в гимназии без отвлечения в чертежную

Как в 1816 г. губернский землемер был командирован правительством с уездными землемерами по службе, для межевания земель в край Нерчинска: то в отбытие его, губернского землемера, при уездном землемере 7 класса Дедове [Л. 15] в чертежной оставленном чертежное учение уничтожилось от того, что учителей, по желаниям их, г. начальник губернии уволил к другим должностям, а ученики вступили для учения в гимназию с тем, чтобы они там учились, а в свободное от учения время, приходили бы в чертежную для копирования планов. – Но сие распоряжение не достигло цели намерения потому, что ученики, опаздывая приходом в гимназию, прикрывая леность свою неправильно трудами чертежными; также и в чертежной быть отказывались, под предлогом занятия их учением в гимназии.. – К пресечению такого беспорядка губернский землемер, по обратном прибытии в Иркутск 1817 года,

распорядился таким образом: чтобы – ученики в гимназии находящиеся, учились по уставу ее предметам без отвлечения в чертежную; им даны за скрепою старшего геодезиста тетради, чтоб по отметам учителей, с нерадивых взыскивать неупустительно, доводить о том [Л. 15 об.] до сведения правительства, и чтоб не упустили они способа пользоваться светом учености, к собственной их чести и пользе государственной, на предмет службы приличной, делает внушение; а с нерачительных, в данном ими обещании исправиться, старший геодезист берет подписки.

По предписанию гражданского губернатора,  
о новом геодезическом училище в Иркутске,  
на содержание которого в 1813 году предполагал он  
для 40 учеников по 22 196 р. на год

Г. Иркутский гражданский губернатор в 1813 г. сделав предположение о Иркутском геодезическом училище, для образования геодезистов в казенном доме или квартире, и представил на уважение г. сибирского генерал-губернатора следующее: учащихся приготовить к должности землемеров, по всем предметам, для землеописания, под управление дирекции штаб-офицера, который должен наблюдать за порядком преподаваемых наук и за поведением учителей и учеников, распределить время для классов и учеников переводить в высшие классы и прочее. Он имеет давать отчет г. гражданскому губернатору о содержании [Л. 16] училища, поведения и успехах учащихся. В оном училище назначено преподавать науки: З[акон] Б[ожий], грамматику, арифметику, геометрию, плоскую и сферическую тригонометрию, тригонометрию, геодезию, географию, всеобщую и российскую историю, естественную историю, рисование, черчение географических карт, сочинение планов, землемерные практики, межевые законы и языки. – Срок пребывания учеников в училище был положен не менее четырех и не более шести лет. – Испытанию быть в исходе каждого года, в присутствии почетнейших чиновников и граждан. – Принимать в сие училище штат и обер-офицеровых, и преимущественнее землемерных детей. На содержание дирекции, 6-ти учителей и 40 учеников исчислена была смета по 22 196 р. в год. – Но сие предположение и поныне еще не утверждено [Л. 16 об.].

П.П. Румянцев  
«СВОЙ МИР, СВОЯ КРЕПОСТЬ»:  
ЖИЗНЬ СЛУЖАЩИХ НА ЗОЛОТЫХ ПРОМЫСЛАХ В СИБИРИ  
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КОНЦА XIX в.

Среди обширного массива источников по истории дореволюционной золотопромышленности в Сибири в особую группу можно выделить материалы местной периодической печати. На страницах частных периодических изданий, ставших регулярно выходить с 70-х гг. XIX в., сразу же появилось достаточное количество информации о состоянии золотопромышленности в крае, что и не удивительно – ведь золотодобыча на протяжении всего XIX в. занимала ведущее место в структуре промышленного производства Сибири и именно от нее в первую очередь тогда зависело благосостояние всего сибирского региона. В последнее время исследователи все чаще начинают привлекать материалы сибирской прессы XIX – начала XX в. (газеты «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник», «Сибирь» и др.) в качестве важного источника по истории золотодобывающего производства<sup>1</sup>.

Представляется, что сибирская периодическая печать позволяет осветить не только состояние местной золотопромышленности, но и быт приискателей того времени. Многие корреспонденции были

---

<sup>1</sup> См.: *Бушина Н.А.* Проблемы золотопромышленности на страницах сибирской печати во второй половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007; *Румянцев П.П.* Периодические издания сибирской золотопромышленности конца XIX – начала XX в. как исторический источник // 150 лет периодической печати Сибири: Материалы регион. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей». Томск, 2007. С. 68–71.

отправлены прямо с золотых промыслов и нередко принадлежали перу участников процесса золотодобычи, что делает их одними из самых достоверных источников для реконструкции их положения и жизненного уклада. В данной статье мы рассмотрим, какой именно преподносилась читателям местных периодических изданий повседневность служащих на золотых приисках в конце XIX в.

К контингенту служащих на золотых промыслах в Сибири относился управленческий персонал золотопромышленных предприятий, чьи главные обязанности заключались в организации всего приискового хозяйства и надзоре над рабочей командой при добыче золота. В основном приисковые служащие выходили из среды рабочих, тем самым по своему социальному происхождению они мало чем отличались от последних – выходцы из купеческого и дворянского сословий встречались гораздо реже, чем представители крестьян и мещан. Местная периодическая печать крайне непочтительно отзывалась о таких служащих. Вот, к примеру, как характеризовала рядового приискового служащего газета «Сибирь»: «Чаще всего это человек даже без мнимого образования. Это прошедший приисковую карьеру снизу вверх, набивший руку в так называемом горном деле, а главное человек, которому далась наука «угождать» и сделать себя необходимым для профанов»<sup>1</sup>.

Количество служебного персонала на сибирских золотопромышленных предприятиях в конце столетия составляло от 5 до 15% от числа рабочих и зависело от масштаба и типа производства. На золотых промыслах в Семипалатинско-Семиреченском горном округе, где господствовали в основном золотничные работы, в 1898 г. рабочих насчитывалось 5611 человек, а служащих – 738, т.е. 13%, в северной части Енисейского горного округа число рабочих за этот же год равнялось 3580, а служащих 176 – 5%<sup>2</sup>. Однако и такой небольшой по сравнению с количеством рабочих контингент приисковых служащих нуждался в размещении и соответствующем их положению экономическому содержанию.

Одним из часто встречаемых сюжетов в периодической печати, посвященных служащим золотых промыслов, являлось описание их материального положения. Условия проживания служащих на большинстве золотопромышленных предприятий по всей Сибири,

---

<sup>1</sup> *Сибирь*. 1880. № 5. С. 1.

<sup>2</sup> *Государственный архив Томской области* (далее – ГАТО). Ф. 433. Оп. 1. Д. 301. Л. 65, 80.

особенно на средних и мелких по размеру приисках, были далеки от совершенства. Это объяснялось нежеланием управлений компаний и их владельцев тратить средства на обустройство быта своих работников. Так, например, на Богомдарованном прииске в Ачинской тайге во многих домах служащих отсутствовали печи, а общая кухня находилась на значительном расстоянии от помещений<sup>1</sup>. Лишь крупные золотопромышленные фирмы могли себе позволить заботу о приисковом хозяйстве: поселить служащих в специально отведенных для них домиках, причем холостых отдельно от семейных, предоставить от компании освещение, отопление и личный огород. Именно такими были условия, например, на золотых промыслах Компании «Промышленность», разрабатывавшей месторождения золота в Восточной Сибири<sup>2</sup>.

Материальное положение служащих на золотых промыслах в Сибири зависело также от положения служащего в приисковой иерархии и успешности золотопромышленного предприятия, где работал тот или иной служащий. Однако в целом экономическое положение большинства служащих мало чем отличалось от положения рабочих. Подобная картина была вызвана изолированностью золотых промыслов от жилых мест и как следствие дороговизной припасов и различных товаров (особенно это было характерно для золотопромышленных предприятий Восточной Сибири). Скучность материального положения приводила к тому, что подавляющая часть приисковых служащих по всей Сибири брала товары из промысловых лавок в счет будущего жалованья. Даже большинство служебного персонала на золотых промыслах Ленского золотопромышленного товарищества, самой крупной золотопромышленной организации дореволюционной России, в конце XIX в. в целях экономии перешло на одноразовое питание, «а некоторые прибегают даже к посредству артельной кухни и довольствуются из котла рабочих»<sup>3</sup>. Приведенный пример, на наш взгляд, говорит сам за себя.

Поправить незавидное положение служащих отчасти было призвано проведение лотерей, о которых неодобрительно отзывалась сибирская пресса. Первоначально лотереи являлись неким вариантом помощи нуждавшимся в средствах: мало скопивший за годы своей работы человек, вынужденный покинуть по разным причинам золотые промыслы, с разрешения администрации прииска уст-

---

<sup>1</sup> См.: *Сибирский вестник*. 1904. № 127. С. 3.

<sup>2</sup> См.: *Восточное обозрение*. 1894. № 129. С. 3.

<sup>3</sup> Там же. 1897. № 13. С. 3.

раивал подобного рода лотерею на свое имущество. В дальнейшем с развитием золотого промысла в Сибири лотереи стали проводить все чаще и насильно навязывать обитателям золотых приисков. Известный приисковый врач Е.Н. Корнев писал, что он знал «целые эпохи», когда на золотых промыслах Восточной Сибири ходили подписные листы на 8–10 таких лотерей, причем каждая достигала 600 и более рублей<sup>1</sup>.

Разыгрывать в лотерею могли самые разнообразные скопившиеся у человека за время службы вещи, и привлекал он к участию не только своих товарищей-служащих, но и простых рабочих. Например, таким образом можно было избавиться даже от личных вещей умерших родственников<sup>2</sup>. Лотереи также проводились служащими среди местного коренного населения. Именно так в начале прошлого столетия поступил конторщик одной из восточносибирских золотопромышленных компаний, организовав среди местных якутов лотерею на сумму около 900 рублей<sup>3</sup>.

Существовала некая разновидность лотереи, носившая на золотых промыслах Восточной Сибири название «Алемур», о которой газета «Сибирь» писала следующее: «Это приличный способ устроить неприличную сделку. Собирают старое барахло, оценивают его в фишках и начинают на них играть в карты. Фишки обменивают потом на вещи. Причем вещи в «алемуре» нередко сильно завышаются по цене»<sup>4</sup>. Таким образом, проведение лотерей служащими среди таежного приискового населения постепенно превращалось из средства взаимопомощи в откровенную форму наживы.

Далеко не все служащие, особенно молодые, могли выдержать все тяготы приисковой жизни, прямо отражавшиеся на их социально-психологическом облике. Нередко они видели в сведении счетов с жизнью единственный для себя выход. Газеты достаточно часто рассказывали не только о случаях самоубийства, но и причинах, толкнувших людей на этот шаг. В качестве распространенной причины суицидов в приисковой среде сибирские газеты выделяли

---

<sup>1</sup> См.: *Корнев Е.Н.* Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области. СПб., 1904. С. 163.

<sup>2</sup> См.: *Сибирь*. 1885. № 6. С. 4.

<sup>3</sup> См.: *Восточное обозрение*. 1903. № 62. С. 3.

<sup>4</sup> *Сибирь*. 1910. № 92. С. 2.

проступки самих служащих, их злоупотребления служебным положением. Так, в газете «Сибирь» в конце 1870-х гг. сообщалось, что именно боязнь быть пойманным за хищение золота привела к самоубийству одного и ранению другого служащего приисков в Витимской тайге<sup>1</sup>.

Другой важной причиной самоубийств служащих авторы газетных статей считали полученные в ходе приисковой деятельности травмы, как это произошло с молодым служащим Стародубцевым на Прокопьевском прииске в Восточной Сибири. Получив увечье – потеряв кисть руки от взрыва динамитного патрона – он «замотал платком изувеченную руку, дошел до дома и там застрелился»<sup>2</sup>. Некоторые из числа служащих-самоубийц оставляли предсмертные записки, также попавшие в газеты, и сегодня они позволяют узнать, что толкнуло их на отчаянный шаг. Так, в августе 1897 г. револьверным выстрелом покончил с жизнью один служащий Негаданного прииска в Олекминской системе. В предсмертной записке он просит никого не винить в своей смерти, объясняя свои действия переменой в отношении к нему окружающих<sup>3</sup>.

Однако корреспонденты сибирских газет так и не смогли выяснить причины большинства суицидов, случившихся на золотых промыслах. Много пересудов вызвало неожиданное для всех самоубийство И.М. Байдина, служащего, занимавшегося наймом рабочих на золотые промыслы товарищества Кузнецовых в Абаканской золотоносной системе. Он застрелился осенью 1889 г., сохранив при себе деньги, оставшиеся после операции по найму рабочих, что исключает, по версии газеты «Сибирский вестник», растрату или потерю денежных средств из предположений причин самоубийства<sup>4</sup>. Корреспондент «Сибиря», сам служащий золотых промыслов, пытаясь объяснить частоту случаев суицида, писал так: «Тайга, с ее существующими порядками – болото, которое так засасывает, что борьба с нею для многих не по силам. Эти самоубийства не есть ли в своем роде протест против существующего положения служащих на приисках?»<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: *Сибирь*. 1877. № 32. С. 3.

<sup>2</sup> *Восточное обозрение*. 1896. № 54. С. 3.

<sup>3</sup> См.: Там же. 1897. № 112. С. 2.

<sup>4</sup> См.: *Сибирский вестник*. 1890. № 28. С. 4.

<sup>5</sup> *Сибирь*. 1897. № 62. С. 3.



Материалы периодической печати, как ни один источник по истории сибирской золотой промышленности, позволяют рассмотреть внутрикорпоративные отношения служащих. Автор серии статей «Очерки частной золотопромышленности в Сибири» описывал среду приисковых служащих и характер взаимоотношений внутри нее следующим образом: «Служащие на приисках большею частью народ грубый, не получивший никакого образования и не читающий ничего дельного. Исключения редки. Развлекаются служащие картами, выпивкой и женщинами. Одно общее достоинство приисковых служащих – простота в обращении между собой и тесное товарищество»<sup>1</sup>. Замкнутый образ жизни приисковых служащих, во многом вызванный изолированностью золотых промыслов, отличал их от служебного персонала других отраслей производства. Внутри своего «приискового мира» служащие жили, разделяясь на определенные кружки, соблюдая принципы иерархии и субординации и в повседневной жизни.

Сибирские газеты неоднократно отмечали отрицательные качества, присущие представителям служебного персонала на золотых промыслах, как, например, карьеризм, раболепие перед начальством, «как перед шахом персидским», игнорирование общих интересов и нежелание помочь своему товарищу. Лишь единицы, сделав успешную карьеру, пользовались уважением как среди служащих, так и среди рабочих. Одного их таких, В.Я. Кокоулина, главноуправляющего Компании «Промышленность», «Сибирская жизнь» характеризовала следующими словами: «Он составил себе репутацию честно, трудолюбивого работника... в высшей степени гуманного начальника, подтверждением чему могут служить многочисленные очень хорошие отзывы о нем сослуживцев и подчиненных»<sup>2</sup>.

Популярным сюжетом при характеристике положения служебного персонала на золотых промыслах в периодической печати Сибири являлось описание их вредных привычек: пьянство, игра в карты, развратная жизнь и др. Как писала «Сибирская газета», служащий безобразничает ничуть не меньше рабочего, с тою лишь разницей, «что служащий безобразничает в чистой половине, а рабочий – в черной»<sup>3</sup>. Корреспондент «Сибири» с негодованием писал о растлении приисковым служащим несовершеннолетней няни

---

<sup>1</sup> *Восточное обозрение*. 1884. № 27. С. 12.

<sup>2</sup> *Сибирская жизнь*. 1898. № 28. С. 2.

<sup>3</sup> Там же. 1882. № 26. С. 630.

своего ребенка<sup>1</sup>, а «Сибирский вестник» рассказал своим читателем похожую на роман историю – служащий, заступившийся за совращенную управляющим домработницу, был уволен, но, выехав с прииска, все же «довел свое заступничество до конца и женился на девушке»<sup>2</sup>.

Служащие золотых промыслов, так же как и простые рабочие, свободное от работы время нередко проводили за игрой в карты – самым простым и одновременно самым доступным развлечением таежной жизни. Азартные игры в карты могли иметь печальные последствия, как это произошло с одним служащим компании Сабашникова и Базанова в Витимском горном округе, который в середине 80-х гг. XIX в. обвинялся в том, что выстрелил несколько раз из револьвера в своих партнеров по игре в карты<sup>3</sup>.

Однако самой пагубной привычкой всего приискового населения Сибири являлось чрезмерное употребление спиртного. Данный сюжет неоднократно освещался в отечественной историографии сибирской золотой промышленности. Мы же отметим, что сибирские периодические издания регулярно поднимали этот вопрос, в том числе отмечая пьянство в среде приисковых служащих. Так, газета «Сибирь» в 1886 г. писала, что на золотых промыслах в Олекминской системе чрезмерное употребление спиртного стало причиной преждевременной смерти молодого, перспективного и образованного служащего<sup>4</sup>. Немаловажным «фактором» был заведенный на приисках порядок: как правило, именно служащие заведовали выдачей спиртного и могли путем махинаций либо присваивать часть спирта, либо, разбавляя его водой, продавать рабочим<sup>5</sup>.

О грубости служащих, ставшей притчей во языцех, с постоянной регулярностью упоминали многие сибирские газеты. А.А. Уманьский, политический ссыльный, состоявший в 80-х гг. XIX в. служащим на золотых промыслах Енисейской губернии, писал по этому поводу: «Установилось убеждение, что с рабочими без ругани и драки ничего не поделаешь, и действительно, таежные служащие, при существующей их степени развития, могут внушать

---

<sup>1</sup> См.: *Сибирь*. 1884. № 13. С. 7.

<sup>2</sup> *Сибирский вестник*. 1886. № 77. С. 3.

<sup>3</sup> *Сибирская газета*. 1884. № 33. С. 820.

<sup>4</sup> См.: *Сибирь*. 1886. № 48. С. 7.

<sup>5</sup> См.: *Сибирский вестник*. 1886. № 42. С. 3.

к себе уважение рабочих лишь силою своих мышц и ядовитостью брани. И нужно признать, что умение ругаться доведено в тайге до виртуозности, а рабочие настолько свыклись с этим способом понуждения к труду, что иногда не обращают достодолжного внимания на приказания, не сопровождаемые крепким словом»<sup>1</sup>.

Презрительное, а подчас грубое отношение служащих к рабочим неоднократно выступало мотивом многих приисковых песен: «У нас служаки, как собаки, / Они гавкают всегда, / Выгоняют навсегда; / Шнуры тонко натягали, / Нас забойщиков ругали»<sup>2</sup>. Рабочие постоянно обращались к властям с жалобами на грубое отношение к ним служащих. Отметим, что с переходом к концу XIX в. сибирской золотопромышленности от состояния «дикого капитализма» к рациональной системе разработки месторождений золота и законодательной регламентации приисковой деятельности служащие все чаще стали наказываться за грубое отношение к рабочей команде. Как констатировало «Восточное обозрение», «служащие сами по себе люди не жестокие, а представители результата того воспитания, которое они получили в местной школе кулаковедения»<sup>3</sup>. Не стоит также забывать, что большинство служащих на сибирских золотых промыслах вышло из среды рабочих, перенеся в свой новый служебный статус все негативные стороны повседневного уклада рабочего люда, в частности грубость и брань<sup>4</sup>.

Сибирская периодическая печать не раз обвиняла служащих не только в пороках приисковой жизни, но и в узости их кругозора, в частности игнорировании проблем высшего образования. Например, общество содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам в середине 80-х гг. XIX в. отправило по золотым промыслам Енисейской губернии подписку для сбора средств. Однако ни на одном золотом прииске никто не поставил своей подписи и не сделал взноса, а на золотом прииске некоего Комягина «даже лиц, сочувствующих высшему образованию, не оказалось»<sup>5</sup>.

Тем не менее, на наш взгляд, обвинять служащих золотых промыслов в Сибири в обскурантизме как минимум несправедливо. Не

---

<sup>1</sup> *Сибирская газета*. 1887. № 12. С. 4.

<sup>2</sup> *Сибирская жизнь*. 1902. № 271. С. 3.

<sup>3</sup> *Восточное обозрение*. 1897. № 115. С. 3.

<sup>4</sup> См. об этом: *Ячевский Л.* Очерк современного состояния енисейской золотопромышленности // *Горный журнал*. 1892. № 7. С. 340–341.

<sup>5</sup> *Сибирская газета*. 1885. № 41. С. 1089.

всем приисковым служащим были безразличны проблемы светского образования. Вот пара примеров в пользу этого заключения. На Успенском прииске Компании «Промышленность» в Витимской золотоносной системе служащие дали 1 января 1886 г. бал-базар в пользу учащихся Восточной Сибири<sup>1</sup>. Служащие Прокопьевского прииска Бодайбинской золотопромышленной компании в конце 1897 г. провели благотворительный спектакль, собравший около 700 рублей. Всю эту сумму переслал П. Буржинскому, профессору Томского императорского университета, уже упомянутый нами врач Е.Н. Коренев, один из первых выпускников первого сибирского университета<sup>2</sup>.

Наряду с описанием негативных сторон жизни служащих на сибирских золотых промыслах газеты отмечали и положительные стороны в деятельности служащих – попытки проведения активной культурной жизни, благотворительность и др., тем самым представляя читателю многогранный образ приисковых служащих.

Благотворительность всегда имела место в жизни сибирских золотопромышленников и их подчиненных. Служащие на золотых промыслах Сибирякова в Олекминской тайге в конце 80-х гг. XIX в. по своей инициативе, как пишет газета «Сибирь», пожертвовали до 400 пудов хлеба голодающим поселенцам и якутам<sup>3</sup>. На Тихозадонском прииске Ленского золотопромышленного товарищества по предложению горного инженера Л.Ф. Граумана служащие постановили вносить каждый месяц по 2% своего жалованья в пользу пострадавших от неурожая местностей центральных районов России<sup>4</sup>.

Местом проведения культурных мероприятий на золотых промыслах Сибири служили самые различные помещения: дома служащих, столовые, – или же представления и вовсе давались в хорошую погоду под открытым небом. Редкие золотопромышленные предприятия могли похвастаться наличием специальных клубов для своего служебного персонала. Из таких предприятий следует упомянуть Ленское золотопромышленное товарищество, а также Дарасунские прииски известных золотопромышленников братьев

---

<sup>1</sup> См.: *Восточное обозрение*. 1886. № 10. С. 8.

<sup>2</sup> См.: *Сибирская жизнь*. 1898. № 186. С. 3.

<sup>3</sup> См.: *Сибирь*. 1887. № 16. С. 7.

<sup>4</sup> См.: *Восточное обозрение*. 1892. № 19. С. 6.

Бутиных, где для служащих в конце XIX в. часто устраивались литературные вечера, турниры по шахматам и бильярду<sup>1</sup>.

Отсутствие подобных клубов на большинстве золотых приисков в Сибири объяснялось двумя причинами: нежеланием их владельцев тратить средства на их постройку, а также малым количеством служебного персонала на том или ином золотом прииске. Из известных сибирских золотопромышленников рассматриваемого периода, проявлявших заботу о своих служащих, в том числе и об их досуге, необходимо назвать Н.В. Асташева, продолжателя золотопромышленного дела, основанного на заре золотой промышленности в Западной Сибири его дедом Иваном Дмитриевичем Асташевым. В 1895 г. Асташев-внук выписал на свой прииск по р. Талая музыкальные инструменты и «110 книг различных сочинений»<sup>2</sup>.

Самым частым видом культурных развлечений приисковых служащих являлось устройство театральных представлений. Например, в Западной Сибири, находившейся под ведомством Томского горного управления, своими театральными постановками был знаменит упомянутый выше прииск Талая, служащие которого в конце XIX в. поставили «Свои люди, сочтемся» А.Н. Островского, «Женитьбу» Н.В. Гоголя и др. На золотых промыслах Восточной Сибири своими художественными представлениями славился Тихозадонский прииск в Витимской золотоносной системе, где неоднократно проходили спектакли по пьесам А.Н. Островского, И.В. Шпажинского, В.И. Немировича-Данченко и др.

Сибирская периодическая печать довольно сдержанно отзывалась о театральных начинаниях служащих на золотых промыслах. В газетах встречались рецензии различного характера: «Игра слаба. Выбор пьес был в большинстве случаев весьма неудачен», «спектакли сопровождалась весьма недурными исполнениями ролей»; «исполнители были награждены единодушным взрывом аплодисментов»<sup>3</sup>. Однако периодические издания приветствовали стремление служащих на золотых промыслах давать в своей среде не только театральные представления, но также ставить спектакли и другого рода культурные действия для приисковых рабочих, т.е. своих подчиненных. Сами рабочие, если верить газетным сообщениям,

---

<sup>1</sup> См.: *Сибирь*. 1884. № 48. С. 9.

<sup>2</sup> *Сибирский вестник*. 1895. № 98. С. 3; № 180. С. 3.

<sup>3</sup> *Восточное обозрение*. 1894. № 21. С. 3; 1895. № 38. С. 2; № 118. С. 3.

стремились посещать такие представления и «оставались очень довольны», как это случилось после просмотра спектакля «Свои люди, сочтемся», прошедшего в 1897 г. на золотых промыслах Бодайбинской золотопромышленной компании<sup>1</sup>.

Следует отметить, что большинство театральных представлений давалось служащими не только ради развлечения, но и в филантропических целях. Выручка от спектаклей шла на разного рода благотворительные мероприятия, как, например, обустройство приисковых больниц, строительство школ для детей, отправку средств пострадавшим от стихийных бедствий и др. Лишь малую часть вырученных денежных средств служащие оставляли на свои театральные нужды.

Помимо театральных представлений одним из важных развлечений служащих на золотых промыслах в Сибири было празднование Рождества, Нового года и Пасхи. Так, на южноенисейских золотых промыслах Асташевых служащие встречали Новый 1896-й год костюмированным балом. Корреспондент «Сибирского вестника» выделил один костюм, увешанный надписями «новый устав о найме», «перемывка 25 пудов золота», «596 бежавших и неявившихся», что представляет перед взором читателей сибирских газет приисковых служащих людьми, которые могли посмеяться над собой<sup>2</sup>. Правда, приисковые празднования могли печально закончиться. «Сибирская газета» повествует о том, что встреча Нового года в конце 80-х гг. XIX в. в резиденции золотопромышленной компании Сибирякова в с. Витим завершилась пожаром здания резиденции, в ходе которого удалось избежать человеческих жертв, но в огне погибла вся документация компании и хранившийся в резиденции товар<sup>3</sup>.

Жизнь приисковых служащих, по информации сибирских газет, представляется отнюдь не в радужном свете. Она была наполнена постоянным трудом и связана с многочисленными тяготами таежной жизни. Тем не менее на золотопромышленных предприятиях находилось место и для культурных мероприятий, чему прямым свидетельством являются материалы сибирских периодических изданий, отразивших в своих статьях эти и другие события повседневности прииска.

---

<sup>1</sup> См.: *Сибирь*. 1897. № 62. С. 3.

<sup>2</sup> См.: *Сибирский вестник*. 1896. № 14. С. 3.

<sup>3</sup> См.: *Сибирская газета*. 1888. № 13. С. 7.

Это делает их не только важным, но и уникальным источником по истории местного золотого промысла именно потому, что они предоставляют возможность реконструировать в самых подробных деталях положение и быт сибирских приискателей конца XIX в. Подобной информативности недостает многим источникам по истории сибирской золотопромышленности. Так, например, всевозможные отчеты горных чиновников о состоянии золотой промышленности отодвигают на задний план человека: цифры не позволяют рассмотреть положение и потребности работника, быт и обстановку, которая его окружала.

Авторы большинства заметок о положении сибирской золотопромышленности имели непосредственное отношение к золотому промыслу. Многие из корреспондентов принадлежали к приисковой администрации, и никто как они лучше знали все нюансы данной отрасли производства, положение и нужды местных приискателей. Именно в статьях, принадлежащих преимущественно служащим золотых промыслов, выступавших в качестве журналистов, подробным образом можно разглядеть мир приисковых служащих, характер взаимоотношений в их среде, потребности служебного персонала, их связи с «внешним», нетаежным миром и многое другое.

### III. КАЗУС: ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МИКРОИСТОРИИ

Б.А. Азнабаев  
«ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА» XVI в.  
БАШКИРУ УРАНСКОЙ ВОЛОСТИ

Значение документа, обнаруженного в фонде «Спорные дела Генерального межевания», трудно переоценить, поскольку в современной историографии принято считать, что тексты жалованных грамот Ивана IV башкирам сохранились только в комплексе родословных преданий – шежере<sup>1</sup>. Однако шежере, будучи памятником устной народной истории, не могут считаться безупречными в плане достоверности источниками. Итак, перед нами копия жалованной грамоты башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву с пожалованием земли в Уфимском уезде<sup>2</sup>. Особо следует отметить, что копия была снята и заверена Казанской губернской канцелярией в 1737 г.

Материалы фонда Спорные дела Генерального межевания в определенной мере позволяют восполнить утрату большинства отказных грамот, хранившихся в приказе Казанского дворца. При проведении межевания в Оренбургской губернии в начале XIX в. чиновники Межевой конторы столкнулись с крайне запутанным положением землевладения башкирских общин. Как правило, башкиры-вотчинники не имели точного описания границ своих владений. Существовавшая в XVI–XVII вв. практика межевания башкирских вотчинных угодий допускала фиксацию их границ по так

---

<sup>1</sup> См.: Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 122.

<sup>2</sup> См.: РГАДА. Ф. 1324. Д. 1497. Л. 48–50.



называемым «урочищам», под которыми подразумевались реки, лесные массивы, горы и т.д. В результате при межевании каждой башкирской дачи или дворянского имения, расположенного по соседству с башкирской землей, возникали споры, приводившие к предъявлению обеими сторонами документов, относящихся к XVI – началу XVIII в. Владельцы земель не всегда имели при себе требуемые документы, поэтому они активно разыскивали доказательства своих владельческих прав в местных архивах, многие помещики запрашивали копии в архивах центральных учреждений.

Данный документ возник в ходе земельного разбирательства между башкирами Уранской, Енейской волостей и владельцами Камбарского завода – Демидовыми. Их длительная тяжба закончилась тем, что спорные земли были утверждены за башкирами Уранской волости. Демидовы были вынуждены подписать особый договор с ними. Не последнюю роль в победе уранцев сыграл документ, который они предъявили в ходе процесса, – копию с жалованной грамоты Иоанна Васильевича, обнаруженную башкирами в архиве Казанской губернской канцелярии. Таким образом, данный документ официально был признан межевой комиссией в качестве юридического доказательства земельных прав. Поскольку текст жалованной грамоты сопровождается важным пояснением об отношении адресанта грамоты (Авдуака Санбаева) к башкирам Уранской волости, мы посчитали необходимым поместить в публикацию и вводную часть, написанную в 1805 г.

Вместе с тем внешняя критика данного источника представляет серьезную проблему. Наиболее спорным является вопрос о времени составления самого оригинала. Канцелярист, снимавший копию в 1737 г., указал, что конечный протокол документа значительно пострадал: «Подлинной крепости справил подьячий Юрий, а чей сын по прозванию за гниlostью подлинной грамоты не видно». Формуляр аналогичных актов середины XVI в. предполагал указание на дату только в конце документа, который, очевидно, и не был прочитан переписчиком.

Более того, в сохранившихся разрядных книгах XVI в. отсутствуют данные о том, что воеводами в Казани могли быть одновременно Степан Александрович Всеволожский и князь Михаил Самсонович Туренин. В изданных в 1982–1984 гг. под редакцией В.И. Буганова разрядных книгах, охватывающих период с 1557 по

1584 г., фамилия Всеволожских среди воевод вообще не упоминается. Однако князь Михаил Самсонович Туренин был весьма активным военным руководителем. Его имя фигурирует в разрядных книгах уже с 1577 г., когда он в качестве дворянина участвовал в береговой службе. В 1580 г. он числился воеводой в Орле, в том же году командовал полком левой руки. В 1581 г. был воеводой в Ржеве, в том же году отправлен воеводой в Смоленск, в 1582 г. возглавлял сторожевой полк в Коломне, в 1583 г. отправлен воеводой в Юрьевец Подольской и наконец, в 1584 г. назначен воеводой в Серпухове<sup>1</sup>. Достоверность разрядных книг прежде не подвергалась сомнению, по этой причине будет сложно объяснить данное противоречие.

Мы вынуждены признать, что верхней хронологической границей составления грамоты можно признать лишь 1584 г., т.е. дату смерти Иоанна Васильевича. Следует указать на то, что современная историография по данному вопросу придерживается однозначного мнения: город Уфа, Уфимский уезд, дороги Уфимского уезда были основаны значительно позже смерти Ивана IV.

Обратим внимание и на не совсем типичный начальный протокол документа. Абстрактный формуляр жалованных грамот середины XVI – начала XVII в. в большинстве случаев предусматривал клаузулу «Се яз князь Юрьи Иванович пожаловал есми...» или «Божиею милостию мы великии государь царь и великии князь Михаило Федорович всеа Русии самодержец, советовав со отцем своим с великим государем святейшим патриархом Филоретом Никитичем Московским и всеа Русии, по своему царскому милосердному осмотрению пожаловали...». В данном же случае документ начинается со слов «Бил челом...».

Еще более неожиданно выглядит указание на мотив пожалования – «за службу». Подобные расхождения с типичным формуляром жалованных грамот потребуют разъяснений специалистов дипломатики. В противном случае речь идет не о жалованной грамоте, как указано в спорном деле XIX в., а об отводной грамоте. Обращает на себя внимание и структурная схожесть данного источника с документами писцового делопроизводства – отказными и отводными грамотами служилым людям по отечеству.

---

<sup>1</sup> *Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. С. 452; Т. 3. С. 119, 192, 213, 217, 35.*

Однако если сопоставить величину пожалованной Санбаеву за службу земли с теми отводами, которые получили первые уфимские дворяне в конце XVI в.<sup>1</sup>, то нельзя не удивиться тому факту, что башкиру отвели поместную дачу, по величине на порядок превышающую земельные владения русских помещиков. При этом расчет пожалованной земли на три поля и четверти, разделение на пашню и сенокосы не должны смущать исследователя, поскольку для башкир Осинской дороги земледелие стало основным видом хозяйственной деятельности еще задолго до присоединения к Русскому государству. Вполне вероятно, что в центре, на юге и востоке Уфимского уезда подобная форма пожалований не имела места в силу иного хозяйственного уклада.

Вопреки сложившемуся в отечественной историографии мнению о том, что башкиры принимали подданство по родам, документ показывает, что подчинение российской администрации предполагало различные варианты, в том числе и в виде индивидуального поступления на службу русскому царю. Подобный характер подчинения нельзя признать обычным подданством, поскольку речь идет только о своего рода служилом контракте. Вероятно, для башкирских тарханов<sup>2</sup>, состоявших прежде на службе у казанского хана, подобный вариант был единственно возможной формой признания верховенства российской власти.

Документ публикуется полностью с сопроводительной справкой 1805 г., так же как он представлен в спорном деле. Текст приводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых особенностей архаического написания отдельных слов.

---

<sup>1</sup> Текст «Отводной книги по Уфе (1591/92–1629 гг.)» // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 245–298.

<sup>2</sup> В Уфимском уезде в XVI–XVIII вв. термин «тархан» получил распространение в значении титула, который жаловался башкирским аристократам за особые вмененные, дипломатические и другие заслуги. Выделялись наследственные и личные тарханы, среди наследственных – «старые», получившие звание до середины XVI в., и «новые», которым титул был пожалован после присоединения Башкирии к Русскому государству. Тарханное право заключалось в свободном выборе и владении общинной землей, в освобождении от подворного обложения (с 1724 г. – подушной подати), уплаты ясака и других повинностей.

**РГАДА. Ф. 1324. Спорные дела Генерального межевания.  
Д. 1497.**

*Л. 48.*

Всепресветлейший державнейший великий государь император Александр Павлович самодержец всероссийский и государь всемиростивейший просят Бирского уезда 10 башкирского кантона Уранской волости команд башкирского юртового старшины Абдрахамана Абдульменева деревни Кумовой поверенные башкирцы Абдусалям Алкеев и Абдулкарим Ишалин о чем наше прошение тому следуют пункты.

Означенной нашей Уранской волости межевание в прошлом в 1804 году и в нынешнем в 1805 году землемерами губернским секретарем Лисициным и титулярным советником Добровольским по спору с Камбарским Демидова заводом в трех местах Енейской волости деревни Ушар с деревнями владения башкирцов, а по не примирению между нами тех споров, находившиеся при межевании без доверенности отводчик башкирец Аликей Аптюков, хотя означенным землемером и Добровольским и обязан определении в сию контору крепостей подпискою, но ему всей нашей Уранской волости башкирцы для представления в сию контору оных крепостей не вверили, а вверили представить нам, почему мы явившись доносим, что она наша Уранская волость жалована предку нашему Уфимского уезду Осинской дороги Авдуаку Санбаеву от государя царя и великого князя Иоанна Васильевича за службу за Камою рекой пашенные земли 62 четверти в поле, а в дву потому же, с лесы и санными покосами и всеми угожьями, а межа там санным покосам и пашенной земли верхняя Еловая речка, а нижняя межа Берегат, в правой стороне пожалован еще ему же в добавок по обе стороны реки Буюн верхняя межа Солдав река, нижняя Узар река, а в ней пашенной земли 155 четвертей и санных покосов по обе стороны реки Буюн 400 копен, для чего представляя выданный нам из Казанского наместнического правления с жалованной грамоты предку нашему грамоты копию и с нее списанную таковую же всеподданнейше просим, дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие наше прошение в Оренбургской межевой конторе с приложениями принять копию, освидетельствуя и по освидетельствовании приобщить к тому производимому о нашей Уранской волости спорному делу,

*Л. 49*

а первую отдать нам обратно не правой же учиненной Камбарского господина Демидова завода и Енейской волости поверенными из нашей Уранской волости спорные отводы уничтожить, а утвердить все оные земли по прежнему владения за нами Уранской волости башкирцами, верующее письмо, данное нам тюбы нижнего Урана, находится в сей конторе при поданной от нас на землемера Лисицина апелляционной жалобе.

Всемиловитейшей государь, просим Вашего императорского величества, о чем нашем прошении решение учинить декабря 1805 года к поданию надлежит в Оренбургскую межевую контору. Прошение писал регистратор Евдоким Герасимов сын Сарапкин, к сему прошению башкирцы Абдулсалам Алкеев и Абдулкарим Ишалин тамги свои приложили.

По слушании определено представленную с грамоты копию с копии освидетельствовать экспедитору и освидетельствовании первую возвратить в распискою и освидетельственную копию с прошением пришить к делу.

*Л. 50.*

Копия.

Бил челом государю и великому князю Иоанну Васильевичу Уфимского уезду Осинской дороги Уранской волости башкирец Авдуак Санбаев, а сказал, что де за службы его пожаловал государь царь и великий князь в той волости за Камою рекой пашенной земли шестьдесят две четверти в поле с лесы и санными покосами и со всякими угодьями, а межа тое пашенной земли и санным покосам верхняя межа Еловая речка, а нижняя межа речка Бергат в правой стороне, да в той же волости пожаловано мне вдобавок по обе стороны Буюн реки верхняя межа Салдав река, нижняя межа Узяр река, а в ней пашенной земли и перелогу 155 четвертей, сена меж поль и по заполью по обе стороны реки Буюн 400 копен, и просил в том, чтобы ту пашенную землю и санными покосами за ним написать в книги подлинно, и те книги за своими и сторонними людьми привезти в Казань к боярину и воеводе Степану Александровичу Всеволожскому да князю Михаилу Самсоновичу Турянину, да дьяку Ивану Зубову да Афанасию Евдокимову, Иосип Аркатов, подьячий Юрий Смирнов да толмач Иван Чубаров, взяв с собой окольных людей и сторонних и при всех их ту пашенную землю от прочих отделить и по межам за Камою рекой Уранской волости

62 четверти пашенной земли и сенные покосы да по обе стороны Буюн реки тож земли 155 четвертей, а в дву потому же с лесом с сенными покосами и со всякими угоды написать за ним башкирцем Авдуаком Санбаевым в книги, на подлинной крепости справил подьячий Юрий, а чей сын по прозванию, за гнилостью подлинной грамоты не видно.

Копия снята в 1737 году.

Е.В. Карих

ИСТОРИЯ ОДНОГО КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ:  
ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ  
РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ  
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В середине XIX в. Российская империя достигла пика расширения территории, после чего только теряла свои владения. Ее границами на западе стали Царство Польское и Финляндия, на востоке – полуостров Аляска. В 1849–1858 гг. русские заняли также Приморье и Приамурье. Это осуществила Амурская экспедиция Г.И. Невельского, основавшая в новых районах русские военные посты. Экспедиция находилась под контролем и покровительством генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева<sup>1</sup>. События на Дальнем Востоке с 1822 по 1889 г. отражены в материалах фонда № 24 Совета Главного управления Восточной Сибири Иркутского областного архива (29 153 ед. хр.)<sup>2</sup>. Дела одиннадцатой описи содержат материалы делопроизводства дипломатической канцелярии, повествующие о сношениях генерал-губернатора Восточной Сибири с соседними государствами – Китаем, Японией, США. Однако дело № 34 о котором пойдет речь<sup>3</sup>, не касается официальных встреч с представителями других государств, а отражает частный сюжет из жизни Амурской экспедиции.

---

<sup>1</sup> См.: *Беспровзванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 153–160.

<sup>2</sup> См.: *Самodelкин В.А.* Историческая справка к фонду главного управления Восточной Сибири // Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 11. Л. 1–7.

<sup>3</sup> ГАИО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 34. («Дело о 20 человек американцев, приставших к Петровскому селению с разбитого китоловного судна и о проч.»).

В середине XIX в. Приморье и Приамурье интересовало не только Россию, но и другие государства. Наиболее частыми гостями в русских владениях на побережье Тихого океана были американские китобойные суда, осуществлявшие промысел зверя и активно конкурировавшие с Российско-американской компанией в торговле с аборигенами края. Не всегда им сопутствовала удача. Так, летом 1854 г. американское трехмачтовое судно «City» из Нью-Бедфорда под командованием капитана Генри Диффорда, принадлежавшее компании «А.Н. Howland», неудачно промышляло китов в Охотском море. 25 августа при северо-северо-западном ветре, «идя правым галсом от западной стороны Сахалина при 6-ти узлах ходу», судно коснулось неизвестной ему мели. В течение дня ветер усилился, и попытки команды снять судно не увенчались успехом, напротив, корабль окончательно выкинуло на банку, где за сутки волны его совершенно разрушили. Команда высадилась на северо-западный берег Сахалина на двух вельботах. Коренные обитатели острова встретили иностранцев, по их словам, неприветливо, туземцы сталкивали их обратно в воду, «угрожали и чинили насилия». Несмотря на это, 20 американцев без оружия во главе с капитаном сумели пробиться на сушу.

29 августа американцы появились в Петровском селении, где хлопоты, связанные с их устройством, взял на себя подпоручик флотских штурманов Орлов, который и донес об этом Г.И. Невельскому в рапорте от 1 сентября.

Предприимчивые пострадавшие во время своего спасения заметили в 12 милях барк «Reguvian» из Вальпараисо с грузом и провизией, также застрявший на банке и оставленный командой. Они вызвались спасти все его содержимое, чтобы как-то скрасить свое бедственное положение. Для этой цели команда Диффорда была снабжена палубным ботом, но спасательная операция не состоялась – барк к тому моменту уже был разрушен океаном. О его команде в деле нет никаких сведений. Таким образом, американцы остались на чужом берегу «полунагие» и без средств к существованию<sup>1</sup>.

Начальник Амурской экспедиции Г.И. Невельской распорядился довольствовать американцев наравне с другими членами экспедиции, выдавая им паек, мясную и соляную порции, и, кроме того,

---

<sup>1</sup> ГАИО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 34. Л. 3–5.



взять для них все необходимое в лавке Русско-американской компании<sup>1</sup>. На продовольствие и одежду американцам, проживавшим в Петровском селении с 29 августа по 20 сентября, из казенных запасов и магазинов Российско-американской компании было потрачено 352 рубля 15,25 копейки серебром<sup>2</sup>.

После оказания первой помощи встал вопрос о необходимости помочь иностранцам выбраться с острова и достичь родных берегов. Капитан Г. Диффорд просил взять его команду на борт стоящего в порту фрегата «Диана» под командованием генерал-адъютанта Путятин и доставить в Петропавловск или Ситку, где бы они имели возможность пересесть на другое иностранное судно. Судя по тому, что ответ на эту просьбу Диффорд получил лично от Невельского, ни Путятин, ни Орлов не были уполномочены решить этот вопрос. Фрегат «Диана» курсировал с депешами между Амурской экспедицией и русской крейсерской эскадрой, пребывавшей на рейде в Тихом океане, и в силу этого специального назначения не мог быть использован для перевозки иностранцев. Вероятно, со стороны Невельского это было проявлением той самой осторожности, которой требовали от него центральные власти, тем более что в это время Россия находилась в состоянии войны и англо-французские корабли угрожали ее дальневосточным берегам.

Перед гостями встала нерадостная перспектива остаться в Петровском селении на зимовку, если не сможет сюда зайти в эту навигацию бриг Российско-американской компании «Охотск», направлявшийся в порт Аян. Из Аяна уже на других судах можно было добраться до Петропавловска или Ситки. Все эти соображения Г.И. Невельской высказал в личном письме к капитану Г. Диффорду от 13 сентября. Соболезнуя о постигшем их несчастье, он заверил капитана, что сделает все от него зависящее, «дабы сделать пребывание Ваше в нашей стране сколько возможно удобным...», обещал наказать «диких островитян Сахалина» за их «неизвинительные поступки» и способствовать скорейшей отправке американских граждан с острова, «ибо русский считает своим долгом оказывать всякую зависящую от него помощь всем

---

<sup>1</sup> ГАИО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 34. Л. 1 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 32.

судам дружественных нам наций, не говоря о помощи командам разбивающихся судов, что должно быть уже священным долгом для каждого». В завершении письма он просил продать их вельбот за любые деньги<sup>1</sup>.

Удивительное дело: только 4 года как существовал Петровский пост, в Петербурге еще сомневались в целесообразности присоединения этих территорий, только в 1858 г. будет подписан Айгуньский трактат, разделивший Приамурье между Россией и Китаем, но Невельской уже был уверен, что Сахалин – это территория его страны, «дикие островитяне» – российские подданные, а он сам уполномочен отвечать за их действия перед иностранцами. И еще один интересный момент. Невельской считал, что священным долгом каждого русского человека является оказание помощи терпящим бедствие. Так же думали и подпоручик Орлов, и чиновники Иркутской казенной палаты в 1856 г., выделившие средства на покрытие расходов на содержание американцев.

Американским морякам повезло. Бриг «Охотск» под командованием капитан-лейтенанта Фуругельма причалил к Петровскому селению 18 сентября и, едва успев прихватить иностранцев, спешно отбыл в следующую же ночь, опасаясь усилившегося северовосточного ветра<sup>2</sup>. Перед отплытием капитан Г. Диффорд оставил благодарственное письмо на имя Г.И. Невельского. Оно было написано по-английски, но в деле имеется его перевод. В письме капитан выражал благодарность за внимание, оказанное им в Петровском селении, сообщал, что это первое знакомство с русскими он никогда не забудет, и утверждал, что опозорит американский флаг, если продаст вельбот людям, которыми он был так обласкан. Вельбот был оставлен господину Следзу, снабдившему потерпевших крушение американцев одеждой, хотя и сам в ней нуждался<sup>3</sup>. На самом деле американцы оставили два легких пятивесельных китобойных вельбота. Причем у аптекаря Следза остался в конечном счете лишь поломанный вельбот, выброшенный на берег недалеко от селения. Исправное же судно (стоимостью 60 рублей серебром)

---

<sup>1</sup> ГАИО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 34. Л. 6–7.

<sup>2</sup> Там же. Л. 13–13 об.

<sup>3</sup> Там же. Л. 14–15.

было вскоре забрано капитаном шхуны «Восток» и отправлено в Николаевское селение на Амуре<sup>1</sup>.

Эта история имеет хеппи-энд в лучших традициях американских фильмов. На рейде острова Сахалин 22 сентября бриг «Охотск» встретил американское китобойное судно «Сирена», на которое с согласия обоих капитанов пересела команда судна «Сitty», и о дальнейшей ее судьбе в деле не сообщается.

Доброе отношение к американским морякам объясняется не только благородством Г.И. Невельского и требованиями морских традиций, но и союзническими на практике отношениями России и США на Тихом океане в середине XIX в.<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> ГАИО. Ф. 24. Оп. 11. Д. 34. Л. 35–37.

<sup>2</sup> См.: *История внешней политики России. Вторая половина XIX века.* М., 1999. С. 144–154.

В.В. Шевцов  
ВОСПОМИНАНИЯ Н.А. КОСТРОВА  
О М.В. ПЕТРАШЕВСКОМ

Князь Николай Алексеевич Костров (1823–1881) известен как сибирский краевед, историк и этнограф. Выпускник юридического факультета Московского университета, в 1846 г. он подал прошение о переводе его в Красноярск. Причины такой просьбы заключались в двух обстоятельствах – в отсутствии связей и покровителей для продолжения службы в Москве и необходимости содержать семью. Переезд в Сибирь навсегда связал Кострова с этим краем, с изучением его истории, населения, экономики и географии. В Красноярске Костров первоначально исполнял различные поручения губернатора Енисейской губернии В.К. Падалки, а в 1847 г. возглавил одно из отделений общего губернского управления. В 1852–1855 гг. Костров служил в должности делопроизводителя енисейского губернского статистического комитета. В 1855 г. он был переведен из Красноярска в Минусинск в качестве начальника округа, где судьба и свела его с сосланным в Сибирь М.В. Петрашевским.

Приведенные воспоминания публикуются впервые. Они представляют собой 38 листов (включая обороты) карандашного текста, с широкими (в половину листа) полями и очень малым количеством поправок и исправлений. Архив Н.А. Кострова уже в первый год после его смерти поступил в библиотеку строящегося первого сибирского университета и в течение почти ста лет хранился в непригодном для этого помещении, что повлекло за собой утрату части документов. В середине 1970-х гг. он был перемещен в отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского го-

сударственного университета (ОРКП НБ ТГУ), а в 1998 г. разобран и сформирован в отдельный фонд главным библиотекарем отдела Н.В. Васенькиным<sup>1</sup>. «Воспоминания» приблизительно датируются серединой 1870-х гг. и в номенклатуре дел архива князя значатся как «Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Костров Николай Алексеевич. Воспоминания о М.В. Петрашевском. Л. 1–19 об.»<sup>2</sup>. Текст представлен с авторской орфографией и пунктуацией, с подчеркнутыми и вычеркнутыми словами. Примечания публикатора даны в сносках.

\* \* \*

«Г. Бурнашев в статье своей о М.Ю. Лермонтове помещенной в 9-й книжке Русского Архива за 1872 г.<sup>3</sup>, рассказывая о свободе слова, проявлявшейся иногда в петербургском обществе того времени, к которому относятся воспоминания автора, между прочим, прибавляет, что «настоящие строгости полицейского надзора, породившие некоторую опасливость и осторожность и отразившиеся на всем быте общественном, начались лишь с 1848 г., отчасти благодаря февральской революции, произведшей брожение во всей Европе, в особенности же благодаря открытию «гнусного и нелепого заговора», известного под названием «Заговора Общества Петрашевского».

Обстоятельства, сопровождавшие дело Петрашевского, а равно и сама сущность этого дела так малоизвестны еще для нашей публики, что с моей стороны было бы слишком смелым опровергать или соглашаться с мнением по этому предмету г. Бурнашева. Но употребленные им выражения дали мне повод сказать здесь несколько слов о самом Петрашевском, которого я лично знал в Сибири за несколько лет до его смерти<sup>4</sup>. Как ни ничтожны настоящие мои заметки, однако же, я полагаю, они не будут излишними для

---

<sup>1</sup> Данный фонд включает в себе 2187 листов, сгруппированных в 96 дел (см.: ОРКП НБ ТГУ. Архивные фонды. Вып. 2. Николай Алексеевич Костров. Опись архива / Сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2004. С. 10).

<sup>2</sup> Автор выражает благодарность и признательность за консультации и помощь в прочтении текстов документов сотрудникам ОРКП НБ ТГУ – Н.В. Васенькину, Е.В. Сизовой, О.В. Крупцевой, Т.П. Карташовой, В.А. Есиповой.

<sup>3</sup> *Бурнашев В.П.* М.Ю. Лермонтов, в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. Кн. 9. С. 1770–1851.

<sup>4</sup> М.В. Петрашевский умер в декабре 1866 г. в с. Бельское Енисейского округа Енисейской губернии.

характеристики этого человека, слишком много пострадавшего для искупления своих увлечений.

В то время [на полях листа – «в конце 1849 – начале 1850 г.», когда состоялся и был опубликован приговор по делу Петрашевского, я служил в Красноярске начальником отделения енисейского общего губернского управления<sup>1</sup>. Хорошо помню, как приговор этот я прочел в доме председателя губернского суда Д.Е. Зубарева, и мы долго толковали о нем.

Случившиеся здесь несколько человек гостей с соболезнованием говорили о пострадавших. Вообще сибирская публика настолько присмотрелась к разным государственным и политическим ссыльным, что относится к ним совершенно *sine ire et studio*<sup>2</sup>. Дня через два после этого мне случилось быть у известного декабриста В.Л. Давыдова<sup>3</sup>. Обыкновенно веселый и остроумный Василий Львович был задумчив и не весел. «Нашего полку прибыло», – сказал он через несколько времени, после обыкновенных разговоров. «Дай Бог только им сил перенести постигшее их горе. Мы вот уже ветераны по этой части, а все тяжело».

На другой день находясь в общем губернском правлении, помещавшемся тогда в одном из корпусов здания роты кантонистов, я стоял у окна и с кем-то разговаривал.

День был жестоко морозный, такие бывали нередки в феврале месяце. Вдруг, сквозь разрисованные морозом стекла, послышались колокольчики. Я взглянул на улицу. По ней во весь дух, по направлению к почтамту, неслась запряженная тройкою кибитка. На козлах, рядом с ямщиком, сидел жандарм с обнаженным палашиком; другой, также с обнаженным палашиком, сидел в кибитке, рядом с другим человеком, закутанным во что-то меховое. Минут через десять проскакала с точно такой же церемонией другая кибитка.

Скоро мы узнали, что это провозили Петрашевского и одного из его товарищей, который, чувствуя себя очень нездоровым, просил ос-

---

<sup>1</sup> Костров начал исправлять должность начальника Третьего отделения общего губернского управления 22 июля 1847 г., утвержден в должности 19 ноября 1848 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 2 об. – 3).

<sup>2</sup> Без гнева и пристрастия.

<sup>3</sup> Давыдов Василий Львович (1792–1855) – участник Отечественной войны 1812 г., отставной полковник, входил в Союз благоденствия и Южное общество декабристов. Осужден к пожизненной каторге, с 1839 г. находился на поселении в Красноярске.

тавить его на некоторое время в больнице. Губернатор В.К. Падалко не только разрешил это, но послал больному особо приготовленный у себя обед и ужин во все время нахождения его в Красноярске.

После этого, о Петрашевском и его товарищах долго не было ни слуху ни духу. Время текло своим порядком, дела протекали своим.

В 1855 г. я назначен был минусинским окружным начальником, уехав в глубь Сибири еще за 500 верст от Красноярска, совершенно упустив из виду несчастных коммунистов, как их тогда называли.

Между тем, вскоре после этого, в Иркутске стала издаваться газета «Амур», которая на первых порах произвела сильное впечатление на всю Восточную Сибирь. Выписка этой газеты была обязательна для всех официальных мест и лиц<sup>1</sup>. Привыкшие совершенно равнодушно относиться к выходившим до того времени скучным, сухим, безжизненным органам и другой административной печати, были как нельзя более озадачены, когда в «Амуре» от времени до времени стали появляться статейки, задевающие то ту, то другую служебную личность, называя ее чуть-чуть не по имени и описывая темные ее делишки<sup>2</sup>.

Это было первое время гласности, когда в наших журналах и газетах вдруг заговорили о таких вещах, о которых прежде едва осмеливались думать. Газета «Амур» последовала общему стремлению и даже, может быть, более, нежели следовало<sup>3</sup>. В отдаленном, находящемся почти у самой китайской границе Минусинске, стали носить-

---

<sup>1</sup> Здесь Костров пугает «Амур», начавший выходить с 1 января 1860 г., с «Иркутскими губернскими ведомостями», первый номер которых был напечатан 16 мая 1857 г. В отличие от «Амура» подписка на газету действительно была обязательной для всех официальных мест и лиц.

<sup>2</sup> «Иркутские губернские ведомости», пользуясь покровительством Н.Н. Муравьева, стали придавать гласности факты злоупотребления местной администрации. Н.М. Ядринцев в статье «Начало печати в Сибири» писал: «Публика скоро поняла дух «Губернских Ведомостей», и в редакцию посыпались обличительные корреспонденции не только из всех мест Восточной, но и из Западной Сибири. Газетка сделалась грозой всех взяточников, казнокрадов и кулаков». См.: *Сибирский сборник*: Приложение к Восточному обозрению за 1885 г. СПб., 1885. С. 236.

<sup>3</sup> В № 38 «Иркутских губернских ведомостей» от 18 сентября 1858 г. было помещено следующее объявление: «Редакция неофициальной части Иркутских губернских ведомостей уполномочена объявить: что столбцы ее газеты – всегда открыты для желающих воспользоваться такого рода полезною «гласностью». В Иркутске не опасаются этой гласности, а напротив – вызывают ее».

ся слухи, что редакцией подобных задираательных статей заведует освобожденный из каторжной работы Петрашевский и некоторые его товарищи<sup>1</sup>, что генерал-губернатор придает не мало значения изданиям подобного рода, что некоторые лица были принуждены, вследствие этого оставить службу и т.п. До некоторой степени все это было справедливо. Но поражало всех более то, что наряду с личностями, считавшимися в общем мнении действительно не совсем чистыми, сплошь и рядом задевались в «Амуре» личности светлые и достойные, приносившие честь тому краю, где вращалась их служебная деятельность<sup>2</sup>. Тяжесть позора, наносимого печатным словом, увеличивалась еще и тем обстоятельством, что «Амур» печатал только обвинения, не допуская или допуская весьма редко на свои страницы оправдания обвиняемых. Хотя из минусинских чиновников никто не попал в скандальную хронику тяжеловесной сибирской газеты, однако тем не менее общество их было сильно вооружено против коммунистов и Петрашевского, как коноводов этого дела.

Один раз, в воскресенье, зимою 1858 года<sup>3</sup>, когда я сидел в своем кабинете и занимался какими-то делами, мне вдруг говорят, что явился какой-то Петрашевский и просит меня видеть, чтобы подать прошение.

---

<sup>1</sup> Действительно, Н.Н. Муравьев доверил наполнение неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» амнистированным в 1856 г. М.В. Петрашевскому, Ф.Н. Львову, Н.А. Спешневу. Авторами публикуемых в газете статей были и декабристы Д.И. Завалишин и В.Ф. Раевский.

<sup>2</sup> Здесь Костров намекает на енисейского губернатора В.К. Падалку. В 1859 г. в «Иркутских губернских ведомостях» была опубликована статья о недопущении Падалкой к печати статьи по поводу воспитания детей сибирских казаков. В ней губернатор назывался «жалким мандарином», закатывающимся «тупоумно-злым смехом» (Д — — ль. Вред от гласности // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 8. С. 10.). В ответ на это Костров в ближайший номер «Енисейских губернских ведомостей» отправил из Минусинска статью «Два слова о гласности» (1859. № 11. С. 89–91), в которой доказывал мнение, что гласность должна «говорить только о существовании известного недуга, а не о человеке одержимом им». Газетные полосы для ответа иркутской газете были специально выделены путем сокращения начатой крупной публикации «Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности».

<sup>3</sup> Здесь также Кострова подводит память — зимой 1858 г. Петрашевский еще был в Иркутске. Описываемые здесь и на следующих листах события относятся к февралю 1860 г., когда Петрашевский был выслан в Минусинский округ.



Предполагая, что это брат недавно умершего в Минусинске доверенного одной золотопромышленной компании, также по фамилии Петрашевского, я вышел к просителю. Предо мною стоял, одетый в довольно помятый сюртук и такие же принадлежности, человек, и был скорее или немного более, среднего роста, с восточным типом лица, с большою черною бородой, с длинными волосами, сквозь которые виднелась на лбу порядочная лысина. Человек этот подал мне письмо от одного знакомого в Красноярске, который просил меня принять в свое распоряжение родственника его<sup>1</sup>, известного государственного преступника Михаила Васильевича Петрашевского, проживавшего в Иркутске, а ныне назначенного по воле начальства на жительство в Минусинский округ. Я был неожиданно удивлен. И так передо мною находился тот самый сотрудник газеты «Амур», статьи которого наводили такое смятение чувств на большую часть чиновников нашего захолустья<sup>2</sup>.

Я пригласил М.В. к себе в кабинет и велел подать чаю. Видно было, что он только что с дороги и порядочно прозяб. Впрочем, об этом можно было предполагать и по сильно потертой дохе его, которую он оставил в прихожей и которая могла даровать своему владельцу лишь немного тепла. Когда гость мой немного отогрелся, пришла из церкви моя жена и, узнав, кто у меня, вышла, от души обласкала его, даже заплакала. Через несколько минут Петрашевский был у нас как в кругу ближайших родственников и рассказывал, впрочем весьма сдержанно, свои иркутские приключения, в числе которых важное место занимало постигшее его нерасположение главного местного начальства, вследствие чего он и прибыл в Минусинск.

Весною 1858 г.<sup>3</sup> в Иркутске случилось происшествие, наделавшее шуму на всю Восточную Сибирь и послужившее источником

---

<sup>1</sup> Речь идет о двоюродном брате Петрашевского – И.А. Вахрушеве.

<sup>2</sup> В издании газеты «Амур» Петрашевский принимал участие до своей высылки из Иркутска в феврале 1860 г.

<sup>3</sup> Упоминаемая дуэль Ф.А. Беклемишина и М.С. Неклюдова состоялась 16 апреля 1859 г. и закончилась гибелью последнего. Современники оставили разные известия о причинах поединка, среди которых встречаем привычный для этого действия перечень – женщина, карточная игра, словесное оскорбление, пощечина. Это событие изменило характер отношений генерал-губернатора Муравьева и редакции неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей».

неприятностей для многих. Дело идет об известной дуэли между генерал-губернаторским чиновником Беклемишиным и Неклюдовым. В то время, да и долго спустя после этого в Иркутске ходили разные слухи об этой дуэли. Одни говорили, что она происходила по всем правилам, другие – напротив. Не нам судить, кто прав и кто нет, но дело в том, что Петрашевский держался последнего мнения и сколько можно судить по его довольно сдержанным рассказам, громко говорил, что это была не дуэль, а убийство. Генерал-губернатор был в то время на Амуре и должность его исполнял его помощник<sup>1</sup>. Последнему было представлено лицами, заинтересованными в деле, что в настоящем случае Петрашевский действует как человек вредный, нарушающий общественное спокойствие, тем более, что полиция, будто бы видела, как, накануне похорон Неклюдова, он приклеивал в разных местах объявления, приглашая ими жителей Иркутска прибыть в известном часу и в известную церковь на отпевание тела «погибшего»<sup>2</sup>. Эти наговоры привели к тому, что Петрашевского схватили ночью и отправили в Красноярск с казаком, в распоряжение губернатора В.К. Падалки, поставив в обязанность последнего отправить его на поселение в одну из отдаленных местностей Енисейской губернии. Все были уверены, что губернатор воспользуется как нельзя лучше предоставленным ему правом, тем более, что и сам был не раз задет за живое статьями, помещенными в «Амуре». Одна из них, например, начиналась так: «в одном пашалыке около пятнадцати лет сидит паша и так усердно ткет паутину, что заткал ею весь пашалык; в эту паутину падают только одни слабосильные мухи, а те, которые посильнее,

---

<sup>1</sup> М.С. Корсаков.

<sup>2</sup> Петрашевский сыграл существенную роль в развертывании в Иркутске антимуравьевской кампании. Он составил и отпечатал в губернской типографии пригласительные билеты на погребение Неклюдова и произнес в день его похорон речь об «изменническом убийстве» при участии и попустительстве приближенных генерал-губернатора (см.: *Милотин Б.А.* Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // *Исторический вестник*. СПб., 1888. С. 617; *Литературное наследство*. Герцен и Огарев. М., 1956. Т. 63. С. 228–229). В № 17 «Иркутских губернских ведомостей» от 23 апреля 1859 г. была помещена статья Ф.Н. Львова, в которой говорилось о недопустимости дуэли в цивилизованном обществе, которая не только в данном конкретном, но и в общем случае определялась как убийство.

потолще, – вырываются из нее, с ведома паши»<sup>1</sup> и т.д. В дальнейшем аллегорическом рассказе ясно говорилось, что здесь речь идет об Енисейской губернии и губернаторе ее. Поэтому совершенно естественно было ожидать, что он отправит Петрашевского, как человека, которому приписывались все подобные статьи, в Туруханский край, Богучанское отделение Енисейского или онские селения Канского округа, то есть, вообще в одно из тех значных и прохладных мест, где, по пословице, Макар телят не гонял. Но расчет этот оказался не верен. К чести Падалки должно сказать, что он не только не воспользовался предоставленным ему правом быть строгим, но послал еще Петрашевского в одну из самых лучших местностей, – село Шушенское, в 60 верстах от Минусинска, где до того времени были поселены декабрист Фаленберг<sup>2</sup> и Фролов<sup>3</sup>. В первый приезд свой к новому месту назначения, Петрашевский был в Минусинске ночью и потому не мог зайти ни ко мне, ни к исправнику; но, пробыв в Шушенском три дня и объявив в волости, что отправляется явиться к начальству, прибыть в Минусинск и честь иметь представиться.

Весь этот день Петрашевский пробыл у меня. В вечеру, отправляясь на свою квартиру, он просил меня разрешить остаться совсем жить в Минусинске. Так как у меня на было никакой бумаги об нем, из которой я мог бы видеть условия его ссылки, то я отправил его к исправнику, отличнейшему человеку, старому служаке, который делал немало добра для Минусинского округа. Это был достойный всякого уважения М.И. Нечаев. У него или, лучше сказать, в земском суде, где он был председателем, действительно нашлась бумага о Петрашевском, из которой видно было только, что он

---

<sup>1</sup> Статья была напечатана не в «Амуре», а в «Иркутских губернских ведомостях» (1859. № 8. С. 13).

<sup>2</sup> Фаленберг Петр Иванович (1791–1873) – подполковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Как член Южного общества осужден на 8 лет каторги. В 1832 г. определен на поселение на Троицкий солеваренный завод Енисейского округа. В селе Шушенском находился на поселении с 1840 г. В 1856 г. после амнистии выехал в Европейскую Россию.

<sup>3</sup> Фролов Александр Филиппович (1804–1885) – подпоручик, входил в Общество соединенных славян, осужден на 15 лет каторги. С 1835 г. сослан на поселение в село Шушенское. В 1856 г. амнистирован и выехал в Европейскую Россию.

причислен был в поселение в с. Шушенском Минусинского округа и больше ничего.

А как поселенцы, на основании закона имеют полное право на отлучки по своему округу, только выпросили бы их на это билет из волостного правления, то Нечаев посоветовал Петрашевскому снова отправиться в с. Шушенское и взять там себе билет, а потом переехать уже в город. К слову, присоединена была исправником записка в волостному писарю, человеку не последнему в пределах своей волости. Дело устроено было так, что через несколько дней, Петрашевский совсем переехал на житье в Минусинск. Сборы его не могли быть продолжительны потому, что он, как древний философ, мог без всякого преувеличения сказать: *omnia mecum porto*<sup>1</sup>.

Минусинск, переименованный городом из селения Большой Минусы в 1822 году в то время, о котором я говорю, был подобен большей части окружных городов Сибири: походил скорее на хорошее село, нежели на город. Это был просто административный пункт, а не место где сосредотачивались бы торговые интересы окружной местности. В нем было тогда до двух тысяч душ жителей обоего пола, каменная церковь и до 300 деревянных домов. Главное занятие жителей состояло в хлебопашестве и скотоводстве. Арбузами Минусинск снабжал целую губернию. Из купцов, производивших торговлю в городе, можно было назвать не более трех. В их магазинах много было однако же все необходимое и даже много роскошных вещей, только, конечно, за цену весьма великую. Но, говорит пословица, – не красна изба углами, красна пирогами. В то время в Минусинске господствовала еще та патриархальная простота, то гостеприимное хлебосольство, которое, по преданию, были некогда столь распространены в Сибири, а теперь исчезли до того, что человеку, заезжему в какое-нибудь захолустье, где нет ни гостиниц, ни рестораций, негде пообедать и приходится существовать одним чаем. Общество чиновников и горожан жило дружно. Зимой было устроено собрание, где играли в карты, танцевали, читали газеты. Летом общество собиралось в одной версте за городом, в местности, прозванной колонией, где устроена была, среди расчищенной в лесу поляне, обширная юрта и две беседки. Здесь были кегли, качели и т.п. Почти все, выходившие тогда в России, журналы получались в Минусинске; заходили даже и запрещенные

---

<sup>1</sup> Все ношу с собой.

лондонские издания<sup>1</sup>, которые читали с жадностью. Несмотря на немногочисленность жителей в городе считалось шесть роялей и полуроялей, что одно доказывает достаточную склонность к музыке. Несколько раз были устраиваемы, с благотворительной целью, благородные спектакли, в которых принимал участие почти весь город. Общество виделось почти каждый день и проводило время без церемоний, по домашнему, без сплетен и пересудов.

М.В. Петрашевский скоро познакомился со всеми, везде бывал и разделял все наши незатейливые удовольствия. Карты составляли одно из любимых его занятий. Квартиру он нанимал маленькую, состоявшую из одной комнаты, плохо меблированную и еще хуже содержимую. Мебель состояла из кровати, застланной бедною постелью, стола, заваленного бумагами и книгами, между которыми неизбежно выделялись несколько томов свода законов, и двух хромых стульев. Везде была пыль, окурки от сигар и пепел. Вообще, Петрашевский жил весьма бедно, получал от родных самое ничтожное вспомоществование, по крайней мере в Минусинске. Один раз он разбил нечаянно свои очки, которые носил постоянно, и ему не на что было купить другие. Дома его редко можно было когда найти, но когда все же находили, то непременно за чаем. Вина он почти не пил никакого.

У меня Петрашевский бывал каждый день. Иногда мы проводили целые вечера с глазу на глаз, разговаривая о прошлом и рисуя узоры будущего. Физиономия его во многом напоминала мне доброго товарища по университету П.И. Якушкина<sup>2</sup>, хотя характеры их были диаметрально противоположны. Обыкновенно сдержанный в разговоре, Петрашевский почти совсем умолкал, когда речь заходила о деле, по которому он пострадал. Из слов его, однако же, можно было заключить, что в сущности дело это не стоило гроша, если бы оно не сопровождалось особенной *низкой* интригой двух высокопоставленных лиц<sup>3</sup> и если бы один из товарищей, человек

---

<sup>1</sup> Речь идет о «Колоколе», издававшемся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в Лондоне в 1857–1865 гг.

<sup>2</sup> *Якушкин* Павел Иванович (1822–1872) – русский писатель и этнограф. В 1840 г. поступил на математический факультет Московского университета, но в 1844 г. отправился в народ для сбора фольклорного материала.

<sup>3</sup> Речь идет о министре внутренних дел Л.А. Перовском и шефе жандармов и начальнике III Отделения А.Ф. Орлове. Чиновник по особым

слабого характера и низкой души, не выдал при допросах всего того, что иногда слишком резко говорили в кругу молодых людей<sup>1</sup>. Во всяком случае, тайного общества с целью низвергнуть правительство, здесь не было никакого. «Случись все это при нынешнем Государе, говаривал Петрашевский, ничего бы не было». «Впрочем, для меня все безразлично», прибавлял он, употребляя свое любимое выражение. С одним только не мог он примириться – это с формальной стороной своего дела. Михаил Васильевич был твердо убежден, что покойный Император, назначая над ним и его товарищами особый военный суд, нарушал этим общий закон, по которому он, как лицо гражданского ведомства, мог подлежать только суду гражданскому; он не сомневался, что это распоряжение будет отменено и видимо будет подвергнуто новому пересмотру. С этой целью Петрашевский постоянно писал прошения, доказывая в них на десятках листов справедливость своего воззрения на этот предмет. При этом, протестуя о нарушении формы бывшего над ним суда, он сам хотел сохранить в порядке подачи своих прошений всю возможную формальность, так что, по его мнению, они должны были прежде всего поступить в волостное правление и потом уже, через известный ряд инстанций, дойти до Сената, обязанного охранять законы, и т.д. Слушая Петрашевского, можно было подумать, что это его *idea fix*. Не было никакой возможности убедить его в ошибочности его убеждений. Для составления подобных прошений, у него был всегда под рукою Свод Законов, который он доставал то в одном, то в другом присутственном месте. Наконец, дело дошло до того, что Петрашевский не мог жить ~~без того~~, чтобы не рыться в Своде Законов и не писать прошений<sup>2</sup>. Когда, несколько времени спустя, он отправился было снова в Шушенское, то писал ко мне: «пребывание в Шушенском для меня в известном от-

---

поручениям при Перовском И.П. Липранди инициировал секретное наблюдение за Петрашевским и внедрил в среду «заговорщиков» агента-провокатора – П.Д. Антонелли, доклады которого легли в основу раскрытого «заговора идей». Таким образом, обычная полиция перебежала дорогу полиции тайной, ставя под сомнение эффективность ее деятельности (конкретную работу III Отделения организовывал его управляющий и начальник жандармского корпуса Л.В. Дубельт).

<sup>1</sup> Видимо, речь идет о П.Д. Антонелли.

<sup>2</sup> Тягу к сутяжничеству отмечали в Петрашевском и другие его современники.

ношении полезно – оно заставляет меня более сосредоточиться и скорее его результаты обрести ... только неудобно тем, что законов нет под рукой». Были ли поданы куда подобные прошения, мне неизвестно, но вполне полагаю, что, если были поданы, то далеко не все. Другое обстоятельство, возмущавшее до глубины души Петрашевского, было последняя высылка его из Иркутска. Приписывая свои несчастья деспотичному и недалевидному помощнику генерал-губернатора, он в поданных на него прошениях к министру внутренних дел, или в Сенат, не щадил личности генерала Корсакова и выставлял ее в самых мрачных красках, хотя так ловко, что подвергнуть его за это ответственности было положительно невозможно. В одном из таких прошений так и слышались слова Андрея Титыча Брускова в комедии Островского «Тяжелые дни»: «теперича в газетах пишут про черкесов, что они злые хищники и бунтовщики, так поверьте душе моей, что ни одному черкесу того не сделать, что тятенька (т.е. помощник генерал-губернатора) могут»<sup>1</sup>. Здесь же Петрашевский едва не называл своего врага ~~идиотом~~ человеком более ограниченных умственных способностей, успевшим выскочить в люди только посредством беспрестанных поездках на курьерских в Петербург с каждым пустяками. И все это писалось для того, чтобы высшие места и лица отослали подобные прошения для доставления нужных объяснений местному начальству и чтобы это местное начальство полюбовалось своим изображением, сделанным рукою человека, неослепленного блеском его величия. Удивительно, как Петрашевский не мог или не хотел сообразить, что есть известные люди, которых неудобно трогать, и что правда колет глаза! ~~выслушивается нелегко~~

Признаюсь откровенно, я опасался даже слушать подобные прошения Петрашевского. В Иркутск могло дойти сведение, что я не только не ограничиваю его, но даже поощряю. Мне хорошо было известно, что, при отсутствии всякого общественного мнения, и служебного надзора в Сибири и жизнь и доброе имя чиновника совершенно зависят от благоусмотрения начальства. За примерами ходить нужно было недалеко. В последствии, мои опасения отчасти оправдались.

В начале августа 1860 г. енисейский губернатор, проводив из Ачинска в Петербург свое семейство, приехал ревизовать Мину-

---

<sup>1</sup> Комедия *А.Н. Островского* «Тяжелые дни» впервые опубликована в журнале «Современник» (1863. № 8. С. 205–250).

синский округ. Почти при первых словах, он спросил меня: почему проживает Петрашевский в городе и чем занимается? Я объяснил откровенно. После общего представления чиновников, Падалка приказал позвать Петрашевского и говорил с ним довольно долго. О чем именно была у них речь, мне неизвестно; но Михаил Васильевич сказывал, что он никогда не ожидал такого ласкового приема, который оказал ему губернатор. Со своей стороны, губернатор в тот же день сказал мне, что находит Петрашевского вполне скромным и образованным человеком. За тем приступлено было к ревизии различных учреждений. Занимаясь целое утро делами, Василий Кириллович по вечерам, обыкновенно, бывал у меня. Один раз он встретил к меня и Петрашевского. Я предложил играть в карты, и как трудно было составить партию в вист, потому что наши уездные чиновники стеснялись присутствием губернатора, то он сам предложил Петрашевскому принять участие в игре. Вечер прошел вполне приятно. На другой день последовало то же самое и так далее, в течении двух недель, которые губернатор пребывал в Минусинске. В последствии времени, это не обошлось ему даром!

Около половины августа, Василий Кириллович распростился с нами и уехал в Красноярск. Он остался доволен всем виденным и наказыал нам много лестного. Между прочим, он выразился, что теперешнее посещение его Минусинска последнее, потому что он оставляет службу и зимою уезжает в Петербург. Действительно, многие из находившихся в это время видели его в последний раз.

Приближалась продолжительная сибирская зима и надо было подумывать, как бы с удовольствием и пользою провести это время. Предполагались собрания, литературные вечера, благородные спектакли. Человек предполагает, Бог располагает!

В половине сентября, я, совершенно нежданно, негаданно, получил из Красноярска эстафету, что, по воле генерал-губернатора, переведен советником енисейского губернского суда, и на мое место назначен некто штабс-капитан Е.М. Романович. Это был тот самый господин, который в последствии написал в «Русском Архиве», статью о последних днях жизни Аракчеева, статью, оказавшуюся от первой до последней строки самую нецеремонную ложью<sup>1</sup>. Хотя новое назначение было для меня повышением, но я

---

<sup>1</sup> *Романович Е.М.* Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева (из рассказа Евгения Михайловича Романовича). Сообщено П.А. Мусатовским // Русский архив. 1868. Вып. 2. С. 283–289.



знал откуда дует ветер. Оставляя Минусинск, я должен был оставить в нем все хозяйство, заведенное трудами и лишениями в течении шести лет, потому что брать с собою что-нибудь не стоило по дороговизне провозной платы. Жить с семейством в Минусинске, где по крайней мере первые потребности были довольно дешевы и приехать в Красноярск, где ценность на все достигала устрашающих размеров, была большая разница. Наконец, самое место, на которое я назначался, было для меня таким, на котором я не мог оставаться, потому что прежде никогда не служил по министерству юстиции. Я хорошо знал, откуда дует ветер и что перевод мой есть не что иное, как кара, разражающая над Минусинском за теплый и гостеприимный приют, данный Петрашевскому. Предполагая оставить Сибирь, я взял двухмесячный отпуск и стал раздумывать, куда бы направиться, чтобы заработать кусок хлеба.

Между тем, это был только первый удар поднявшейся грозы. За ним скоро последовали другие. Сменен, неизвестно за что исправник; сменен, неизвестно за что, судья. Приехал вновь назначенный окружной начальник, имевший претензию быть похожим на Мюрата<sup>1</sup>, и на прямки объяснил, что, следуя воле начальства, обязан разгромить Минусинск.

Все полезные начинания были задушены и затоптаны в грязь. «К событиям совершающимся в бывшем прежде мирном вашем уголке, писал ко мне губернатор от 28 октября, я стараюсь всеми силами быть равнодушным; при чем с некоторого времени моя нервная натура делается более и более нечувствительною. Жду с нетерпением, когда я буду в состоянии сказать Красноярку «прости», без сожаления». Действительно, ему ничего не оставалось делать, потому что все, даже самые ничтожные распоряжения, шли мимо губернатора, свыше, из Иркутска.

Наконец, раздался еще один удар грозы, и на этот раз поразил виновника всех наших бедствий – Петрашевского.

Романович, с самого приезда своего в Минусинск, отзывался, что Петрашевский всему злу корень и что он, окружной начальник, не будет жив без того, чтобы не отодрать его плетьюми.

Немедленно дано было полиции предписание взять его и отправить в Шушенское. Петрашевский отозвался болезнью и необходимостью пользоваться советами медика, что было бы невоз-

---

<sup>1</sup> Возможно, намек на разгром наполеоновским маршалом антифранцузского восстания в Мадриде в 1808 г.

можно в деревне. В том же смысле дал ему свидетельство и окружной врач И.Ф. Лазарев. Но ничего помогло. В конце октября, когда несколько коротко знакомых собрались вечером поиграть в карты у почетного гражданина П.А. Подюсова, пришел и Петрашевский. Уселись и стали играть. Время шло и был уже 12-й час ночи. Вдруг в сенях раздался мерный шум шагов нескольких человек, потом довольно тихие команды, наконец звяканье ружей, взятых на плечо. Отворившиеся настежь двери позволили рассмотреть, что в сенях стояло несколько человек солдат при унтер-офицере. Вошел городничий и, обращаясь к Петрашевскому, объявил, что он имеет предписание от окружного начальника взять его силою и отправить сейчас же в Шушенское. Петрашевский потребовал предписание. Оно гласило о немедленном аресте его, посредством военной стражи, и об отправке в место поселения, «не смотря ни на время, ни на место». Делать было нечего, надо было повиноваться. Игра осталась неоконченной. Петрашевский был взят и отвезен в полицию. Ему не позволили даже заехать на квартиру, чтобы захватить с собой кое-какие вещи. Через полчаса он мчался уже, в сопровождении полицейского десятника, по направлению к Шушенскому.

Трудно представить себе все удивление и негодование гостей Подюсова при этом скандале, допущенном полицией и окружным начальником в глазах общества и в одном из самых уважаемых домов. Дамы разразились слезами. Находившаяся тут десятилетняя дочь моя<sup>1</sup>, чрезвычайно любившая Петрашевского и не раз подшучивавшая над длинною его бородою, перепугалась, когда увидела, что по выходе из комнаты, его окружили, как арестанта, солдаты. Когда испуг прошел, она стала так горько плакать, что не было никакой возможности ее утешить. Через несколько месяцев, находясь уже в Красноярске, я получил письмо от матери Петрашевского, с приложением, на память от нее для моей дочери, золотого браслета, осыпанного мелким жемчугом. В письме было сказано, что браслет осыпан жемчугом в воспоминании тех светлых слез, которые бедная девочка проливала о несчастном, так долго преследуемом судьбою. После смерти моей дочери, я храню этот браслет, как семейную святыню, до настоящего времени.

В последствии, низкая иркутская и красноярская интрига хотела высылку Петрашевского из Минусинска свалить на Падалку.

---

<sup>1</sup> Дочь Н.А. Кострова Варвара родилась в 1847 г. В год описываемых событий ей было 14 лет.

Могу положительно сказать, что это клевета. Василий Кириллович сам удивился этому и спрашивал меня письмом – что за причина этой высылки. Последующие распоряжения его по этому делу показывают, что он виноват в нем столько же, сколько был виноват Христос перед жидами!

Привожу здесь два письма, присланные Петрашевским из Шушенского на имя моей жены<sup>1</sup>. Они показывают отчасти то несчастное юридическое настроение духа, о котором говорено выше и под впечатлением которого он постоянно находился.

I.

«Не нахожу слов, чтобы благодарить вас за ваше внимание. Оно и большие неприятности может сделать приятными.

Вы спрашиваете меня о состоянии моего здоровья. На этот вопрос должен ответить положительно, что ревматические боли, которыми я страдал от простуды на пути из Минусинска в Шушенское, усилились; этого и следовало ожидать, что и послужит на доходы аптекарям. Это и есть в моей болезни самое существенное обстоятельство. *Ce n'est pas vrai qui dois payer les pots cases*<sup>2</sup>.

Прошу вас прислать мне басни Крылова. Весьма благодарю за посылку и сигар и писем. Не желая вас утруждать каким бы то ни было моим поручением, я писал И.В. Кирееву<sup>3</sup> (декабристу)<sup>4</sup> быть проводником моей корреспонденции, – почему в этом смысле и писал к г. полицмейстеру; но как, кажется, И.В. сим тяготится, то с сею просьбою и обращаюсь к вам. Дабы г. полицмейстеру не было причин недоумевать, то к сему прилагаю записку мою к нему.

Почтовое объявление с верительною надписью посылаю к вам; деньги пусть остаются у вас; не пересылайте ко мне; в них не нуждаюсь пока.

Прилагаемые к сему письма покорнейше прошу вас отправить на почту и передать по назначению.

Желаю Вам всего хорошего и доброго здоровья всем Вашим от мала до велика.

Сегодня г. Арлянский (местный заседатель), как кажется, по причине присутствия окружного начальника, приглашал меня к

---

<sup>1</sup> Супругой Кострова была Мария Федоровна Бердяева.

<sup>2</sup> Это неправда, кто должен платить за разбитые горшки (фр.).

<sup>3</sup> Киреев Иван Васильевич (1803–1866) – прапорщик, входил в Общество соединенных славян, приговорен к 15 годам каторги. С 1836 г. на поселении в Минусинске, где оставался после амнистии до июля 1861 г.

<sup>4</sup> Здесь и далее в скобках – пояснения Н.А. Кострова.

себе, вероятно, обедать; но чрезвычайные ревматичные боли заставили от сего отказаться и предписывают мне, буде г. окружной начальник вздумает меня посетить, лежа принимать его.

Представьте себе – неаполитанский король<sup>1</sup> в последний бумаге – она и шла через Кузьминского (городничего) – либеральничает со мною?

Чтобы дело шло делом, мною посланы прошения к г. стряпчему и в земский суд; пусть сибирские зубки покушают американские орешки.

Au revoir. До отъезда надеюсь Вас видеть.

О поучении сего письма прошу уведомить. Прошу Вас передать мой поклон или засвидетельствовать мое почтение кому за благорассудится.

И. Ф. (Лазареву) самостоятельно кланяюсь и свидетельствую всякие чувства к нему мои, какие он найдет для него пригодными и приятными; и прошу сообщить, что копия с его свидетельством о болезни мне представлена при прошении в Земский Суд»

Шушенское. 1860. 23 октября.

II.

1860. 26 октября»<sup>2</sup>.

\* \* \*

Как известно, любые воспоминания о какой-либо примечательной исторической личности есть прежде всего воспоминания об обстоятельствах собственной, применительно к этой личности, биографии. Поэтому воспоминания о первом русском социалисте, не имеющем недостатка в исследователях и жизнеописаниях, позволяют добавить несколько черт к портрету Н.А. Кострова, который в сибирской историографии нарисован довольно кратко и схематично.

---

<sup>1</sup> Ироничное титулование М.С. Корсакова. Возможно, вновь намек на Мюрата, которому Наполеон в 1808 г. даровал титула короля Неаполя. В этом случае под Наполеоном мог пониматься Муравьев-Амурский, способствовавший «возведению» Корсакова в должность генерал-губернатора Восточной Сибири.

<sup>2</sup> На этом «Воспоминания» Н.А. Кострова обрываются. Письмо, которое должно было появиться под латинской цифрой «II», приведено не было.

Князь Н.А. Костров был человеком разносторонних интересов и не довольствовался рамками чиновной службы, ее буднями и досугом, однообразие которых было губительно для многих молодых людей. Университетское образование и склонность к писательской работе позволили ему сделаться этнографом, лингвистом, переводчиком, статистиком, историком, географом, исследуя те города и местности, где он служил, – Красноярск, Минусинск, село Спирино и, наконец, Томск, где в должности секретаря губернского статистического комитета (в 1866–1881 гг.) им была подготовлена и опубликована в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» большая часть его работ. Известно более 190 его печатных публикаций, из которых 11 вышли отдельными изданиями. К сожалению, до нашего времени не дошло ни одной фотографии этого человека, хотя известно, что 35 фотографических карточек при разделе имущества Кострова достались его невестке Л.В. Костровой, уехавшей в Казань.

Костров хорошо уживался с людьми разных взглядов и положений. Енисейский губернатор В.К. Падалка не стеснялся говорить в письмах о своем тяжелом душевном состоянии по поводу своей отставки<sup>1</sup>. Находясь в Красноярске, Костров входил в окружение декабриста Д.В. Давыдова. Другой государственный преступник, М.В. Петрашевский, доверял ему отправку своих писем в Россию и вел беседы с глазу на глаз, в которых говорилось не только о прошлом, но и рисовались «узоры будущего». Очевидно, что при дефиците интересного и равного по образованию собеседника два юриста нашли общие темы для разговора и точки соприкосновения во взглядах по поводу формально-законного и действительного положения дел в русском обществе (не случайно все правоведа находились под особым контролем у III Отделения). Однако никаких определенных суждений, раскрывающих суть этих бесед, в тексте «Воспоминаний» не содержится. Автор вообще стремился не формулировать своего мнения относительно «дела Петрашевского» и не упоминать никаких фамилий, ограничиваясь только отдельными замечаниями: «тайного общества с целью низвергнуть правительство, здесь не было никакого», «удивительно, как Петрашевский не мог или не хотел сообразить, что есть известные люди, которых неудобно трогать, и что правда колет глаза!». Свои заметки, называемые «ничтожными», Костров предупредительно начинал со слов, что с его стороны «было

---

<sup>1</sup> ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 77.

бы слишком смелым опровергать или соглашаться» с употребленными в отношении Петрашевского выражениями В.П. Бурнашева. Возможно, что такой нейтральный и осторожный тон был выбран, чтобы избежать претензий со стороны начальства и цензуры, в случае если бы «Воспоминания» были напечатаны.

Кострову как мыслящему человеку не были чужды прогрессивные идеи своего века, он читал «Колокол», считал ценностью свободу печатного слова, сочувствовал пусть не взглядам, но самой личности Петрашевского. Однако как чиновник, ответственный перед начальством, и как глава семейства, ответственный за жену и двоих детей, он обязан был быть осторожным и стесненным в своих словах и поступках: «Мне хорошо было известно, что, при отсутствии всякого общественного мнения, и служебного надзора в Сибири и жизнь и доброе имя чиновника совершенно зависят от благоусмотрения начальства». Поэтому Костров предпочитал не рисковать и разрабатывать только нейтральные в цензурном отношении темы. Должность секретаря енисейского, а затем томского статистического комитета как нельзя лучше подходила для этого, позволяя Кострову сочетать служебные обязанности со своими исследовательскими изысканиями. Результат был налицо, вернее на листе – за пятнадцать лет работы Кострова в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» его статей не коснулась цензурская правка, хотя за это время в Томске сменилось четыре губернатора (Г.Г. Лерхе, Н.В. Родзянко, А.П. Супруненко, В.И. Мерцалов).

Чиновная карьера князя Кострова была не головокружительной, но в целом успешной – по служебной иерархии он достиг чина статского советника и в послужном списке имел только благодарности и поощрения. В сфере изучения того края, который стал ему родиной, его карьеру также можно считать состоявшейся – сибирской и российской научной общественностью секретарь томского статистического комитета был признан как сибирский этнограф и краевед. В «Сибирской газете» Костров был назван «одним из видных деятелей Сибири на поприще ее изучения», «человеком разносторонне образованным, дельным, опытным и отзывчивым на просьбы других»<sup>1</sup>. Если один из мотивов, побуждающих человека писать, – оставить после себя добрую память, то Кострову это, безусловно, удалось.

---

<sup>1</sup> Князь Николай Алексеевич Костров (некролог) // Сибирская газета. Томск. 1881. № 12. С. 379–382.

М.В. Шиловский  
ПОЧЕМУ УШЕЛ В ОТСТАВКУ  
ТОМСКИЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА А.И. МАКУШИН?

20 или 21 октября 1905 г. (вопрос о дате будет рассмотрен ниже) томский городской голова А.И. Макушин написал в городскую думу формальное заявление об отказе от должности, приложив к нему письмо, объясняющее причины предпринятой акции [орфография и пунктуация сохранены].

«В Томскую Городскую Думу

Отказываясь от должности, я должен привести причину. Причина – удручение, подавленное состояние, трудно передаваемое в письме, от тех чудовищных обвинений, которые мне предъявлены толпой 20 октября. Г[оспода] гласные знают хорошо мою деятельность и я настойчиво прошу Думу высказаться по всем обвинениям, предъявленным ко мне. Объявлял ли я себя Томским Губернатором. Я ни инициатор вооружения дневной охраны города! Напротив, не спорил ли я долго и упорно, что на первых порах охрану дневную нужно не вооружать. Не указывал ли я, как и другие гласные, что цель охраны общественная, не партийная. Высказывались даже, что ближайшим образом охрана будет противиться насильственному запираению магазинов и срыванию работающих с их работы. Прошу разобрать и все другие обвинения, которых я, быть может, и не слышал, и свое решение занести в протокол. Да, наконец, не клевета ли, что охрана оказалась партийной. Можно ли вообще обвинять меня в разжигании страстей, в разжигании вражды классовой и партийной. Не ясно ли было всегда г[оспода] гласные, что партийная нетерпимость мне всегда была антипатична. Придавленный, удрученный всеми ужасами происходящими и чудовищной

враждой, предъявленной ко мне значительной группой томских жителей, для которых я работал как вол 22 года, я в настоящее время ничего писать не в силах и ограничиваюсь в заключение выражением моих душевнейших искренних пожеланий блестящих успехов в развитии городского благоустройства.

Больно до слез расставаться с дорогим делом и с теми широкими и интересными планами, которые управой намечены, но я нахожусь в ужасе и оцепенении от людской злобы. Толпе Бог простит, она невежественна, но стыдно и грешно тем, кто орудует за этой толпой.

Ал[ександр] Макушин»<sup>1</sup>.

Первое впечатление после прочтения обращения – человек, написавший его, был чем-то глубоко взволнован и переживал эмоциональный стресс. Причиной подобного состояния стал знаменитый томский погром 20–22 октября 1905 г., вернее, трагические события 20-го числа, приведшие к гибели нескольких десятков горожан. Непосредственное отношение к ним имел в качестве городского головы А.И. Макушин, и они стали знаковыми в его биографии.

Помимо воспроизведенного заявления, Александр Иванович написал для томского Истпарта в 1925 г. воспоминания о событиях октября 1905 г. в городе, которые представляют машинописный текст с авторскими правками и его автографом в конце<sup>2</sup>. Предваряя текст, он пояснил: «Ниженapisанное является почти всецело выдержками из памятных записей, набросанных мной в декабре 1905 года. Отсюда и получается форма дневника» (*Л. 1*). Далее я буду использовать выдержки из мемуаров, наряду с другими источниками, для установления времени написания заявления и ответа еще только на два вопроса, касающихся объявления А.И. Макушиным себя томским губернатором и истории, связанной с попыткой организации дневной городской охраны, в ряде источников и исследовательских работ называемой милицией, ее вооружением и ее ролью в событиях 20 октября.

Легко установить дату написания заявления. В воспоминаниях бывший городской голова сообщает, что 20 октября, когда черно-

---

<sup>1</sup> Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 181. Л. 2.

<sup>2</sup> ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 1–11. Далее ссылки даются непосредственно в тексте.



сотенцы вышли на Ново-Соборную площадь, он приехал в резиденцию губернатора В.Н. Азанчеевского-Азанчеева и после перепалки с ним собрался отъехать из-за болезненного состояния. Но начальник губернии «остановил меня словами: Я Вас арестую. – На мое недоумение отвечает, что собственно говоря не арестует, а очень советует покуда никуда не выезжать, так как негодование толпы против меня громадно и меня несомненно разорвут. – Остаюсь, лошадь отсылаю домой и по телефону советую жене немедленно уйти с детьми только не [к] брату (П.И. Макушину), а к кому-нибудь из знакомых. Сiju вместе с другими» (Л. 8). О своем самочувствии сообщил следующее: «Я сидел в отупении и понимал не все, что слышал. Сильно знобило» (Л. 9).

В час ночи, т.е. уже 21 октября, с площади пришел губернатор и распорядился разместить А.И. Макушина в камеру расположенных недалеко от места трагедии арестантских рот (тюрьмы). «Наутро, – вспоминает он, – Сушкевич – начальник арестантских рот сообщает, что губернатор настрого приказал без его разрешения меня не выпускать» (Л. 9). 21 октября вечером тюремный инспектор сообщает сидельцу о разгроме черносотенцами его дома. И вот тогда: «Жгучее чувство обиды. Написал заявление в Думу об отказе от должности городского головы» (Л. 9).

Таким образом, дату написания заявления следует определить 21 октября 1905 г. Заодно выясним, был ли арестован городской голова. 22 и 23 октября он находился в арестантских ротах, поскольку в городе продолжался погром. 23-го ему предложили выехать из Томска, «но потом губернатор изменил решение». 24-го явился помощник полицмейстера и «предъявил постановление о моем аресте по приказу губернатора». После недельной отсидки А.И. Макушина посетил прокурор Омской судебной палаты Соболев. «Ссылается, что губернатор посадил Макушина по его собственной просьбе. Вечером Сушкевич получил бумагу о моем освобождении» (Л. 10). 31 октября мой герой пассажирским поездом отправился в Москву на съезд городских и земских деятелей в качестве городского головы.

Для ответа на другие вопросы сделаем небольшое отступление, чтобы оценить положение дел в Томске в рассматриваемое время и охарактеризовать личность городского головы. С момента принятия Городового положения 1870 г. и до начала XX в. в органах городского самоуправления (в думе и управе) верховодили местные

купцы. Благодаря открытию университета и технологического института, окружного суда, размещения в поселении управления Сибирской железной дороги в Томске существенно усилились позиции элитарной интеллигенции – профессоров, юристов, инженеров и т.д., имевших недвижимую и, соответственно, право участвовать в выборах в муниципальные органы и избираться гласными в городскую думу. Негласное соревнование предпринимателей и интеллектуалов на выборах 1902 г. завершилось, по определению черносотенцев, формированием «интеллигентской» думы<sup>1</sup>, а городским головой впервые в истории города был избран не купец, а врач А.И. Макушин. «Под его руководством, – отмечает А.Г. Караваева, – городскому самоуправлению удалось сделать шаг вперед в развитии и благоустройстве Томска (почти вдвое увеличился городской бюджет, построен водопровод, началось систематическое мощение улиц, было открыто несколько школ и две больницы)»<sup>2</sup>.

Сам же Александр Иванович Макушин (1856–1927), выпускник Петербургской медико-хирургической академии, появился в Томске в 1883 г. (не случайно в заявлении говорится о 22 годах, в течение которых он работал как вол) вслед за его старшим братом, просветителем и предпринимателем П.И. Макушиным. Завоевал всеобщее уважение как врач, имел богатую частную практику и одновременно работал в различных медицинских учреждениях. Написал ряд учебных пособий по медицине и стал одним из организаторов создания в городе «Общества практических врачей». По своим политическим взглядам являлся умеренным либералом. В самый разгар событий, 19 октября, участвовал в организационном собрании «конституционно-демократической партии» в технологическом институте и записался в нее (Л. 7).

Начиная с массовой демонстрации 18 января 1905 г., закончившейся столкновением с казаками и полицейскими, общественно-политическая ситуация в городе постоянно радикализировалась. Этому способствовала не только деятельность местных организаций РСДРП и ПСР, но и активность местной интеллигенции и студентов. Вот как, например, характеризовал позиции профессоров технологического института попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев: «В смутное время 1904 и

<sup>1</sup> См.: *Сибирская правда*. Томск. 1909. 25 апр.

<sup>2</sup> *Караваева А.Г.* Макушин Александр Иванович // *Энциклопедия Томской области*. Томск, 2008. Т. 1. С. 405.

1905 годов профессора института, нисколько не стесняясь, стали открыто на сторону революции (за исключением, быть может, одного или двух: вполне ручаться могу только за одного). Даже в те немногие минуты просветления, когда студенты готовы были от забастовки отказаться, на сходку явились профессора и от лица 18 (если не ошибаюсь) своих коллег объявили, что они читать лекции не будут, если студенты на сходке постановят начать занятия, а один из преподавателей института так-таки и прямо приглашал студентов к вооруженному восстанию (это было 2 октября 1905 г.). 19-го октября в Техн[ологическом] инст[итуте] был уже настоящий революционный митинг со сбором денег на оружие»<sup>1</sup>.

Кульминацией стала всеобщая политическая стачка, начавшаяся 13 октября. Она сопровождалась демонстрациями и массовыми митингами в театре, Бесплатной библиотеке и Общественном собрании. Единственным каналом связи между революционно настроенными горожанами и властями стал городской голова, выступавший в роли посредника при разрешении возникших конфликтов, связанных с действиями правоохранительных органов. Как пишет сам А.И. Макушин, после инцидента с осадой Бесплатной библиотеки 15 октября губернатор предложил «принять председательствование на митингах всех партий, что на предметы суждений он будет смотреть «сквозь пальцы», за речи организаторов считать меня ответственным не будет и явных или тайных своих агентов посылать на митинги не будет» (Л. 2).

После очередного инцидента с избиением неугодных учащихся 18 октября на митинге в театре под председательством одного из руководителей комитета РСДРП, врача В.М. Броннера, выступил один из профессоров технологического института. «Суть речи состояла в требовании низвергнуть губернатора и объявить губернатором городского голову А.И. Макушина. Оратор был в крайнем возбуждении и после речи еще долго был в нервной дрожи. Были призывы к оружию, но они встретили возражение: преждевременно и непрактично» (Л. 4). Характерно, что сам Александр Иванович, отказываясь от предложенной должности, аргументировал это тем, что «компетенция городского самоуправления на губернию не распространяется». Но в создавшейся ситуации он и гласные городской думы оставались единственным авторитетным

---

<sup>1</sup> *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея.* 2002. № 9. С. 279.

органом, которому доверяли горожане. Когда утром 20 октября стало известно о готовящемся выступлении черносотенцев, этот импровизированный орган принимает решение о прекращении митингов и забастовки, и с целью оперативного оповещения городской голова собственноручно написал 10 экземпляров объявления следующего содержания: «От Городской Думы. Забастовка прекращается. Магазины открываются. Просим успокоиться». Кроме него, свои подписи поставили гласные, и посыльный отправляется для раздачи объявления в толпе (Л. 8).

Последний сюжет связан с организацией городской охраны (милиции). Этому в заявлении А.И. Макушина посвящено несколько предложений, из которых можно понять, что в принципе он считал необходимым создание городской охраны, в том числе с целью противодействия практике закрытия магазинов и торговли, осуществлявшейся в ходе забастовки радикалами, но был противником ее вооружения и участия в ее организации местных радикальных политических формирований (комитетов РСДРП и ПСР).

Вопрос о правоохранительном формировании возник после избиения казаками и полицейскими учащихся 18 октября сначала на митинге, а затем на заседании городской думы. Последняя постановила предъявить губернатору требование об устранении от должности полицмейстера П.В. Никольского, удалении из города казаков. Дума решила также прекратить финансирование полиции из городской казны и учредить, «кроме существующей ночной охраны, городскую дневную охрану» (Л. 4). В принципе ничего предосудительного в последнем пункте постановления муниципалитета не было. Во многих городах региона функционировала ночная охрана, которая осуществляла «окарауливание» жилых кварталов путем пешего и конного патрулирования. Например, в соседнем Новониколаевске она состояла в 1910 г. из 30 конных и 18 пеших стражников и содержание ее обходилось городу у 22,1 тыс. рублей в год. Правда, подчинялась она городскому полицейскому управлению, возглавлял ее полицмейстер и большую часть личного состава составляли полицейские, подрабатывавшие вместе со своим начальником на ниве частной охранной деятельности<sup>1</sup>.

Имелась такая ночная охрана и в Томске, «с подчинением караульных преимущественно городскому Управлению». Параллель-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 70. Л. 25–26; Д. 118а. Л. 17–18.

но, по информации городского головы, в думе «обсуждался вопрос об организации вообще своего полицейского штата в целях личной и имущественной безопасности горожан, в целях обслуживания санитарных потребностей городского благоустройства и вообще местных нужд. За правительственной полицией, по мнению думы, должны были оставаться только общегубернские и общегосударственные функции. Губернатору были известны такие пожелания думы» (Л. 5). На упомянутом выше заседании городской думы 18 октября при обсуждении вопроса о дневной охране «категорически оговаривалось, что она не должна быть партийной, а совершенно объективной. Упразднения существующей полиции не предполагалось» (Л. 4). Кроме того, согласно заявлению 18 гласных, присутствовавших на этом заседании, «Александр Иванович упорно и настойчиво отстаивал свое мнение, чтобы дневная охрана была невооруженной»<sup>1</sup>.

Следует прокомментировать основополагающее требование городского головы к будущему вооруженному формированию – «она не должна быть партийной, а совершенно объективной». Речь идет о попытках радикалов включить в него своих дружинников и использовать для достижения своих политических целей. В свою очередь либералы пытались подчинить муниципальным органам полицию. Так, кадеты в своей программе декларировали: «Круг ведомства органов местного самоуправления должен простирается на всю область местного управления, включая полицию безопасности и благочиния»<sup>2</sup>.

На съезде Сибирского областного союза в Томске 28–29 августа 1905 г. к компетенции земских органов и Сибирской областной думы отнесли и «общественную безопасность»<sup>3</sup>. Радикалы и радикально настроенные либералы предполагали под видом дневной охраны сформировать независимую от органов местного государственного управления милицию, которая с точки тогдашнего права представляла «обывательские дружины, создаваемые для несения полицейской службы и охранения порядка в тех случаях, когда правительственная власть силою обстоятельств лишается возмож-

---

<sup>1</sup> ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 181. Л. 2 об.

<sup>2</sup> *Программы и уставы политических партий России 1905–1906 гг.* Новосибирск, 1991. С. 38.

<sup>3</sup> *Право.* 1905. 1 окт. С. 3254.

ности правильно отправлять свои функции»<sup>1</sup>. Как замечает по этому поводу И.В. Чернова: «В своем стремлении взять под контроль работу местной полиции Томская городская дума была не одинока. В этот период в МВД поступили подобные предложения из многих городов страны. Причем руководство МВД решительно отвергало подобные новшества»<sup>2</sup>.

Уже ночью 19 октября А.И. Макушин отвез губернатору требования городской думы и, по его словам, получил согласие на создание дневной охраны (Л. 5). В этот день в Томске получили манифест 17 октября, что еще больше подхлестнуло волну революционного энтузиазма. Вернувшись в управу, городской голова обсудил с гласным, домовладельцем И.С. Быховским и членом управы, начальником ночной охраны П.И. Ивановым, вопрос об организации дневной охраны. Принимается решение возложить руководство ею на П.И. Иванова и привлечь в ее состав членов Добровольного пожарного общества (Л. 6–7). После этого городской голова больше этим вопросом не занимался.

Руководящие позиции в формировании и практическом использовании городской охраны, а по сути милиции, взяли в свои руки радикалы. В течение суток на деньги города закупаются 54 револьвера, изготавливаются нарукавные белые повязки с красными буквами «Г. О.» (городская охрана) и порядковым номером по центру. Утром 20 октября в здании управы на Почтамтской улице началась запись добровольцев (студенты, ремесленники, члены Добровольного пожарного общества и даже одна женщина) с раздачей револьверов, патронов к ним и нарукавных повязок. Некоторые пришли со своим оружием. По разным подсчетам, число дружинников колебалось от 50 до 70 человек. Согласно воспоминаниям студента-добровольца И. Шписмана: «Обсуждения плана действия только что сформированной Г.О. не было. Последующие события сами диктовали этот план»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Рубцов С., Сысоев А.* Иркутское общество и милиция 1905 года // Иркутск: события, люди, памятники. Иркутск, 2006. С. 93.

<sup>2</sup> *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* 200 лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002. С. 104.

<sup>3</sup> ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 178. Л. 6.

Под командование студента А.А. Нордвика дружина построилась и двинулась на Ново-Базарную площадь. Последующие события требуют специального исследования. С точки зрения поставленных мной вопросов непосредственно отношения к действиям дружинников А.И. Макушин не имел. В заключительной части воспоминаний он высказывает суждение, что губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчеев располагал необходимыми силами для предотвращения погрома, но он этого сознательно не сделал, более того, руководил действиями погромщиков, в частности разгромом особняка городского головы (*Л. 11*).

В.И. Баяндин  
НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ В СИБИРСКОМ ДОМЕ  
(ИНТЕРВЕНТЫ В НОВНИКОЛАЕВСКЕ  
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

Прошло уже почти 90 лет после окончания Гражданской войны в России, войны, которая принесла много горя и страданий всему населению страны. К истории этой войны и сегодня обращаются многие исследователи российской истории, для одних это стремление глубже разобраться в причинах, условиях, последствиях самой масштабной в истории страны гражданской войны. Для других это лишь возможность отбросить устаревшие и обветшалые, с их точки зрения, концепции и нарисовать свою, особую картину тех событий, представив это как новый, более современный подход к событиям революции и Гражданской войны.

При обращении к истории Гражданской войны в России обычно рассматривают, обсуждают взаимоотношения между красными и белыми, зачастую не вспоминая ещё об одном участнике тех кровавых и трагических событий – об интервенционистских военных силах, которые приняли активное участие в событиях того времени. Даже в современной учебной литературе, предназначенной для высшей школы, об интервентах и их роли в военных конфликтах между красными и белыми говорится часто мимоходом, как о незначительном эпизоде или явлении, которое якобы не имело существенного влияния на происходившие события того времени.

Подобная позиция понятна и объяснима с точки зрения зарубежных авторов, которые не склонны углубляться в теневые стороны деятельности своих правительств; но удручает в этой ситуации то, что некоторые российские историки практически солидарны с таким подходом и такими оценками. При знакомстве с публи-



кациями такого рода у отечественного читателя (школьника, студента и др.) складывается весьма искаженное представление о роли и значении иностранных государств, а точнее той политики, которую проводили правительства этих стран, посылая свои войска «наводить порядок» на территории обновленной России, т.е. страны, которая лишь за год до этого, весной 1917 г., без особого сожаления рассталась с прогнившей монархией и пыталась создать новое, более справедливое общественное устройство.

Некоторыми горе-исследователями «благополучно забыты» публикации 30-50-х гг. прошлого века, специально посвященные политике стран, участвовавших в интервенции и деятельности интервенционистских войск, так как эти воспоминания очевидцев событий и достоверные факты не укладываются в их собственную концепцию Гражданской войны. Не следует забывать о том, что появление иностранных войск на территории обескровленной и уставшей от Первой мировой войны России было инициативой стран, которые решили «помочь» нашей стране выбрать правильный, в их представлении, дальнейший путь развития. А направить на этот «правильный путь» народы России эти правительства готовы были огнем, штыком, нагайкой и костлявой рукой голода, весь арсенал этих форм и методов они ярко продемонстрировали в 1918–1922 гг., пока продолжалось непрошенное иностранное военное вмешательство в жизнь народов многонациональной России.

В Государственном архиве Томской области в фонде Р-1362 – Управляющего Томской губернией, нами были выявлены документы, характеризующие взаимоотношения, которые существовали между гражданскими властями и военными властями Белого движения. Приведенные ниже документы дают представление о том, насколько по-хозяйски вели себя на территории Западной Сибири непрошенные гости – интервенционистские войска: поляки, чехи, сербы, а в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке точно так же в эти годы вели себя американцы, японцы и другие союзники Белого движения. Несомненно, возмутительных и безобразных фактов поведения представителей иностранных войск было значительно больше, чем их сохранилось в документах сибирских архивов, но и то, что выявлено исследователями, дает возможность читателю понять, почему подавляющая часть населения России принимала самое активное участие в изгнании с территории своей Родины столь бесцеремонных и назойливых «гостей» в лице интервентов и их

ближайших друзей – белогвардейцев всех мастей и почему такой размах на территории Сибири и Дальнего Востока приняли рабочее, крестьянское и партизанское движение.

Особую значимость представленным ниже документам придает тот факт, что они были составлены в разгар Гражданской войны представителями власти Белого движения, в тот момент на этой территории ими являлись колчаковские власти, которых трудно заподозрить в симпатиях к большевикам и советской власти. Перечисленные в документах факты насилия, издевательств, злоупотреблений, применения военной силы и оружия в отношении мирных жителей показывают, насколько беззащитны были городские и сельские обыватели перед этими незваными гостями, которые вели себя как полновластные хозяева в городах и селах Сибири. И ответ на волнующий многих сибиряков вопрос, что делать в этой ситуации, предлагал два основных варианта поведения. Первый вариант – закрыв глаза и уши, продолжать жить стоя на коленях, другой вариант поведения – взяв в руки оружие, кардинальным образом повлиять на дальнейший ход событий.

Несомненно, что и к событиям российских революций 1917 г., а также к событиям Гражданской войны и интервенции еще долго будут обращаться не только профессиональные историки и политические деятели, но и те, кому интересно историческое прошлое нашей страны. Мы вполне сознательно не комментируем и не пересказываем содержание выявленных нами архивных документов, а предоставляем возможность читателям самим познакомиться с их содержанием. А что касается выводов, то и тут мы предлагаем сделать их самому читателю после внимательного чтения и объективного анализа представленных ниже архивных документов. Документы публикуются с сохранением орфографии и пунктуации.

### *Документ № 1*

#### **Протокол заседания Особого Совещания по вопросу о взаимоотношениях военных и гражданских властей в пределах Новониколаевского уезда.**

Заседание состоялось 26 февраля 1919 г. под председательством в. и. д. начальника гарнизона полковника Перчук.

На заседании присутствовали: В. и. д. начальника гарнизона полковника Перчук, Управляющий уездом Крекнин, председатель Комиссии по реквизиции помещений поручик Рейнфельд, комен-

дант города полковник Кокоса, генерал-майор Платов, представитель прокурорского надзора, судебный следователь 7-го участка, представитель штабов польской и чешских войск, представитель штаба польских войск.

2) Рапорт Начальника Вокзального участка от 2-го февраля за № 712: ...когда я пригласил чехов зайти в ближайшую квартиру, на это майор Чеховский сказал, что знать меня не хочет и навел на меня револьвер, говоря, что застрелит. Несмотря на мою просьбу разъяснить происшествие подробно, майор Чеховский стал меня ругать, говорил, что ты дурак, и вся милиция сволочи и все вы русские свиньи при этом продолжал наводить на меня и на милиционеров свой кольт. Не вытерпев издевательств и не желая переносить дальнейшие оскорбления милиционеры намеревались отобрать у него оружие, но в этот момент подошел отряд чехов. Человек 15, начальнику которого (фамилия кажется Боровичко) майор Чеховский отдал распоряжение арестовать меня и милиционеров, что и было исполнено. За отсутствием средств сопротивления, мы приведены были в чешские казармы, где милиционеров посадили в каталажку...

4) Рапорт Начальника Ипподромского участка от 22 февраля № 738. Около 9-ти часов вечера 21 февраля в канцелярию участка явился сын гражданина Козьмы Евстигнеевича Познеева, проживающего по Ломоносовской 36 и заявил, что к его отцу зашли два каких-то польских вооруженных солдата из коих один обнажил шашку, размахивал ею и угрожал присутствующим. Когда мой помощник подошел к дверям дома № 36 и просил открыть дверь, в ответ на это из сеней произведено было два револьверных выстрела по чинам милиции. Войдя в дом Познеева милиционеры Балаш и Гайдук застали там двух польских прапорщиков из которых один был сильно пьян, а другой держал в порезанных руках обнаженную шашку. Вскоре выяснилось, что один из офицеров пьян был подпоручик 2-го польского стрелкового пола Станислав Чайковский, а второй подпоручик Викентий Махуник. Во время разговора подошли еще трое военных же. В лагере польских войск, когда услышали выстрелы и узнали, что милиция разбирает дело о польских офицерах выскочили несколько вооруженных солдат и направились к дому № 36, при чем по дороге произвели залп, в это же время с помощью других подпоручик Махуник отобрал у милиционера Лотошь берданку, и увидев, что кто-то из милиционеров побе-

жал по дороге, прицелился и выстрелил из отобранной берданки два или три раза по направлению бежавшего ... Выстрелами поручика Махуника ранен милиционер Рыкачев в бедро левой ноги вылет.

5) Рапорт Начальника Сыскного отделения по делу о вооруженном ограблении по Тобизиновской улице № 6. Дознанием установлено, что грабеж совершили военные чины службы связи 10-й Казанской дивизии: прапорщик Анатолий Дидрисон, называющий себя врачом и бывший вечно в пьяном виде, прапорщик Николай Плотников, поручик Муравьев и доброволец Тростянский, арестованные заключены под стражу, на военной гауптвахте...

8) Рапорт Начальника Вокзального участка от 20-го февраля за № 745. 13 февраля около 3-х часов ночи в участок прибежали два мальчика и заявили, что в доме № 48 по Вокзальной улице сербы грабят народ. С отрядом милиционеров я прибыл на постоянный двор, где граждане Кортополов, Ломаев и два брата Спицины заявили, что четверо неизвестных арестовали их, предварительно избили и отобрали 800 рублей денег, при чем водили их на станцию в отряд сербских войск. После эти же лица переодетые один в форму сербского офицера, а другой в шубе, явились снова на постоянный двор, опять стали наносить побои угрожали револьверами и требовали денег. Видя мошенничество, потерпевшие, сообщили в участок. Когда я подходил к воротам постоянного двора мне удалось задержать двух неизвестных из коих один одет в форму сербского офицера, а другой в шубе. Первый назвался Спириным, а второй сербом Михайловичем. Потерпевшие последних опознали и уличили: кроме того указали находившегося в помещении Трухачева. Все эти лица и еще серб Стоядинович как не внушающие доверия – задержаны и сданы чинам сыскного отделения, которое приступило к дознанию. При обыске в кармане офицера найдены были патроны, а во дворе револьвер с пулями однородными с теми, которые найдены в кармане офицера. Второй револьвер найден был у серба Стоядиновича. Спириным указал своим местожительством казармы сербского отряда.

9) Протокол Начальника Городской милиции по заявлению гражданина гор. Владивостока Афанасия Ивановича Храмченко 10 или 11-го февраля ко мне в гостиницу «Эрмитаж», комната № 3 явились польский жандармский ротмистр Паньковский и два вооруженных солдата отобрали все документы и сказали, когда будете

уезжать, заходите в Управление польской жандармерии... Через три дня пришел польский жандарм и заявил, что я арестован... После в Управлении польской жандармерии ротмистр Паньковский при допросе бил меня кулаками по лицу, а когда я стал кричать и плакать меня вывели во двор и заявили, что меня расстреляют, я упал в обморок. Я инвалид, имею девять ран, полный Георгиевский кавалер, на фронте сражался против австро-польских войск и вот теперь на территории русского государства австро-польские жандармы. Если я виноват, то для этого есть русский суд, который может меня судить...

10) Рапорт Начальника Вокзального участка от 20 февраля за № 799. 19-го февраля сербский воевода со своими солдатами явился в дом № 49 по Вокзальной улице, вырвал замок из дверей, выбросив вещи проживающих в квартире и поселил солдат, не предъявив на это никакого документа. На протесты угрожал повесить хозяина квартиры, если он будет жаловаться. Подобного рода насилие со стороны воеводы, уже не первое. Прошу ходатайства о защите мирных граждан от насилий сербского отряда...

11) Копия сношения водного транспорта Министерства Путей сообщения от 23 февраля за № 299. Настоящим имею честь просить о принятии мер к защите пристани /акт от 21 февраля/ от хищений производимых солдатами квартирующихся здесь польских войск. ...всего похищено с пристани на сумму 7722 руб. и т. д. и т. д.

Во всех изложенных случаях бросается в глаза то обстоятельство, что обыски производились без ордеров, вопреки дважды отданным приказам по гарнизону, с каковыми приказами части иностранных войск расквартированных в гор. Ново-Николаевске, по видимому, вовсе не считаются. Своевременно в приказах по гарнизону обращалось внимание надлежащих начальствующих лиц отдельных войсковых частей как русских, так и иностранных о необходимости сокращения пьянства среди войск в том числе и среди офицеров. Такие безобразные явления как избиение и отобрание денег на русской территории сербскими воинскими чинами, или хищения производимые, польскими солдатами, самочинные обыски совершенные чехами, даже под предводительством своих офицеров, указывают на крайнюю необходимость предпринять самые крутые меры безотлагательно, не считаясь даже с возможностью

конфликтов с представителями иностранных союзников воинских частей, расквартированных в Ново-Николаевске.

Такие откровенные заявления, как например слова сербского воеводы: «Если захочу, то повешу, – мне это не впервые», дают основания полагать, что упомянутые войсковые части отнюдь не расположены считаться с русскими законами, русской властью на территории русского государства. Самовольные арестование русских граждан польскими жандармами, избиение и допросы, не основанные на законных поводах, ругательства и сопротивление в отношении чинов милиции при исполнении ими своего прямого долга, и даже насильственное их арестование чешскими солдатами и офицерскими чинами и т.д. и т.д. – создают удручающую картину бесправия, которое постепенно начинает входить в повседневную жизнь обывателя, как что-то нормальное, при такой общественной атмосфере очевидно не мыслимо, не только успокоение широких масс населения, только что перенесшего господство большевизма, но и окончательно расшатывается последнее, еще сохранившееся уважение к закону и вера в авторитет той государственной Русской власти, которая ныне поставила себе целью спасти осколки русского государства.

Нарисованная выше картина верна не только в отношении города, но и деревни: сказанные безобразия творятся не в одном городе, – не лучше и в уезде.

13) Из донесений Бугринской волостной земской Управы от 18-го февраля за № 374 и приложенного к нему протокола усматривается, что расквартированные в селе Берском и других селах Бугринской волости воинские части самоуправствуют и творят бесчинства, производя самовольные обыски у граждан села Верхние Чемы, Нижние Чемы, Огурцово, без ведома сельских властей и в отсутствии хозяев в пьяном виде врываются в закрытые на замок квартиры, срывают замки у кладовых, взламывают ящики, расхищают имущество.

Подобные поступки воинских чинов в селах создают тревожное положение среди крестьян, что может влиться в нежелательную форму и повлечь за собой (пропуск слова в тексте. – *Б.В.*) Исходя из этого земская Управа просит принять меры к прекращению произвола со стороны воинских частей и о привлечении виновных к законной ответственности и т.д. и т.д.

По окончании чтения указанных выше документов Управляющий уездом Крекнин резюмируя изложенное, делает вывод: воинские части, расположенные в пределах города Ново-Николаевска и его уездах, в своем пренебрежении к самым даже элементарным требованиям законности зашли, как видите, господа, слишком далеко. Необходимо же позаботиться наконец о спокойствии граждан. Подавлять силой всякую вспышку иногда справедливого недовольства – метод весьма сомнительный и чреватый обоюдными последствиями. Необходимо понять наконец, что единственной основой дальнейшего нормального устройства нашей жизни может явиться исключительно только строгая законность во всех сферах жизни, где власть вынуждена вмешиваться. Поверьте, я далек от мысли критиковать действия Высшего Командования в городе, и только настоятельная необходимость вовремя обратить внимание на происходящие события и заставила меня ходатайствовать о созыве настоящего Особого Сопещения. ...

Председатель Сопещения подполковник Перчук: ...Кажется еще имел что-то доложить Председатель Комиссии по реквизиции помещений поручик Рейнфельд. Передаю слово поручику Рейнфельд.

Председатель Комиссии по реквизиции помещений зачитывает ряд документов о фактах имевших место тоже за последнее время...

14) Демонстрация артиллерии перед Городским Корпусом, с требованием квартир в Центральной части и захват ими после этого постоянных дворов;

16) Захват домов в Закаменской части отрядным транспортом;

17) Требование очистить дом Понганскаго помимо Учительской семинарии;

19) Выселение ночью жильцов из дома Сухоручкина /Гурьевская ул./.

Насильственные действия войсковых частей в городе можно разделить на четыре группы: 1) Самовольное занятие, осмотр, регистрация и реквизиция помещений, 2) Применение оружия и насилия над гражданами при занятии квартир, 3) Отказ платить деньги за занятые помещения, 4) Угрозы по адресу уполномоченных членов Комиссии по реквизиции. ...

В частности удалось зафиксировать нижеследующие случаи самовольных действий при занятии помещений без ордеров:

20) Дом Собурова, Каинская ул. № 1. ...

26) Постоялые дворы: по Тобизиновской ул., по Асенкритовской ул. и по Болдыревской ул. ...

33) Занятые военными частями помещения гостиниц: «Америка», «Метрополь», «Коммерческое подворье», «Европа», «Перепуть», «Урал» – не оплачиваются и на требование платы последовали отказы.

34) Самовольно заняты сербами: гостиница «Бельгия», приставлены сербские часовые. ...

36) Постоялый двор Гусиной, (занят сербами) где к жильцам тоже предъявлено требование выселиться. ...

38) Поляками занято здание Вагановского училища, откуда выселен заведующий школой. ...

41) Предназначенное для Американского Красного Креста реквизированное Комиссией помещение самовольно занято командиром 4-го Польского полка, причем выставлен военный караул.

42) По Болдыревской № 73 чинами польской армии занята квартира, которую им удалось захватить, вследствие того, что они предъявили подложный ордер на нее, Комиссией отнюдь не выдававшийся. ...

44) Польским офицером самовольно занята приемная комната врача Любимова по Николаевскому проспекту № 42, на требование освободить комнату офицер не обращает никакого внимания...

45) Занятие Коммерческого клуба польскими войсками. Клуб рассчитан на 700 человек, польские войска заняли все здание... в день осмотра в клубе оказались расквартированными лишь... 216 человек.

46) Пожарных водовозов угрозой оружия принуждают доставлять воду, чего они отнюдь не обязаны делать безвозмездно.

47) Самовольно захватываются дрова и уголь в школьных зданиях...

49) Насильственное выселение служащих городских школ: 18-го смешанного училища, школы на Змеинногорской, школы на Будаговской...

57) Открытый захват школы во время занятий в ней и приставление часовых.

58) Крайне грубое, резкое и нетактичное поведение представителей польских воинских частей при предъявлении ими своих тре-



бований в Комиссиях, при чем было заявлено, что они возьмут помещения с боя.

Вот господа длинный ряд фактов, накопившихся за недолгий промежуток времени. Ни в каких дополнительных комментариях нарисованная картина не нуждается, и повторяю, дальше идти не может. Нужно что-то предпринять...

Комендант города полковник Кокоша: Все, что я сейчас слышал гг. прямо удручает меня и я могу сказать лишь тоже самое... Помимо этого не могу [не] обратить Вашего внимания, что часто приказания русского дежурного офицера остаются не исполненными, если касаются хотя косвенно польских частей. Создается какое-то двоевластие при котором получается так, как будто на нашей же русской территории распоряжаются все, кто хотят, но только не мы русские.

Представитель прокурорского надзора: Всецело присоединяюсь к высказанным пожеланиям о дальнейшем установлении взаимоотношений с одной стороны русских воинских частей и гражданских частей\* с союзными национальными войсковыми частями иных национальностей... Ко мне приходят русские граждане и спрашивают за что арестован такой-то, за что и на каком основании избит и расстрелян такой-то... Что я могу в данном положении ответить им... у нас не все благополучно и что действительного контакта в совместной работе военной и гражданской власти не наблюдается... Я Вас спрашиваю, как же мне, как прокурору, смотреть на все эти польские, сербские, чешские жандармерии и «разведки», с кем я имею дело. На каком законном основании возникают в пределах русской территории разные самочинные организации и кем они официально признаны и утверждены. ... Должен ли я рассматривать их как собрание людей, планомерно доканчивающих расхищение нашей Родины, начатое большевиками или подчиняясь грубой силе оружия, должен считаться с ними, как с органами, разделявшими одинаковую со мною власть...

Судебный следователь 7-го участка: Между прочим, желательно было бы выяснить каковы собственно функции польского военного следователя, откуда он взялся и какие именно дела подлежат его рассмотрению.

Представитель штаба польских войск. Мы говорим раз и навсегда, что своих мы сами будем судить, ваших трогать не будем, но бывает, что иной раз нужно поймать преступников и вот при про-

изводстве поисков, для какой цели действительно имели место обыски, – случались столкновения. Зачастую нужны быстрые и энергичные меры в поиске преступников, когда нельзя терять ни минуты и не успеваем сообщить милиции, так как таковую громозкую машину, как ваша милиция нельзя быстро привести в действие...

Управляющий уездом Крекнин: Да, что там толковать, если Вы защищаете Вашу национальную точку зрения, так я Вам скажу: мне известно, что чешским судом суждено и осуждено масса русских граждан, судили, оправдывали, присуждали к смерти и расстреливали. Для чего же тогда приказ Верховного Правителя, ведь двух толкований он не допускает. ...

Представитель штабов польской и чешских войск: Официально заявляют, что впредь всегда будут вызываться на место чины русской милиции поскольку это не будет препятствовать работе польской и чешской контрразведки. ...

Комендант города полковник Кокоша: Я здесь с ноября месяца 1918 г. и должен сказать, что даже при вызове на место происшествия Плац-Адъютанта, распоряжения последнего не всегда исполнялись чинами иностранных войск, хотя все эти распоряжения были всегда законны.

Управляющий уездом Крекнин: Очень приятно, что представители штаба польских и чешских войск взяли на себя обязательство, соблюдать впредь основные требования законности и обещали принять действительные меры к прекращению дальнейших безобразий, творимых чинами этих национальных войск... но я не вижу здесь Представителя Сербских отрядов, сыгравших немалую роль в обсуждаемых событиях и внесших свою долю участия в господствующей у нас неразберихе...

Генерал-майор Платов: Эти Сербские отряды входят в состав 10-й Казанской дивизии...

Прокурор: В виду налаживающегося соглашения считаю долгом еще раз обратить Ваше внимание, что аресты, производимые сербами, поляками или чехами – являются по существу незаконными и принципиально недопустимыми...

Управляющий уездом Крекнин: Мне кажется, г<оспода>, что мы на сей раз исчерпали предмет нашей беседы и хотелось бы надеяться на возможность уладить дело мирным путем, найдя допустимый компромисс. Поверьте, что это послужило бы на пользу де-





## IV. РОССИЙСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МЕНТАЛИТЕТА

А.Л. Устинов  
ЗАВОДОВЛАДЕЛЕЦ И ПРИКАЗЧИК:  
АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ  
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ Н.Н. ДЕМИДОВА  
С ПРИКАЗЧИКАМИ КЫШТЫМСКОГО  
И КАСЛИНСКОГО ЗАВОДОВ  
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.)

Проблемам взаимоотношений заводских служителей и заводо-владельцев на Урале посвящен ряд научных трудов как в советской исторической школе<sup>1</sup>, так и в современной российской исторической науке<sup>2</sup>. Однако нельзя сказать, что все ее аспекты изучены с равной полнотой, и потому она по-прежнему остается актуальной для научного исследования.

Вопросы взаимоотношений и взаимодействия приказчиков и заводо-владельцев, правда по более ранним материалам и на примере Саткинского и Златоустовского заводов, уже поднималась авто-

---

<sup>1</sup> См.: Курмачева М.Д., Назаров В.Д. Исследования по истории СССР периода феодализма // Развитие советской исторической науки: 1970–1974 гг. М., 1975. С. 22.

<sup>2</sup> См.: Алексеева Е.В. Объяснение российской истории с помощью теории модернизации: Pro et contra // Уральский исторический вестник. Вып. 7: Историческая наука на рубеже II и III тысячелетий: Итоги и перспективы. Екатеринбург, 2001. С. 108–118; Редин Д.А. Экономическая политика Российской империи глазами уральских заводо-владельцев («Изъяснения» 1763 г.) // Проблемы истории России: Сб. науч. тр. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 174–187; Неклюдов Е.Г. Государство, заводчики и горнозаводское население Урала в XIII – первой половине XIX вв. // Власть и общество: (Проблемы всеобщей и отечественной истории): Сб. науч. статей преподавателей кафедр всеобщей и отечественной истории исторического факультета НТГПИ. Нижний Тагил, 1996. С. 45–55 и другие работы.

ром настоящей статьи<sup>1</sup>. На основе архивного материала была составлена следующая схема взаимоотношений приказчиков, заводоладельцев и рабочих людей<sup>2</sup>.

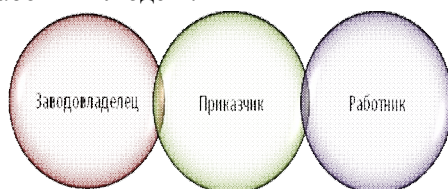


Рис. 1. Система патронатных отношений заводоладельцев и работников на заводах Южного Урала во второй половине XVIII в.<sup>3</sup>

Важно отметить, что патронатные отношения особенно были характерны «именно в отношении приказчиков, когда заводоладелец выступал своеобразным «патроном», покровителем для заводского служителя, приказчика, а последний заключал сделки и вел переговоры от имени своего господина»<sup>4</sup>.

Однако данная система, безотказно работавшая в период заведения заводского хозяйства на Южном Урале (1750–1770-е гг.), не могла не претерпеть изменений впоследствии. Кроме того, хотелось бы посмотреть, каким образом данная система будет работать на других заводах Южного Урала, принадлежавших другим вла-

---

<sup>1</sup> См.: Устинов А.Л. Кадровая политика и экономическое развитие Златоустовского и Саткинского заводов Мосоловых и Строгановых в 1760 – середине 1770-х гг. // Строгановское историческое собрание. Вып. 4. Материалы межрегиональной науч.-практ. конф., посвященной 250-летию г. Очера и Очерского машиностроительного завода (10–11 июля 2009 г.). Пермь, 2009. С. 83–91.

<sup>2</sup> См.: Устинов А.Л. К вопросу о формировании приказничьего корпуса на Саткинском и Златоустовском заводах в 1760–1770-е гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 104.

<sup>3</sup> Устинов А.Л. К вопросу о формировании приказничьего корпуса на Саткинском и Златоустовском заводах в 1760–1770-е гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. С. 104.

<sup>4</sup> Устинов А.Л. К вопросу о формировании приказничьего корпуса... С. 104.

дельцам, которые проводили иную политику в отношении своего заводского хозяйства.

На наш взгляд, материалы переписки заводских служащих со своим «патроном» позволяют проследить развитие отношений между заводовладельцами и приказчиками в последней четверти XVIII – начале XIX в. Географические рамки исследования – Кыштым и Касли – определяются несколькими факторами:

1. Оба завода принадлежали одному владельцу (младшая ветвь Демидовых) и, соответственно, находились в поле единой заводской политики заводовладельца.

2. По отношению к иным заводам округа (Златоуст, Сатки) Кыштымская заводская кантора занимала более высокое положение, что позволяет говорить о влиянии заводской политики владельцев этих заводов на развитие всего района.

3. Некоторая переориентация в географических рамках позволит в перспективе выйти на региональный уровень сравнения (например, сравнение взаимодействия приказчиков и заводовладельцев на тех же Кыштымских и Каслинском заводах и на Златоустовском и Саткинском заводах).

Однако последнее, скорее, пожелание на будущее и не является задачей данного исследования. Обозначенные же хронологические рамки определяются состоянием источниковой базы. В период владения заводами Никитой Никитичем-старшим Демидовым и в ранний период Никиты Никитича-младшего архивные материалы весьма скупы и фрагментарны. Это отчасти можно объяснить тем, что заводы в период заведения хозяйства часто простаивали, причем простаивали по разным причинам: из-за нехватки рабочей силы, перебоев с поставками угля и многим другим. Однако, на наш взгляд, главная причина заключалась в ином. Оба изучаемых завода – и Кыштым, и Касли – были охвачены огнем Крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева, переходили на сторону повстанцев, свидетельства чему мы находим и в литературе<sup>1</sup>. В силу этого обстоятельства основная часть переписки заводчиков с приказчиками на заводах могла быть просто уничтожена восставшими.

---

<sup>1</sup> См., например: *Редин Д.А.* Власть, заводовладельцы, рабочие: Проблема взаимоотношений во второй половине XVIII века: (На примере Уральской частной металлургии): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995. С. 274.

Но важно даже не это. Изучаемый период – это время, когда не только шел процесс восстановления заводского хозяйства после «пугачевских событий», но и период вызревания капиталистических отношений в промышленности. Именно на этот хронологический отрезок приходится активная переписка заводовладельцев с приказчиками, что позволяет реконструировать и заводскую деятельность приказчиков, и степень их «подконтрольности» заводчику, и даже, возможно, отношения между приказчиками, и вопросы происхождения приказчичьих кланов, их дальнейшую судьбу.

Обратимся к переписке Н.Н. Демидова с приказчиками, чтобы попытаться ответить на данные вопросы<sup>1</sup>...

«Милостивый г[о]с[у]д[а]рь Никита Никитичь!

Крайная моя неминуемая нужда и совершенной недостаток принудилъ меня, нижайшаго, чрезъ сие Вамъ, милостивому г[о]с[у]д[а]рю, донести, что будутчи за прежнимъ господиномъ Клеопинымъ находился я, нижайший, при Село-Воскресенской вотчине писаремъ безъ денежнаго жалованья, а содержание себе хлебом, платьемъ и обувью имел от своихъ трудовъ хлебопашенствомъ нужное, потому что мирскими и господскими делами оное имелъ самое малое, а ныне от здешней Вашей Каслинской заводской канторы хотя и получаю жалованья по 24 ру[бля] в год, однако и онаго по нынешней здесь дороговизне хлебу так же на одно толко содержание себя с семействомъ, хлебом, платьемъ и обувью доставать будетъ. А къ построению порядочно при Каслинскомъ Вашемъ заводе вновь собою дома нахожусь не в состоянии, потому что жителство имелъ я, нижайший, по выпуске изъ господскаго дому безъ всякаго при томъ награждения вместе з двумя братьями в одномъ доме назать тому года с три, и такъ неотменно потребно строить домъ вновь. Того ради Васъ, милостиваго государя, всенижайшее рабски

---

<sup>1</sup> Здесь и далее при публикации документов: 1) сохранена орфография оригинала; 2) пунктуация дана по правилам современного русского языка; 3) буквы «ер», «ерь» («ь», «ь») написаны согласно оригиналу; 4) буквы «ять», «кси», «пси», «фита» заменены соответственно на е, кс, пс, ф; 5) в квадратных скобках даны буквы или цифры, пропущенные в оригинале, или выносные буквы. Например, слово «г[о]с[у]д[а]рь» в оригинале было написано «гсдрь» со знаком титла сверху. Выносными буквами чаще всего являлись гласные. Однако возможны и иные сокращения. Например, слово «ру[бля]» в оригинале было написано «ру».



прошу по разсуждению Вашему приказать учинить какое вспомо-  
жение. И на сие мое прошение имею ожидать милостиваго благо-  
разсмотрения, а къ стороне беднаго просителя надлежащаго удо-  
волствия.

Нижайший проситель Вашъ, милостиваго г[о]с[у]д[а]ря, последний  
рабъ

*Лаврентей Дементьевъ.*

2-го июня 1785-го года.

По сему письму буде[т] оной доброй человекъ и стоить того, то  
миромъ велеть ему вывести по бревну на построение и помочь ему  
въ том по надлежащему въ построении вместо з делом и без лиш-  
них жиров, и писать ко мне. Июля 28-го дня 1785-го года. Никита  
Демидовъ»<sup>1</sup>.

Общеизвестно, что приказчики не могли сами заниматься  
предпринимательской деятельностью, а потому и получать сверх-  
прибыль, кроме довольствия, выписываемого заводовладельцем.  
Довольствие же сие было не столь уж и существенным. Из приве-  
денного письма мы видим, что жалованье, например, писаря со-  
ставляло 24 рубля! Для сравнения среднегодовое содержание ква-  
лифицированного мастерового человека в этот же период обходи-  
лось в 12–18 рублей<sup>2</sup>. Однако к моменту отмены крепостного права  
многие приказчики скопили такие состояния, что могли спокойно  
выкупиться на волю (а по статусу они были крепостными) и откры-  
вать свое дело. Возникает вопрос: откуда они смогли найти на эти  
цели деньги?

Ответы (отчасти прямые, отчасти косвенные) на этот и другие  
вопросы нам дают следующие письма.

«Подлинное получено чрез Екатеринбургскую почту марта 20-го  
1787-го года.

Прикащикам моимъ Никифору Блинову, Ивану Серебрякову,  
Якиму Аврамову и служителю Шелегову, караванным Тихану, Ге-  
расиму, Михаиле и расходчику Прохору.

---

<sup>1</sup> *Объединенный* государственный архив Челябинской области (далее –  
ОГАЧО). Ф. И-172. Оп. 1. Д. 57. Л. 48.

<sup>2</sup> ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 111. Л. 45 об.

Писмо от Вас, плутов и расплутов нетерпимых, прикащиков, от 19-го генваря под № 194-м, смелячными репортами под № 9-м и с приложениями получилъ, на которое поверя, репорты впредь писать буду. А теперь коротко толко то подтверждаю, не думать Вам и не мыслить, проклятым и распроклятым, о том, какъ Вы о штрафахъ пишита и визжитя, ибо точно за такія Ваши мысли и визжания, Божусь Вамъ Богомъ, в деветеро Вам точно достанется, ежели весь тотъ штрафъ и наказание с Вами все сполна выполнить хотя мало ещо умедлитца в силу всехъ моихъ точно к Вамъ подтверждениевъ, когда такъ Вы чюдно, странно и нечестиво зачали думать и марать к неописанному моему удивлению, и такъ явно боярину противитца, то я слажу с Вами уже добре и научю Васъ, какъ должно покарятца в силу Божескихъ и государскихъ законовъ. И для того караваннымъ Тихану с товарищи, не взирая ни мало на прикащиков, в самой скорости наказание и весь денежной штрафъ на них в силу моихъ подтверждениевъ все сполна точно и верно, и непременно исполнить, а то Васъ, караванныхъ, самих, какъ раковъ, раздавлю. И писать ко мне в скорости на все прежнія мои, такъ и на сие подтверждение, какъ Вам, прикащикам, с Шелеговымъ, такъ и караваннымъ с Прохоромъ сполна без проронки, получа точно на первой почте.

Да вижу, не упоминаете Вы в писме о получении моего к Вамъ писма, писанного о 21-го декабря, а получили уже мое после отъ 24-го декабря, такъ может оное прежде посланное отъ 21-го декабря мое писмо утратилось, буде по ныне не получили. И хотя оному утратитца и ни какъ нелзя, однако ж съ оногo моего писма от 21-го декабря при сем к Вам прилагаю точную копию. И в силу оногo писма моего отъ 21-го декабря чинить Вамъ и караваннымъ непременно в точности, да и точно ж еженедельно меня уведомлять, хотя коротко, о вывозке железа и угля, и о всемъ подлежащемъ.

И о получении сего, и на все вышеписанное, и о всемъ протчем с первою почтою писать Вамъ, прикащикам, и Шелегову ко мне, так же и караванным с Прохоромъ непременно.

А волныхъ подводь, слышу, везде много, ибо у Петра Григорьевича с Тагилу до Ревды возили премножество с перевозимыя по 5 ко[пеек] и по 5 ½ ко[пейки] с пуда. А ныне много де возють до Ревды и съ убавкою, то есть и по 4 ½ ко[пейки] охотно. А Вы пишита, волныхъ вощиковъ мало, с Тагилу ж до Ревды съ 100 версть, а и с нашихъ заводов до Сорокина почти тоже разстояние со 100 версть.

А протчия все Ваши резоны в нынешнем писме о выходах доменных угонных и в молотовыхъ в железе, и якобы не можно 300000 пу[дов] наделать, и оныя яко, самыя проклятейшия и безстыдныя, бросил все в дермо и потоптал ногами. Цыць о всемъ такъ не токмо думать, но и мыслить, какъ и прежде подтверждалъ, а то зело, зело и зело худо и весма зло Вамъ будет. Проснутца, воры, и чинить Вамъ, безгитям нетерпимым, о всемъ ономъ выше писанномъ непременно, точно и верно сходно во всемъ, какъ я об ономъ неоднократно и подтверждалъ, даже инаго и не мыслить верно, ибо самъ я все оное верно знаю, какъ свои руки, што можно такъ во всемъ делать, какъ и на передь сего у насъ бывало, и писалъ о возможном, а не о невозможномъ. На подлинномъ подписано тако: Никита Демидовъ.

Ч[исла] 22-го февраля  
1787-го года  
С[анкт] П[етер]б[ург]»<sup>1</sup>.

В этом письме даже с лингвистической стороны можно найти много интересного. Сам язык письма – отражение некоей особой культуры переписки. В целом письма, исполненные гнева заводчика на нерадение приказчиков и их стремление «набить собственные карманы» в ущерб интересам заводовладельца, мы находим довольно часто. В другом письме мы видим еще более гневные возгласы: «У Твердышовыхъ цены совсем нижея и не такая, какъ Вы марали, ибо я еще по точной и ныне справки узналъ. Да и в прочемъ совсемъ у Твердышовых не такъ, какъ Вы, безделники сущия, марали ко мне. Да и то Вы, явныя неблагодарныя и распроклятыя шакалы с Вашими мастерами, забыли, што на моих заводахъ против Твердышовых и против всехъ протчих во всем харчъ, рыба и сено дешевле и к жит[ь]ю способней не в примеръ и што я из милости премоножество долгов упустил, да и ежегодно по 2000 ру[блей] из милости на поупку лошадей и протчаго дават велель, да и на протчие на все работы болшую цену прибавиль, да и рекрутъ заводских не идеть, а я поупаю за них рекрутъ, плачю. Такъ все выше писанныя превеликия милости, неблагодарныя шакалы с мастерами, чего стоят? И по всему вижу, што Вамъ, голоднымъ волкам и сущее неблагодарным с мастерами, дописатца скоро будетъ, што я

---

<sup>1</sup> ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 65. Л. 32–32 об.

велю опять цены обобрать и убавит, так же и протчие милости, и верно Вы не благодарствием такимъ ужаснымъ скоро себя доведете по Евангелскому изречению, штобъ ввергнутъ неблагодарныхъ во тму. Цыць, унятца, весма и весма худо Вам за неблагодарствие верно будетъ, ибо я, знайте, говорю точно, не шучю, ибо шутки не люблю, вотъ за неблагодарствие и предель мой, Вамъ с мастерами, которой крепко не забывают, и всегда помнит, и писат на сие»<sup>1</sup>.

Можно было бы подобный стиль письма отнести к чисто субъективному фактору: дескать, заводчик не обладал высокой культурой речи и мог себе позволить в отношении подчиненных писать подобные письма, да и имел на это право, ибо они были его крепостными. Однако думается, что не все здесь так просто.

Первое, что сразу бросается в глаза, это то, *за что* заводчик «ругает» своих приказчиков. В письме от 4 февраля 1785 г. Демидов пишет приказчикам следующее: «Выходами всеми, вижу, Вы, спафеи, совсемъ збились, к великому Вашему стыду, из чего явно видна Ваша не прилежность к лучшему смотрению и очевидное нерадение к господскому добру. Когда Вы, проклятыя нечестивцы такая, Бога не боитесь, то хотя бы стень устыдились. Какъ доменные суточному чюгуну, такъ и из кучь коробовъ угля выходы самыя препакоствныя, а в молотовых из крицы недоделы и самыя премерския, а паче удивителныя на Кыштыме, чего ни где и ни когда не бывало и нетъ. Берегись, нечестивый Блиненко, ребра не оставлю за такая неслыханныя мерзости, и вижу, тут есть, конечно, какия нибудь мудрости суще плутовския, да уже не пенят же тогда и спины, но и жилище твое все разрою, хотя о маломъ такомъ плутовстве твоёмъ узнаю, или какого бы роду плутовство и карманничество ни было от тебя и от Серебрякова, да и от всехъ, берегитесь все как огня, и знайте, Божусь Вамъ, еже ли што, ни мало сего всего не стерплю, да берегис же, весма и весма, каналия Блиненко, какъ черной немочи, таких мерзких из крицы недоделов, ибо без плутовства и съ смотрениемъ неусыпнымъ нельзя статца и ниже думать, штобъ такая неслыханныя из крицы недоделы где либо нибудь были, не приму ни чего точно в резонъ и таких Ваших безстыдных и скаредных, какъ в писме мараитя, резоновъ, якобы от чистоты железа, а угольной выход от худобы будто лесу, а то и за-

---

<sup>1</sup> ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 65. Л. 52.

быль, што и всегда уже давньо березовова лесу много употребляемо было, и по большой части которыя все нелепья резоны бросил в сущее дермо»<sup>1</sup>.

В письме же от 15 мая 1787 г. он пишет: «И для чего Вы, каналы, непосылкою месечных репортов такъ долго слишком гузайта по прошествии четырехъ недель и не посылаите ко мне, и держитя у себя непосылкою, и медлитя такъ беспутно, и слишком долго шишлитя, што за резонъ? Ибо, вижу, последния месечныя репорты кончаны были по 7-е число февраля, а отправлены оныя, какъ по писму значит, 25-го февраля, и такъ по окончании репорты держаны и не отправлены были о 18-ть дней. Што Вы за сукины дети, разканалыи такыя, зачемъ такъ долго слишком держитя беспутно и не отправляете? А следует непременно месячныя отправлят по окончании четырехъ недель чрезъ четыре дни, а и много чрез неделю. И для того отнюдь и отнюд такъ месячных не проквашиват и долго не держать под опасением непременно Вамъ крепкаго штрафа, а отправлят точно и верно оныя чрезъ четыре дни, а и много уже чрез неделю ко мне непременно»<sup>2</sup>.

Вдумаемся в смысл сказанного! Заводчик недоволен, что «видна... не прилежность к лутчему смотрению и очевидное нерадение к господскому добру!» Иными словами, речь идет о том, что приказчики просто «набивают свои карманы» в ущерб хозяйству своего господина. Вот откуда берутся деньги! Если это действительно так.

А так ли это? Не является ли это следствием ложных доносов или простой мнительности Демидова? Да и каким образом, собственно говоря, Никита Никитич, находясь в далеком Петербурге, узнает о подобных махинациях своих приказчиков?

Весьма интересный документ – «Подробное объяснение против каждого пункта с клятвенным извинением на показание господину Никите Никитичу Ефима Широкова<sup>3</sup>» (январь 1786 г.) – мы находим в фондах Челябинского областного архива. Обратимся к нему.

---

<sup>1</sup> ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 57. Л. 3.

<sup>2</sup> Там же. Д. 65. Л. 52 об.

<sup>3</sup> Ефим Широков – один из служителей Кыштымского завода, отправил донос Н.Н. Демидову, на который впоследствии его «коллеги» были вынуждены писать оправдание.

«Подробное объяснение против каждого пункта с клятвенным извинением на показание господину Никите Никитичю Ефима Широкова;

А имянно:

На 1-й пунктъ:

Три дверных замка с медными коробками Ваши прикащиком Блиновымъ к своему дому взяты.

На 2-й:

Панельных несколько штукъ, а много ль числом, теперъ за долго прошедшим временем не упомянуть, взято жъ.

На 3-й:

10-ть стеклянных оконницъ в дом Блинова в меховой Вашей господской сделано.

На 4-й:

Стульевъ одна толко дюжина, а не четыре, каковаго количества и в доме у него нетъ, да столко отнюд и не надобно. Подушки, обитые кожами, сделаны жъ.

На 5-й:

Канаве не болшая и простая одна, а не две, сделавъ, взята жъ. На которые все 5 пунктвъ, какъ оно происходило, еще после самог пугачевского бунту по бывшему Шелегова доносу предано Вами вечному забвению.

На 6-й:

Карета Бредяхину, когда до открытия Пермского наместничества существовала въ Екатеринбургѣ канцелярия, и он былъ в ней членъ, такъ какъ и ныне по повелениямъ Вашим, кое кому поделочки частию делаютца для услуги по делам нашимъ заводским, недорогая, сделавъ, ему отдана, коя и в работахъ тогда плотничной и столярной с кузнечною в таблицахъ значилась, но во что прямо она коштвала, теперъ познать не можно.

На 7-й:

Домъ Блинова, после бунту жъ поправленной и частию пристроенной, з домовыми обыкновенно потребами и в приличных местахъ высланной тесомъ, некоторым само малейшимъ числомъ слободскими приписными крестьянами, а более кое-какими заводскими людьми, за собственную прикащичью плату. Но толко покушались тогда все мы, нижайшия, Вашими господскими железными припасами, что все так же по бывшему Шелегову доносу предано Вами вечному забвению. А во што оной дворъ весь с при-

строями коштуеть, по теперешней уже ево ветхости узнать совсем не можно. Конного заводу у него, Блинова, кроме надлежащаго числа лошадей, и другихъ при томъ промысловъ не имеетца.

На 8-й:

Нарочно срубленной столарни и слесарни слободскими крестьянами у Блинова отнюдь неть, а есть обыкновенно скотская изба, поставленная на собственной коштъ, в коей по временамъ и домовая починка или некоторое новое дело (избегая единственно Вашего господского гнева и от людей нареканя, что мы к Вашему в поделках, а особливо в господскихъ меховыхъ и слесарне многие назать тому годы к синю волосу отнюдь не приступаемъ), бываетъ; и то, милостивый государь, толко по необходимости, чего намъ починить и зделать для своихъ домишковъ не где и не кемъ, но токмо точно не из Вашего господского интереса, а прямо из своего собственного.

На 9-й:

Ис крестьянь и крестьянокъ Вашихъ господских в работникахъ и в работницахъ согласно прежнему Вашему милостивому повелению, для токмо домовыхъ надобностей, а не для какихъ другихъ нуждъ и постороннихъ либо промысловъ в разсуждении необходимости по части имеемъ, не останавливая темъ отнюдь Вашихъ господскихъ работъ, и точно за полную и безобидную имъ плату без наимолейшей жалобы.

На 10-й:

Портные точно имеютца, но не для однихъ прикащиков, а для обшивки всехъ заводскихъ жителей, бес которыхъ, батюшка, пробыть отнюдь не можно.

На 11-й:

Денги Ваши ис канторъ берутца не безобразно, а точно положенное Ваше намъ господское жалованье и милостивое награждение, и когда есть на домашнихъ лошаденкахъ работа, то за оную, а не бес того и не на другие отнюдь какие промыслы.

На 12-й:

Башкирцовъ 450-ми рублями денгами на два года мы точно ссужали, по той притчине, что они наши вотченники Мякотинской волости, и у нихъ мы не вошедшей намъ в поупку лесъ рубимъ на угольное зжение, кои чтобъ не такъ пререковали и не просили на нас по команде, онымъ имъ числом денгами послужили. И за то самое они насъ рыбою доволствовали; а самимъ в рыбные, да и в другие промыслы,

яко то в пашню, с товарищи не входимъ, в которую и входить то намъ, по истине, батюшка, сказать, дороже купленова станеть.

На 13-й:

В журналахъ несправедливаго ни чего не пишемъ, да и какой стати небылицу и писать, которые ныне ежемесячно в сходность повеления Вашего переписываетъ выше означенной Широкой.

На 14-й:

Самые небольшие наши ныне лошаденки, те, на коих возимъ про скота сено и в домъ дрова, со временем руду с рудниковъ по зимам на заводы возятъ, но на нихъ нагребаютъ отнюдь не рудненские люди, а свои нанятые работники. Да за што жъ онымъ, возмите милосерд[н]о в разсудокъ, давши от насъ полную годовую плату сторонним то людямъ, и нагребать то, что и чинить от насъ по всягодно строжайше запрещаетца, в чемъ самомъ ссылаемся на тех же самых рудненскихъ людей.

На 15-й:

Торговымъ людямъ, находившимся у Васъ при заводахъ, имеющимъ у себя в урокахъ поволныхъ работниковъ денегъ Вашихъ под образомъ, будто для прикащичьихъ барышей, ни одной полушки не даетца. И молотовые мастера для того ис фабрикъ ни одинъ человекъ отнюд не выпускаютца, которые, имевъ за собою мастерство и достаточную Вашу за то плату, и сами не пойдуть. А в урокахъ обращаютца болше из лашмановъ и многолошадные, ис коихъ мало малски нога ногу минующие в сходность прежнихъ неоднократныхъ Вашихъ повелений, наблюдая нами, чтоб были у них в полных заводскихъ работахъ волные работники, и потаргавываютъ, токмо не на Ваши денги.

На 16-й:

Названной Широковымъ кабакъ построень Блиновым не прямо для оногo, но на избу, в линию по улице для житья со временем какому нибудь крестьянину снесенная, где очищаль онъ, Блиновъ, себе под домъ место, вся ево собственная, в кою ни на полушку Вашего кошту употреблено не было, за которой онъ, Блиновъ, коротому в два года получилъ толко 60 ру[блей].

На 17-й:

Когда на курени езды нетъ, то и записки в журналахъ об ономъ не происходить, о чемъ в нихъ, а особливо в нынешнихъ недавныхъ годовъ сами позволте справитца, следователно, об оном Широкой толко пугал враницу.



На 18-й:

Словомъ, батюшка, Вами запрещенного, которое б могло вредить Ваше господское или упустить в правлении, намъ вверенное под страшную Евангелскою клятвою ни чего не делаем. Что жъ лежить до прохладовъ и другихъ при томъ неугодностей и битья в барабаны с товарищи, то оного намъ не толко милостивый государь ныне делать, а носа по такимъ величайшимъ деламъ взбить некогда, кроме надлежащихъ приезжающихъ по разнымъ деламъ господъ капитановъ исправниковъ и другихъ надобныхъ людей угощений. И естли сие счастье соизволите по глупому Широкова доносу за прохлады, то уже намъ лутче ни къ какому приезжему по Вашимъ деламъ не должно показыватца, а бегать, оставляя бес плода все дела, куды глаза глядеть, такъ оное неизвестно на што будетъ похожо.

На 19-й:

Возвращения Широкова писма с каравану от караванного Михайлы Блиновского мы никогда не видывали, да не знаем, што оно есть и за писмо.

На 20-й:

Тиханъ Блиновъ прикащику Блинову жъ на свадьбе у Серебрякова о непосылке в караване Широкова хотя бы и говорил, но по ево прозбе можно ли зделать; ибо Широкой в силу Вашего повеления в караване былъ посыланъ.

На 21-й:

Под дворъ Блиновымъ место очищено с великимъ темъ людям, кои на ономъ жили, удовольствием, то есть дачею не малого числа денегъ, и переносомъ на другое место на собственномъ Блинова коште, даже что они построились снова, к дальнейшей прочности, нежели каково на первыхъ местахъ жили. И раззорения в томъ имъ отнюдь не наведено, а делано съ обоихъ сторонъ по любовности.

На 22-й:

Стеколь покупныхъ на Ваши господские денги отнюдь нами не деливано, а покупались прежде сего оные по надобности в домишки наши на свои собственные денги. Кои же в Вашъ домъ господской купятца, те там на дело новыхъ и на починку старыхъ оконницъ и употребляютца.

На 23-й:

Телеги дорожные наподобие примеромъ колясокъ, деланные прежде для всякой езды, содержатца издавна в домахъ Вашихъ гос-

подских, а отнюдь не у прикащиковъ. Но у прикащиковъ по одной таковой же, о коих онъ, Широкой, выше сего в первых пунктахъ забылъ показать, сделавъ еще после бунту есть, которые во время за делами Вашими отлучекъ почти уже на готово нами изезжены.

В заключение осмеливаемся донести, чего на эдакого дурака Широкова нападать, что онъ весь самъ себя потерялъ, следовательно, батюшка, по присловице з голова и безумнова подобно какъ с святова, взять не чего. И по всемъ выше писаннымъ пунктамъ объяснение наше, съ уверениемъ Вамъ свидетелствуясь, заклинаемъ насъ Всевышнимъ Создателем. А ежели Вам и сие имоверно и не ясно, то уже не знаемъ истинно, чемъ более изяснить и еще сделать какую клятву»<sup>1</sup>.

Сам документ и история его появления показывают, что деятельность самих заводских служителей была не согласована, существовали некие «группировки», которые могли «набивать свои карманы», утаивавшие и продававшие часть железа, но были и «обиженные», которые не получили своего «куска» от общего «пирога» и писали жалобы заводчику. Ведь и сами «обиженные» были не чисты на руку: в последующих письмах уже Широкову перепадает от господина<sup>2</sup>.

Со временем, правда, пыл заводчика ослабевает, и на рубеже XVIII–XIX вв. мы уже не находим столь резких выпадов Демидова, да и доносы тоже не обнаруживаются. Что же произошло? Приказчики и служители заводов смогли найти общий язык и «поделить пирог»? Или уже достаточно наворовали и больше не нуждались в этом? Или заводчик наконец научился контролировать своих подчиненных? А может, он просто устал и смирился?

Полагаем, что скорее система контроля на заводах более не позволяла так открыто и в наглую воровать (что, конечно, не исключает мелких злоупотреблений, на которые действительно можно было закрыть глаза, если приказчики могли обеспечить своему господину достаточную прибыль). Доставка железа от завода до Петербурга начинает тщательно контролироваться, что подтверждает

---

<sup>1</sup> ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 61. Л. 8–9 об.

<sup>2</sup> Там же. Д. 54. Л. 45.

большое количество в архивном фонде журналов рубежа столетий, где фиксировался расход караванных<sup>1</sup>, и потому утаить часть железа или денег здесь становится очень сложно (если вовремя это не было сделано на заводе). В то же время факт продажи заводов в 1809 г. П.Г. Демидовым – племянником Н.Н. Демидова – Л.И. Расторгуеву<sup>2</sup> свидетельствовал все же о том, что в хозяйстве этой ветви Демидовых был далеко не полный порядок.

---

<sup>1</sup> См. напр.: ОГАЧО. Ф. И-172. Оп. 1. Д. 111. Л. 78–88 об. В данном случае речь идет о людях, транспортирующих металл от уральских заводов до Петербурга, сопровождая торговые караваны.

<sup>2</sup> Лев Иванович Расторгуев – вольский купец, откупщик, купивший в 1809 г. у П.Г. Демидова Каслинский и Кыштымский заводы. Петр Григорьевич Демидов жил в Петербурге в роскоши, устраивал приемы для знатных вельмож, балы, занимался конной охотой со сворой собак, играл в карты. Проматавшись вконец, Петр продал Кыштымские и Каслинский заводы Льву Расторгуеву. В Екатеринбурге Расторгуев взял на откуп право торговли спиртным в целой округе, открыл на Урале сразу сто кабаков и нажил миллионное состояние. Он также купил на Урале четыре завода, а вместе с ними сотни тысяч десятин земли, необозримые леса, тысячи крепостных, большие богатства, таящиеся в недрах земли. К этому он прикупил села Рождественское и Воскресенское, деревни Селезни и Мымари. Прибыв в Кыштым, новый владелец сразу же распорядился повысить урок на всех работах, ограничить выдачу продовольствия. «Плохо работают, а много жрут», – негодующе сказал он после проверки конторской книги. В первой четверти XIX в. Л.И. Расторгуевым был создан Кыштымский горнозаводской округ, куда вошли Каслинский и Верхнекыштымский, Нижнекыштымский, Карабашский, Нязепетровский, Теченский, Шемахинский и Соймановский заводы и комплекс железных и медных рудников Соймановской долины. После его смерти в 1823 г. заводы перешли дочерям Марии и Екатерине, бывшим замужем соответственно за П.Я. Харитоновым и А.Г. Зотовым. С 1827 г. А. Г. Зотов являлся управляющим Каслинским и Кыштымскими заводами. В 1900 г. образовано Акционерное общество Кыштымских горных заводов, куда вошли заводы, принадлежавшие наследникам купца Расторгуева. Для получения средств на реконструкцию округ был заложен в Ярославско-Самарском банке, а в 1906 г. продан Англо-Сибирской корпорации за 3 751 387 рублей. В годы Первой мировой войны Каслинский и Кыштымский заводы перешли на выпуск военной продукции, а 27 декабря 1917 г. – национализированы. См. об этом: *Уральская историческая энциклопедия*. Екатеринбург, 1998. С. 302; Claw.ru: Южный Урал – Снежинск – Короткие поездки по окрестностям // <http://ural.claw.ru/Before.html>

Подведем некоторые итоги.

Конечно, вызревание капитализма в заводском хозяйстве в последней четверти XVIII – начале XIX в. проходило не самыми быстрыми темпами и тормозилось господствовавшим крепостным правом. Не следует забывать, что и взаимоотношения между приказчиками и заводовладельцами на рассматриваемых нами заводах носили крепостнический характер, в том числе со свойственным крепостничеству патернализмом. Мы здесь не говорим о системе поддержки заводчиком своих подчиненных – это само собой разумеется. Но даже сам характер взаимоотношений был именно патерналистским. Ведь «ругая» своих приказчиков, Демидов обращается к ним скорее как к детям неразумным, грозя им всевозможными карами и наказаниями, а те в свою очередь обращаются к своему господину не иначе как к «батюшке», «отцу родному».

На наш взгляд, именно в недрах такого патернализма и закладывается фундамент новых капиталистических отношений. Ведь будучи не в состоянии полностью контролировать деятельность своих приказчиков и вынужденный ограничиваться только письменными угрозами или небольшими штрафами, которые предприимчивые приказчики без особого труда выплачивали, заводчик тем самым, сам того не желая, поощрял предпринимательскую деятельность своих приказчиков, формируя и конкурентную среду (только в рамках которой могли появиться такие «обиженные», как Широков), и, как следствие, будущую предпринимательскую прослойку, ориентированную на получение прибыли и сверхприбыли.

Но это уже за рамками нашего источниковедческого анализа...

О.А. Мельчакова  
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ  
ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ  
МИНЕРАЛОВ И РУД Н.Н. ДЕМИДОВА В 1823–1827 гг.

Одним из актуальных аспектов исследования известного рода Демидовых в современной историографии является изучение традиций этой династии. И.Н. Юркин в монографии «Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии» (М., 2001) отмечает, что Акинфий Никитич был «первым из Демидовых, кто начал собирать коллекции, научные в частности, заложив этим традицию, сохранявшуюся в нескольких поколениях рода», а первой научной коллекцией стал привезенный им из Фрейберга минералогический кабинет. В 1759 г. эта минералогическая коллекция, дополненная сибирскими образцами, была передана его наследниками в дар Московскому университету, но, вероятно, погибла в пожаре 1812 г.<sup>1</sup>

По мнению И.Н. Юркина, Никита Акинфиевич Демидов был не только совладельцем и одним из дарителей минералогического кабинета его отца, но и имел собственную коллекцию руд и минералов. Изучению же собирательской деятельности его сына, Николая Никитича, в монографии уделено меньшее внимание. Ее автор лишь привел сведения о том, что в 1813 г. Н.Н. Демидов передал в дар Московскому университету «собрание разных произведений природы», в состав которого наряду с раковинами, чучелами животных и другими предметами входили 1250 образцов минералов.

---

<sup>1</sup> См.: Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М., 2001. С. 27, 28–29.

Это «собрание» представляло собой коллекцию Н.А. Демидова, дополненную Н.Н. Демидовым во время его путешествий по России и за границей. Кроме того, исследователь высказал предположение, что именно Николай Никитич в 1826 г. преподнес в дар одному из германских собраний кусок золота, найденный в районе Нижнего Тагила<sup>1</sup>.

Изучение документов Государственного архива Свердловской области позволяет составить представление об истории формирования минералогической коллекции (кабинета) Н.Н. Демидова в 1820-е гг. В частности, в переписке Николая Никитича с Нижнетагильской заводской конторой за 1825 г., составляющей дело № 555 описи 1 фонда 643 («Главная контора Нижнетагильских заводов»), и в журналах исходящих бумаг его Санкт-Петербургской домовой конторы за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827 гг., хранящихся в фонде 102 («Демидовы – заводовладельцы») и содержащих копии писем управляющих этой конторы живущему за границей хозяину, а также приказчикам Нижнетагильской и Одесской контор (дела № 145, 158, 161, 170, 178), удалось обнаружить сведения о пополнении принадлежавшей Н.Н. Демидову коллекции минералов и руд новыми образцами.

Итак, в 1823 г. в принадлежавшем Н.Н. Демидову Нижнетагильском горном округе начали действовать золотые прииски<sup>2</sup>, а в 1825 г. началась промышленная добыча платины, которую использовали для чеканки монеты<sup>3</sup>. Развитие золотопромышленности нашло отражение в переписке петербургских управляющих с Николаем Никитичем в 1823–1827 гг. В круг обсуждаемых в ней вопросов вошли не только проблемы обеспечения рабочей силой «золотых промыслов», открытия новых приисков, но и получения их владельцем, проживавшим за границей, образцов золота и платины в его коллекцию.

В июле 1823 г. из Нижнего Тагила впервые было доставлено в Екатеринбург 8 фунтов 90 золотников золота, добытого за первую половину этого года. После пробы в Екатеринбурге нижнетагиль-

---

<sup>1</sup> См. об этом: *Юркин И.Н.* Демидовы – ученые... С. 145, 196, 41.

<sup>2</sup> См.: *Кафенгауз Б.Б.* Первые шаги золотопромышленности на Урале // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. ст. к 70-летию М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 381.

<sup>3</sup> См.: *Данилевский В.В.* Русское золото: История открытия и добычи до середины XIX в. М., 1959. С. 276.

ское золото было перевезено и сдано на Санкт-Петербургский монетный двор<sup>1</sup>. 30 августа петербургские управляющие, пытаясь угодить своему хозяину, Н.Н. Демидову, обратились в Департамент горных и соляных дел с просьбой разрешить выдачу им на монетном дворе куска от сданного золота весом от полутора до двух фунтов для передачи Николаю Никитичу в качестве своего рода памятного сувенира об открытии приисков при Нижнетагильских заводах (документ № 1). В письме Н.Н. Демидову от 25 сентября 1823 г. они рассматривали сохранение этого золота как продолжение традиции, заложенной его предками, ссылаясь на изготовленные по заказам Демидовых памятные вещи: чашку из первого добытого в России золота и стол из впервые добытой меди (документ № 2). Прошения, поданные петербургскими управляющими в Департамент горных и соляных дел и в Санкт-Петербургский монетный двор, были удовлетворены. В результате большая часть полученного ими куска золота весом около 1 фунта 70 золотников была отправлена к Н.Н. Демидову с «господином Перовским»<sup>2</sup> (документ № 3), а кусочек весом в 21 золотник преподнесен его сыну Павлу, находившемуся в Москве<sup>3</sup>.

В феврале 1824 г., выполняя распоряжение Н.Н. Демидова, петербургские управляющие вновь обратились в Департамент горных и соляных дел от его имени с просьбой выдать из числа добытого во второй половине 1823 г. нижнетагильского золота кусок, но уже большего веса, от трех до трех с четвертью фунтов, для осуществления намерения заводладельца изготовить некие памятные знаки («памятники») для себя и своих сыновей в честь открытия приисков (документы № 4, 5). Полученное в Санкт-Петербургском монетном дворе золото весом 2 фунта 8 золотников было отправлено Н.Н. Демидову в апреле 1824 г. с приказчиком Макаровым (документы № 6, 7). Видимо, именно из первых кусков нижнетагильско-

---

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 158. Л. 62 об.

<sup>2</sup> Возможно, в роли своего рода курьера, с которым было передано золото, выступил Л.А. Перовский, министр внутренних дел, член Государственного совета, который в ноябре 1823 г. был уволен с военной службы с производством в чин действительного тайного советника, назначен камергером императорского двора и причислен к коллегии иностранных дел, при которой прослужил около трех лет. См. о нем: *Майков П.* Перовский Лев Алексеевич // *Русский биографический словарь.* 1902. Т. 14. С. 541.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 158. Л. 142 об.

го золота, полученных Н.Н. Демидовым в первой половине 1824 г., и была сделана церковная утварь, переданная в 1826 г. в дар Входу-Иерусалимскому храму в Нижнем Тагиле, так как в письме петербургских управляющих специально отмечено, что она сделана «в память открывшихся при Нижнетагильских заводах золотых промыслов *из перводобытого золота*» (выделено мною. – О.М.) (документ № 8). Подтверждение этому можно найти и в статье П.П. Свинына, в которой он обобщил свои впечатления о посещении в 1824 г. уральских золотых приисков: «Приятно заметить, что помещик Нижнетагильских заводов, испрося чрез Департамент горных и соляных дел несколько фунтов золота собственно своей добычи, располагаясь сделать из оногo церковную утварь для храмов Божиих, имеющихся в его заводах»<sup>1</sup>.

Кроме золота, отправленного Н.Н. Демидову при соблюдении его управляющими всех необходимых формальностей при его получении и пересылке, видимо, существовал и канал нелегального поступления золотых самородков в его минералогическую коллекцию. 9 сентября 1824 г. был опубликован сенатский указ «о распространении открытий и умножении разработки золотистых песков», который регламентировал переход в собственность частных заводчиков некоторых самородков и штуфов, добытых на принадлежащих им золотых приисках. В соответствии с девятым пунктом этого указа владельцы частных приисков получили право оставлять себе в собственность «редкие самородки или штуфы... в случае желанья сохранить их в натуральном виде» при условии выплаты десятины и получения «свидетельства» от горного ведомства, «кoему предоставлен прием золота». Но общий вес приобретаемого золота должен был составлять не более трех фунтов в год, за исключением тех случаев, когда сам самородок или штуф превышали этот установленный вес<sup>2</sup>. Однако управляющие Нижнетагильской заводской конторы начали отправлять Н.Н. Демидову золотые самородки задолго до издания этого указа, с самого начала золотодобычи на местных приисках в 1823 г. (см. документ № 14). В.В. Данилевский в монографии, посвященной истории открытия и добычи русского золота до середины XIX в., отмечал: «В первые же го-

---

<sup>1</sup> Свинын П.П. Картина золотопесчаных промыслов в уральских горах 1824 года // Отечественные записки. 1825. Ч. 22. СПб., 1825. С. 102.

<sup>2</sup> Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. 39. № 30056. С. 520–522.



ды на демидовских промыслах нашли много крупных самородков, оставленных в натуральном виде для кабинета Демидова»<sup>1</sup>. Несколько самородков было доставлено Николаю Никитичу в апреле 1824 г. приказчиком Макаровым (документ № 7). Скорее всего, в число присланных ему экземпляров попал и штуф, которым так восхищался увидевший его при посещении Нижнетагильских приисков в 1824 г. П.П. Свиньин: «За самородки платится по рублю с золотника, но значительных попадаетея весьма мало, одна только была 48 золотников, и то с породою кварца, а потому в ней золота было едва ли 30 золотников, но зато она представляла несравненно драгоценный кабинетный штуф, ибо самородки с породами в песках бывают весьма редко»<sup>2</sup>.

Как выяснилось в дальнейшем, по крайней мере, часть переправляемого за границу золота не регистрировалась, за него не была заплачена десятинная подать. Так, в июне 1824 г. руководство Петербургской конторы в письме нижнетагильским приказчикам высказало свои опасения по поводу того, что за отправленное Н.Н. Демидову для его минералогического кабинета золото весом 10 золотников не выплачена десятина и следует решить вопрос об этом в Пермском горном правлении или Екатеринбургском монетном дворе (документ № 9). Как показали дальнейшие события, руководство Нижнетагильской конторы проигнорировало это предупреждение, а беспокойство, которое испытывали петербургские управляющие, оказалось вполне обоснованным. В 1827 г. возникло дело о золотом самородке, высланном «казенной почтой» из Нижнего Тагила приказчику Одесской конторы Логинову для отправки Николаю Никитичу без получения официального разрешения на эти действия в соответствующих государственных инстанциях и выплаты десятинного сбора (документы № 10–15). В ходе расследования этого дела в феврале – мае 1827 г. выяснилось, что такого рода незаконная пересылка золота практиковалась и ранее – в 1823, 1824 и 1826 гг., а получателями золота были как Николай Никитич, так и его сын Павел Николаевич, Николай Дмитриевич Дурново и даже управляющие Петербургской конторой (см. документ № 14). Видимо, только во второй половине 1823 – первой половине 1824 г. без выплаты десятины было отправлено для минералогического

---

<sup>1</sup> Данилевский В.В. Русское золото... С. 142.

<sup>2</sup> Свиньин П.П. Картина золотопесчаных промыслов... С. 101.

кабинета Н.Н. Демидова как минимум 2 фунта 1 золотник «само-родного золота» (документ № 10). Неизвестно, была ли выплачена десятина за «7 штуфов, состоящих из самородков», приготовлен-ных к отправке Демидову в мае 1826 г. (документ № 16). В 1827 г., кроме отправленного в Одессу самородка весом 1 фунт 37 золотни-ков, нижнетагильские приказчики тогда же отложили для отправки Н.Н. Демидову еще два самородка весом по 65 золотников (доку-мент № 11).

Петербургские управляющие, судя по документам, проявляли строгость и взыскательность по отношению к нижнетагильским приказчикам только тогда, когда незаконные действия последних выявлялись государственными учреждениями. В том случае, когда сам Н.Н. Демидов требовал совершения формально противореча-щих законам действий, они с готовностью их совершали. Об этом свидетельствуют документы, содержащие сведения о пересылке Н.Н. Демидову образцов платины, найденной на Нижнетагильских золотосодержащих приисках в конце 1823 г. Получив известие об открытии платины, Демидов в письме из Неаполя от 18 декабря того же года распорядился об отправке к нему частицы обнаружен-ных при промывке золота «белых зерен». Но петербургские управ-ляющие доложили ему, что вся добытая платина уже отправлена на Екатеринбургский монетный двор для проведения пробы и пообещали прислать ее в том случае, если она будет найдена при про-мывке золота в первой половине 1824 г. (документ № 17). В апреле 1824 г. обещание было выполнено, несколько зерен платины вместе с самородками золота были отправлены Демидову с приказчиком Макаровым (документ № 18). Но стремление заводчика изучить «сущность платины» было настолько велико, что он потребовал отправить к нему до трех золотников платины почтой, поместив ее в один пакет с пересылаемыми документами (документ № 19). Скорее всего, приказ хозяина был выполнен, так как платина была выслана из Нижнего Тагила в Петербург «с тяжелой почтой», а пе-тербургские администраторы сообщили о своем намерении пере-слать ее Демидову таким же образом (документ № 20).

Безусловно, интерес Н.Н. Демидова к золотым самородкам и платине был продиктован не только стремлением пополнить на-учную минералогическую коллекцию новыми редкими экземпля-рами. Страстный коллекционер уживался в нем с предпринимате-лем, владельцем магазина драгоценностей в Петербурге, оформ-

ленного на имя купца комиссионера Николо Лоренцини. Но письмо Николая Никитича от 23 октября 1825 г., написанное приказчикам Нижнетагильской конторы в связи с полученным от них известием об изобретении нижнетагильским служителем Филиппом Поповым способа плавки платины, свидетельствует о том, что заводовладелец проявлял интерес к новым научным технологиям, в частности к новейшим способам обработки и использования платины, и был готов финансировать их освоение и проверку в европейских лабораториях (документ № 21). В феврале 1826 г. Н.Н. Демидов предписал нижнетагильским приказчикам отправить кого-либо из заводских работников для обучения «сплавке платины» к обербергмейстеру А.Н. Архипову, который в 1825 г. в лаборатории Кушвинского завода разработал технику переработки платины и даже изготовил первое изделие из русской платины – кольцо<sup>1</sup>. Кроме того, «для произведения испытания в проплавке» Николай Никитич считал необходимым оставить в Нижнетагильской конторе до 10 фунтов платины (документ № 24).

Видимо, рассчитывая использовать «белое золото» для изготовления драгоценностей, Демидов предписал петербургским управляющим выслать к нему всю оставшуюся после сдачи в казну платину, добытую на Нижнетагильских приисках во второй половине 1825 г., отправив одну ее половину через Одесский порт, а вторую сухопутным путем через Петербург (документы № 21–24). Пересылка платины Н.Н. Демидову продолжалась и позже. Так, в октябре 1826 г. за границу был отправлен очередной ящик с «белым золотом» (документ № 25). Но следует заметить, что использование платины в ювелирном деле отнюдь не исключало возможности включения некоторых ее образцов в минералогическую коллекцию Н.Н. Демидова. Платиновые самородки и штуфы нередко входили в состав минералогических кабинетов. Так, например, младший сын Н.Н. Демидова Анатолий подарил большой платиновый штуф королевскому минералогическому кабинету<sup>2</sup>.

Наряду с необработанной платиной Н.Н. Демидов получал из России и платиновые изделия. Так, в феврале 1827 г. по заказу его петербургских управляющих были выбиты из нижнетагильской

---

<sup>1</sup> См.: *Данилевский В.В.* Русское золото. С. 279–280.

<sup>2</sup> См.: *Haidinger W.* Die grosse Platin-Stufe im K. K. Hof-Mineralienkabinet, Geschenk des Fursten Anatole von Demidoff // *Sitzungsber. d. math.-naturw. Cl. D. Kais. Akad. D. Wiss.* Wien, 1859. Vol. 35.

платины две медали с портретом Николая I в честь открытия нижнетагильских приисков и его коронации. Одну из медалей они преподнесли императору, а вторая была предназначена для пересылки Николаю Никитичу (документ № 26). В мае того же 1827 г. они сообщили Демидову о выполнении еще одного заказа – изготовлении платиновых жетонов, сделанных по образцу серебряных, которые были выбиты в честь коронации Николая I (документ № 27). Эти факты позволяют предположить, что Н.Н. Демидов был обладателем не только минералогического кабинета, но и коллекции медалей. П.П. Свиньин отмечал, что сын Николая Никитича, Павел, коллекционировал золотые медали и пополнил свою коллекцию выбитой по его заказу из нижнетагильского золота на Санкт-Петербургском монетном дворе медалью «с изображением императора Петра Великого, яко первого виновника благосостояния фамилии Демидовых»<sup>1</sup>. Н.Н. Демидов поощрял увлечение сына, оплачивая расходы на изготовление медалей для его коллекции. Так, в июле 1823 г. петербургские управляющие отправили Павлу Николаевичу одну серебряную и две золотые медали, а счет за их изготовление на монетном дворе выслали Н.Н. Демидову<sup>2</sup>.

Не вызывает сомнений, что минералогический кабинет Н.Н. Демидова включал в себя богатую коллекцию уральского малахита. Документы № 3, 28, 29 и 30 свидетельствуют о том, что, выполняя распоряжения Демидова, управляющие Нижнетагильской и Санкт-Петербургской контор достаточно часто занимались закупкой и пересылкой ему этого камня. Это позволяло Демидову не только пополнять собственную коллекцию новыми образцами малахита, но и стать основным его поставщиком на европейский художественный рынок. По заказам Н.Н. Демидова малахитовые работы для него выполняли мастерские ювелиров Легри, Одио, Филипшери в Париже, фирма «Ботт и Моин» в Женеве, итальянский мастер-малахитчик итальянец Сибиллио Франческа и другие известные мастера. Николай Никитич не только стал обладателем богатейшего по тому времени собрания малахитовых вещей европейской работы, но и продавал малахитовые изделия через разных торговцев драгоценностями и антиквариатом<sup>3</sup>. К числу ставших

---

<sup>1</sup> Свиньин П.П. Картина золотопесчаных промыслов в уральских горах 1824 года. С. 102.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 158. Л. 2 об.

<sup>3</sup> См.: Семенов В.Б. Малахит. Свердловск, 1987. Т. 1. С. 34.

знаменитыми вещей с малахитом относится созданная в мастерских Парижа и Ливорно для флорентийского дворца Н.Н. Демидова большая ротонда из золоченой бронзы с колоннами, украшенными малахитовой мозаикой.

Документы № 31, 32 и 33 свидетельствуют о приобретении Николаем Никитичем минералогической коллекции известного специалиста горнозаводского дела в России конца XVIII – начала XIX в., Андрея Федоровича Дерябина (1770–1820), начальника Гороблагодатских, Камских и Богословских заводов, автора записки «Историческое описание горных дел в России с самых отдаленнейших времен до нынешних» (1804 г.), одного из составителей проекта Горного положения 1806 г.<sup>1</sup> Закончив в 1787 г. высшее горное училище в Петербурге (впоследствии Горный кадетский корпус), А.Ф. Дерябин работал инженером на Нерчинских горных заводах и по рекомендации начальника этих заводов был отправлен за границу для изучения горного дела.

Составители «Русского биографического словаря» отмечают, что во время посещения Англии, Германии и Франции Андрей Федорович собрал коллекцию минералов и полезных ископаемых, которую в 1801 г. передал в дар Горному кадетскому корпусу<sup>2</sup>. В 1811 г. Дерябин назначен директором Департамента горных и соляных дел, в его ведение перешел и Горный кадетский корпус, которому были переданы многочисленные коллекции минералов, собранные экспедицией, посланной в 1814 г. по его проекту в Сибирь для исследования и описания гор и поиска полезных ископаемых<sup>3</sup>. Публикуемые документы позволяют утверждать, что А.Ф. Дерябин имел собственную коллекцию минералов, состоявшую из 4000 образцов, которую передал Н.Н. Демидову в счет выплаты долга. Но смерть Дерябина в 1820 г., пребывание Н.Н. Демидова за границей, необходимость соблюдения формальностей при передаче минералогического кабинета привели к тому, что в течение нескольких лет входившие в него образцы хранились в запечатанных ящиках, без описи, в одном из петербургских домов Николая Никитича (документы № 31, 32). В 1823–1824 гг. Н.Н. Демидов в переписке со своими петербургскими

---

<sup>1</sup> См.: *Власов В.* Дерябин Андрей Федорович // *Русский биографический словарь.* 1905. Т. 7. С. 327–329; *Козлов А.Г.* Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX века. Свердловск, 1981. С. 35.

<sup>2</sup> Там же. С. 328.

<sup>3</sup> Там же. С. 329.

управляющими обсуждал возможность использования этой обширной минералогической коллекции для обучения своего младшего сына Анатолия, а также для использования некоторых находившихся в ней камней для изготовления из них ювелирных вещей (документы № 32, 33). В июне 1824 г.г. этот минералогический кабинет А.Ф. Дерябина был приготовлен для отправки Н.Н. Демидову и, видимо, был получен им в том же году (документ № 33).

Таким образом, публикуемые документы, выявленные в личном фонде Демидовых Государственного архива Свердловской области, свидетельствуют о том, что Н.Н. Демидов продолжил традицию создания научных коллекций, заложенную его дедом, А.Н. Демидовым. Николай Никитич был обладателем минералогического кабинета, который в течение 1823–1827 гг. постоянно пополнялся новыми образцами. В числе новых поступлений следует, прежде всего, отметить обширную коллекцию А.Ф. Дерябина, а также золотые самородки и платину, добытые на приисках при Нижнетагильских заводах. В минералогическую коллекцию Н.Н. Демидова поступали и образцы малахита, который чаще всего покупался у Соломирских, к которым перешел по наследству знаменитый Гумешевский рудник А.Ф. Турчанинова<sup>1</sup>, а также у служащего Департамента горных и соляных дел И.А. Кованько<sup>2</sup>.

Кроме минералогической коллекции, Н.Н. Демидов, видимо, имел и коллекцию медалей и жетонов. В 1827 г. ему была выслана платиновая медаль, сделанная по заказу его петербургских управляющих в честь открытия нижнетагильской платины и коронации Николая I, а также платиновые жетоны, изготовленные, как копии серебряных, выбитых в память коронации императора.

Помещенные ниже документы публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Текст некоторых публикуемых документов передан в извлечении, так как их содержание лишь частично относится к теме данной публикации. Указанием на частичную публикацию документа является предлог «из» в его заголовке. Текст документов передан с сохранением орфографических особенностей, в соответствии с современными правилами пунктуации, текстуальные примечания помещены в подстрочнике.

---

<sup>1</sup> См.: Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004. С. 585.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 143. Л. 2.

**№ 1. 1823 г., августа 30 – Прошение управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидова Александра Любимова и Михаила Белоногова в Департамент горных и соляных дел.**

(Л. 78) Из доставленного на здешний Монетный двор, добытого при Нижнетагильском господина Демидова заводе в первой половине сего года и в первый еще раз с начала существования сказанного завода золота, желается Демидову, как из первой добычи сего драгоценного металла, иметь у себя на память небольшой кусочек того золота, именно, от 1½ до 2 фунтов, почему Департамент горных и соляных дел покорнейше просим: из того доставленного сюда с завода золота кусок одного от 1½ до 2-х фунтов, кому следует, приказать отрубить и нам для доставления господину Демидову выдать, за вычетом в число следующих к получению за сказанное золото денег или, как Департамент заблагорассудит, на что и ожидаем благосклонного удовлетворения.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 158. Л. 78.

Копия.

**№ 2. 1823 г., сентября 25 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 105) К сведению вашему контора имеет честь донести: 1-е) что за представленное заводскою конторою на Екатеринбургский Монетный двор золото 9 фунтов 88 золотников получено от здешнего Монетного двора, за исключением десятины за передел в монету и прочих расходов, золотом 2550 руб., то есть 510 полуимпериалов, серебром 9 руб. 5 коп. и медными 3¾ коп. С таковою, можно сказать, обновою нижеподписавшиеся принимают смелость ваше превосходительство поздравить, желая всеусердно продолжения и умножения более и более сего благородного металла в столь уже известных и славных Нижнетагильских дачах. Контора, имея в виду, что предки вашего превосходительства искали средства оставить в потомство памятники первых приисков золота и меди, в России открытых, сделав из золота хранящуюся здесь известную чашку и из меди хранящийся в Москве стол, полагала, что и вашему превосходительству приятно будет иметь кусочек первого золота, открытого в Нижнетагильских дачах, а потому и просила Департамент горных и соляных дел позволить Монетному двору отпустить ей вместо монеты кусок от фунта до двух с половиною натурою,

отрубя именно от слитка, с ваших заводов доставленного, на что и последовало уже разрешение, но по встретившемуся недоумению оно еще не получено. Коль же скоро получится, то не замедлит отправить // (Л. 105 об.) к вашему превосходительству и не преминет просить о извещении, на какое именно употребление оно пойдет, дабы оно было по конторам вашим известно. Вслед за сим контора постарается доставить вам копию с расчета Монетного двора, каковой спросит из Департамента, а как деньги выданы все уже количество, то при получении слитка заплатится особо тою же монетою, коя получена.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 158. Л. 105–105 об.

Копия.

**№ 3. 1824 г., января 1 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 1 об.) Малахиты, о коих контора представляла вашему превосходительству, уже проданы ко двору, однако ж из них большой штуф, как известно, по распиловке оказался в дело не // (Л. 2) способен. Между тем Григорий Иванович Матвеев купил в Сибири и прислал сюда для вашего превосходительства тех малахитов 5 пудов 2 фунта. По какой же цене они им куплены, здесь еще не известно, а, уповательно, он, Матвеев о том вскорости уведомит контору или прямо ваше превосходительство.

(Л. 4 об.) Известные вашему превосходительству по донесениям конторы кусок золота, полученный с Монетного двора, и присланная из заводов от Григория Ивановича Матвеева топазовая печать от конторы посланы к вашему превосходительству с отправившимся отсюда в Италию на сих днях господином Перовским. Полученная от него в принятии тех вещей расписка при сем вам подносится.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 4 об.

Копия.



**№ 4. 1824 г., февраля 27 – Прошение Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидова в Департамент горных и соляных дел.**

(Л. 79) Из доставленного на здешний Монетный двор добытого при Нижнетагильских господина Демидова заводах во второй половине прошлого 1823 года золота желается его превосходительству иметь кусок одного весом от 3-х до 3  $\frac{1}{4}$  фунта для сделания, как для себя, так и для двоих сыновей своих небольших памятников в воспоминание открытия золотых приисков в Нижнетагильских заводах, почему Департамент горных и соляных дел покорнейше просит: из того доставленного сюда с заводов господина Демидова золота кусок от трех до трех с четвертью фунтов, кому следует, приказать отрубить и для доставления господину Демидову из нижеподписавшихся Михайле Белоногову выдать с вычетом за оное по расчету из числа могущей причитаться господину Демидову за золото суммы, на что и ожидаем благосклонного удовлетворения.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 78 об.–79.

Копия.

**№ 5. 1824 г., марта 4 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 81 об.) Добытое на заводах вашего превосходительства во второй половине минувшего 1823 года золото, о количестве коего от заводской конторы вам уже донесено, из Екатеринбурга обще с таковым же казенным и других помещиков на здешний Монетный двор привезено и вскорости должна последовать // (Л. 82) здесь проба, равно и выдача об отпуске из того золота для вашего превосходительства 2-х и для господина Павла Николаевича 1-го, итого трех фунтов. В Департамент горных и соляных дел от конторы вашей прошение подано, по коему и удовлетворительная резолюция уже последовала. Коль же скоро оное получится, контора с первою оказиею два фунта к вашему превосходительству отправит, а последний фунт господину Павлу Николаевичу доставит.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 81 об. – 82.

Копия.

**№ 6. 1824 г., апреля 9 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 136) Кусок золота весом 2 фунта 8 золотников, из полученного из здешнего Монетного двора из числа добытого на заводах ваших во второй половине прошлого 1823 года, равно и большой образ, полученный от госпожи Марьи Никитичны, конторою посланы к вашему превосходительству с ...<sup>1</sup>, на сих днях в Италию отправившимся. О получении того золота, как и образа, контора просит ваше превосходительство приказать ее уведомить.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 136.

Копия.

**№ 7. 1824 г., апреля 15 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 143 об.) Самородки золота, посланные с Макаровым, контора полагает, что ваше превосходительство оные уже от него, Макарова, получить изволили.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 143 об.

Копия.

**№ 8. 1826 г., октября 22 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы руководству Нижнетагильской конторы.**

(Л. 339 об.) Из прилагаемого при сем ордера заводской конторе, отправленного с эстафетою, вы увидите, что, кроме денег, трехсот тысяч рублей, посланы к вам сделанные по заказу его превосходительством господином Николаем Никитичем, в память открывшихся при Нижнетагильских заводах золотых промыслов, из перводобытого золота: сосуд дискос, крест, звезда и лжица с разными драгоценными камнями, каковая утварь по важности работы и редкости своего богатства заслуживает всех и каждого особенного внимания и любопытства. Нельзя ли попросить господина заводского исправника или главного из священников довести об оной до сведения Пермского преосвященного, горного правления, бергинспектора и даже гражданского губернатора с объяснением, что

---

<sup>1</sup> Фамилия в тексте отсутствует.

утварь сия сделана по усердию господина заводчика в незабвенность // (Л. 340) открывшихся промыслов для Входа-Иерусалимской церкви.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 170. Л. 339 об. – 340.

Копия.

**№ 9. 1824 г., июня 6 – Письмо управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы руководству Нижнетагильской заводской конторы.**

(Л. 251) Милостивые государи наши!

Прилагаем при сем ведомость с расчетом о полученном из здешнего Монетного двора золоте, добытом на заводах его превосходительства во второй половине 1823 года, коего по сплавке на Екатеринбургском Монетном дворе оказалось с легатурою 4 пуда 12 фунтов и 91 золотник. Из доношения же Нижнетагильской заводской конторы видно, что ею представлено на Екатеринбургский Монетный двор, за исключением взятых для кабинета его превосходительства 10 золотников, 4 пуда 15 фунтов 94  $\frac{1}{4}$  золотника, на каковом весе Екатеринбургский Монетный двор, основываясь, вывел, за угаром, отправленными на Петербургский Монетный двор 4 пуда 12 фунтов 91 золотник, как выше сказано, а 10 золотников, как кажется, остались пропущенными в расчете, а потому и десятинной подати с оного не было в Петербурге взято. Замечая вам о сем, рекомендуем, куда следует, отнести, то есть в Пермское горное правление или в Екатеринбургский Монетный двор, чтобы то или другое место благоволило те преимущественные 10 золотников причислить к могущему добычею полученному на заводах его превосходительства золоту в первой половине сего 1824 г. для взятия с оного следующей в // (Л. 251 об.) казну десятины. Мы полагаем, нужно будет предварить о сем правительство заранее, чтобы и последствия, когда счета поступят к доверке и откроется сия ошибка, не вышло бы сомнения и не навлекло бы хлопоты заводам его превосходительства. В ожидании на сие Вашего ответа.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 251–251 об.

Копия.

**№ 10. 1826 г., августа 27 – Письмо управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы управляющим Нижнетагильской заводской конторы.**

(Л. 256) Дошло до нашего сведения, что кем-то, должно полагать, следственною комиссиею, наряженною по казенным заводам, донесено правительству об отправке вами в Одессу, якобы без ведома начальства и записки в шнуровую книгу, от казны данную, самородка // (Л. 256 об.) весом в 1 фунт 37 золотников на случай посылки для кабинета его превосходительства господина Николая Никитича, по чему оно против сего предприняло меры, даже наводит справку с Одессою, точно ли там была получена та самородка и кем именно, по коей натурально открылось, что для кого доставлена и находится в Одесской конторе. Мы, хотя нимало не сомневаемся, чтоб вы, милостивые государи, отправили оную без записки в шнуровую книгу и без позволения горного начальства, но, не быв о том извещены, нашли необходимым, в избежание неприятностей, спросить вас, с чьего позволения, т.е. со стороны правительства, означенная самородка была отправлена в Одессу и записана ли она в книгу. Мы крайне удивляемся, каким манером случилось столь неприятное последствие после бывшей с вами большой переписки, в коей крепко настаивали, чтобы самородки, кои нужно будет иметь для кабинета хозяйского, иначе не брать, как с заявкою начальству и взносом<sup>1</sup> в нарочно данную шнуровую книгу, даже писали, отправлять их не прежде, когда получится на то разрешение, но на чем сие дело кончилось, вы до сей поры нас не уведомляли. Так же не уведомляли и о том, какое заключение последовало в горном правлении по поданному заводскою конторою рапорту в июле 1824 года о взыскании десятинной подати в казну с 2 фунтов одного золотника // (Л. 257) самородного золота, взятого для кабинета господина Николая Никитича во второй половине 1823 и первой 1824 годов, о чем, хотя ныне, просим с подробностью нас уведомить. На будущее же время, в избежание худых последствий, если встретится нужда в самородках, поступать таким образом: представлять их в Екатеринбургскую контору с промытым золотом, прося ее, не сплавляя те самородки, кои желается иметь хозяину для себя, препроводить в здешнюю крепость с уведомлением, чтоб их за отчислением десятины, по узаконениям в казну следующей, благоволили выдать здешней конторе. Поступая таковым манером, мы уверены, что не случится

---

<sup>1</sup> Так в документе, следует: *внесением*.

никогда неприятностей, да и само правительство будет более уверено по соблюдению государственной пользы. А, между тем, для ограничения себя и избавления от ответственности, по получении сего, вам непременно нужно подать просьбу в Пермское горное правление, показав в оной, что по содержанию такого-то указа контора брала самородок для господина Николая Никитича тогда-то и столько-то, количество коих горное правление может усмотреть из книг, от него выдаваемых и свидетельствуемых Екатеринбургскою конторою. Но, как из расчетов, доставленных в здешнюю контору, не видно, чтоб за те самородки была взята десятина, а потому, дабы не подпасть ответственности // (Л. 257 об.) во взятии оных без подати, просить подтвердительно, дабы благоволило горное правление дать знать, куда следует, о взыскании положенной законами десятины. И какое по оному последует решение, нам немедленно сообщить для принятия мер по Департаменту, а между тем и мы здесь, может быть, подадим от себя отношение.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 170. Л. 256–257.

Копия.

**№ 11. 1826 г., сентября 1 – Прошение Санкт-Петербургской домовой конторы в Департамент горных и соляных дел.**

(Л. 263 об.) Здешняя господина Демидова контора известилась, что таковая ж Нижнетагильская заводская из числа добытого в 1-й половине сего года золота в дачах Его превосходительства на основании предоставленного заводосодержателям права брать для своих // (Л. 264) кабинетов золота в самородках до 3-х фунтов в год, одну таковую самородку весом в 1 фунт 37 золотников по записке оной в шнуровую книгу, от Пермского горного правления на таковой случай данную, не представляя оную в главную Екатеринбургских заводов контору, отправила чрез казенную почту в Одессу в домовую господина Демидова контору и две, весом 65 золотников, оставила при заводах. А, как с оных следует заплатить десятинную подать наравне с добытым в первой половине сего года золотом и в Екатеринбург доставленным, то здешняя господина Демидова контора почла нужным довести о том до сведения Департамента горных и соляных дел, и на случай, буде бы главная Екатеринбургских заводов контора не сообщила по принадлежности о взыскании десятинной подати с означенных самородок, покорнейше просим учинить надлежащий распоряжок на вычет за оные подати из золо-

та, промытого в 1-й половине сего года и долженствующего доставиться на Санкт-Петербургский Монетный двор.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 170. Л. 263 об. – 264.

Копия.

**№ 12. 1827 г., февраля 2 – Письмо управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 34 об.) Присланную из заводов в Одессу самородку послать к вашему превосходительству еще невозможно, потому что об оной производится следствие по законному порядку и не прежде можно будет располагать оною, как по заплате десятины, что может быть при расчете за золотодобычи второй // (Л. 35) половины прошлого года. Самородка сия по книгам записана, но заводская контора обязана была, не отсылая оной никуда, представить в Екатеринбург и на право владения испросить особое свидетельство, без коего и сам заводчик самородок, по содержанию законов, права брать не имеет. Дай Бог, сие дело поскорее и хорошо кончить, ибо Пермское горное правление, по здравому рассудку, кругом виновато, но старается обвинить заводскую контору, и, если бы дело не было столь чисто, то заводские приказчики могли бы угадать под суд. Более ж сего контора распространяться не смеет.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 34 об.

Копия.

**№ 13. 1827 г., марта 22 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 79) Дело о золотой самородке, в Одесской конторе имеющейся, теперь можно почитать поконченным<sup>1</sup>, почему с вчерашнею почтою и послано управляющему Логинову, чтобы он, буде не обязан подпискою в хранении, поспешил отправить оную к вашему превосходительству. Буде же с него взята в том каковая-либо подписка, то некоторое бы время обождал, ибо контора не успела еще получить надлежащих законных квитанций во взятой подати, о получении коих приложит старание и, буде нужным признается, испросится особое в Одессу сообщение.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 79.

Копия.

---

<sup>1</sup> Так в документе, правильно: *законченным*.

**№ 14. 1827 г., мая 25 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 144) Контора крайне сожалеет, что по сию пору не может доставить вашему превосходительству золотого самородка, в Одесской конторе хранящегося. Логинов, хотя в принятии одного никакой подписки и расписки не давал, но, как пишет он, дал честное слово хранить впредь до решения дела, а потому, не соглашаясь отправить к вашему превосходительству, предлагает послать его сюда, на что контора и согласилась бы, но боится, чтобы потянувшись за несколькими днями к ускорению, не оттянуть дела на несколько месяцев, ибо при посылке чрез почту могут возродиться новые подозрения или сомнения, почему решила приложить старание выхлопотать поскорее квитанцию во взятии с самородка подати и послать оную к Логинову для очистки его с тем, чтобы он самородок послал от себя к вашему превосходительству. Десятичная подать в марте месяце взята не с того только самородка, который имеется теперь в Одессе, но и с прежде заводской конторою для кабинета вашего оставленных в 1823, 1824 и 1826 годах по наведенной справке Горным правлением из книг Нижнетагильской конторы, с которых прежде никогда десятины взимаемо не было, можно сказать, по неусмотрению Горного правления, ибо заводская контора всегда по книгам показывала. Из прежде взятых несколько штук доставлены вашему превосходительству, одна подарена была господину Павлу // (Л. 144 об.) Николаевичу, одна – господину Николаю Дмитриевичу и одна же, с разрешения вашего оставлена и хранится в здешней конторе.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 144–144 об.

Копия.

**№ 15. 1827 г., июня 1 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 151) Получив из Департамента горных и соляных дел квитанцию /с коей при сем подносится копия / в получении десятичной подати с самородков, контора поспешила послать оную в Одессу с предписанием, чтобы хранящуюся там самородку в 1 фунт 37 золотников немедленно отправить к вашему превосходительству.

тельству, и теперь дело по оной можно почитать совершенно законченным<sup>1</sup>.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 151.

Копия.

**№ 16. 1826 г., мая 28 – Ордер Санкт-Петербургской домовой конторы Нижнетагильской заводской конторе.**

(Л. 160) Дается сим знать на рапорты оной конторы от 2, 23 и 30 апреля за № 640, 866 и 909-м: на первое: упоминаемые в оном 7 штуфов, состоящие из самородок, найденных при разных приисках, здешнюю конторою получены и по принадлежности с первою оказиею отправятся к его превосходительству господину Николаю Никитичу.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 170. Л. 160.

Копия.

**№ 17. 1824 г., января 29 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 39) На повеление вашего превосходительства от 30 / 18 декабря из Неаполя контора честь имеет донести. Из подносимых двух копий, присланных в здешнюю от Нижнетагильской заводской конторы // (Л. 39 об.) при рапорте от 4 генваря за № 19 с доношений ее, посланных в Главную Екатеринбургских заводов контору господину горному тех заводов начальнику, ваше превосходительство изволит усмотреть: из них первое, сколько весом золота представлено на тамошний Монетный двор, добытого в заведенных дачах ваших в течение второй половины минувшего 1823 года для сплавки и доставления на здешний Монетный двор, по второму, какое количество найдено и предоставлено по предписанию правительства похожих на платину или белое золото попадающихся при промывке в виде белых зерен. С сими белыми зернами предположено правительством произвести пробу химическим правилом и узнать сущность, действительно ли оные белые зерна суть платина или белое золото, а последующему по пробе контора не оставит донести вашему превосходительству в свое время для вашего сведения. А как те белые зерна отосланы уже в Екатеринбург, то из

---

<sup>1</sup> Так в документе, правильно: *законченным*.



них отделить частичку для вашего превосходительства ныне никак уже невозможно, а при следующей добыче, то есть в первой половине сего года, если таковые же зерна попадаться будут, поставится в обязанность Нижнетагильской конторе частицу оных отделить и прислать сюда для доставления вашему превосходительству. Белые сии зерна попадаютя вместе с золотом, только весьма в малом количестве, но слышно, что в дачах графини Строгановой попадаетя гораздо более прочих всех других мест.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 39.

Копия.

**№ 18. 1824 г., апреля 9 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 132) На повеление вашего превосходительства из Рима марта от 1 / 13 числа контора честь имеет доносить: несколько белых зерен предполагаемой платы<sup>1</sup>, попадающейя в числе золота, при заводах ваших добываемого, послано к вашему превосходительству с прикащиком Макаровым. Между тем напишется к управляющему Матвееву о присылке оной сюда еще частицы и, если благоугодно будет вашему превосходительству иметь дополнение, то имеющая быть присланною от Матвеева пошлетя к Вам, как назначить изволите.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 132.

Копия.

**№ 19. 1824 г., апреля 11 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы приказчику Нижнетагильской заводской конторы Григорию Ивановичу Матвееву.**

(Л. 141 об.) Милостивый государь, Григорий Иванович!

Его превосходительство господин Николай Никитич, желая видеть сущность платины или белого золота, // (Л. 142) попадающе-гося зернами в числе обыкновенного золота, на промыслах добываемого, изволил приказать отобрать несколько оной, то есть весом от одного, буде можно, и до трех золотников, и оную послать в пакете обще с конторскими бумагами и, как это, и по мнению здешней конторы, сделать очень возможно, по сему и просим вас желание его превосходительства исполнить, послав к нам ту платину

---

<sup>1</sup> Так в тексте, следует: *платины*.

выше сказанным образом. Мы же, по получении, таким же порядком оную препроводим к господину Николаю Никитичу, чего в ожидании с почтением нашим пребываем.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 141.

Копия.

**№ 20. 1824 г., мая 27 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 228) Приказчик заводской конторы Матвеев письмом от 2 мая нижеподписавшихся уведомил, что он с тяжелою почтою послал сюда три золотника в золоте попадающихся малых зерен, называемых платиною или белым золотом, которое при получении, ибо еще из почтамта не получено, контора постарается отправить с первою почтою в конторском пакете к вашему превосходительству.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 228.

Копия.

**№ 21. 1825 г., октября 23 – Из письма Н.Н. Демидова управляющим Нижнетагильской заводской конторы.**

(Л. 221) Во-первых, весьма хвалю контору, что она отнеслась к сыну Павлу Николаевичу на счет того, что служитель Филипп Попов изобрел способ плавить платину, вещь столь мудреную, что даже в просвещенных краях Европы, как во Франции и Англии, есть мало людей, кои сей секрет знают. По некоторому случаю у меня лет с 12 тому назад была таковая из Перу, но я за сплавку оной с фунта платил до семидесяти пяти рублей. На счет же награждения его, Попова, за сие изобретение буду говорить ниже сего. [...]<sup>1</sup>

(Л. 221 об.) Теперь скажу насчет Попова. Ежели он согласится открыть секрет, каким способом он плавит платину, всем прикащикам, и, что точно он плавит без примеси других металлов, как-то олова, как вещь мягкую, ибо в то время оное будет не плавка, а смесь сего вещества с оловом и настоящий обман, ежели же она плавится с примесью других веществ, и что будет настоящий металл сплавленный, то дать ему пятьсот рублей награждения. Даже я не требую, чтобы открыл секрет, хотя мне будет сие весьма приятно, коли он все расскажет, но сплавить при одном или двух прика-

---

<sup>1</sup> Опущена часть документа, содержание которой не относится к теме публикации.

щиках, ибо весьма видно будет, ежели он тут прибавляет олова. Пробу же сию сделать, как видно, что сие позволено правительством, не на золотниках, а на фунт или более, от коего отрезать и сделать лепешечки, в коих не более бы было золотника по три весу и таковых три прислать ко мне // (Л. 222) чрез Петербургскую контору в письме. Когда я получу оные, в то время доставлю в Англию, Францию и Женеву, в три места, где из оной работают вещи в большем виде. Коль скоро по сей методе он всю переплавит, тогда я еще его награжу, коли сия плавка будет удостоена теми местами, куда послано будет. А как сомнения, кажется, нет, что правительство получило то, что ему следует, по последнему зимнему пути прислать ко мне без замедления времени одну половину...<sup>1</sup> чрез Петербург, а другую через Одессу. Ежели же она будет не так, как медь посылаться, золотом, то я дам Петербургской конторе свое приказание, как с оной поступить.

Н. Демидов

ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 221–222.

Подлинник.

**№ 22. 1826 г., января 5 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы в Одесскую контору.**

(Л. 5 об.) Из могущей получиться от заводской конторы платины его превосходительство изволит приказывать отправить одну половину сухопутно, а другую морем, через оную контору. Хотя здесь известно, что общим тарифом вывоз оной позволен, // (Л. 6) однако, на всякий случай, его превосходительство изволил приказать спросить оную контору, дозволен ли вывоз оной платины из Одесского порта, о чем, выправясь<sup>2</sup>, имеет она контора сюда отпрапортовать.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 170. Л. 5 об. – 6.

Копия.

**№ 23. 1826 г., февраля 5 – Из ордера Санкт-Петербургской домовой конторы Нижнетагильской заводской конторе.**

(Л. 64) До сведения здешней конторы дошло, что вместе с добытым во вторую половину прошлого года золотом отправлено

---

<sup>1</sup> В документе пропущено: *платины*

<sup>2</sup> Так в документе, следует: *узнав*.

оною в Екатеринбург для сдачи следующей только в подать платины 32 фунта. Из сего заключить можно, что оставшая осталась в заводах, которая, ежели и до получения сего никуда не отправлена, то предписывается отправить одну половину сюда, а другую в Одессу по тяжелой почте, оценивая для платежа страховых вдвое против серебра. Отправить же онаю не в одном ящике, а в нескольких, фунтов по 20 или по 30, как удобнее признается.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 170. Л. 64.

Копия.

**№ 24. 1826 г., февраля 19 – Ордер Санкт-Петербургской домово́й конторы в Нижнетагильскую заводскую контору.**

(Л. 84 об.) Если добытая во 2-ю половину прошлого года платина до получения сего в казну не сдана, никуда не отправлена и, буде контора может онаю располагать, то предписывается сим из числа имеющегося количества оставить до 10 фунтов у себя для произведения испытания в проплавке, для чего отдать кого-нибудь к господину Архипову обучаться сплавке оной на основании предписания его превосходительства, посылаемого с нынешнею почтою, остальную же платину, согласно ордеру от 5 числа сего месяца за № 129, отправить сюда и в Одессу.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 170. Л. 84.

Копия.

**№ 25. 1826 г., октября 22 – Из ордера Санкт-Петербургской домово́й конторы Московско́й домово́й конторе.**

(Л. 415) По бывшей прежде с онаю конторою переписке на счет провоза лошадей, купленных для его превосходительства господина Николая Никитича, здешняя контора, с разрешения его высокоблагородия господина Павла Николаевича и согласия прикащика оной Федора Соловьева, наняла здесь для препровождения до Флоренции означенных лошадей вручителя сего ордера Фердинанда Чивилетти. // (Л. 415 об.) Ежели в Москве установилась теперь зимняя дорога и лошади выезжены, то контора не должна медлить с сооружением транспорта, // (Л. 416) а тотчас отправить в путь, купя для людей и на случай поклажи припасов и привязки лошадей две повозки или телеги, как говорится об оном в контракте. Вместе с транспортом к его превосходительству послан отсюда с служителем Боливиным Николай Белов и ящик с платиною, обшитый в ко-

же, с таможенным штемпелем и особо выданным на ту платину таможенным ярлыком.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 170. Л. 415–416.

Копия.

**№ 26. 1827 г., февраля 22 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 43) Из числа отданной в горный корпус для сплавки платины 10 фунтов, как о том изволили заметить из прежних доношений, на прошедшей неделе выбита медаль штемпелем для медалей, по случаю коронации чеканенных с портретом государя императора весом в 77 золотников, которая в непродолжительном времени отправится к вашему превосходительству. Контора решилась оную сделать в знак памяти открытия при ваших заводах платины и коронации государя императора, впрочем, ежели вашему превосходительству неуютно будет оной иметь, то можете сделать из оной такое употребление, какое благорассудится. При чем контора не лишним почитает упомянуть, что таковых больших медалей имеется только две, одна выбита и поднесена по случаю коронации государю императору, а другая сделана для вашего превосходительства.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 43.

Копия.

**№ 27. 1827 г., мая 25 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 141 об.) Из вещей, требуемых вашим превосходительством, как то: изумрудного убора, обработанной платины, выбитой из оной медали и прочего контора постарается часть отправить с господином Серво, на сих днях отправиться долженствующим, а прочее – с господином доктором Фаляски. Из платины червонцев здесь не чеканили и сколько известно, решительного предположения на то еще не имеется, но были слухи, что, может быть, по времени правительство пожелает оставлять за собою всю платину, при частных заводах добываемую, с платежом за оную, как за золото, денег, и употреблять на чекан монеты и другие потребности. Слухи сии пронеслись оттого, что господин министр финансов, доставив в Ученый комитет Горного корпуса // (Л. 142) некоторые сведения, из Америки полученные, якобы вывоз оттуда платины воспрещен с предположением употреблять оную на битье монеты, изволил тре-

бовать соображения и мнения. Но, может быть, господин Крузе назвал червонцами выбитые из платины здесь так называемые жетоны с тех, кои во время Высочайшей коронации были бросаемы в народ серебряные, каковых несколько штук выбито и для Вас и с первою оказиею к вашему превосходительству доставятся. Контора решилась приготовить сих жетонов для того, что, буде они будут излишни, то можно будет обратить их во всякие изделия.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 141 об. – 142.

Копия.

**№ 28. 1824 г., апреля 15 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 143 об.) Малахит, Макаровым сюда привезенный, Одесскою конторою чрез Бердичев уже получен и, уповательно, оттуда уже послан на корабле к вашему превосходительству. О рассортировке же его по желанию вашего превосходительства и оставлении на месте неспособного в дело, Одесской конторе было предписано: впредь, буде случится покупка малахита, предписанная от вашего превосходительства сортировка произведена будет.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 143 об.

Копия.

**№ 29. 1827 г., января 26 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 31 об.) Московская контора от 17 января доносит сюда, что по предписанию здешней, согласно воле вашего превосходительства, отправила в Одессу барельеф покойного Акинфия Никитича, из белого итальянского мрамора сделанный, а с ним вместе сто пудов свеч восковых, для вас купленных, и малахитовый штуф, из заводов доставленный.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 31 об.

Копия.

**№ 30. 1827 г., марта 22 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 79) О покупке для вашего превосходительства восковых свеч до 100 пудов и об отправке оных в обозе с лошадьми давно уже вашему превосходительству донесено. В том же обозе отправ-

лен малахит, купленный в прошлом лете от господина Кованьки<sup>1</sup>, вместе с купленным у господ Соломирских, а ныне куплено еще у него же господина Кованьки 52 фунта в четырех кусках по расчету 600 руб. за пуд, который отправится к вашему превосходительству на первом корабле, в Ливорно отплыть могущем.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 79.

Копия.

**№ 31. 1822 г., мая 24 – Письмо управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы неизвестному лицу<sup>2</sup>.**

(Л. 189 об.) Ваше превосходительство!

Милостивый государь!

За должную покойным Андреем Федоровичем Дерябиным его превосходительству Николаю Никитичу Демидову сумму денег 92580 руб. 90 коп., в число удовлетворения сего долга, хотя предоставлен самим покойным Андреем Федоровичем и вашим превосходительством минеральный господина Дерябина, заключающий в себе 4000 кусков разных камней, оцененный им, господином Дерябиным, по 4 руб. за каждый кусок, а за все 16 тысяч руб. его превосходительство господин Николай Никитич, желая скольконибудь // (Л. 190) получить в уплату долга, сей минеральный кабинет принимать изволил и сделал оному уже назначение, но прежде, однако ж, желает знать качество, породу и достоинство упоминаемых камней. Хотя сей кабинет уже более 3-х лет хранится в доме его превосходительства, но, как оный находится уложенным в запечатанных ящиках, то, не имея на снятие тех печатей письменного позволения, ни решительного согласия вашего превосходительства о уступке его господину Николаю Никитичу, мы к исполнению желания его превосходительства покорнейше просим пожаловать дать нам письменное ваше согласие, как о покупке сего кабинета, так и на снятие печатей.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 145. Л. 189 об. – 190.

Копия.

---

<sup>1</sup> Так в документе, следует: *Кованько*.

<sup>2</sup> Возможно, адресатом был Дружинин, упоминаемый в документе № 32 настоящей публикации.

**№ 32. 1823 г., июля 24 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 20) Натуральный кабинет, полученный от господина Дерябина, по сие время находится запечатанным и неизвестно, содержит ли что в себе хорошего, заслуживающего посылки во Францию и еще более, может ли быть годным для обучения господина Анатолия Николаевича, и потому контора приискала знающего человека для разобрания шуффов и сделать оному роспись. Впрочем, теперь контора и не может отправить оный, как изволите приказывать, потому что господин Дружинин не соглашается оный отдать без разобрания шуффов<sup>1</sup> посредством чиновника с его стороны. А между тем, буде окажется, что находящиеся в кабинете шуффы не слишком важны, которые, может быть, не будут стоить посылки, // (Л. 20 об.) а при коллекции необходимы для видимости пород, то таковые прикажите ли отправлять? Контора будет ожидать от Вас дальнейших приказаний.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 158. Л. 20–20 об.

Копия.

**№ 33. 1824 г., июня 24 – Из письма управляющих Санкт-Петербургской домовой конторы Н.Н. Демидову.**

(Л. 277) Минеральный кабинет, доставшийся вашему превосходительству от господина Дерябина, разобран и учинена ему опись еще осенью минувшего 1823-го года, за каковой разбор заплаченные разбирателю, чиновнику горного<sup>2</sup> господину Нефедьеву, деньги 250 руб. записаны в расход в сентябре месяце того же года. Ныне, хотя он почти весь уже уложен в ящики, но не отправлен единственно по случаю неимения корабельного места, к отысканию коего контора прилагает возможное старание, и коль скоро оное найдется, поспешит отправить в Гавр или Руан на ордер<sup>3</sup> Феликса Вейера, как приказывать // (Л. 277 об.) изволите. Весьма вероятно, что во время, когда сие донесение дойдет до Вашего превосходительства, кабинет оный будет уже в пути. В числе минера-

---

<sup>1</sup> Так в документе, следует: *штуффов*.

<sup>2</sup> Так в тексте, видимо, пропущено: *департамента*.

<sup>3</sup> Так в тексте, видимо, следует: *на адрес*.



лов действительно находятся яшмовые и другие хорошие камни, способные на обработку в вещи и шлифовку, которые уже отобраны уложиться особо от прочих, и о том господин Феликс Вейер достаточно уведомлен будет.

ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 277–277 об.

Копия.

В.П. Бойко  
ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ ОЛИГАРХ:  
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ОБРАЗ ЖИЗНИ  
ЧИНОВНИКА И ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКА Ф.А. ГОРОХОВА

В исторической литературе давно уже стало устоявшимся мнение о том, что крупнейший сибирский золотопромышленник Философ Александрович Горохов родился в семье мелкого енисейского чиновника. Обладая выдающейся энергией и предприимчивостью, он сделал блестящую карьеру, став в 36 лет томским губернским прокурором. Одновременно через выгодный брак с дочерью золотопромышленника Филимонова он вошел в число самых состоятельных людей Сибири, преумножая свои капиталы за счет разработки собственных золотых приисков. Ф.А. Горохова можно считать одним из первых сибирских «олигархов», соединившим мощь капитала с административным ресурсом. «Томский герцог» – таково было почетное неофициальное звание этого незаурядного и неординарного деятеля сибирской истории, который достоин большего внимания к своей личности, чем это было прежде. Находка записок А.М. Горохова (отца золотопромышленника) и отдельных архивных материалов о банкротстве и долгах его сына позволяют во многом по-иному посмотреть на этот интересный сюжет, тесно связанный с историей Томска, Томской губернии и всей Сибири.

**Цель и задачи «Записок»**

Обратимся же к указанным «Запискам» Горохова-отца, которые названы им весьма претенциозно – «Залог, или Нравственное

зеркало, указывающее на предметы, которые могут служить руководством в жизни...»<sup>1</sup>. Записки представляют собой тетрадь большого формата, в которой насчитывается 274 листа и 90 вклеек. Почерк автора, имя которого указано на листе 166, достаточно четок и разборчив, что свидетельствует о многолетней письменной практике человека, прошедшего чиновничью карьерную лестницу с самых нижних ступенек. По косвенным данным рукопись была оформлена в рассматриваемую здесь книгу в Томске в 1836–1839 гг. В сентябре 1839 г. ее читал епископ Томский и Енисейский Агапит и оставил там свои пометки. Например, на листе 72 он поддерживает рассуждения автора о морали праведников репликой «достойно замечания». На листе 110, когда Горохов высказывает мнение, что «должна быть признана лучшею та книга, которая представляет истину под приятными формами», что это «зеркало, в которое мы смотримся, часто не видя себя». Преосв. Агапит с ним не согласен: «Не так – надобно иначе думать – друг мой».

---

<sup>1</sup> [Далее – Записки А.М. Горохова]. Палеографическое описание рукописи сделано доктором исторических наук, зав. сектором ОРКП НБ ТГУ В.А. Есиповой, отрывки из которого мы здесь помещаем: «Размер блока 31,0 x 29,8 см, бумага белая и голубая с гербами бумажных фабрик и без них датирована 1823, 1828, 1832, 1834 и 1835 годами, что не противоречит авторской датировке рукописи. Почерк: гражданская скоропись начала XIX века (четкий писарский почерк А. Горохова) и пометки Агапита, первого епископа Томского и Енисейского и протоиерея Созонта Куртукова. На титульном листе вклеена иллюстрация круглой формы (пейзаж, гравюра на меди, раскрашена цветным карандашом от руки...). Состояние книги хорошее, блок цел, незначительные загрязнения по углам первых листов. Незначительные потертости и загрязнения механического и биологического характера, утрачены фрагменты кожи корешка (сверху и снизу), небольшой фрагмент зеленой бумаги с верхней крышки переплета. На верхней крышке также затеки, капли воска. Источник поступления: Томский этнолого-археологический музей ТГУ, Музей истории материальной культуры ТГУ. Далее в сносках этот документ будет указан как «Записки А.М. Горохова», хотя полное его наименование «Горохов А.М. Залог или Нравственное зеркало, указывающее на предметы, которые могут служить руководством в жизни, а вместе с тем помещаются в отрывках сведения о происшествиях в моей жизни случившихся и проч. Начат писать набело с 1836-го года, августа 23 дня в Томске. Рукопись. Томск, 1836–1839. Научная библиотека Томского государственного университета. (Витр. 884)».

На наш взгляд, записки представляют собой своеобразный «поток сознания», когда автор не выстраивает материал по сюжетам и не подчиняет повествование хронологической последовательности. Однако это ни в коей мере не снижает их значения как источника не только по воссозданию мировоззрения и ментальности сибирского чиновничества, но и как характеристику сознания образованного человека первой половины XIX в., сибирского провинциала пушкинской эпохи.

Вместо предисловия А.М. Горохов помещает стихи, которые показывают в нем не только любителя поэзии XVIII в., по образцу которой он пытается сформулировать свои мысли, но и человека, который смело берется за перо стихотворца, чтобы выразить свое кредо:

О, родные мои! Непрочной славы суета,  
Меня не мстит очарованьем,  
Не жду вниманья от чужих людей,  
Но я писал с упованьем,  
Чтоб на устах родных о книге моей  
Улыбку сорвать одобренья,  
И за успехи, похожие на вдохновенье  
Внимать души их привет,  
Как будто и я был поэт<sup>1</sup>.

Следом идет разъяснение этих тезисов в прозе: «Любезные мои дети, вручая вам эту мою рукопись, уверяю, что я в ней изложил чистосердечно все то, что на опыте испытал, видел, думал или из начитки книг понимал. Я клянусь честью вам, милые дети, что к составлению сего истинно способствовало мне только одно свободное время, мысль и желание оставить вам какой-нибудь залог, а отнюдь не эгоизм и пустое честолюбие, которое, как вам и самим известно, не составляет принадлежности одного какого-нибудь звания, не ограничивается особым классом людей, оно свирепствует во всех отраслях гражданского общества»<sup>2</sup>. Термины «класс» и «гражданское общество» как социальные явления не утратили своей значимости и актуальности и в нынешнее время, хотя в пушкинские времена имели другое значение. Автор записок желал бы передать опыт своим наследникам, так как, судя по всему, недвижимости и капиталов у него не было, да его дети особенно в этот пе-

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 2.

<sup>2</sup> Там же. Л. 3, 3 об.

риод и не нуждались. В Западной Сибири в 1830-е гг. начинается «золотая лихорадка», и его сын, по имени Философ, воспользуется этой ситуацией сполна. Имея важные чины и должности, он женился на дочери золотопромышленника Филимонова, а Филимоновы, в свою очередь, были в родстве с кланом Поповых, урало-сибирских откупщиков и первооткрывателей алтайского россыпного золота.

В конце 1840-х компания Горохова, Филимоновых и других компаньонов потерпит крах и, словно предчувствуя это, А.М. Горохов умоляет своих потомков «трудиться в звании своем и не расточать время на праздность и роскошь, на балы и шумные увеселения, помня жалкую участь богача того, который живучи в мире сем облачается в порфиру и шелка, веселяся во все дни свои, а по смерти во аде, в муках не имел капли воды остудить языка своего...». Переход к языку, насыщенному церковными терминами, и сюжетам, связанным с библейскими, показывает глубокую религиозность автора записок, что подтверждается в дальнейшем. Христианские заповеди словно должны пробудить в читавших эти тексты совесть и сочувствие к бедным: «Богатство ли кому бог даровал, тот разделяй оно хотя бы частицами с бедными, помни, что он только казначей, а не настоящий владелец, что рано или поздно (придется. – *В.Б.*) оставить что накопил; стыдиться должен так же пресыщения роскошными тогда, когда бедные собратья от глада умирают». Кроме христианских заповедей аскетизма, бегства от богатства как источника грехов, которые в большей степени были характерны для православия, автор записок прибегает к скрытым литературным цитатам. В одних случаях авторство можно установить, в других это сделать сложно, но А.М. Горохов упоминает их как общеизвестные и не требующие полного раскрытия. Вот образец скрытой цитаты: «Для чего прошу вас, милые дети! Сколько силы вам позволяют стараться исполнять из написанного здесь последний мой совет – «мечты, слезы, стоны и молитвы отца вашего, вырвавшиеся из души его» принимать всерьез и насколько возможно исполнить»<sup>1</sup>.

Жизнь словно посмеялась над завещанием старого чиновника. Его сын, носивший столь необычное имя Философ, которое, вероятно, внушало надежду на выдающиеся его способности и особую его судьбу, и в малой степени не отличался скромностью и челове-

---

<sup>1</sup> Записки А.М. Горохова. Л. 5–6.

колюбием. Гордыня и страсть к обогащению поглотили все основные качества его личности и привели к жизненному краху.

### **Биография отца**

Целенаправленные поиски сведений о службе в Сибири А.М. Горохова в Томском государственном архиве дали скудные результаты, но и они отчасти опровергают версию о его малых чинах и низких должностях. В деле, озаглавленном «Списки томских чиновников на предмет оценки их имущества за 1814 г.», фигурируют сразу два чиновника, фамилии которых прославили их сыновья на ниве сибирской золотопромышленности. Асташев Дмитрий Васильевич, коллежский асессор и Горохов Александр Михайлович, коллежский секретарь и ордена св. Владимира 4-й степени кавалер. Соответственно, ни тот ни другой недвижимости и крепостных в других губерниях не имели<sup>1</sup>. Что касается должности, то А.М. Горохов исполнял важную для губернского города должность городничего. Судя по всему, он следовал из Бийска, где служил на должности земского исправника (глава уездной полиции), в Нарым, куда был назначен с повышением на место городничего. По неизвестной нам причине от должности томского городничего был отстранен поручик Александр Прокопьевич Бутырин. Поэтому в деле, названном «Списки и иные сведения о разных чиновниках», появилась запись: «В 1815 году в Томске место городничего вакансия, а управляет Нарымский городничий и кавалер коллежский асессор А.М. Горохов»<sup>2</sup>. Нет сомнений, что, расширив поиск в других архивах страны, можно найти более точные и подробные сведения о скромном (пусть будет так) чиновнике Горохове. Однако формулярный список дает исследователю только штрихи биографии того или иного деятеля, жизненную канву, оставив без внимания те многие обстоятельства и факты биографии, которые и составляют саму жизнь. Обнаруженные в Научной библиотеке Томского университета записки А.М. Горохова дают как раз ту информацию о его мировоззрении, настроениях и пристрастиях, которую в официальных документах, скупых на обыденную и ментальную характеристику людей того времени, найти трудно, а порой и невозможно.

---

<sup>1</sup> Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 353, 355.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

Итак, А.М. Горохов прослужил в Сибири около 40 лет, но родился он 22 августа 1869 г. в Петербурге «от благородных родителей и рано спознал сиротство»<sup>1</sup>. Служба его начиналась, судя по всему, в Иркутске, где он перешел с военной службы на гражданскую и где 22 октября 1794 г. женился. Говоря о благородстве своего происхождения, Горохов его несколько преувеличивает, так как в потомственное дворянство он был произведен как чиновник 8-го класса и награжденный вдобавок российским орденом высокого класса (св. Владимира 4-й степени). Служил он в сибирских учреждениях с 1787 г., а происходил из обер-офицерских детей, т.е. его отец не достиг 8-го класса по Табели о рангах. Имя своей уже ко времени написания записок покойной супруги автор не упоминает, хотя относит себя к тем, кому «посчастливилось попасть в число тех немногих, коих супружеское блаженство от времени не уменьшается, а возрастает. Она сохранила ко мне ту же скромность, ту же уступчивость, ту же предупредительную приветливость, которые меня пленили (до свадьбы. – В.Б.)»<sup>2</sup>.

Во время службы Горохов приобретал последовательно 4 дома в Иркутске, Бийске, Каинске и Енисейске, которые при переездах вынужден был продавать очень даже дешево, с большим для себя убытком. «Бывало, не успеешь обзавестись на месте нужными по хозяйству вещами и экипажем, покупая не вовремя дорогою ценою, как должен был уступать за дешевизну или вовсе оставлять так: потом в другом месте начинать то же, отчего в долги попадал и с нуждою по малополучаемому жалованью уплачивал, лишая себя и семейство свое не только чтоб по характеру щеголеватости, но и самого нужного, дабы не гонялись за мной долги. При отдаче в замужество трех дочерей, несмотря на то, что разделили с ними из последнего, если бы не было пособия у первой со стороны бывшего в Томске покойного губернатора Илличевского и его супруги покойной же Александры Ивановны, а у последних двух со стороны почтеннейших моих сватовей Евстифея Васильевича и Татьяны Ивановны Филимоновых, сына моего Философа Александровича и милой нашей дочери и его супруги Олимпиады Евстифеевны, у которых чад большого света не задушил искренности, они скромны без жеманства, величавы без гордости и щедры не из тщеславия.

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 16.

<sup>2</sup> Там же. Л. 37 об.

Скажу еще больше, что общая их всех поддержка совершенно меня восстановила; благодарность моя им сокрыта в душе нашей и умрет не оглашенная словами»<sup>1</sup>.

Приведенный здесь с минимальными изменениями текст дает представление не только о фактах биографии чиновника Горохова и его семьи, но и показывает субъективизм автора записок. Приукрашивание дописываемых событий и людей является родовым признаком источников личного происхождения, поэтому доверять такой характеристике не приходится. О результатах деятельности Ф.А. Горохова разговор еще впереди, но, являясь одним из богатейших людей Сибири, он пускал на ветер свои средства с таким безрассудством, что его скромность и щедрость сильно, очень сильно преувеличены. Например, среди жертвователей на строительство Троицкого кафедрального собора в Томске с 1842 по 1851 г. Горохов-сын со взносом в 1576 руб. 5 коп. стоит на непочетном для него 9-м месте между поселенцем Иваном Разумовским и чиновником Томского губернского правления Гуляевым, далеко отставая, например, от томского мещанина Михеева (8400 руб.), купцов Толкачевых, каждый пожертвовал почти по 6 тыс. руб. и других, гораздо более скромных по своему состоянию людей<sup>2</sup>.

Таким образом, А.М. Горохов на протяжении последнего десятилетия XVIII и первой трети XIX в. занимал в нескольких городах Сибири (заштатные и захудалые Киренск и Нарым, губернские и крупные Иркутск и Томск, богатые алтайские города Бийск и Барнаул) важные должности члена гражданского и уголовного суда, судьи, городничего, а в Томске перед выходом на пенсию в 1820-х гг. – советника и чиновника особых поручений. Везде он старался, по его словам, честно выполнять свой долг и не допускать злоупотреблений. «Истинно справедливо, – подчеркивает он в своих записках, – что я, оставляя службу, не принес домой скопленных сумм, кроме мундира со знаками доблести, трезвости, честного и незапятнанного имени, усердия к своему Государю, твердой веры в Бога и запаса семейственных добродетелей...»<sup>3</sup>. Но в детях А.М. Горохов видит другие качества, и это его расстраивает и удивляет. На страницах

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 63, 63 об.

<sup>2</sup> См.: *Евтропов К.Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске. (Постройка его с характеристикой времени и деятелей). Томск, 1904. С. 175.

<sup>3</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 32 об.



своих записок он как бы полемизирует с ними, пытается объяснить причины своего бескорыстия. Он постоянно повторяет, что никогда не жалел о том, что не воспользовался случаем «запасться для детей излишностями и деньгами». Свое кредо он отстаивает следующими тезисами: «Вспомним, что не получал и сам ничего от своих родителей, исключая родительское благословение... Что убожество (бедность. – В.Б.), если оно не есть следствие порочной жизни, никого не бесславит... Богатыми делает нас не золото и имение, оно останется еще и тогда, когда нас не станет, ибо другие присвоят его себе... Богатство никогда не было доказательством прямого достоинства; сверх того, иногда средства приобретения оно бывают достойны величайшего презрения»<sup>1</sup>.

Между тем условия службы провинциального чиновника оказывались зачастую весьма тяжелы. Например, в Бийске, где А.М. Горохов служил земским исправником, подконтрольная территория простиралась от китайской границы на реке Чуе до озера Алтын, или Телецкого, примерно «на сот восемь верст». Постоянные поездки по Алтаю были сопряжены с большими трудностями. Так, в октябре 1805 г. Горохов и лица, его сопровождавшие, довольно долгое время вынуждены были питаться «тремя фунтами подгнивших сухарей, заправленных двумя сальными свечками». После этого он был направлен в Туруханск уездным судьей и одновременно городничим. Состояние дел там было настолько запущено, что пришлось работать по 16 часов, кроме воскресений, в течение 7 месяцев, отчего автор «Записок», по его словам, «доходил до чрезвычайной слабости». Тем не менее Горохов откомандирован в верховья Тунгуски (на 1200 верст) в урочище тунгусов, где, как сообщалось, из-за голода наблюдались массовые случаи каннибализма (всего погибло 48 человек). Документально сухо мемуарист вспоминает об этом так: «Прибыл на место 20 сентября 1812 года, вернулся 25 декабря того же года и по худобе моей едва был там узнан, ибо из тех мест, где я находился, до меня в зимнее время никто никогда еще не выходил». С присущим ему чувством юмора А.М. Горохов добавляет: «Пиры во время стоянок в шалашах состояли из трех ложек сушеного киселя в котле на полведра воды изо льда или снега»<sup>2</sup>. Именно от таких поездок у него остался рев-

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 43, 43 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 26, 27.

матизм и другие болезни, которые доставляли ему «ломотную боль, колотье в боках, одеревенелость пальцев у обеих рук и ног, судороги довольно часто...»

Таким образом, старый служака Александр Горохов прошел трудный путь работника низового управленческого и судейского звена, сделал достаточно успешную карьеру и оставил о себе хорошую память. Это был не тот знаменитый гоголевский городничий, который, как известно, тоже тридцать лет служил, но за это время его «ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул...». Между тем репутация отставного чиновника Горохова в Томске, где он остался после выхода на пенсию, была безукоризненной. С одной стороны, под судом и следствием не был, хотя время было сложное, одна строгая и всеохватывающая ревизия М.М. Сперанского чего стоила. С другой стороны, первый епископ Томский и Енисейский Агапит называл Горохова «наивозлюбленнейшим и почтеннейшим старцем».

Обстоятельства последних дней жизни А.М. Горохова, которые описывал в сочувственных тонах Г.С. Батеньков, также говорят в его пользу. В письме к И.И. Пущину он сообщает: «Наш местный некрополь нельзя сказать, чтоб был в полном застое. В начале февраля (1847 г. – *В.Б.*) скончалась всем известная госпожа Горохова... Потеря чувствительная для всего города, чувствительная и для меня по закоренелой семейной приязни: прошедшее лето я у нее и прожил в садовой беседке. Это женщина 33 лет, мать 9 детей, дочь, сестра, обладательница ежегодных 50 пудов золота и, что важнее, всегда готовая на доброе дело». Следом за снохой или, как он ее называл, «милрой нашей дочерью Олимпиадой Евстифеевной» умер и сам А.М. Горохов. Батеньков писал об этом в июне 1847 г.: «Похоронил 80-летнего старца, с которым был близок в юности. Он дал добрый пример христианскою кончиною, сохранив до конца умные силы. Я прожил вместе с ним прошедшее лето и любил его слушать, потому что он едва ли не все перечитал»<sup>1</sup>. Все сказанное об А.М. Горохове дает основание считать его одной из оригинальных и ярких фигур томского чиновничества. Энциклопедически образованный и умный Г.С. Батеньков давал высокую оценку его начи-

---

<sup>1</sup> *Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1: Письма (1813–1856). Иркутск, 1989. С. 235–236, 241.*

танности, уму и нравственному облику, которые мы попытаемся раскрыть в следующих разделах.

### **Пути-дороги чиновника Горохова**

Автор «Записок» достаточно подробно описывает свои дорожные странствия, которые отнимали у него много времени и сил, оставили незабываемые впечатления. Прежде всего, А.М. Горохов перечисляет маршруты своих поездок и их протяженность. Расстояния указаны в верстах, но это не должно смущать современных читателей, так как в одной версте было чуть более 1000 метров (1066,8). Итак, несколько раз он ездил из Сибири в Москву и Петербург, в столице получил назначение в Якутск и отправился туда (8807 верст), а «от-толь» в Иркутск (2550 верст). При переходе из военной службы в статскую, пишет автор о начале своей карьеры, служил он заседателем в г. Киренске и за 3,5 года «выездил» 20785 верст. После этого отправился за новым назначением в Тобольск (3000 верст), а оттуда в Бийск (2260 верст). Здесь по должности земского исправника и по особым поручениям наездил 47610 верст, а кроме этого, в Туруханске в течение двух лет объезжал тунгусские стойбища, бывал он и в Нарыме, и в Тазовском поселении.

Некоторые переходы, судя по всему, были не добровольные, а вынужденные. Дело в том, что земский исправник вместе с двумя-тремя заседателями земского суда выполняли судебные и полицейские обязанности на очень обширной территории округа. Круг их обязанностей был очень широк, но широки и бесконтрольны были и их полномочия, что давало возможность исправнику и заседателям повсеместно получать огромные несправедливые доходы. В Сибири такой порядок позволял еще более утвердиться в жизни и приобрести за счет службы первоначальный капитал. Многие сибирские предприниматели из чиновников, особенно золотопромышленники, прошли через эти хлопотные, но весьма доходные должности. Чтобы как-то уменьшить злоупотребления, власти, прибегали к ротации кадров, т.е. регулярному перемещению чиновников низшего звена с места на место. Другой путь обеспечения честной службы чиновников – повышать их в чинах и перемещать на более высокие должности или отдавать под суд за серьезные должностные преступления. Известна фраза М.М. Сперанского в начале его ревизии Сибири в 1819 г.: «Если бы в Тобольске я ви-

новых отдал под суд, то в Томске мне оставалось их только повесить. Злоупотребления вопиющие...». Позднее американский путешественник Дж. Кеннан отмечал: «Практика взяток пышно и откровенно цветет в Сибири. Не только представители местной администрации, но и частные лица не могут считать себя в полной безопасности от всевозможных обвинений, если они не могут прибегать к «дарам» для устранения всяких недоразумений»<sup>1</sup>. Список свидетельств о весьма распространенной практике различных корыстных злоупотреблений сибирских чиновников можно многократно расширить, т.е. такое явление было здесь вполне типичным. Главное в такой ситуации для чиновника – не попасть под подозрение у высших должностных лиц, которые в силу своего положения должны были наблюдать за порядком на вверенной им территории, а получая довольно высокое жалованье с сибирскими надбавками, не так остро нуждались в средствах, как их мелкочиновные подчиненные.

Не избежал подозрений в должностных преступлениях и А.М. Горохов. Для оправдания нужно было ехать в столицу Сибири – Тобольск, и тогда он, по его словам, сделал глупость: «Оставив службу, дом, родство и распродав большую часть своего небольшого имущества», выехал в Тобольск искать правду. Однако долгий переезд из Иркутска в Тобольск закончился для его семьи печально – он лишился двух сыновей, старшего и младшего, которых в Тобольске и похоронил, а с последним сыном, Философом, дочерью и женой, получив должность, переехал в Бийск.

Остается добавить, что всего по просторам России, прежде всего Сибири, Горохов-старший проехал 115047 верст. Это составляет около двух с половиной оборотов вокруг земли по экватору, что тогда, наверное, было не в диковинку. Ямщики, работники почтовой службы, фельдъегери и чиновники из далекой провинции могли бы составить не менее длинный и впечатляющий список своих передвижений. Только автор рассматриваемых здесь записок, в отличие от других, имел под рукой журнал своих поездок, что и позволило этой важной информации дойти до нашего времени.

Интересно описание способов передвижения чиновника: «Поезды я имел не только конною силою на повозках и верхом, но и на оленях, на верблюдах, на быках, в лодках, на барках, не один раз

---

<sup>1</sup> Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. СПб., 1906. С. 98.

зимой на нартах с парусом по льду или собаками, а иногда и людьми везомый и на конях в жестокие морозы и пешком на лыжах: по неумению еще ходить на них, неоднократно случалось спускаться с гор катком, то есть перевертываясь с боку на другой, вымочившись в снегу, или впоследствии где сломишь лесинку – скатываешься на лыжах на ней как в старинных сказках Баба Яга на помеле»<sup>1</sup>. Записки А.М. Горохова, несмотря на достаточно большой промежуток времени между фиксацией воспоминаний и самими описываемыми событиями, сохранили живость и этнографическую емкость повествования. Без сомнения, многие сюжеты, связанные с жизнью людей в начале XIX в. и описанные мемуаристом, станут серьезным дополнением к уже открытым источникам по истории и этнографии начала XXI в., когда рассматриваемым запискам будет уделено более пристальное внимание исследователей. Во многом это напоминает исповедь, т.е. форму человеческого сознания, вылившееся в документ, который, несмотря на свою архаичность, удивительно современен. Об этом в свое время говорил А.В. Гулыга, когда характеризовал известные воспоминания А.Т. Болотова как социокультурный и художественный феномен<sup>2</sup>.

### **Черты ментальности А.М. Горохова**

Характеристика менталитета той или иной социальной группы или общества в целом в последнее время стала одним из условий полноценного социокультурного исследования. Образ мыслей отдельного человека, а именно такие базовые понятия, как его религиозность или атеизм, образованность и включенность в мировую и отечественную культуру, знание традиций и обычаев своей социальной группы, – все это и многое другое является ментальной (умственной и мировоззренческой) характеристикой личности. Записки А.М. Горохова дают возможность проникнуть во внутренний мир человека начала XIX в., который отчасти сформировался как личность в Сибири.

Первое, на что читатель записок невольно вынужден обратить внимание, – это безусловная глубокая религиозность автора. А.М. Горохов постоянно пишет о своей преданности православной вере, уповает на высшие силы в решении служебных и житейских

---

<sup>1</sup> *Записки А.М. Горохова*. Л. 18, 19.

<sup>2</sup> См.: *Гулыга А.В.* Искусство в век науки. М., 1978. С. 25.

проблем, десятки страниц заполняет молитвами и благословлениями своим детям, внукам и близким людям. Чтение было для Горохова занятием необходимым и постоянным, а круг читаемой литературы был хотя и широк, но не имел определенной направленности. Скорее всего, он читал все, что было ему доступно в провинциальном Томске середины XIX в., и выбор был случаен: «Признаюсь, что я сам возвышаюсь духом, когда читаю священные книги, люблю красоту языка церковного, мало нам доступного, но люблю и светские сочинения, соединяющие в себе чистую нравственность с прелестью воображения и красотой слога»<sup>1</sup>. Вторая половина рукописной книги заполнена рассуждениями на темы религии и морали без всякой связи с реальной жизнью. От цитирования литературных текстов Горохов переходит к выпискам больших цитат из Библии и других церковных книг.

С одной стороны, автор записок видится ортодоксом, т.е. безоговорочно верующим человеком, с младенчества пребывающим в вере и не сомневающимся в ее благотворности. Сомнения в этом чреватых грехом атеизма: «Всякое недоверчивое исследование о тайнах веры приводит, наконец, к мечтам и запутанным боданиям, которыми распаленное воображение обманывает нас самих и других». Из этого тезиса делается очередное наставление потомкам: «Милые дети, всегда пребывайте в этой нашей вере; она наша высшая мудрость, из нее истекает спокойствие души и, во всяком случае, успокоение сердца»<sup>2</sup>. С другой стороны, Горохов видит главное средство улучшения людей, которое не совсем соответствует догматам церкви и внушено было русскому дворянству, прежде всего Вольтером. Рационализм и просвещение по нему были восприняты дворянами на рубеже как модное увлечение, которое было внушено не столько книгами просветителей, сколько образом жизни и кругом чтения императорского двора и самой Екатерины II. Поэтому А.М. Горохов внушает потомкам: «Просвещение и основательные познания есть средство, с которыми человек может иметь все довольства жизни даже среди диких народов. Образованность облагораживает человека, сравнивает все состояния и даже дает преимущества бедному перед богатым, безродному перед знатным». Это уже вольтерьянство чистой воды, неприемлемое для

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 110–111.

<sup>2</sup> Там же. Л. 145.

сословной России. Преосвященный Агапит сомневается в такой оценке людей и мягко возражает автору: «Не скоро сюда таких людей заманят...»<sup>1</sup>.

Вообще-то, записки А.М. Горохова полны прямых и скрытых цитат, что указывает на хорошую память и начитанность автора, о которой писал сосланный в Томск декабрист Г.С. Батеньков – человек энциклопедических знаний. Последнее подтверждение этому находим в книге томского историка В.Д. Юшковского «Батеньков в Томске», его диссертации и нескольких статьях<sup>2</sup>. Давний знакомый Батенькова еще по первому его пребыванию в Томске, в то время чиновник по особым поручениям при томском губернаторе, коллежский асессор и кавалер Горохов, хотя и не входил в состав масонской ложи, организатором которой был Батеньков, но был одним из тех, с кем будущий декабрист охотно общался. И для этого были веские причины. Например, записки Горохова полны цитат из Ветхого и Нового Заветов, особой любовью пользуются притчи Соломона, а тогда, в 1819 г., в губернских городах организовывались Библейские общества. Пример в изучении Библии подавал сам император, а сановники в силу разных причин его поддерживали. Из тех немногих, кто хотел эти общества использовать для просвещения народа, были М.М. Сперанский, всесильный сибирский генерал-губернатор, и его молодой сотрудник Батеньков. Однако в Томске эта идея не получила развития, так как большинство грамотных людей не столь охотно читали сообща Библию, как хотелось бы основателям Библейских обществ. Чиновники не отличались религиозностью, а купцы, как тогда говорили «прикержачивали», т.е. были сторонниками старой веры, поповцами и беспоповцами. Одним из немногих местных чиновников, кто разделял желание властей просвещать в этой сфере, был А.М. Горохов. Впрочем, вскоре Библейские, как и масонские, общества были закрыты и запрещены – «власть предрежачие» стали опасаться вольнодумства и либерализма даже в таких невинных и наивных формах. Усилил-

---

<sup>1</sup> *Записки А.М. Горохова*. Л. 114.

<sup>2</sup> *См.: Юшковский В.Д.* Батеньков в Томске. Томск, 2007; *Он же.* Г.С. Батеньков: эволюция личности и мировоззрения в историческом контексте России первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007 и др.

ся контроль и за старообрядцами, так как наступили «чугунные» времена николаевского режима.

Другой чертой сибирского чиновника Горохова была его хорошая начитанность. Упоминание имен писателей и цитаты из Державина, Фонвизина, Булгарина, Грибоедова, Крылова, лорда Байрона, Пушкина и некоторых других авторов, а также цитирование малоизвестных современному читателю поэтов и писателей, имена которых Горохов иногда не помнит, – все это свидетельствует о глубоком внедрении провинциального чиновника в культурные процессы того времени. До читателей он доносит свое преклонение перед книгами: «Теперь поговорим о книгах. Они занимают время у людей, приносят через то пользу, они друзья наши, самые верные и послушные. Они поджидают нас; никакое другое удовольствие в жизни не может быть так питательно для всех вкусов, как чтение...»<sup>1</sup>. Пусть наивно, но старый чиновник пытается воздействовать на потенциального читателя своих записок, прежде всего своего сына, всеми возможными для него аргументами. Текст насыщен рассуждениями общего характера: о любви, верности и ревности, о благородстве и неблагодарности, о светлых и темных сторонах отдельной личности и общества в целом, что является, вероятно, отражением воспитания и схоластического образования Горохова-отца.

Такая предрасположенность передалась, судя по всему, его сыну, который украшал свой дворец и сады различными вычурными надписями. Например, его библиотека, как передает А.В. Адрианов, состояла из стройных рядов книг в отличных переплетах, которые были подозрительно «одинаковой толщины и роста с золотым тиснением на корешках: «Благонравие и порок», «Тщеславие и скромность» и т.п. названия, какие только могла подсказать изобретательность необразованного человека». В саду у него были беседки и бельведеры с надписями «Храм любви», «Убежище для уединения» и другими затейливыми и претенциозными названиями. Главной беседкой было сооружение в китайском стиле, украшенное китайскими вазами и другими изделиями, вывезенными из Китая<sup>2</sup>. В этой-то беседке и прожили,

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 96, 98 об.

<sup>2</sup> См.: *Адрианов А.В.* Томская старина // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск, 2002. Т. 1. С. 374, 376.



вероятно, лето 1846 г. А.М. Горохов и Г.С. Батеньков, о чем говорилось в этой статье выше.

Автор записок не идеализирует чиновничью среду, в которой пришлось вращаться ему и его сыну. Он как бы напутствует его: «Вам известно, что есть люди, у которых перо тоже, что кинжал в руках убийцы (в подстрочнике дополнение – «точно есть острые перья, которые умеют писать жестокие истины и гнусную ложь»). – В.Б.). Булгарин предостерегает, что надо много ловкости и твердости, чтоб при всей честности, не споткнуться на поприще ябеды, шествуя в тесной колонне с подьячими. Это почти то же, что выйти чистыми из толпы угольщиков»<sup>1</sup>. Понятно, что творчество и личность Фаддея Булгарина у нас известны из эпиграмм Пушкина, и только редкий специалист по литературе первой половины XIX в. может похвастаться знакомством с его произведениями. Тем не менее слова этого изощренного кляузника и недруга Пушкина признаются А.М. Гороховым в качестве назидания, что для того времени было справедливо.

Следом идут другие рассуждения, которые сопровождаются вклейкой листочка с острой эпиграммой А.С. Пушкина, посвященной едва ли не тому же Ф. Булгарину.

Приятно дерзкой эпиграммой  
Взбесить оплошного врага,  
Приятно зреть, как он упрямо,  
Склонив бодливые рога,  
Невольно в зеркало глядится  
И узнавать себя стыдится,  
Приятно, если он, друзья,  
Завоет сдуру: «Это... я...».

Скорее всего, текст эпиграммы дается по памяти или по рукописному списку, и берут сомнения, что он принадлежит перу Пушкина. По крайней мере, пролистав первые тома его 10-томника и справки в IX томе, таких стихов я не обнаружил, хотя что-то до боли знакомое здесь слышится. На основе такой сатиры А.М. Горохов делает вывод: «Смешное в человеческих ошибках назидательно, принося иногда пользу более всякого нравоучения». Тем не менее, оставив свойственный ему юмор, автор вновь и вновь читает своим потомкам нудную мораль: «Слава есть мимолетный гул, от-

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 89.

даленный рокот грома, мгновенно исчезающий. Что она оставит после себя? Удивление, одно темное воспоминание, и по обыкновенному ходу дел – забвение»<sup>1</sup>. Стоит еще раз упомянуть, что сын мемуариста Философ Горохов всегда поступал в своих делах с точностью до наоборот – был болезненно тщеславен, не знал пределов в погоне за богатством и славой, обуян был безумной гордыней, был уверен в своей исключительности, за что и поплатился. Как будто не слышал он крика души своего отца: «Ах, любезные дети! Если бы только мог перевести с души моей на ходячий (так в тексте. – В.Б.) язык мой свои опыты, мечты и мысли. Тогда вы нашли бы и это мое зеркало довольно занимательным, но вместо этого брошу еще несколько слов о выгодах скромности противу самолюбия, гордости и тщеславия». К этим рассуждениям автор записок добавляет стихи Сумарокова:

Игрушка счастья и судьбины,  
С дурным посредственного смесь,  
Кусок одушевленной глины,  
Оставь свою смешную спесь.

Можно, конечно, заняться выверкой цитат и обнаружить их несоответствие оригиналу, но эти методы хороши при внимательном чтении мемуаров и записок известных писателей, общественных деятелей и политиков. Здесь же важен сам факт появления тех или иных цитат и их интерпретация автором, чиновником, получившим знания через самообразование и общение со своими современниками.

### **Морально-этический кодекс чиновника Горохова**

Забота А.М. Горохова о нравственности своих потомков прослеживается на всем протяжении его записок. Вновь и вновь он повторяет прописные истины, любимое его изречение, которое он хотел сделать эпиграфом, – «лучше ложиться без ужина, чем вставать с долгами». Для сына это было неактуально, так как он разорил огромное число сибиряков, одалживая у них деньги под большие проценты и пуская их в рискованные операции по поиску и добыче золота, а чтобы еще и получить кредит доверия, пускал пыль в глаза напускной и чрезмерной роскошью своей жизни. Дру-

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 91, 92.

гой афоризм Горохова: «Лучше скудно жить и мало нажить, чем позорно умереть». В связи с этим Горохов-старший сделал вывод: «...таковые примечания не допускали меня рисковать собою и приобретать капиталы нахальством и происками». У него, как он пишет, постоянно вертелось в голове одно стихотворение, автора которого он не помнил:

Коль сыт одним – на что три блюда?  
Коль есть кафтан – на что их пять?  
К чему потребна денег гряда?  
Умрешь – с собою ведь не взять!..»<sup>1</sup>

Мудрые с точки зрения морали и этики замечания рассыпаны по всему тексту записок Горохова, но особенно много их в конце повествования, когда он переходит от изложения обстоятельств своей жизни к поучениям. «Человек смиренный и благочестивый говорит мало, чтобы излишество в словах не вовлекло его в рассеянность», – пишет он в одном месте<sup>2</sup>, а в другом внушает: «Похвально стремление к славе, но приобретать ее должно не хищением и коварством. Меч сильному дан не для того, чтобы поражать слабых и невинных, но чтобы защищать их от неправедных»<sup>3</sup>.

В русской общественной жизни и культуре известна ситуация, когда довольно распространенным стал тип «лишнего человека», пренебрегавшего условностями светских обычаев. Одни из них затем вступали в тайные общества и становились декабристами, другие, как Чаадаев, не могли найти себе места в душной атмосфере николаевского режима. По запискам Горохова выходит, что такие люди стали достоянием не только российских столиц и крупных городов, но и сибирских провинциальных городков, скорее всего, Барнаула и Томска, где в последнее время служил А.М. Горохов. На вклейке XXVII он несколько брюзгливо замечает: «Очень неприятно смотреть, как молодой человек сидит в компании в креслах, перед дамами облокотясь на спинку кресел, и с этим отвратительным спокойствием небрежно протянув длинные ноги так, что

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 30, 30 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 90.

<sup>3</sup> Там же. Л. 93.

порядочному человеку нельзя пройти мимо его, не споткнувшись о его ноги. Гордо, с неколебимую уверенностью в истине слов своих, со сверкающими глазами и диким вдохновением забывает, что между его слушателями есть люди старше его летами и опытом»<sup>1</sup>. Вечное противоречие между отцами и сыновьями выражено здесь довольно образно и резко, хотя до появления нигилистов базаровского типа было еще далеко. Вот тогда, в 60-е гг. XIX в., к этическим противоречиям прибавятся общественные и политические. А в 30-е гг. это еще были редкие для той поры цветочки в образе местных и заезжих Онегиных и Печориных.

В своей жизни А.М. Горохов, судя по всему, был непримирим к пьянству, хотя приходилось служить ему в местах, где этот порок был глубоко внедрен не только в простонародье, но и местную элиту – чиновников, купцов, священников. Однажды в Туруханске, где приходилось служить в свое время А.М. Горохову и его сыну Философу, произошел курьез, который передает со слов местного священника ссыльный народник С.Я. Елпатьевский, постоянно практиковавший во время ссылки как врач: «Потягивают наши окаянцы спирт, ну, знаете, в другой раз и натянутся «соборне». Проснутся – часы стоят: заведут их на глазомер, по соображению, сколько выпито было. Шут его знает – сколько: может пять часов, может десять проспали, потому все ночь, три месяца ночь. Да и позвольте знать, кому они, часы, нужны? И часов то было пять или шесть ли в городе. Заводили это они, заводили, – приходит светлое Христово воскресенье. Ну, как быть должно, честь-честью, яйца накрасили, службу отслужили, разговляются у пристава, выпивают. Вдруг слышат – почта из губернии. К празднику да еще праздник! Они к почтальону: «Христос воскрес!»», а он тарашит на них глаза: «Что вы, говорит, черти оглашенные, в страстную пятницу Христову воскресенье празднуете? Будьте вы прокляты». Знаете, – засмеялся священник, – как меня назначили в Окайный (Туруханск. – В.Б.), начальство на прощание и говорит: «Вы хоть часы с недельным заводом купите, – все, чай, там хоть кто-то один раз в неделю трезвый бывает»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 94. Вставка XXVII.

<sup>2</sup> Цит. по: *Тяпкина О.А.* Темпорально-пространственные аспекты ментальности жителей малых городов Западной Сибири во второй половине

В таких условиях воздержание от злоупотреблений спиртными напитками было необходимым условием сохранения физического и нравственного здоровья. А.М. Горохов это осознавал и завещал: «Пьянство при всей богопротивной гнусности влечет за собой болезнь, бедность, безумство, неотвратимый позор и вред в обществе, срам и стыд родству»<sup>1</sup>. Следуя этому правилу, Горохов-отец дожил до глубокой старости, почти до 80 лет, хотя и страдая радикулитом и ревматизмом, но сохранив до конца здравый ум и твердую память.

И вновь старый чиновник говорит о недопустимости греха и заклинает: «Еще раз прошу вас, дабы вы гордыне в своих чувствах и даже в словах властвовать не допускали, ибо от нее получает человек всякое губительство». И вновь в качестве аргумента приводятся стихи неизвестного автора:

Вся наша жизнь пройдет как тень,  
Мне говорят мои морщины,  
Что моего рожденья день  
Прибавит день моей кончины».

На этой же странице своего сочинения автор благословляет своих детей и подписывается – «отец ваш Александр Горохов»<sup>2</sup>. Дальше в тексте идут молитвы и благословления, а затем еще около сотни страниц (Л. 174–274) третьего добавления, сделанного в 1837–1839 гг. и уступающего началу повествования в содержательном плане. Начинал Горохов записки своими, пусть нескладными стихами, а заканчивает цитированием малоизвестного поэта:

Приветствую тебя, последнее жилище,  
Усопших братьев, забытые от людей,  
Приют таинственный, угрюмое кладбище,  
Где жажду я обнять оплаканных друзей...

и т. д. на целую страницу<sup>3</sup>.

---

XIX – начале XX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: К 60-летию профессора В.А. Скубневского. Барнаул, 2005. С. 120.

<sup>1</sup> Записки А.М. Горохова. Л. 154.

<sup>2</sup> Там же. Л. 166.

<sup>3</sup> Там же. Л. 263. об.

Такие настроения автор объясняет тем, «что старость и дряхлость довольно ощутительно убаюкивают меня своим манером, чувствую, что у меня более чернил на пере, чем мыслей в голове». В самом конце своего журнала А.М. Горохов резюмирует: «Я чувствую, что бедный мой разум изменяет и даже рука худо повинуется воле... Однако я буду писать, куда смогу... Это развлекает, это занимает меня, при том я хочу делать полезными даже минуты, которые остаются мне на существование»<sup>1</sup>. Тем не менее судьба оставила А.М. Горохову еще почти десяток лет жизни (умер он, как отмечал Г.С. Батеньков, летом 1847 г.) и стал поневоле наблюдателем взлета и падения своего сына – Ф.А. Горохова, о котором пойдет речь ниже.

### **Служебная карьера Ф.А. Горохова**

Карьера Ф.А. Горохова достаточно подробно освещена в его служебном формуляре, но это тот случай, когда историку известна только внешняя канва жизни своего героя, а внутренний мир и другие важные обстоятельства остаются вне поля зрения. Поэтому обратимся не только к документам, которые напрямую характеризуют жизнь и деятельность Горохова-сына, но и к материалам, косвенно это затрагивающим. К сожалению, в отличие от своего отца, Ф.А. Горохов не оставил письменных свидетельств о своей жизни, хотя у него на склоне лет и была такая возможность, так как, по воспоминаниям современников, «уничтоженный и больной Горохов доживал свои дни в крошечном домике рядом с прежними хоромами, которыми уже не владел более»<sup>2</sup>.

А начинал Ф.А. Горохов в марте 1809 г., когда ему было всего 13 лет, в Енисейском уездном суде канцеляристом, т.е. с низшей должности, которая заключалась в переписке служебных бумаг. Такая должность для него была облегчена тем, что в числе опытных и облеченных властью чиновников в этом ведомстве был его отец. Такой порядок службы был для чиновничьих детей вполне традиционным. Достаточно сказать, что подобный старт своей служебной карьеры сделали известные золотопромышленники Асташев и Цибульский, многие другие чиновники, так как грамотных и ответственных людей на младшие должности не находили. У

---

<sup>1</sup> *Записки* А.М. Горохова. Л. 266.

<sup>2</sup> См.: *Адрианов А.В.* Томская старина ... С. 377.

российских дворян XVIII в. была еще более хитрая традиция в отношении своих детей. Они записывали сыновей в гвардейские полки чуть ли не с момента рождения, так как по петровским указам дворянские недоросли должны были отслужить в гвардейских полках не менее 10 лет. Вот к моменту совершеннолетия и выходили на службу офицеры, на бумаге прошедшие многолетнюю начальную военную подготовку, а на деле совсем «не нюхавшие пороха» и не имевшие опыта службы. Большинство же сибирских грамотных и инициативных молодых людей шли на должности приказчиков и управляющих частных лиц и компаний, где и жалование было выше, и перспективы повысить свой социальный статус и разбогатеть превышали перспективы казенной службы.

Вероятно, голод на дельных чиновников заставил томского губернатора В.Р. Марченко командировать в мае 1811 г. юного канцеляриста Горохова в Туруханск для устройства там новых поселений и зимовий для перевозки чиновников и доставки почты. Вернулся в Енисейск юноша в августе 1812 г., пробыв в командировке больше года. Интересно отметить, что именно в это время в Туруханске служил городничим и уездным судьей его отец. Поэтому известные А.В. Адрианову факты героического пребывания 15-летнего юноши на далеком и диком севере сильно преувеличены<sup>1</sup>. Отец помогал сыну делать карьеру умело и действенно. Об этом он в своих записках не говорит, но, сопоставляя места службы и время нахождения там Гороховых, можно сделать вывод о том, что в начале карьеры отец не оставлял заботами и помощью своего единственного сына и тот вполне оправдывал его надежды.

В январе 1814 г. Ф.А. Горохов был переведен в Нарымский уездный суд и 31 декабря того же года стал коллежским регистратором. Родился он в 1796 г., как, впрочем, и его более счастливый в поисках и добыче золота соперник И.Д. Асташев, и в это время им было, соответственно, по 18 лет. В 1814 г. родилась в семье тогда тарского купца Евтихия Филимонова дочь, которую нарекли Олимпиадой. Еще через 18 лет она станет женой Ф.А. Горохова и в 1835 г. родит ему дочь Ольгу. В рассматриваемом здесь служебном формуляре чиновника за этот год сохранилась трогательная запись: «Женат, имеет дочь Ольгу 2-х недель»<sup>2</sup>. Всего в семье Гороховых

---

<sup>1</sup> Адрианов А.В. Томская старина. С. 373.

<sup>2</sup> ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 463.

было 9 детей, что, конечно, истощило силы Олимпиады Евтихиевны, и она в 33 года, как отмечал Батеньков, умерла.

Надо сказать, что в записках А.В. Адрианова, которые довольно часто цитируются в различных исторических трудах и публицистических работах, много неточностей, свойственных воспоминаниям. Например, отцом жены Горохова ошибочно назван «Аполлон Евтихиевич Филимонов, крупнейший томский золотопромышленник и откупщик», но это был родной брат Олимпиады Евтихиевны. Остается только догадываться, почему в городе Таре, этом оплоте сибирского старообрядчества, вдруг возникает интерес к античности и детей называют такими именами, а дочерей выдают замуж за высокопоставленных чиновников, а не за своего брата-купца.

После службы в «медвежьих углах» карьера Ф.А. Горохова стремительно набирает темпы. В мае 1815 г. он вводится в штат Томского губернского правительства и уже через год назначается здесь столоначальником, а 31 декабря 1817 г. получает чин губернского секретаря. В сентябре 1819 г. Ф.А. Горохов прикомандирован в Томский гражданский и уголовный суд секретарем и на следующий год там утвержден. Не стоит забывать, что именно там заканчивает свою службу его отец и, вероятно («Ну как не порадеть родному человечку!...»), обеспечивает ему протекцию. Вполне естественная ситуация во все времена, но это во многом объясняет быструю карьеру Горохова-сына. Тем более что он во многом повторяет путь отца – после службы на разных должностях в губернском управлении выдвигается на место Каинского земского исправника, получив при этом последовательно чин коллежского секретаря, титулярного советника, и в 31 год стал коллежским асессором, т.е. чиновником 8-го класса, дающего в то время право на потомственное дворянство, тогда как его отец достиг этого чина только в 54 года.

Не обходят молодого судейского чиновника и награды. К 1835 г., т.е. ко времени составления служебного формуляра, у него был нагрудный знак «XV лет беспорочной службы» и орден св. Анны 3-й степени. Орденов могло быть и побольше, рангом они могли быть повыше, так как ордена св. Анны и св. Станислава низших степеней не пользовались у чиновников и офицеров почетом. Другое дело – орден св. Владимира для статских и св. Георгия для военных. Тем не менее отметим, соперник Горохова по делам добычи золота и первенства в Томске И.Д. Асташев имел



несколько орденов высоких степеней, но знака о беспорочной службе не имел, так как привлекался по делу о неправильном расходовании казенных денег при строительстве этапных помещений. До осуждения дело не дошло, но оставлен был будущий статский советник с записью в формуляре: «Под следствием был... Правительствующий сенат нашел его виновным в неосмотрительной покупке в Ирбитской ярмарке казенных материалов и вещей с убытком для казны, а потому и подтверждено ему быть впредь осмотрительнее»<sup>1</sup>. В дальнейшем И.Д. Асташеву, как, впрочем, и Ф.А. Горохову, удавалось избегать разоблачений, связанных с золотопромышленностью, так как к тому времени они имели в Петербурге высоких покровителей и огромные, даже по общероссийским масштабам, капиталы.

Главным покровителем томских тузов был шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, который кроме служебных, имел личные интересы в сибирской добыче золота в виде паев золотопромышленных компаний и приисков, записанных на имя его родственников. Например, в 1835 г. он просил генерал-губернатора Западной Сибири Сулиму оказать помощь в удержании нанятых на прииски Асташева рабочих. Не секрет, что он и несколько высокопоставленных аристократов состояли пайщиками компании Асташева. Сулима поспешил выполнить просьбу близкого друга императора Николая I и удалил от дел томского исправника Кусенкова, который справедливо настаивал на соблюдении закона о найме рабочих на прииски от 22 июля 1822 г.<sup>2</sup> Вмешался Бенкендорф и в судьбу Ф.А. Горохова, когда над ним сгустились тучи. Активные занятия золотопромышленностью шли в ущерб служебной деятельности губернского прокурора Горохова, и в судах скопились груды нерассмотренных дел, а многие сотни арестантов ждали в острогах приговоров или оправданий по несколько лет. Мало того, что занятия предпринимательством параллельно со службой были чиновникам запрещены, но и служебные упущения не считались для некоторых из них поводом для преследования. Собственные капиталы и заискивание перед богачом, а не перед чиновником позволяло Горохову смириться с тем, что орденов он уже не получал, как не получал и денежных премий, размеры которых были бы смешны при размахе его дел. После разбора дела Горохова на месте было установлено, что он не вел якобы свои дела в

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 855. Л. 21.

<sup>2</sup> См.: *Восточное обозрение*. 1893. 14 февр.

ущерб государственным, но от службы его освободили и тихо отправили в отставку.

Тем не менее перспективы дальнейшего роста по службе малообразованного, но энергичного и способного чиновника были. Об этом свидетельствуют записи в его формуляре: «За успешное выполнение поручений ревизовавших Западную Сибирь господ сенаторов по положению комитета господ министров Высочайше утвержденному награжден 1500 рублями. (16 июля 1829 г.)». Сумма для того времени огромная – двухгодичное жалованье чиновника средней руки или стоимость хорошего дома с помещениями для прислуги и хозяйственными постройками. Нанять кухарку тогда стоило 3–5 руб. в месяц, работникам (конюхам, кучерам, дворникам и сторожам) платили немногим больше, подневная оплата составляла 30–40 коп., заработать полтинник в день можно было только на отдаленных приисках за 12–14 часов изнуряющего труда. Следующая запись гласила: «По предложению г. генерал губернатора Западной Сибири от 18 июля 1832 года объявлена в пример другим признательность за открытие убийц крестьянина Расторгуева и пограбленного имения»<sup>1</sup>. После этого в том же году 31 декабря Горохов был произведен в надворные советники, а 13 января 1833 г. по предложению министра юстиции определен в Томск губернским прокурором. Однако к этому времени служба у него достигла пика и пошла на спад, так как вместо генеральских чинов его идеалом становится золотой телец. Золотая лихорадка овладела тогда многими, невзирая на звания и сословную принадлежность, но только избранным удавалось достичь успеха. Философ Александрович именно к ним и принадлежал, более того, стал примером для подражания и поводом для зависти многих своих современников. Сохранился документ, в котором новоявленный прокурор клялся в своей преданности императору и заверял, что ни в каких недозволенных и тайных обществах не состоял. На память потомкам остались витиеватый писарский почерк и замысловатая подпись Горохова. В отличие от других деятелей эпохи первоначального накопления капитала, он не оставил ни своего портрета, ни зданий и сооружений, которые бы напоминали о его роли в накопленных и пушенных по ветру богатствах.

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 463. Л. 6.

### **Взлет и падение томского герцога**

Среди нескольких суждений о начале сибирской золотопромышленности остановимся, на самой убедительной, наш взгляд, версии, которая связана с архивными находками в Государственном архиве Красноярского края, где хранятся документы фонда известного сибирского купца, мецената и коллекционера Г. Юдина. Многие связывают удачу в поисках и находках золота с именем верхотурских купцов Федота Ивановича Попова и его дяди Андрея Яковлевича Попова, которые составили огромный капитал за счет винных откупов, а потом истратили колоссальные средства на поиски золота в Тобольской губернии (около 200 тыс. руб.), а затем в Томской губернии, где нашли несколько фунтов золота с большой примесью серебра. Найденные нами документы говорят о том, что только привлечение специалистов, горных офицеров с уральских заводов, окончивших Горный институт и имевших опыт геологических работ, могло принести успех предприятию Поповых. Полевые работы дали обнадеживающий результат в 1830 г. сначала в Мариинской, а потом, в 1830-е гг., и в Енисейской тайге. Последующая разведка дала надежные и обширные золотые запасы между Средней и Подкаменной Тунгусками<sup>1</sup>. Там, в местах, связанных со службой отца и сына Гороховых, началась золотая лихорадка, в которой младший из них, Философ, стал одним из главных деятелей.

Итак, миллионеры-откупщики Поповы в начале XIX в. породнились с тарскими купцами Филимоновыми. На чем были основаны их связи? Сейчас трудно об этом говорить определенно, но генеалогическое родство между сибирскими купеческими родами было в те времена в порядке вещей. Знакомство через коммерческие дела, приверженность к официальной православной вере или к старообрядческим толкам, деловые качества купца, наконец, его внешность или особенности характера – все это могло быть причиной сватовства и последующего супружества. По каким именно причинам младший сын тарского купца третьей гильдии Василия Филимонова Евтихий женился на дочери верхотурского купца Ивана Попова Татьяне (род. в 1776 г.), которая была родной сест-

---

<sup>1</sup> ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4981. Л. 1–5.

рой будущих первых сибирских богачей-золотопромышленников Федота и Степана Поповых, можно только догадываться<sup>1</sup>.

Е.В. Филимонов в Таре имел 3 дома, 14 душ дворовых людей (обычно они были из Киргизских степей) и арендовал Екатеринбургский винокуренный завод, который давал около 9 тыс. ведер хлебного вина в год. Закупая сырье для производства спирта, производя выкурку вина и поставляя его на север Тобольской губернии, Филимонов был монополистом в этой области и получал колоссальные прибыли. Кроме этого, он поставлял хлеб и соль в казенные магазины на Тобольском севере, имел огромный парусный флот (47 судов), который удачно продал казне в 1822 г. за 87 тыс. руб. Семья купца поддерживала семейный бизнес: жена Татьяна сама выбирала купеческое свидетельство первой гильдии и занималась торговлей, сыновья Николай и Аполлон занимались поисками и добычей золота, дочь Олимпиада была выдана замуж за томского прокурора, а потом и золотопромышленника Ф.А. Горохова<sup>2</sup>. К огромным административным ресурсам бывшего прокурора следует добавить немаловажную должность городского головы, которую занимал в 1840–1848 гг. Н.Е. Филимонов, что еще более усиливало позиции компании в Томске. Для полноты картины можно указать, что у него была жена Александра Андреевна (судя по имени, не из купеческой среды) и дочери – Софья, Александра, Ольга и Марья.

Такая предварительная информация о происхождении начальных капиталов в сибирской добыче золота необходима для того, чтобы в деталях проследить историю быстрого подъема и скорого падения компании Горохова, Атопкова и др. Выходит, что учредители компании построили к середине XIX в. своего рода пирамиду, которая с треском провалилась, увлекая в свою воронку многих простодушных и наивных людей, которые верили в чудеса и бесконечное везение этого баловня судьбы – Горохова. А начало этой компании, целой золотопромышленной империи, положил договор, который нами найден в архиве Томской области под названием «О

---

<sup>1</sup> Е.В. Филимонов родился в 1769 г., а до него у его матери Марфы Ивановны были дети: Ирина 1759 г.р., Мария, 1862 г.р., Иван, 1863 г.р., Козьма, 1766 г.р. Он принадлежал к многодетной и уважаемой в своей среде семье, что было серьезным основанием для заключения такого брака.

<sup>2</sup> См.: *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири*. Т. 4, кн. 2. Новосибирск, 1998. С. 58.

считании тарского первой гильдии купца Филимонова компаньонком коммерции советников Поповых по золотому их промыслу», заключенный и подписанный в 1833 г. Вот его основные положения: «Коммерции советник Андрей Попов и наследник компаньона его коммерции советника Федота Попова семипалатинский первой гильдии купец Степан Попов приняли в компанию родственника своего тарского первой гильдии купца Евтихия Филимонова на следующем положении: Первое, чтобы во всех золотосодержащих и других приисках их сколько теперь имеется и сколько впредь пребудет, считать во всех 20 паев, и чтобы из них принадлежало 5 паев упомянутому Филимонову вечно и потомственно, из оставшихся 15 Андрею Попову 7,5 и Степану Попову 7,5 паев вечно и потомственно. Второе, чтобы пай сии никто из них один без согласия других двух товарищей не мог передать никому стороннему или принять кого-либо в компанию. Третье, прибыли, какие будут получаться от упомянутых промыслов, начиная с сего 1833 года делились бы между ними ежегодно соразмерно числу паев...»<sup>1</sup>.

Вскоре департамент горных и соляных дел этот контракт утвердил, но Андрей Попов к этому времени постоянно проживал в Петербурге, делами не занимался и, находясь в преклонном возрасте, вскоре умер. Произошло перераспределение паев, и в компанию был внедрен еще один родственник, теперь уже зять Евтихия Филимонова, Философ Горохов, который и вытеснил из компании Степана Попова. Это было сделать не так и сложно, имея под рукой административно-судебный ресурс и учитывая то, что Степан Попов начал поиск золота и добычу меди в степях нынешнего Казахстана. Компания была представлена в новом составе, где главные роли играли коллежский советник Философ Горохов, полковник Иван Атопков (его часто ошибочно называют купцом) и почетные потомственные граждане Николай и Аполлон Филимоновы. Вначале дела компании шли с завидным успехом, и в 1840-е гг. на ее приисках намывали по 100 и более пудов шлихового (не переплавленного в слитки) золота в год. После сдачи золота в казенную золотосплавочную контору и доставления его в Петербург на монетный двор компаньоны получали около двух миллионов рублей, что составляло от 100 до 200 процентов прибыли от вложенного в дело капитала.

---

<sup>1</sup> ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 336. Л. 5–6.

Однако постепенно возрастала доля непроизводительных расходов, связанная не только с поиском и разработкой золотых приисков в отдаленных и труднодоступных местах, но и с расточительным образом жизни компаньонов, прежде всего Ф.А. Горохова. Вот некоторые его чудачества, которые остались в памяти современников как безумные и неразумные траты. Прежде всего дом, в котором находилась его резиденция. Был он одноэтажным и деревянным, красивым и по-барски устроенным, но без особых архитектурных затей. Единственным отличием его, кроме размеров, были огромные зеркальные стекла во всю ширину оконного проема, т.е. без привычных для провинции рам с переплетами. Впоследствии от конкурсного управления этот дом перешел в собственность города, и там было устроено Общественное собрание. В нем иногда устраивались лекции заезжих знаменитостей, например С.С. Шашкова и Н.М. Ядринцева, балы и маскарады, благотворительные концерты и другие мероприятия. Хотя больше Общественное собрание знаменито было своими зелеными столами для карточной игры, бильярдом и буфетом. В 1897 г. обветшалое здание сгорело, и на его месте было построено по проекту К.К. Лыгина новое здание, ставшее надолго одним из красивейших архитектурных сооружений города. А вот более расчетливый соперник Горохова по службе и золотым промыслам И.Д. Асташев в 1842 г. возвел изящный и просторный двухэтажный особняк в стиле классицизма. Такой стиль, по словам историков архитектуры, отличается четкостью и простотой, симметричностью композиции фасадов, использованием ордерной (вертикальных несущих и горизонтальных несомых частей) системы. Наряду со зданиями Магистрата (1812), Присутственных мест (1842) и Биржи (1854), изящное здание особняка Асташевых, впоследствии резиденция томских архиепископов, построенное по проекту А.П. Деева, стало одним из выдающихся памятников сибирской архитектуры<sup>1</sup>.

Если дом Горохова не поражал воображение современников, то первый в Сибири сад, разбитый за его домом в низине, казался для них волшебной сказкой. В журнале известной детской писательницы и переводчицы пушкинской поры А.О. Ишимовой «Звездочка» (1846. № 17) описаны впечатления одной из воспитанниц Смольно-

---

<sup>1</sup> См.: *Богданова О.В.* Архитектурный облик Томска. Томск, 2005. С. 14; *Залесов В.Г.* Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). Томск, 2004. С. 104.

го института для благородных девиц, которая на каникулах побывала в Томске: «В городе есть такой прекрасный сад, на который с особенным удовольствием и даже любопытством мог посмотреть и самый прихотливый из столичных жителей... В этом саду, где 5 лет тому назад возвышались глинистые скалы, между которыми пробирался журчащий ручеек, вероятно, какой-нибудь пересохший рукав Томи, потому что река здесь очень близко, – теперь в красивой раме струится тихий и светлый и стройный пруд; через него на легких арках перекинута прозрачная танцевальная зала, а по берегам его с одной стороны красуются пестрые цветники, примыкающие к богатой оранжерее, где рдеет виноград, созревают фиги и благоухают роскошные тропические цветы; с другой стороны пруда тянутся аллеи из акаций, тенистые куртины и беседки».

Вот в этой-то зале и задавал хозяин роскошные пиры, собирая на них всю томскую знать. Со слов Г.Н. Потанина, «гости ели с тарелок, которые были сделаны на собственном заводе Горохова... На тарелках были рисунки, изображавшие те самые виды Томска, которые были видны гостям через стеклянные стены павильона. Вино гости пили из сверхъестественных бокалов. Возле каждого гостя стоял бокал, в который входила целая бутылка шампанского; бокалы стояли подле стульев на полу, а верхние края равнялись с плечами обедавших. Томичи на обедах Горохова пировали как боги варваров»<sup>1</sup>. Остается добавить, что тарелка с подобным изображением сохранилась в Томском краеведческом музее и там изображен не вид города, а сад Горохова, что и подтверждено подписью на ней. Тарелка сделана в с. Нелюбино на фаянсовом заводе Горохова, но качество поделки низкое, фаянс от основы отслаивается, тарелка толстая и тяжелая, но, видимо, вкусы владельца были не столь взыскательны, сколько желание пустить гостям пыль в глаза и на этой почве прославиться. В гораздо меньшей степени эти свойства натуры проявлялись у других тузов сибирской золотопромышленности, хотя свой сад с беседками был у И.Д. Асташева, а оранжерея, где выращивались свои апельсины, была построена в загородном поместье З.М. Цибульского.

Свой незаурядный ум Ф.А. Горохов использовал для устройства разных затей, которые бы тешили его самолюбие. Например, на свои именины 31 мая и именины своей жены Олимпиады 25 июля в

---

<sup>1</sup> *Сибирская жизнь*. 1903. 16 нояб. Приложение. С. 2.

Гороховский сад собирался весь город. Гремела музыка, пускались фейерверки, шампанское лилось рекой. В Пасху и Рождество чиновная знать собиралась у губернатора, и от него ехали к Горохову поздравлять его с праздником. Компания ближайших друзей Горохова состояла из заядлых охотников, и охота со сворой до сотни гончих собак всегда обставлялась необычайно пышно. Забавы и праздники, пиры и балы всегда сопровождались, как это было принято в Сибири, решением важных дел. Как пишет А.В. Адрианов: «Всякое дело, уголовное, гражданское, всякое служебное движение, получение чина, награды и прочее обделывалось через Горохова. Губернатор и чиновники были здесь своими людьми. Чиновники легко бросали свою службу и поступали к золотопромышленникам; даже вице-губернатор Виноградов нашел выгодным для себя поступить так. Всего больше шли на службу к Горохову»<sup>1</sup>.

К компаньонам, в особенности к Горохову, золото лилось рекой не только с приисков, но и от доверчивых горожан, любителей не рискуя и сильно себя не утруждая получать сказочный по тем временам процент прибыли. Большой знаток томской истории К.Н. Евтропов в свое время отмечал: «Банков в то время не было, финансовый же престиж Горохова был так велик, что и купец, и бедняк, мелкий чиновник и какая-нибудь просвирня охотно вносили в компанию под проценты свои мелкие и крупные сбережения. А проценты компания платила до невероятности щедро, по 50 % и более на 100 руб.»<sup>2</sup>. Ф.А. Горохов хотя и вступил в 1847 г. в томские купцы первой гильдии, вероятно, для того, чтобы усилить свои позиции в коммерческих кругах, но, превратив свою жизнь в сплошной праздник, делами стал заниматься от случая к случаю. Тем более расходы на разные его причуды превысили разумные даже для крупного капитала пределы, и его предприятие потерпело крах, лопнуло как радужный мыльный пузырь. Доверчивые вкладчики мгновенно разорились, и об этом расскажем здесь достаточно подробно. Но, как это часто бывает, старые приятели и прихлебатели оказались такими же фальшивыми друзьями, как и книги в его библиотеке, что еще сильнее подтолкнуло дела компании к краю гибели.

---

<sup>1</sup> Адрианов А.В. Томская старина. С. 376–377.

<sup>2</sup> Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора... С. 48.



## **Жертвы пирамиды Философа Горохова**

После объявления о банкротстве компании Горохова, Атопкова и Филимоновых, в Сибири, да и не только в ней, началась паника. Все хотели вернуть свои деньги уже без всяких процентов, хоть что-то получить от средств, доверенных без всякой гарантии людям, оказавшимся легкомысленными и безответственными. Развернулась бесконечная переписка о долгах компании отдельным лицам и целым учреждениям, в Петербург потянулись ходатаи по делам о потерянных капиталах, и каждый выставлял убедительные резоны в свою пользу. Как вспоминали наблюдатели полувековой тяжбы по делам о банкротстве, в 1900 г. для перевозки многотомного делопроизводства понадобилось 20 телег, что при компактном размещении дает около трех тонн груза. В нынешние времена в Томском архиве остались жалкие остатки этого огромного наследия, но и они позволяют судить о масштабах бедствия. Постараемся более полно дать список кредиторов компании, пострадавших от этого банкротства, так как еще не скоро найдется любитель свести их в один реестр. Но сначала несколько свидетельств современников об этом нерядовом явлении сибирской жизни.

Мудрый Г.С. Батеньков был знаком с отцом и сыном Гороховыми еще во времена своего первого приезда в Томск по службе в X округе Корпуса инженеров путей сообщения. Затем он возобновил знакомство, будучи сосланным в Томск после 20-летнего пребывания в казематах Петропавловской крепости. На этом этапе Гороховы не отказались от знакомства с ним, принимали его у себя в доме, на первых порах позволили ему целое лето жить в одной из беседок в саду. Однако денежные отношения между ними строились вполне определенно – ссыльный декабрист предпочитал не одалживаться у богача-золотопромышленника, а если и происходило это, то спешил долг отдать. Кроме того, как он писал в одном из писем, «деньги я обыкновенно держал у Философа Александровича и всегда выбирал сполна. Теперь года три вверяю уже своей коробке», в которой они хоть не дают процентов, но всегда под рукой. Размах кризиса поразил Батенькова больше, чем случившийся тогда пожар. «Но какое превосходство моральных сил наших над физическими! – восклицает он в письме к А.П. Елагиной в мае 1854 г. – Большой пожар 1845 года, истребивший многие кварталы незастрахованных строений, через год уже был забыт и весь послужил популярности архитектуры, деятельности и успехам работников,

живости промышленности; падение же нескольких капиталов наполнило неисцелимыми язвами. Выходит, что богатство добрый спутник жизни, но оно много требует ума и в практике верного понимания, натуральных концепций, национального механического устройства, а без того рушится и при самом твердом основании, как великолепные купола Тоновых проектов»<sup>1</sup>. Любому томичу был ясен прозрачный намек декабриста на крушение капиталов Горохова и его компаньонов, повлекшее массовые банкротства в середине XIX в., и обрушение купола строившегося тогда по проекту академика архитектуры К.А. Тона Троицкого собора. Отметим попутно мудрость и дальновидность суждений Батенькова о предпринимательстве, когда правильное ведение дела ставится в прямую зависимость от субъективных факторов (ум дельца) и объективных причин (государственная политика в области кредита и бизнеса).

Другую характеристику истории банкротства и последующего разбирательства дал генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель, который в мае 1862 г. посетил Томск. Позднее он писал в своих записках: «Я потребовал от председателя палаты Гражданского и уголовного суда барона Ш. выхода в отставку, так как это была продажная душа, для которой не было ничего святого. Некоторые дела о банкротствах тянулись чрезвычайно долго, и, между прочим, дело о банкротстве некоего Горохова на несколько миллионов. Но это последнее дело было так дурно ведено с самого начала и так запутано несколькими сенатскими указами, что у меня были совершенно связаны руки, и я не мог добиться его окончания, несмотря на мое доброе желание»<sup>2</sup>. И не мудрено – еще более сорока лет тянулось это дело и не одному чиновнику удалось «погреть свои руки» на обстоятельствах выплаты многочисленных долгов Ф.А. Горохова, которого должны были отстранить от исполнения обязанностей прокурора при первой возможности, как барона Ш. (его имя легко можно вычислить по спискам чиновников 1860-х гг.), но давно известно, что «рука руку моет», «ворон ворону глаз не выклюет», «увяз коготок – всей птичке пропасть» и т.д. В Томске с Ф.А. Гороховым случилось то, что должно было случиться – конфуз и позор. Именно это предвидел его отец А.М. Горохов

---

<sup>1</sup> Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1: Письма... С. 299.

<sup>2</sup> Дюгамель А.О. Автобиография // Русский архив. 1885. Кн. 7. С. 423.

и пытался через свое завещание образумить сына, отвратить угрозу его падения в моральном и материальном плане.

Справедливо выделял одну из главных причин такого кризиса А.В. Адрианов, который еще беседовал с жертвами падения гороховского капитала: «Отсутствие образования и наличность большого капитала сами по себе уже определили вкусы хозяина, а природный ум, тщеславие и широта натуры давали им направление и развитие. Внешность и показная сторона, столь легко вызывавшая шум восторгов, удивления и поклонения, неизбежно должны были встать на первый план. И Горохов занялся этой внешностью, пустив в ход всю свою изобретательность»<sup>1</sup>. Обратимся теперь к списку кредиторов несостоятельной компании Горохова (таблица), который, конечно, не претендует на полноту, но основные лица, принимавшие участие в сибирской золотопромышленности, здесь указаны.

**Список кредиторам несостоятельной компании  
коллежского советника Философа Горохова<sup>2</sup>**

№ п/п	Фамилия, имя и звание кредитора	Сумма кредита	
		Руб.	Коп.
1	2	3	4
1	Статскому советнику Петру Денисьеву	13 400	
2	Губернскому секретарю Александру Шайдурову	175 837	13
3	Коллежскому секретарю Павлу Пушкареву	123 268	08
4	Потомственному почетному гражданину Степану Сосулину	237 999	62
5	В Томскую градскую думу	37 000	
6	Дворянину отставному титулярному советнику Антону Томашевскому	32 000	
7	Томской купчихе Ненашевой	11 309	80
8	Каннскому купцу Моисею Прейсману	50 000	
9	Томскому 2-й гильдии купцу Илье Коробейникову	33 882	90
10	Томскому 2-й гильдии купцу Игнатию Ефимову	12 248	78
11	Чиновнику Шабанову	10 000	
12	Купцу Захару Михайловичу Цибульскому	59 523	36
13	Титулярному советнику Онуфровичу	42 400	
14	Томскому купцу Якову Елину	17 020	25
15	Томскому 3-й гильдии купцу Николаю Верещагину	13 688	41
16	Хорунжим Томского казачьего полка Никандру и Антону Серебренниковым	2 945	10

<sup>1</sup> Адрианов А.В. Томская старина. С. 374.

<sup>2</sup> Таблица составлена по: ГАТО.Ф. 229. Оп. 1. Д. 4, 6, 28, 74, 107.

1	2	3	4
17	Томскому 2-й гильдии купцу Алексею Наумову	12 000	
18	Томскому бывшему купцу, а ныне мещанину Петру Поздееву	52 776	94
19	Томскому 3-й гильдии купцу Андрею Колбину	3 000	
20	Томскому 3-й гильдии купцу Ефиму Раскову	4 250	
21	Томскому купцу Ивану Фотееву	28 603	
22	Потомственному почетному гражданину Федоту Толкачеву	4 180	
23	Потомственному почетному гражданину Александру Серебренникову	6283	84
24	Томскому 3-й гильдии купцу Дмитрию Титикову	1 931	92
25	В Вязниковскую опеку	1 200	
26	Коллежской ассессорше Варваре Деевой	2 000	
27	Вдове корпуса Горных инженеров майорше Екатерине Стрижковой	4 500	
28	Томскому 3-й гильдии купцу Максиму Некрасову	10 470	
29	Томскому 3-й гильдии купцу Михаилу Сапожникову	1 499	72
30	Титулярному советнику Ивану Скорине	2 600	
31	Титулярному советнику Николаю Верецагину	2 300	
32	Томскому 3-й гильдии купцу Иванову	2 380	
33	Торгующему крестьянину Якову Хотимскому	7 260	
34	Макарьевскому купцу Шушляеву	1 929	
35	Коллежской ассессорше Лидии Мурзинцевой	5 000	
36	Потомственному почетному гражданину Андрею Попову	1 500	
37	Надворной советнице Феоктисте Гуляевой	20 195	
38	Томским купцам Лебедевым	1 480	
39	Вязниковской мещанке Собейкиной	8500	
40	Дворянке Слатовской	7000	
41	Коллежской секретарше Елизавете Затинщиковой	2 225	
42	Томскому 2-й гильдии купцу Семену Хромову	53 679	
43	Томскому 2-й гильдии купцу Мефодию Серебренникову	16 029	11
44	Почетному гражданину Христофору Попову	8 000	
45	Томской мещанке Августе Скворцовой	16 968	
46	Наследнику купца Новосельцева	3 000	
47	Надворной советнице Раевской	12 631	
48	Томскому мещанину Еремееву	1 641	85
49	Томскому мещанину Ивану Ворожцову	1 982	60
50	Титулярному советнику Судовникову	19 966	
51	Наследникам томского мещанина Вейкольда	2 051	05
52	Томскому мещанину Илье Дашевскому	12 011	

1	2	3	4
53	Томскому купцу Василию Гундобину	5 497	
54	Витебскому купцу Залману Крючковичу	4 000	
55	Купеческому сыну Якову Прейсману	315	30
56	Томскому 2-й гильдии купцу Семену Ярлыкову	9 200	
57	Штаб-лекарше Гляс	11 500	
58	Коллежской ассессорше Варваре Старцевой	2 264	
59	Шадринскому купцу Щекину	7 746	
60	Томскому мещанину Дружинину	2 150	
61	Томскому Общественному Сибирскому банку	9 944	
62	Торгующему крестьянину Маковкину	3 600	
63	Томскому купцу Ивану Березину	6 333	10
64	Коллежскому советнику Ивану Асташеву	11 000	
65	Бийскому купцу Моисею Макарову	1 100	
66	Томской купеческой жене Капитолине Сапожни- ковой	2 335	
67	Губернской секретарше Шушериной	1 016	
68	Отставному поручику фон Гильзену	5 154	
69	Отставному унтер-офицеру Назару Темирову	530	
70	Томскому мещанину Алексею Гуликову	423	
71	Томскому мещанину Алексею Бубнову	134	69
72	Томскому мещанину Николаю Туркину	314	28
73	Томскому купцу 3-й гильдии Василию Краулю	1 000	
74	Жене гаттенфервальтера Трильякова Елизавете Сергеевне	450	
75	Томскому мещанину Якову Степнову	3 429	64
76	Макарьевскому 1-й гильдии купцу Александру Шушляеву	6 248	94
77	Наследникам чиновника Пономарева- Павлушевского	8 400	
78	Томскому мещанину Ивану Голубкову	98	78
79	Крестьянину Ивану Разумовскому	5714	28
80	Чиновнице Марье Соколовой	1 300	
81	Статской советнице Анне Кротовой	3 000	
82	Томскому мещанину Павлу Александрову	211	20
83	Томскому мещанину Калистрату Парменникову	345	90
84	Томскому мещанину Василию Белову	101	
85	Томскому мещанину Евгению Лебедеву	119	08
86	Томскому мещанину Антону Флеске	343	33
87	Томскому мещанину Парфену Меншикову	95	62
	Итого:	1 393 787	36

Всего же долгов на компанию Горохова поступило на сумму 3 249 672 руб. 54 коп., но и эта цифра далеко не полная, так как часть кредиторов уже и не надеялась хоть что-то получить и отказалась от исков, другие иски поступили позднее составленных реестров, один из них здесь воспроизведен. Кроме этого, были какие-то расчеты между самими компаньонами и крупнейшими кредиторами, и долг можно смело определять в 3,5 млн руб. – сумма для того времени фантастическая. Например, добытый на приисках пуд золота (16,38 кг) давал примерно 25 тыс. руб. прибыли. Соответственно, чтобы получить 2,5 млн руб., нужно было добыть около 100 пудов шлихового золота, а 3,5 млн руб. тянули примерно на 140 пудов золота, что в пересчете на метрическую систему дает около 2 тонн еще не переплавленного в слитки, но тем не менее драгоценного металла.

Вынести такого удара слабая экономика Западной Сибири не смогла, и разразился экономический кризис, коснувшийся большого числа людей, доверивших свои средства компании. Состав купечества Томской губернии в этот период почти полностью сменился. Уныние и апатия царили в томском обществе, которые усиливало еще и то, что свои средства в рост отдали многие женщины. Эмоционально переживая свои потери, они, вероятно, говорили об этом виновнику их бед, который проживал в маленьком домике, «угнетаемый страданиями от подагры», полученной во времена своего мнимого и мимолетного торжества, предаваясь излишествам пресыщенного человека. Беспокойство его отца, старого и мудрого человека, было совершенно обоснованным. Молитвы и заклинания не дошли до слуха его сына, что привело к его материальной и нравственной катастрофе.

## У. БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАТОРЫ

В.А. Спесивцева  
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ  
ВЕТХОЗАВЕТНЫХ БЫТИЙНЫХ СЮЖЕТОВ  
В ИЗЛОЖЕНИИ «ХРОНИКИ ВСЕГО СВЕТА»  
МАРЧИНА БЕЛЬСКОГО

Польша во второй половине XV в. наладила связи с Италией и получила мощный культурный импульс, который в числе прочих факторов способствовал расцвету польской ренессансной культуры, литературы и общественной мысли. Новая гуманистическая культура проникла в Польшу еще в XV в. при посредстве интеллектуалов – историков, юристов и естествоиспытателей. Как отмечают исследователи, «появление Коперника в Польше в этом смысле не было ни случайным, ни неожиданным»<sup>1</sup>. Имена польских студентов и преподавателей польского происхождения часто встречаются в списках Болонского университета XIII–XV вв. В Падуе «польская нация» занимала третье место среди иностранцев. Важными центрами просвещения польской молодежи были также Феррара, Рим и Павия<sup>2</sup>.

Однако при всем этом влиянии польская культура сумела сохранить свои, только Польше присущие, традиционные черты. В многонациональном государстве, которым Польша стала в XV–XVI вв. в результате соединения польских, литовских, белорусских и украинских земель, было много различных местных вариантов культуры. Поверх них, объединяя все в общеевропейский стиль, лег слой ренессансной культуры.

---

<sup>1</sup> *Голенищев-Кутузов И.Н.* Гуманизм и Возрождение в Польше // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1985. Т. 3. С. 443–445.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 443–445.

К началу XVI в. в Польше появляются печатные книги, в том числе и исторические издания<sup>1</sup>. Необходимо отметить, что они были большой редкостью<sup>2</sup>, и подобно прежним рукописным книгам их языком была латынь. Первая польская книга – сборник песен и молитв – появилась в Кракове не позднее 1514 и не раньше 1511 г. и была написана Бернатом из Люблина, лекарем и теологом<sup>3</sup>.

Первым польскоязычным историческим трудом является «Хроника всего света» (далее по тексту – «Хроника»), принадлежащая перу историка-самоучки Марчина Бельского (Marcin Bielski)<sup>4</sup>. Это произведение в XVI в. выдержало несколько изданий<sup>5</sup> –

---

<sup>1</sup> См.: *Historia Polonica Joannis Długossi seu Longini Canonici Cracovien. In tres tomos digesta. Autoritate et sumptibus Herbulti Dobromilski edita // Dobromili, in Officina Ioannis Szeligae, 1615; Tractatus de duabus Sarmatijs Asiatica et Europeana et de contentis eis // Impressum Cracovię opera et impensis providi viri dni Ioannis. Haller, 1517; Tractatus de duabus Sarmatijs Asiatica et Europeana et de contentis eis. // Excusa Auguste Vindelicorum, 1518; Tractat von beiden Sarmatien und anderen anstossenden landen, in Asia und Europa, von sitten und gepräuchen der völker so darinnen wonen. Ain anders von den landen Scithia vnd den innwonern des selben lands, genannt die Ciarchassi, vast wunderparlich zuhören. Mit Rö. Kayss. Mayestat Freyhait // Getruckt und vollendet in der kayserlichen Statt Augspurg, 1518 etc.*

<sup>2</sup> См.: *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVI в. Новосибирск, 2009. С. 99.

<sup>3</sup> См.: *Висляк Я., Малецкий А.* Польская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1935. Т. 9. Стб. 71–119.

<sup>4</sup> См.: *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata, na ssesc wyekow, Monarchie czterzy rozdzielona, s Kozmographia nowa y z rozmaitemi Krolestwy tak pogańskimi Zydowskyemi jako y krzesciańskymi, s Sybillami y prorocctwy ich po polsku pisana s figurami. W ktorey też żywoty Cesarskye, Papyeskye, y thych królów z ich Krolestwy, Asyrskich, Egipskich, Żydowskich, Greckich, Perskich, Tureckich, Węgyerskich, Czeskich, y inych rozmaitych thak Krolow, Kxyżat, jako inych przelożonych od początku swyata aż do thego roku ktory się pisze 1551 są napisane. Myędzy ktoremi też nasza Polska na ostatku zosobna yest wypisana. Kraków, 1551.

<sup>5</sup> См.: *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata...; *Kronika* Wssythyego swyata na ssesc wieków a na czwory księgi także Monarchie rozdzielona, rozmaitych historij, tak w swyętym piśmye jako w prostym, s Kosmografia nową y rozmaitemi krolestwy, tak pogańskimi żydowskimi, jako krzesciyanskimi: w ktorey też żywoty Papyeskye, Ceserskye, y królów inych takżeż Ksyżat, od początku swyata aż do tego roku który sye pisze. Kraków



в 1551, 1554 и 1564 гг. Помимо этих изданий, существует еще издание «Польской хроники» 1597 г., вышедшее спустя более двадцати лет после кончины самого Марчина Бельского. На титульном листе «Польской хроники» значится имя Марчина Бельского, но некоторыми исследователями – как польскими, так и отечественными – отмечается, что автором этого текста мог быть сын Марчина Бельского – Иоахим Бельский (Joachim Bielski, 1550–1599)<sup>1</sup>.

Структура и содержание «Хроники» в каждом издании корректировались и подвергались существенной обработке<sup>2</sup>. В данной работе мы обратились к первому изданию «Хроники», которое относится к 1551 г.

Это издание посвящено польскому королю Сигизмунду II Августу<sup>3</sup>. Оно открывается «Космографией», которая представляет собой описание Азии, Африки и Европы), а также изложение библейской истории, древней и христианской (по преимуществу западноевропейской) истории до 1550 г. «Мировая история» разделе-

---

1554; *Myędzy ktoremi też nassa Polska yest z osobna położona, y swyata nowego wypisane. Dostateczneye niż piwssa s pisana y pilney figurami ochędożnemi. Cum gratia et privilegio // Drukowano w Krakowye przez Hieronima Scharffenberga. Kraków, 1554; *Kronika, tho iesth, Historya swiata na sześć wieków, a cztery Monairchie, rozdzielona z rozmaitych Historyków, tak w świętym piśmie krzescijanskim, żydowskim, iako y Pogańskim, wybierana y na Polski krzyżk wypisana dosthatheczniey niż pierwey, s przydanim wiele rzeczy nowych: Od początku świata, aż do tego roku, który się pisze 1564 s figurami ochędożnymi y własnymi. Drukowane w Krakowie u Mattheusza Siebeneychera. Kraków, 1564 (репринтное переиздание: 1976); *Kronika polska, Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach. Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et priuilegio S. K. M. W Krakowie, w Drukarni Jakuba Sibeneychera. Kraków, 1597.* Помимо этих, существует еще пять изданий, одно из которых относится к XVIII в., а четыре остальных к XIX в.**

<sup>1</sup> См.: *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии... С. 99.

<sup>2</sup> См.: Там же. С. 100–102.

<sup>3</sup> Сигизмунд II Август (польск. Zygmunt II August; 1 июля или 1 августа 1520 г. – 7 июля 1572 г.) – великий князь Литовский с 18 октября 1529 (провозглашение избрания 18 декабря 1529 г., правил совместно с Сигизмундом I Старым), король Польши с 20 февраля 1530 г. (правил совместно с Сигизмундом I Старым), глава федеративного государства Речь Посполита Обоих Народов (с 1569 г.).

на Бельским по шести «векам»<sup>1</sup> и четырем «монархиям»<sup>2</sup>; затем

---

<sup>1</sup> М. Бельский использует эсхатологические построения Бл. Августина, согласно которым всемирная история делится на шесть периодов: первый – от сотворения мира до Всемирного потопа, второй – от Ноя до Авраама, третий – от Авраама до Давида, четвертый – от Давида до вавилонского пленения, пятый – от вавилонского пленения до рождения Христа, шестой, начавшийся с рождением Христа, должен завершиться вторым его пришествием, Страшным судом и концом мира.

<sup>2</sup> Система периодизации, созданная св. Августином, не была единственной, используемой в Средневековье. Наряду с ней распространенным было деление истории на четыре монархии: ассирийско-вавилонскую, мидийскую и ассирийскую, македонскую, римскую. У истоков концепции четырех мировых монархий – труд греческого историка Ктесия «История Персии». Сам Ктесий происходил из Книда (Малая Азия), попал в плен к персам и 17 лет (415–398 до н.э.) провел при дворе царя царей Артаксеркса II в качестве врача. Все его исторические труды написаны им после того, как, освободившись от царской службы, он перебрался в Грецию. Ко II в. до н.э. концепция четырех монархий получила широкое распространение. В частности, она нашла свое выражение в библейской книге пророка Даниила, которая была создана между 168 и 165 гг. до н.э., в разгар борьбы иудеев против Антиоха IV. В книге Даниила говорится о четырех монархиях (под которыми, по-видимому, понимались Халдейское, Мидийское, Персидское и Греко-Македонское царства) и идущей на смену державе Селевкидов пятой монархии. Во II в. до н.э. концепция четырех монархий проникает в Рим. В представлениях римлян их государство выступает как истинный преемник и наследник четырех мировых держав: Ассирии, Мидии, Персии и Македонии. Но если вначале данная концепция использовалась для апологетики Рима, то в последующем в ней начали находить выражение и оппозиционные Риму настроения. Рим в них выступал как четвертая монархия, на смену которой должна прийти пятая – с Востока. В последующем концепция четырех и пятой монархий проникает в христианскую историографию. Вокруг сюжета о смене четырех мировых держав организована история всех известных стран и народов у Иеронима (ок. 340–419/20), который перевел на латинский язык, доработал и дополнил «Хронику» Евсевия Памфила (ок. 260–340) и написал «Одну книгу толкований на пророка Даниила». Картина смены четырех мировых царств: Вавилонского, Македонского, Карфагенского и Римского – рисуется учеником Августина Аврелия – Павлом Орозием (ок. 380 – ок. 420) в «Истории против язычников». Большинство христианских мыслителей считало, что Римская империя является последним земным государством, падение которого приведет к светопреставлению и наступлению Царства Божьего.

следуют несколько значительных по объему статей: об Италии, Германии, Испании и Турции, а также венгерская и чешская хроники. «Хронику» завершает польская история, доведенная до смерти Сигизмунда I Старого<sup>1</sup> в 1548 г. Все описания иностранных событий значительно уступают по объему описанию польской истории, которое составляет около половины текста первой редакции «Хроники»<sup>2</sup>. Текст первой редакции не содержит отдельного выделения книг и глав – представляемые Бельским-старшим сведения были разделены либо в хронологическом порядке, либо по географическому принципу. Текст «Хроники» содержит тематические заголовки и выносные глоссы. Шрифт издания – так называемая «краковская готика».

Надо отметить, что первое издание «Хроники» Бельского было использовано в 1551–1555/1556 гг. для составления Хронографа Западнорусской редакции, помимо этого «Хроника» стала источником для «Синописа» Иннокентия Гизеля (1674 г.), а также «Скифийской истории» А.И. Лызлова (закончена в 1692 г.)<sup>3</sup>. Таким образом, мы можем констатировать, что хроника Бельского сыграла значительную роль в истории русской историографии XVI и XVII вв.

Если говорить о структуре «Хроники», то она такова: после посвящения королю Сигизмунду II Августу и Космографии в интересующем нас издании 1551 г., непосредственно перед изложением библейской истории помещается своего рода вводная часть. Ее предваряет гравюра с изображением рая, снабженная пояснительной надписью, которую можно перевести так: «Рай, существующий в роскоши»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Сигизмунд I Старый (польск. Zygmunt I Stary; 1467–1548 гг.) – король Польши с 8 декабря 1506 г. и великий князь Литовский с 20 октября 1506 г. (провозглашение избрания 8 декабря 1506 г.), пятый сын Казимира IV Ягеллончика и Елизаветы Германской.

<sup>2</sup> Карнаухов Д.В. История русских земель в польской хронографии... С. 100.

<sup>3</sup> См.: Творогов О.В. Хроника Мартина Бельского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 155.

<sup>4</sup> К сожалению, академического перевода «Хроники» Бельского пока не существует. Перевод отрывка выполнен автором статьи.

Следующая страница содержит «список источников и литературы»: здесь Бельский скрупулезно перечисляет, сочинениями каких авторов он воспользовался: «Начинается хроника всего света, на шесть веков разделенная и на четыре монархии... из разных хроник выборка...». В перечне указываются чешские, венгерские, датские, польские, немецкие хроники, помимо них Бельский упоминает «и другие – как греческие, так и латинские»<sup>1</sup>. Отдельно выделены историки, на труды которых опирался хронист, – Ксенофонт, Орозий, Иосиф Флавий, Прокопий Кессарийский.

Следующую страницу «Хроники» Бельский полностью посвящает хронологии, которая дается под титулом «Годы или даты от сотворения мира до того времени, в котором пишется («Хроника») – 1550 г., согласно Святому Писанию и Филону Жиду» (имеется в виду Филон Александрийский). Им приводятся следующие даты: «от Адама до потопа 1656 лет», «от Авраама до исхода евреев из Египта 505 лет» и т.д. Всего Бельским приведено 17 дат, которые соотносятся с текстами Святого Писания и Филона Александрийского. Бельский использует деление всемирной истории на три больших периода по две тысячи лет, но нужно отметить, что это не его периодизация, на что он сам прямо указывает: «Карион<sup>2</sup> пишет – свет встал шесть тысяч лет назад, согласно словам Илии пророка... две тысячи лет с Евангелием, то есть от рождения Христа. Отсюда каждый может видеть скорый конец мира»<sup>3</sup>.

После этого своеобразного «введения» излагается непосредственно библейская история. Под титулом «Первый век мира начинается от Адама до Ноя, соответствует то по еврейскому исчислению годам 1656; согласно Эузебиусу 2243; согласно же Августину 2268 лет; согласно учителям [лекторам, комментаторам] Библии 2249 лет: до этого года, который пишется [обозначается] как 1550» приводится пересказ библейского сюжета о сотворении человека, о жизни Адама и Евы в раю. Бельский передает этот сюжет очень кратко, схематично, сделав следующую ремарку: «...о чем доста-

---

<sup>1</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata... S. 79.*

<sup>2</sup> Карион Иоанн (1499–1537 г.) – историк, автор исторической всемирной хроники, вышедшей в 1532 г. в Виттенберге. Она несколько раз издавалась; была переведена с немецкого на нидерландский, французский, датский, испанский и латинский языки.

<sup>3</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata... S. 80.*

точно в Святом Писании написано в Книге Бытия»<sup>1</sup>. Это скупое изложение библейского сюжета хронист компенсирует весьма красочным географическим экскурсом – описанием местоположения рая, рек, гор и морей, его окружающих.

Можно почти без всякого сомнения сделать вывод, что экскурс этот сделан Бельским под влиянием примера его знаменитого предшественника – Яна Длугоша<sup>2</sup>. Разница в том, что Длугош описывает географию Европы, Азии и частично Африки, а Бельский, дав подобные сведения в «Космографии», со всей серьезностью приводит географию рая. (Ниже будет показано, что и «реальной» географией Бельский не пренебрегал, очевидно, также имея перед глазами пример Длугоша.)

Сюжет о том, как Ева была соблазнена Змеем, о нарушении данной людям заповеди Бельский опускает, приводя лишь краткое замечание об этом событии и вновь дав отсылку к первоисточнику – Святому Писанию. Так же сухо, не отвлекаясь на подробности, хронист говорит об обещании Нового Завета и рождении Спасителя – Христа. Более интересен здесь отрывок, в котором Бельский сообщает, не называя, однако, конкретного источника – «некоторые говорят», что Адам был создан в Сирии, «на земле Дамаска»<sup>3</sup>, и лишь потом взят в рай. После изгнания из рая Адам, согласно Бельскому, возвращается: «... снова в то место пришел, зовется оно по латыни *campus Damascus*, там в том Дамаске была Иудея – это евреев земля обетованная, от Иерусалима четыре дня ходу. Земля роскошная [прекрасная], изобильная, до сих пор святая. Там св. Павел окрещен был Ананией»<sup>4</sup>. Вполне понятно, что первоисточником сюжета о крещении Павла является Святое Писание, а именно Деяния Апостолов (9:18; 22:16). Интерес представляют сведения о «четыре днях ходу» до Дамаска, но из какого источника – вопрос остается пока открытым.

Описывая дальнейшие события Книги Бытия, Бельский нарушает хронологию повествования. Сначала он приводит рассказ о смерти Адама в возрасте 930 лет – эти данные взяты им из Книги Бытия (Быт. 5:5), но далее он повествует о том, что Адам, предчув-

---

<sup>1</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata... S. 82.*

<sup>2</sup> См.: *Ioannis Dlugossi. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Liber primus. Varsaviae, 1964. S. 65–70.*

<sup>3</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata... S. 82.*

<sup>4</sup> *Ibid. S. 82.*

ствуя свою смерть и призвав жену и детей, сообщил им о своей скорой кончине и прямо запретил всякое общение с Каином. Адам поведал своим домочадцам о том, что за грехи Бог «спустит на землю две казни – одну через воду, другую через огонь»<sup>1</sup>. В Книге Бытия таких сведений нет, источника своих сведений Бельский, к сожалению, не указывает. Зато он сообщает со ссылкой на Эгиптуса, церковного историка, жившего через двести лет после евангельских событий<sup>2</sup>, что Адам похоронен в Эброне, в мраморной гробнице. И тут же добавляет, что «другие же пишут на горе Голгофе, где Господь Христос терпел на кресте над его гробом, потому Христос подобен Адаму – как через первого смерть, так через второго жизнь пришли»<sup>3</sup>. Кто эти «другие» – еще предстоит выяснить.

Только после этих сообщений хронист вводит фрагмент о Каине, в котором очень кратко, буквально в двух предложениях приводит историю убийства Авеля. Дополняется этот фрагмент рассказом о том, что Каин «пошел на восток и заложил там город, который именем сына Еноха назвал Енохия, который у него первый родился в Азии, где потом его сыновья разными ремеслами занимались, которые от такой смерти умерли, какую он брату дал. Народ тот весь в потоп погиб»<sup>4</sup>. При этом Бельский опускает список родословия потомков Каина, который приводится в Книге Бытия<sup>5</sup>.

Во фрагменте, посвященном Сифу и его потомкам, Бельский точно следует сведениям первоисточника, родословие Сифа и его потомков полностью совпадает с библейским. Дойдя до Ноя, хронист очень кратко и сжато пересказывает историю потопа и постройки ковчега. На наш взгляд, краткость этого сообщения обусловлена тем, что очень подробный рассказ о потопе Бельским будет приведен ниже. При этом хронистом уделяется большое внимание причинам потопа, они не только прописаны подробно, но и содержат сообщение о гигантах (исполинах), явно взятое из Книги Бытия<sup>6</sup>. А вот далее Бельский приводит интересный отрывок, в ко-

---

<sup>1</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata...* S. 83.

<sup>2</sup> См.: *Tomkinson T. The Muggleonian Principles Prevailing: Being an Answer in Full to a Scandalous and Malicious Pamphlet Entitled a True Representation of the Absurd.* Read Books, 2008. S. 55.

<sup>3</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata...* S. 83.

<sup>4</sup> *Ibid.* S. 83.

<sup>5</sup> Быт. 4:18–24.

<sup>6</sup> Быт. 6:4.

тором пишет, ссылаясь на Иосифа Флавия, о том, что именно Адам и Сиф научили человечество «науке звездной, через явления небесные», а также наукам о лекарствах. В этом же отрывке есть ссылка на Беросуса, названного Бельским «наистарейшим историком», из которой следует, что «от халдеев – Жидов Вавилонских, а от Вавилонян Греки и Латины письменность получили, а оттуда и мы можем понимать, что еврейский язык перед потопом был над другими первым»<sup>1</sup>. Часть этого отрывка позднее будет заимствована Мачем Стрыйковским для его «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси»<sup>2</sup>, однако ссылки на «Хронику» Бельского там не будет, а будут только ссылки, и довольно многочисленные, на Флавия и Беросуса<sup>3</sup>.

Сразу же после всех вышеприведенных сообщений следует титул «Второй век мира». Бельский приводит (как и в первом, и в последующих «веках») хронологические рамки «века» – он начинается «от Ноя» (не от рождения Ноя, а от потопа, у хрониста это подчеркивается фразой «от Ноя или от потопа»<sup>4</sup>) и длится до Авраама. К сожалению, Бельский не указывает, как следует понимать эту дату – от рождения Авраама, его ухода из Ура или же какого-то другого события, связанного с патриархом. Тут же приводится хронология «согласно евреям 294 года», «согласно Илье пророку 2000 лет». Но, приводя эти совершенно разные датировки, а также периодизацию Кариона, которые совершенно не совпадают, Бельский не делает ни малейших попыток хоть как-то объяснить эти разночтения.

Отрывки о всемирном потопе, спасении Ноя, о радуге и проступке Хама также даны в очень краткой форме и целиком совпадают со сведениями Книги Бытия. Правда, здесь Бельский приводит следующие названия Арарата: Гордиго, Бычья гора и латинский вариант «Таугус Монс»<sup>5</sup>. Сведения о количестве прожитых Ноем лет также совпадают с первоисточником<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> *Bielski M. Kronika wszytkego swyata...* S. 84.

<sup>2</sup> *Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódka i wszytkej Rusi. Królewec, 1582.*

<sup>3</sup> См.: *Ibid.* S. 3–7.

<sup>4</sup> *Bielski M. Kronika wszytkego swyata...* S. 84.

<sup>5</sup> *Ibid.* S. 84.

<sup>6</sup> Быт. 9:29.

В приводимом Бельским родословии Сима, Хама и Иафета существуют значительные расхождения с Книгой Бытия. Во-первых, в первоисточнике родословие дается в следующем порядке: сыны Иафета, сыны Хама, сыны Сима, а в «Хронике» они идут в таком порядке: Сим, Хам, Иафет. Во-вторых, генеалогия сынов Сима предваряется вставкой, содержащей сведения об основании Симом Иерусалима, о первородстве, которое дает право на благословление (при этом затрагивается история Исава), – этих сведений в десятой главе Книги Бытия, где приведены родословия сыновей Ноя, нет. В-третьих, в Книге Бытия четко указаны сыновья Сима – Елам, Асур, Арфаксад, Луд и Арам<sup>1</sup>. Бельский же говорит следующее: «Имел он шесть сыновей, из которых четверо знамениты»<sup>2</sup>. Далее Бельский называет третьим сыном Арама, а не Арфаксада, а Арфаксада ставит на место Луда, о котором не упоминает вообще.

Что касается сыновей Хама, то тут Бельский тоже вносит некоторые изменения – первый и второй сыновья, т.е. Хуш и Мицраим, стоят в том же порядке, что и в первоисточнике<sup>3</sup>. Четвертый же сын: Ханаан, у Бельского стоит третьим, а имя оставшегося, который в Книге Бытия называется Фут, Бельский приводит как Сала<sup>4</sup>. Есть расхождения и в перечислении сыновей Иафета. Так, Книга Бытия называет семерых: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас<sup>5</sup>. Бельский же говорит о «двенадцати сыновьях, между которыми был Иаван»<sup>6</sup>.

Хронист приводит многочисленные сведения о происхождении от такого-то сына таких-то народов, например от Мизраима, сына Хама он выводит египтян, а от Арама – сирийцев. В этом нет ничего революционного или новаторского, подобные генеалогические таблицы можно найти и в Повести временных лет, и у Яна Длугоша в «Истории Польши», и во многих других средневековых хрониках. Таким образом, можно сделать вывод, что Марчин Бельский манипулировал не только библейским текстом, но и средневековыми генеалогическими построениями, которые весьма приблизительно

---

<sup>1</sup> Быт. 10:22.

<sup>2</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata...* S. 85.

<sup>3</sup> Быт. 10:6.

<sup>4</sup> См.: *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata...* S. 86.

<sup>5</sup> Быт. 10:2.

<sup>6</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata...* S. 86.



связаны с первоисточником, одним из которых наверняка была хроника Длугоша<sup>1</sup>.

Рассказ о Вавилонской башне в целом совпадает с библейским, за исключением того, что первым вавилонским царем, по приказу которого и была построена башня, называется Немрод, потомок Хама, хотя в Книге Бытия в рассказе о башне<sup>2</sup> Немрод никак не фигурирует. Вполне вероятно, что этот отрывок был заимствован Бельским у Длугоша, который также сообщает о решении построить башню по совету «Немрода исполина, сына Танана»<sup>3</sup>. Однако Длугош приводит совершенно конкретные сведения о смешении языков: «...язык древнееврейский, единственный в то время, каким от Адама вплоть до той поры все говорили и между собой объяснялись, поделил на семьдесят и два языка; и тем способом смешал гордые замыслы – смешением речи, дабы отступили от своего дела, которое уже несколько было поднялось»<sup>4</sup>. У Бельского эти сведения отсутствуют, он просто сообщает о том, что «и там языки смешаны стали»<sup>5</sup>.

Число сыновей Иафета у Яна Длугоша совпадает с библейским – их семеро. Но Ян Длугош был священником, и весьма высокого ранга<sup>6</sup>, а потому, несомненно, знал Святое Писание очень хорошо. Еще одним аргументом за то, что Бельский пользовался «Анналами» Длугоша, может служить «приверженность» и Бельского, и Длугоша сарматской теории, а потому «История Польши» Длугоша не могла быть не использована Бельским в качестве источника. Так, С. Пташицкий, который был первым российским исследователем труда Длугоша, довольно подробно останавливается на достоинствах и недостатках «Истории Польши», уделяя большое внимание библиографии вопроса. Он отмечает, что такие историки, как Кромер и Меховита, были знакомы с его «Историей Польши» и «без стеснения её списывали»<sup>7</sup>. Скорее всего, эти разночтения с

---

<sup>1</sup> См.: *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии... С. 106–107; *Рогов А.И.* Известия по истории России в «Хронике всего света»... С. 125.

<sup>2</sup> См.: Быт. 11:1–9.

<sup>3</sup> *Ioannis Dlugossi. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae...* S. 65–70.

<sup>4</sup> *Ibidem.*

<sup>5</sup> *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata... S. 86.

<sup>6</sup> С 1436 г. – каноник краковский, с 1480 г. – архиепископ львовский.

<sup>7</sup> *Пташицкий С.Л.* Длугош, польский историк XV столетия. СПб; 1888. С. 6.

Длугошем обусловлены тем, что Бельский использовал помимо «Истории Польши» также «Трактат о двух Сарматиях» и «Польскую хронику» Меховиты<sup>1</sup>. Однако вполне возможно, что хронист пользовался всеми ими одновременно.

После сюжета о Вавилонской башне, завершая описание «второго века мира», следуют два фрагмента, снабженных каждый своим титулом.

Первый из них – «О четырех монархиях». В этом отрывке Бельский рассказывает об Ассирийской, Персидской, Греческой и Римской монархиях. Рассказ, как отмечает сам хронист, ведется «двояким обычаем»<sup>2</sup> – в нем Бельский приводит два сюжета из ветхозаветной «Книги пророка Даниила». Один из них повествует о великом муже, с головой из чистого золота, грудью из серебра, с медным животом и ногами «частью железными, частью глиняными». Этот рассказ восходит ко второй главе «Книги пророка Даниила». Другой сюжет – это пересказ видения пророка Даниила о четырех животных из 7-й главы. Бельский дает ссылки на первоисточник, это и «Даниил пророк в Святом Писании пишет», и выносные глоссы – «Даниил пророк» и «Даниил о Нинусе»<sup>3</sup>. Однако в «Книге пророка Даниила» нет никаких упоминаний о Греции, Александре Македонском и Риме, так как написана она была предположительно в VI в. до н.э. Сам Даниил дал следующее истолкование: золотая голова истукана – это Вавилон, царство Навуходоносора, вслед за которым по очереди мировое господство захватят царства «серебряное» и «медное». Четвертое царство, пришедшее им на смену, будет «крепко, как железо», а после него настанет время странного пятого царства, сравнимого с непрочными глиняными ногами.

Под титулом «Первая монархия» Бельский приводит рассказ о том, что ассирийцы и вавилоняне произошли от Немрода, потомка Хама, упоминает о «хронологии» – «аж до Авраама, до которого этот век продолжался»<sup>4</sup>. И завершает этот фрагмент небольшое сообщение: «В то время Танао король Татарский первый на востоке правил, от которого река названа Танаис, то есть Волга. Тогда же

---

<sup>1</sup> См. об этом: *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии... С. 102.

<sup>2</sup> *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata... S. 87.

<sup>3</sup> *Ibid.* S. 87.

<sup>4</sup> *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata... S. 87.

Туискон – король немецкий Сарматами правил»<sup>1</sup>. Эти сведения, скорее всего, взяты Бельским у Тацита. Но, помимо Тацита, был и еще один автор – Джованни Нанни, более известный как Анний да Витербо. В 1498 г. он издал серию сфальсифицированных текстов, якобы принадлежавших знаменитым историкам Античности – Катону, Ксенофону и халдейскому жрецу Берозосу. Согласно этим текстам неупоминаемый в Библии Ноев сын Туискон (его имя созвучно имени родоначальника германцев, по Тациту) правил в германских землях<sup>2</sup>. Каким именно источником пользовался Бельский, еще предстоит выяснить.

Стоит упомянуть, что хронист в главе «О происхождении народа польского» повторит этот пассаж: «...род самый древний наш словенский... произошел от второго века мира, то есть от Потопа, и отцом нашим христианским был Иафет, младший сын Ноя, который пришел в края северные, в Европу, после Потопа, и по воле Божьей размножил потомство свое. А потом сын его Гомер с сыном своим Ашкеназом утвердили сарматов, над которыми сначала от реки Танаис к реке Рен владычествовал немецкий король Туискон, потомок Ноя, через которого мы с народом немецким всегда были соседями. Хотя наши старые летописцы выводили нас вместе с греками от Иавана, однако нет для того никаких оснований, поскольку с нами вместе греки никогда в Сарматии не были, а немцы там от начала жили»<sup>3</sup>. Бельский, вслед за Длугошем, был приверженцем сарматской теории. Следует дать о ней краткую справку. Сарматизм – это одна из многочисленных этногенетических концепций эпохи Ренессанса, получившая широкое распространение.

Суть ее состояла в следующем: со ссылкой на античных авторов, средневековые хронисты относили к сарматам славян. Как убедительно показывает один из исследователей, А.Г. Васильев, «создатели историографической концепции сарматизма полагали, что в начале нашей эры сарматы переселились с земель, лежащих между Доном и нижней Волгой, на земли от Днепра до Вислы, по-

---

<sup>1</sup> *Bielski M. Kronika wszytkyego swyata...* S. 87.

<sup>2</sup> См.: *Видадь-Накэ II. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире.* М., 2001. С. 373.

<sup>3</sup> Вопросы происхождения, в том числе сарматская теория, подробно рассмотрены в работах: *Жиленко И.В. Синописис Киевский // Лаврский альманах. Спецвып. 2.* Киев, 2002; *Карнаухов Д.В. История русских земель в польской хронографии...*

корив при этом местное население. Первым правителем сарматского государства назывался государь Асармот. Его генеалогия возводилась к Ною. Таким образом, библейская и античная версии увязывались воедино»<sup>1</sup>.

Итак, мы можем видеть, что Бельский помещает в свою всемирную историю описание древнейших эпох человечества. В качестве одного из основных источников он использует Ветхий Завет. Однако к библейским сообщениям он вносит свои дополнения и ссылки.

Источники Бельского можно условно разбить на несколько групп: это, как уже говорилось выше, Библия, сочинения древних (Тацит, Иосиф Флавий, Беросус), средневековых христианских (св. Иероним) и современных Бельскому авторов – Иоанн Карион, Ян Длугош, Матвей Меховий, а также множество хроник, как польских, так и иностранных, которые Бельский приводит в своем «введении»<sup>2</sup>.

Марчин Бельский, уже в изложении древнейшей истории человечества, начинает свое обоснование сарматской теории, которое будет последовательно развивать на протяжении всей своей «Хроники»<sup>3</sup>.

Мы можем видеть, что по сравнению с более ранним трудом Длугоша в «Хронике» Бельского (в отрывке о древнейшей истории) появляется много нового. Во-первых, библейская история дана более подробно и пространно, чем в «Истории Польши». Во-вторых, Бельский комментирует библейские события и соотносит их с античными и другими источниками. В-третьих, приведя, по примеру Длугоша, родословия Сима, Хама и Иафета, хронист вносит в них свои изменения, и схемы происхождения славян у Бельского и Длугоша различаются.

---

<sup>1</sup> *Васильев А.Г.* Сарматизм: Исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности. Диалоги со временем // Альманах интеллектуальной истории. 2007. Вып. № 21. С. 184.

<sup>2</sup> *Bielski M.* Kronika wszytkyego swyata... S. 79.

<sup>3</sup> См. об этом: *Карнаухов Д.В.* История русских земель в польской хронографии... С. 102–103; *Он же.* Легенда о славянских прародителях как фактор этнокультурной самоидентификации чешского и польского народов // Восточная Европа: концерт культур. СПб., 2004. С. 44; *Он же.* Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI в. // Вестн. Евразии. 2000. № 3. С. 35.

В отличие от своих предшественников, Бельский не ограничился описанием польской истории и писал о польских событиях в контексте мировой истории. Историки этого периода старались передать историю своего народа «от самого сотворения мира», с самого начала. Как пишет украинский исследователь А. Момрик, «...возникновение человечества определялось как непрерывное разветвление генеалогического дерева, корни которого исходят из библейской старины. Религиозно-мистическое мировоззрение средневекового человека воспринимало обращение к библейским легендам своеобразной санкцией на существование любого народа, которому, соответственно, находилось место на одной из ветвей библейского дерева»<sup>1</sup>. Подобные историографические концепции, весьма распространенные в эпоху Ренессанса, ставили перед собой задачу не только показать историю происхождения и становления своего народа и государства, но также выразить некие политические постулаты. Как отмечает А.Г. Васильев, версия сарматского происхождения поляков была окончательно разработана и оформлена в польской историографии середины XVI в.<sup>2</sup> Особую роль в утверждении этой концепции в историографии сыграл М. Бельский.

Представляется важной следующая историческая параллель. В Московской Руси этого периода получает широкое распространение теория «Москва – третий Рим». Москва, согласно этой теории, должна стать мировым центром истинного православия как прежде Римская и Византийская империи, павшие из-за отклонения от «истинной веры». Сформулированная в ряде текстов начала XVI в. (Послание старца Филофея московскому великому князю Василию III Ивановичу, Сказание о князьях Владимирских), эта концепция служила обоснованием идеи славянского единства и имела большое значение. В рамках данной работы нет возможности рассмотреть вопрос о разработке этой концепции как выражения имперских амбиций Московской Руси в контексте претензий на все славянские земли.

---

<sup>1</sup> Момрик А. Библейская генеалогия в этногенетических концепциях польских и украинских хронистов. «Mediaevalia Ucrainica: ментальность и история идей». № 5. Режим доступа: <http://zarusskiy.org/history/2008/07/18/genealogiya/>

<sup>2</sup> См.: Васильев А.Г. Сарматизм: Исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности... С. 191.

Сарматская теория, которую поддерживал Бельский, служила своего рода противовесом доктрине «Москва – третий Рим», поскольку оправдывала политику восточной экспансии Речи Посполитой, предьявляя права уже и на Московские земли. Более того, москвиты объявлялись пасынками сарматов, их земли – частью «Сарматии Европейской», которая по праву принадлежит «сарматам», в данном случае – полякам.

Стоит также отметить, что большой заслугой Марчина Бельского является то, что он первым стал писать исторические сочинения на польском языке. Таким образом, события мировой истории стали доступны не только довольно узкому кругу интеллектуалов, знающих латынь, но и широким кругам шляхты, мещан и городского населения.

О.А. Милевский  
ТЕКСТ АПОКАЛИПСИСА  
В ИСТОРИСОФСКОМ НАСЛЕДИИ Л.А. ТИХОМИРОВА

История изучения литературных памятников эпохи иудаизма и раннего христианства имеет давнюю научную традицию. И все же во все времена самое большое внимание исследователей привлекала новозаветная христианская апокалиптика, а в центре изучения традиционно оказывался Апокалипсис, или «Откровение святого Иоанна Богослова». Немало копий было сломано в кругах научной общественности в попытках дать разумное научное объяснение и трактовку пророчеств, содержащихся в тексте этого религиозного сочинения. Данной темой всерьез интересовались В.С. Соловьев, В.В. Розанов, Н.С. Тернавцев, С.Н. Булгаков и др.

Активно использовал текст Апокалипсиса в своих историко-философских исследованиях и Л.А. Тихомиров, тем более что в разрабатываемой им концепции развития мирового исторического процесса решающая роль отводилась именно религиозному фактору. В настоящее время интеллектуальное наследие Л.А. Тихомирова весьма активно изучается, но взгляды мыслителя на исторический процесс и методологию его познания по-прежнему исследованы недостаточно<sup>1</sup>. Этот пробел автор и попытался восполнить в данной статье.

---

<sup>1</sup> См.: *Ефименко А.Р.* Тема эсхатологии в социально-философских концепциях Л.А. Тихомирова // Историко-философская проблема: существо и типологическое многообразие: Материалы конф. молодых ученых. М., 1998. С. 74–80; *Ренников А.В.* Лев Тихомиров – от революции к Апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. Вып. 3 (20). С. 189–198; *Смолин М.Б.* Всеобъемлющий идеал Л. Тихомирова // Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 5–11; *Трифонов А.Г.* Апокалипсические элементы в мировоззрении Л.А. Тихомирова: эсхатологическая история России // Россия в Новое время: Историческая традиция и проблемы самоидентификации. М., 1996. С. 141–143.

Л.А. Тихомиров начал серьезно заниматься изучением текста Апокалипсиса в начале 1900-х гг. и достаточно быстро стал одним из самых авторитетных экспертов в вопросах его толкования, причем комментирующим только для специалистов<sup>1</sup>. В 1907 г. его увлечение апокалипсическими пророчествами нашло выражение в статье «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира», появившейся в журнале «Христианин». В этом теософском сочинении Л.А. Тихомиров предложил свою систему чтения и толкования Апокалипсиса, где многие апокалипсические символы обретали черты политической футурологии.

Так, исходя из учения о семи церквях, Л.А. Тихомиров развивал идею о семи эпохах христианской истории и делал вывод о том, что «наше время должно быть отнесено к пятой эпохе... пятый период Сардийской церкви принадлежит вообще самым печальным», а именно «апокалипсическая характеристика этой эпохи как бы представляет зеркало с отражением нашего псевдохристианского лика», «весь мир теперь только носит имя христианского, но нигде противоположность между именем жизни «Святой Руси», «Православия» и полной мертвенностью веры не поражает нас до такой степени, как в современной России»<sup>2</sup>.

Пытался Л.А. Тихомиров проводить и другие аналогии, например выдвигал гипотезу, что в зашифрованном символе «Жены любодейной» просматривается образ «России, изменившей Богу», ибо, по его мысли, «ни одна нация не сливала так своего гражданско-политического бытия с церковным, как Россия. «Если это печальное предложение верно, – утверждал он, – то и суд над великой любодейкой, и ее уничтожение царями, вассалами антихриста – все это должно исторически быть отнесено к судьбам России. Впрочем, это судьба еще в предстоящем будущем, так как относится к седьмой эпохе. Появление же России в качестве Жены любодейной (если только это она) должно в этом случае отнести как раз к нашей, пятой эпохе»<sup>3</sup>.

При этом отметим, что на истолкование этого ключевого символа Апокалипсиса у специалистов существовали и другие мнения.

---

<sup>1</sup> См.: *Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 159.

<sup>2</sup> *Тихомиров Л.А.* Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира // Апология веры и монархии. М., 1999. С. 461–462.

<sup>3</sup> *Тихомиров Л.А.* Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира... С. 464.



Ряд ученых, в том числе А.Д. Беляев, считали, что под этим символом следует понимать указание на «город» или «царство»<sup>1</sup>. Так говорил и архиепископ Андрей Кесарийский – первый известный толкователь Апокалипсиса, но трактовка его образа «Жены любодейной» крайне противоречива и заслуживает специального разбирательства.

Как видим, в начале XX в. научные изыскания Л.А. Тихомирова в области апокалиптики имели конкретный выход на современную ему российскую историю. Тогда же им была опубликована и еще одна большая статья «О семи апокалипсических церквях», в которой он развивал свое видение апокалипсических пророчеств, используя их как материал для обоснования своей теории развития мировой истории. В двух указанных статьях уже присутствуют те эсхатологические мотивы, которые впоследствии прозвучали в заключительных главах его основополагающего труда «Религиозно-философские основы истории», над которым он работал с конца 1913 по 1918 г.<sup>2</sup>

В книге он представил в законченном виде свою главную идею – определения религиозного фактора как движущей силы всего мирового исторического процесса. При написании труда им была применена принципиально новая методология. Он попытался открыть и выявить качественно иные законы, определяющие все историческое развитие человеческого социума. Центральной мыслью его сочинения являлось доказательство выдвинутого им тезиса о борьбе в человеческом мире на всем протяжении его существования двух мировоззрений: дуалистического и монистического.

На примере огромного исторического и историографического материала, включающего в себя источники периода политеизма, эпохи зарождения и расцвета монотеистических религий – от Каббалы и Талмуда до Библии и Корана, сочинений по истории тайных религиозных обществ и сект, масонства, истории зарождения и падения древних восточных цивилизаций. Л.А. Тихомиров показывал, как на протяжении всей человеческой истории эти два мировоззрения ведут между собой непримиримую духовную

---

<sup>1</sup> См.: *Беляев А.Д.* О безбожии и антихристе. М., 1898.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Милевский О.А.* Религиозная историософия Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований: Сб. науч. тр. преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алт. гос. техн. ун-та. Вып. 8. Барнаул, 2008. С. 153–192.

борьбу, при этом сами никогда полностью не исчезая, но и не смешиваясь между собой, несмотря на часто повторяющиеся в истории попытки их синтезировать. В своей работе он детально проанализировал эту беспримерную духовную борьбу, причем остановился не только на прошлом и настоящем ее периодах, но и попытался заглянуть в будущее человечества, в последующие эсхатологические времена.

Отметим, что созданная им религиозно-философская концепция развития исторического процесса находилась в русле его размышлений над «гипотезой различных категорий бытия», о которой он впервые упомянул в письмах к М.В. Лодыженскому, датированных 1915 г. В соответствии с этой гипотезой существуют «низшие» и «высшие» категории общего бытия. Каждая из этих категорий «имеет свои законы и условия проявления», причем все эти «категории или сферы» признаются «феноменальными»<sup>1</sup>.

Из этого утверждения следовало, что человек, существуя в одной из этих категорий, живет в определенных условиях и подчиняется законам, совершенно несопоставимым с теми, которые действуют в иных категориях бытия. Но Л.А. Тихомиров полагал, что возможно взаимопроникновение между ними. Он представлял такой контакт в виде сфер, «охватывающих одна другую». «Таким образом, – писал Л.А. Тихомиров, – оказывается возможным некоторое общение наше с другими категориями бытия, некоторое восприятие их, чувствуемое и сознаваемое, но не достигающее до представления, по необъяснимости законами нашей категории бытия. Это непонятное восприятие и составляет для нас мистическое. Оно нередко дополняется, как бы переводится на наш язык, символическими представлениями или даже феноменальными проявлениями через законы нашей категории бытия»<sup>2</sup>.

Данные метафизические предположения и нашли у него дальнейшее развитие в исследовании о религиозно-философских основах истории. В нем был представлен более четкий и дополненный вариант «гипотез бытия» в заключительном X отделе под названием «Завершение круга мировой эволюции». Работая над этим разделом, Л.А. Тихомиров пришел к выводу, что «мы, земные существа, познаем и понимаем все на основании законов времени, про-

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Письма к М.В. Лодыженскому (предисловие и публикация В.Н. Назарова) // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 143.

<sup>2</sup> Тихомиров Л.А. Письма к М.В. Лодыженскому... С. 143.

странства и чувственной причинной связи явлений, потому что действительно таковы законы нашей сферы существования. Но наш чувственный мир в общем мировом бытии связан с другими сферами существования, имеющими иные законы, несходные с нашими. В своей же совокупности эти различные сферы бытия могут быть связаны чем-нибудь еще более общим, которое объединяет эти частные законы разнородных сфер бытия каким-то всеобъемлющим законом. Но если так, то мы должны признать, что реальный характер бытия в совокупности и взаимодействии его должен быть далеко не таков, как нам представляется из нашей сферы бытия, в изолированности от других»<sup>1</sup>.

Исходя из этой посылки он и строил свою трактовку символов Апокалипсиса, который, по его мнению, и представлял собой яркий образчик взаимоотношений с той самой иной категорией бытия. Вообще, тема эсхатологии в историософской концепции Л.А. Тихомирова занимает особое место. Во многом это связано и с тем, что, рассматривая и анализируя развитие человеческой истории, он придерживался в целом линейной схемы, применяемой к историческому процессу. «К чему ведет мировой процесс и как он закончится?» – вопрошал он и, развивая мысль далее, подчеркивал, что с христианской точки зрения этот вопрос может быть выражен более ясно: «Как и когда завершится круг мировой эволюции посредством осуществления Царства Божия?»<sup>2</sup>

Используя линейную схему, рассматривая и анализируя цепь событий, Л.А. Тихомиров логично подошел к конечной фазе развития истории человеческого общества, коей и явился у него Апокалипсис. Поэтому анализ и интерпретация этого религиозного текста играли важнейшую роль в разрабатываемой им методологии исторического познания.

«При предшествующем рассмотрении судеб человечества и борьбы его основных мировоззрений мы могли во многом иметь помощь точной науки в ее многообразных исследованиях жизни человечества», – подчеркивал Л.А. Тихомиров. Продолжая свою мысль далее, он предупреждал: «Приступая к эсхатологии, к событиям будущего и к судьбам, предрешаемым внечеловеческой Разумной Мировой Силой, мы теряем возможность прибегать к по-

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 544.

<sup>2</sup> Там же. С. 537.

мощи науки и должны всецело основываться на чистом Откровении и пророческом созерцании»<sup>1</sup>. Свой эсхатологический анализ он основывал на ряде источников пророческого характера. Среди них тексты ветхозаветных пророков, особенно Даниила, новозаветные пророчества Спасителя, апостолов в посланиях и особенно в Апокалипсисе. Работая с этими материалами, он привлек к своему исследованию и огромный массив сопутствующей данной проблеме научной литературы, начиная с трудов Отцов Церкви и кончая современными ему исследованиями. Среди прочих отметим труды К. Оберлена, С. Нилуса, В. Соловьева, Ф. Бейнингена, Епископа Феофана<sup>2</sup> и др.

В работе над «Религиозно-философскими основами истории» Л.А. Тихомиров творчески доработал и развил свои идеи 1907 г. В этом сочинении Апокалипсис для него является «не только предсказанием будущего, но и, что не менее важно, своеобразным свидетельством существования «сфер сверхчеловеческих», мира «духовного и божественного», наконец, свидетельством возможности связи человека (например, посредством «духовного взора») с категориями бытия, имеющими совершенно иной характер, от которых его судьба зависит «гораздо больше, чем от мира материального»<sup>3</sup>.

Исходя из вышесказанного, нельзя не согласиться с мнением исследователя А.Р. Ефименко, отмечавшего, что для Л.А. Тихомирова «было совершенно очевидным, что выразить «послание» из «Мира сверхчувственного», из совершенно другой категории бытия в состоянии лишь символ, символический язык. Поэтому Патмосское Видение Иоанна являлось, в его представлении, характерным образцом общения с высшей сферой бытия и «по необходимости» было изложено при помощи символов и прообразов»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 537.

<sup>2</sup> См.: Оберлен К. Пророк Даниил и Апокалипсис Св. Иоанна. Тула, 1882; Нилус С.А. «Близ есть, при дверех». Сергиев Посад, 1917; Соловьев В.С. Три разговора. М., 1899; Бейнинген Ф.К. «Бодрствуйте! «Се грядет скоро». Второе пришествие Спасителя в 1932/33 году: (Пророчество и история). Вып. 1–2. СПб., 1906; Епископ Феофан. Толкование посланий св. апостола Павла к Филиппийцам и Солунянам. М., 1895.

<sup>3</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 541.

<sup>4</sup> Ефименко А.Р. Тема эсхатологии в социально-философских концепциях Л.А. Тихомирова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://conservatism.narod.ru>.

Основываясь на трактовке посланий Иоанна Богослова семи церквам Азии (Ефеса, Смирны, Пергама, Фиатире, Сардиса, Филладельфии и Лаодакии), как закодированных описаний семи «новозаветных эпох истории», Л.А. Тихомиров считал Апокалипсис некоей зашифрованной хроникой, засвидетельствовавшей борьбу двух постоянно действующих в человеческой истории величин (добра и зла). «В мировом процессе борьбы добра и зла огромна роль свободы человека к добру и злу. От нее зависит успешность действия того и другого, а потому и продолжительность сроков той или иной стадии борьбы, в результате же, следовательно, – и общий срок мировой эволюции», – писал он<sup>1</sup>.

Для Л.А. Тихомирова было очевидным, что Апокалипсис не ставил целью излагать «историю наших царств и цивилизаций», но при этом он «дает созерцание об отражении здесь, на земле, общей вселенской борьбы за Царство Божие, для массы людей даже невидимой, иногда не признаваемой», дает возможность уловить «привхождение борьбы сверхчеловеческой в хронологическое событие земной жизни». Эта борьба, являясь противоборством «реально существующих сил в душе самого человека и в мире, вне его простирающемся», пробуждает в людях «потребность высшего знания, не ограниченного какой-нибудь одной своей стороной»<sup>2</sup>.

В чем-то подход Л.А. Тихомирова сродни мысли, высказанной С.Н. Булгаковым: «Предмет Апокалипсиса есть метаистория, нумеральная сторона того универсального процесса, который одной из своих сторон открывается для нас как история. Это – историческая онтология, в которой раскрывается внутренний механизм мирового исторического процесса. Апокалипсис есть откровение не столько о будущем, сколько о подлинно существующем в вневременных глубинах бытия и соответственно созреванию раскрывающемся в истории. Откровение нужно не только для проникновения в будущее, но и для проникновения через кору феноменов в область нуменов»<sup>3</sup>.

В попытках определить характер и ход этой борьбы, проходящей незаметно сквозь ткань человеческой истории, Л.А. Тихомиров и обращается к религиозным текстам. На основе их анализа он

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира... С. 469.

<sup>2</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 554, 532–533.

<sup>3</sup> Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм: (Религиозно-философские параллели) // Соч: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 413.

рисует картину «предопределенной» общей эволюции мира, которая совершается в соответствии с христианской эсхатологией. Наступление же «конца времен», завершающее этот эволюционный процесс, рисовалось ему явлением своего рода революционным.

Апокалипсис представлялся ему как глобальный катаклизм, в котором «три основные религиозно-философские идеи мировой истории (вера в высшую силу Бога Создателя; вера в силы природы, выражающаяся наиболее полно в человеке, приобретающем власть над Вселенной, и, наконец, признание сатаны главной силой. – *О.М.*) и соответствующие им реальные силы сходятся лицом к лицу в этот короткий промежуток времени, и если эволюционная борьба потребовала долгих тысячелетий, то заключительная развязка совершается с революционной быстротой»<sup>1</sup>.

Поэтому в стремлении разгадать апокалипсические символы, ощутить связь жизни человечества с миром духовным и божественным, Л.А. Тихомиров старается понять и оценить роль происходящих вокруг него событий и процессов в картине общей эволюции мира по направлению к эсхатологической революции и даже предсказать возможный вариант развития будущего. Признаки наступления «последних времен» он обнаруживал в общих тенденциях социального и интеллектуального развития мировой истории, воочию наблюдая негативные последствия влияния идей рационализма, материализма, позитивизма, подрывающих устои традиционных религиозных учений и особенно христианства.

Опираясь на завуалированный текст Откровения, Л.А. Тихомиров полагал, что современная ему действительность – это только предтеча ожидаемых «последних времен». Вступление в эту эпоху откроет «господство у людей того времени языческого мистицизма: они поклоняются идолам, поклоняются бесам и занимаются чародейством». «Мы видим, что в эпоху перед концом мира материализм и атеизм, делающие ныне такие завоевания в народных массах, явятся уже пережитыми, господство же получит демонический мистицизм, соединенный с крайней распущенностью и безнравственностью. На этой почве появится Антихрист», – провозглашал он<sup>2</sup>. При этом, как ни парадоксально это звучит, именно Антихрист явится восстановителем исторической государственности.

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 577.

<sup>2</sup> Там же. С. 579.

«Во времена его господства, – писал Л.А. Тихомиров, – мы не увидим следов прежнего революционного переворота. Опять действуют цари, действуют купцы, производится купля и продажа, и вообще государство Антихриста, хотя и весьма деспотическое, имеет обычный характер государственности, с которой человечество прожило свою историю». Однако положив конец социально-политическому перевороту, который совершили люди, Антихрист «явится перед миром с совершенно новой идеей, несравненно более революционной... Он поведет человечество к перевороту основ бытия, к тому, чтобы приобрести во вселенной божественное значение и силу и свою жажду благ земных удовлетворить тем безграничным могуществом, какое даст этот захват власти Бога»<sup>1</sup>.

Выше уже указывалось, что в своей работе над трактовкой тех или иных пророчеств Апокалипсиса Л. Тихомиров имел многочисленных предшественников, с которыми, впрочем, не всегда соглашался. Так, в отличие от К. Оберлена, еще в 60-е гг. XIX в. высказывавшего мысль, что «жизнь протянется лет на 200», В. Соловьева, ожидавшего конца в самом ближайшем будущем, «также лет через 200», Ф. Бейнингена, посредством расшифровки «пророческой азбуки» определившего «кончину мира в 1932 г.», и С. Нилуса, ждавшего этого в самые ближайшие годы, «даже в 1918–1924 годах», Л. Тихомиров полагал, что «точный срок скрыт от людей, без сомнения, по самим задачам Промысла»<sup>2</sup>.

Невзирая на усиление дезорганизации в России и мире, господство самого оголтелого безбожия и роста насилия в обществе, он не склонен был считать наступившую эпоху последней. «Такие эпохи, к которым принадлежит и наша, по своему характеру действительно составляют «последние времена», – писал он, – но последние ли они хронологически? Этого нельзя знать, потому что если свободная воля людей, хотя бы порожденная гнусным видом «мерзости и запустения» на месте святое, воспрянет снова к Богу, Антихрист, уже готовый войти в мир, снова будет отброшен в бездну»<sup>3</sup>.

При этом им указывалось на то, что «точные сроки жизни мира и окончательной развязки ее скрыты от людей, но не окончательно. Эсхатологические Откровения дают нам возможности видеть по-

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 580–581.

<sup>2</sup> Там же. С. 539.

<sup>3</sup> Там же.

следовательность будущих событий, т.е. замечать существование ряда эпох, в которых мы постепенно подходим к завершению круга эволюции». Эпоху же, в которой проживало человечество в начале XX в., он относил, к «эпохе снятия шестой печати, то есть на переломе от Сардийской церкви к Филадельфийской»<sup>1</sup>.

Обратим внимание, что в отличие от большинства толкователей библейских текстов Л.А. Тихомиров чрезвычайно осторожно относился к перенесению тех или иных событий мировой истории на семь апокалипсических церквей, исходя из того, что они представляют разные уровни бытия. Он был вполне солидарен с мнением ряда ученых, что подобный подход вполне мог привести к значительным погрешностям при трактовке тех ли иных символов и пророчеств, ведь «величайшие всемирно-исторические события в апокалипсической схеме могут оказаться совсем незначительными, а еле заметные в эмпирической истории могут иметь исключительное значение»<sup>2</sup>.

Свидетельством тому является предупреждение Л.А. Тихомирова о некорректности точного соотнесения семи эпох и всех знаковых событий человеческой истории. «Если мы можем считать христианскую историю распадающейся на семь эпох, то ни для одной из этих частей истории нельзя установить точных границ, которые бы отделяли ее от предыдущей и последующей эпохи. Каждая эпоха, – отмечал он, – выражает некоторый, в данное время преобладающий дух или тип... В то время как в одной стране еще продолжается дух прежней эпохи, в других появляются зачатки чего-то иного. Если брать весь мир в совокупности, то различные эпохи захватывают и покрывают одна другую. Иногда невозможно разграничить их многими десятилетиями, а быть может и столетиями»<sup>3</sup>. Подобное очень осторожное и взвешенное отношение к историческому времени выгодно отличает концепцию Л.А. Тихомирова от всех прочих.

Выше уже указывалось, что подход, примененный им, являлся серьезным углублением его более ранних научных разработок. В первых сочинениях, посвященных эсхатологической проблематике, он придерживался более упрощенных схем. Это можно проследить, например, на изменении им трактовки образа «Жены любодейной».

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 569.

<sup>2</sup> Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм... С. 414.

<sup>3</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 557.



В ранних статьях он четко проводил аналогию современной ему России и «Жены любодейной», относящейся к пятой эпохе. На страницах же «Религиозно-философских основ истории» мы уже замечаем у него иное прочтение. Теперь в облике «Жены любодейной» он так же, как и К. Оберлен, видит «выродившуюся уродливость церкви, или павшую церковь». Однако в данном случае это не более чем частное совпадение, в целом же он далек от прямолинейной схематизации событий, в отличие от К. Оберлена.

Впрочем, даже в трактовке символа «Жены любодейной» у них единство не полное. Если К. Оберлен считал, что «Жена, облеченная в солнце (непорочная церковь. – *О.М.*), и Жена любодейная сосуществуют всегда», то Л.А. Тихомиров задается вопросом: «Не в это ли время Сардийскую эпоху, обнаружившую упадок христианства в период Французской революции, а для России (по Л.А. Тихомирову, Сардис наступил позднее, лишь в XIX в. – *О.М.*) должно искать появления «Жены любодейной»?»<sup>1</sup>.

Дальнейшие же изыскания привели Л.А. Тихомирова к выводу, отличному от утверждений К. Оберлена. «Сардийская эпоха, по существу уже мертвенная, конечно, создает материал для Лаодакийской церкви, которая породит «Жену любодейную»... Таким образом, мир в предстоящие эпохи будет представлять особенно резкое сосуществование добра и зла, причем злое начало дает тон жизни, а доброе лишь на краткое время Филадельфийской эпохи особенно заблещет в мире, вообще же будет гонимо до самого пришествия Христа»<sup>2</sup>.

Развивая эту мысль, Л.А. Тихомиров все дальше уходит от традиционных трактовок этого образа. «Должно думать, – пишет он, – что Лаодакийское время будет постепенно переходить во время Жены любодейной, так что между ними нельзя провести точной границы. Дух Жены любодейной, измена Богу и сознательный переход на сторону Его врага будут, вероятно, развиваться уже в то время, когда название христианства еще сохранится, как это было во времена гностицизма. Так назреет отступление, которое будет предшествовать выступлению Антихриста». Иначе говоря, им уточнялся и конкретизировался диапазон трактовки этого ключевого символа Апокалипсиса: «Если Жена Любодейная – изменница,

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 567.

<sup>2</sup> Там же. С. 569–570.

очевидно, что она представляет метаморфозу бывшей Церкви Христовой, то есть части ее», – пишет Л.А. Тихомиров. Далее он углубляет эту мысль: «В то время как Жена, облеченная в солнце, продолжает пребывать чистой Невестой Христа, другая часть бывшей христианской церкви отходит на поклонение «богу иному», вечному врагу Бога истинного»<sup>1</sup>, т.е. Антихристу.

Л.А. Тихомиров не являлся и сторонником хилиастической идеи, как например, К. Оберлен и В. Соловьев<sup>2</sup>. Л.А. Тихомиров полагал, что «эта мечта не основана ни на каких точных обетованиях Откровения... что касается «тысячелетия», его нельзя понимать иначе, как в смысле периода от Вознесения Господа до Второго Его пришествия, так что «тысячелетие» есть не что иное, как время Евангельской проповеди». Делая подобное утверждение, он ссылался на авторитет Андрея Кесарийского<sup>3</sup>.

Столь тщательный подход Л.А. Тихомирова к разбору и трактовке символов Апокалипсиса во многом определялся и событиями мировой истории, очевидцем коих он являлся. В подобной ситуации ему оставалось лишь наблюдать все новые тревожные свидетельства, выявляя на собственной трагической судьбе «истинное происхождение и значение мировых процессов».

Впрочем, нельзя не признать, что его эсхатологизм по своему характеру вполне соответствовал общему руслу апокалипсических настроений, охвативших российскую интеллектуальную элиту и особенно консервативную ее часть в начале XX в. Не веря в дееспособность династии Романовых, большинство думающих представителей консервативного лагеря, по меткому замечанию Н. Бердяева, ожидали «не столько новой христианской эры и пришествия Царства Божьего, сколько царства антихриста»<sup>4</sup>.

Свои апокалипсические изыскания Л.А. Тихомиров не оставлял и после завершения «Религиозно-философских основ истории». С. Фудель вспоминал, что «над темой Апокалипсиса он работал и в

---

<sup>1</sup> Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории... С. 574–576.

<sup>2</sup> См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 635–763.

<sup>3</sup> Л. Тихомиров ссылается на сочинение: Андрей Кесарийский. Толкование Апокалипсиса в славянском переводе по древним спискам и с русским переводом с греческого текста. М., 1889. С. 251.

<sup>4</sup> Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 224.

последние годы жизни, написав «Апокалипсическую повесть». Обстановка, при которой он проводил чтение, также навевала мистические настроения. «Мы сидели в столовой, – писал С. Фудель, – угощением были какие-то очень сдобные лепешки и суррогатный чай без сахара. Лев Александрович пил его с солью. Керосина не было, и горели только две маленькие самодельные коптилки, освещающая на столе больше всего рукопись. Апокалипсис был не только в повести про Лидию, но уже и в комнате»<sup>1</sup>.

Повесть «В последние дни» (с подзаголовком «Эсхатологическая фантазия»)<sup>2</sup>, по сути, послужила своеобразным литературно-художественным приложением к «Религиозно-философским основам истории». Исследователи относят начало ее написания к 18 ноября 1919 г., окончание – 28 января 1920 г.<sup>3</sup> В какой-то мере повесть несла и футурологическую нагрузку – автором изображались картины отдаленного развития человечества. В повести, как в любом художественном произведении, действовали вымышленные персонажи. Не вызывает сомнения и тот факт, что последние российские события, современником которых явился автор, нашли свое отражение в ткани повествования. Сюжет погружает читателя в пучину глубокого религиозного упадка, который переживает человеческая цивилизация.

В своей эсхатологической фантазии Л.А. Тихомиров попытался воссоздать наступление эпохи, при которой мир, уже переживший «господство социализма, стремившегося отлиться в рамки старого коммунизма» и погрузившийся в состояние нестабильности и хаоса из-за того, что «стремления к свободе постоянно прорывались в виде анархического беспорядка, который разрушал все построения коммунизма»<sup>4</sup>, постепенно вступил в царствие Антихриста.

В этом произведении, как и в предыдущих работах, Л.А. Тихомиров вновь обратился к проблеме трактовки образа семи церквей Апокалипсиса. Кроме того, в повести, вслед за статьями прошлых

---

<sup>1</sup> Фудель С.И. Воспоминания // Новый мир. 1991. № 4. С. 183.

<sup>2</sup> Тихомиров Л.А. В последние дни: (Эсхатологическая фантазия) // Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 2002. С. 393–539.

<sup>3</sup> См. подробнее: Сергеев С.М. В последние дни: Примечания // Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 2002. С. 570–575; Репников А.В. Неизвестная мистическая повесть Л. Тихомирова // Эхо: Сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 1. С. 8–12.

<sup>4</sup> Тихомиров Л.А. В последние дни... С. 407.

лет, им дается трактовка апокалипсического оборота «Вавилонская блудница» (она же «Жена любодейная». – *О.М.*) – это «выродившаяся уродливость церкви», или «павшая церковь». И вот, наконец, на фоне первоначально безоговорочного триумфа Антиоха, американца по национальности, выступившего воплощением Антихриста, и развернулась кажущаяся сначала обреченной на поражение борьба с ним последних, истинных христиан. Финал же книги венчает эпическое сражение при Армагеддоне, где совместно действуют как обыкновенные материальные силы, так и психомагические, т.е. нетелесные, духовные силы, сражающиеся на стороне Антихриста против ангелов. Далее события разворачиваются в полном соответствии с текстом Апокалипсиса. В конце концов, после ожесточенной борьбы добра и зла все заканчивалось вторым пришествием Иисуса Христа. В целом, как мы видим, в повести прослеживается традиционный библейский сюжет.

Первые исследователи повести А.В. Репников и С.М. Сергеев небезосновательно указывали, что при ее написании Л.А. Тихомиров ориентировался на сочинения В.С. Соловьева и в первую очередь на «Краткую повесть об Антихристе»<sup>1</sup>. Однако при этом имеются и серьезные отличия. В тексте Л.А. Тихомирова мы можем более отчетливо наблюдать развитие сюжетной линии в строгом соответствии с самим текстом Откровения, щедро цитируемого автором.

Что же касается ключевых отличий позиций В.С. Соловьева и Л.А. Тихомирова, то оно в следующем. У В.С. Соловьева в заключение торжествует идея тысячелетнего царствования, т.е. явно звучат хилиастические нотки и отсутствует Страшный суд. «Когда святой город (Иерусалим. – *О.М.*) был уже у всех на виду, небо распахнулось великой молнией от востока до запада и они увидели Христа, сходящего к ним в царском одеянии и с язвами от гвоздей на распростертых руках. В то же время от Синая к Сиону двигалась толпа христиан, предводимых Петром, Иоанном и Павлом, а с разных сторон бежали еще восторженные толпы: то были все казненные антихристом евреи и христиане. Они ожили и воцарились с Христом на тысячу лет» – так заканчивал свое сочинение В.С. Со-

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Репников А.В.* Лев Тихомиров – от революции к Апокалипсису // *Россия и мир.* Вып. 3 (20). 1998. С. 196–197; *Сергеев С.М.* Комментарии // Тихомиров Л.А. Христианство и церковь. М., 2002. С. 570–571.

ловьев<sup>1</sup>. Л.А.Тихомиров, не приемлющий идей хилиазма, о чем мы уже писали выше, завершил свое эсхатологическое повествование вполне в духе ортодоксального православия: «Свершилось! Воцарился Господь Вседержатель»<sup>2</sup>.

В заключение хотелось бы отметить, что, создавая свои историсофские работы, в которых использовалась принципиально иная методология исторического познания, Л.А. Тихомиров показал себя серьезным специалистом в области анализа и расшифровки раннехристианских текстов, включая и текст Апокалипсиса. Это позволило ему создать своеобразную, хотя и не бесспорную концепцию всей истории человеческой цивилизации от зарождения до последних дней, в которой пророчества Апокалипсиса оказались крайне важным материалом, позволившим Л.А. Тихомирову на метаисторическом уровне заглянуть в будущее человечества. Знакомство с его историсофскими сочинениями позволило нам получить представление о Л.А. Тихомирове как о действительно крупном и неординарном религиозном мыслителе, специалисте по истории раннего христианства и открыло еще одну грань его творчества, ранее мало известную и достойную большего внимания специалистов – религиоведов и философов.

---

<sup>1</sup> Соловьев В.С. Три разговора о войне... С. 761.

<sup>2</sup> Тихомиров Л.А. В последние дни... С. 538.

## НАШИ АВТОРЫ

**Азнабаев Булат Ахмерович** – доктор исторических наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Башкирского государственного университета

**Бянин Владимир Ильич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета

**Бойко Владимир Петрович** – доктор исторических наук, профессор Томского государственного архитектурно-строительного университета

**Бочаров Алексей Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета

**Катионов Олег Николаевич** – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета

**Кладова Нина Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайской государственной педагогической академии

**Карих Елизавета Васильевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета

**Мамсик Тамара Семеновна** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории СО РАН

**Мельчакова Ольга Анатольевна** – старший преподаватель кафедры истории России Уральского государственного университета им. А.М. Горького

**Милевский Олег Анатольевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета

**Рахимов Рамиль Насибуллович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Башкирского государственного университета

**Румянцев Петр Петрович** – кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной истории Томского государственного университета

**Семенов Олег Владимирович** – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России Уральского государственного университета им. А.М. Горького

**Спесивцева Вера Александровна** – старший преподаватель кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета

**Устинов Андрей Леонидович** – преподаватель, соискатель кафедры истории России Уральского государственного университета им. А.М. Горького

**Черкасова Марина Сергеевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии Вологодского государственного педагогического университета

**Чуркин Михаил Константинович** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного университета

**Шевцов Вячеслав Вениаминович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета

**Шиловский Михаил Викторович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

Научное издание

ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА

Выпуск 4

Аналитические практики  
и перспективы современного источниковедения

Редактор *Т.В. Зелева*  
Оригинал-макет: *Д.М. Кижнер*

---

Подписано в печать 25.05.2011.  
Формат 60x 84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.  
Печ. л. 20,0; усл. печ. л. 18,6; уч.-изд. 19,1. Тираж 300. Заказ № 405

---

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4  
ООО «Издательство «Иван Фёдоров», 634026, г. Томск, ул. Розы Люксембург, 115/1